

*Государственный музей
Л. Н. Толстого*

МАТЕРИАЛЫ

НАУЧНЫХ СЕССИЙ 2017 ГОДА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

МАТЕРИАЛЫ

НАУЧНЫХ СЕССИЙ 2017 ГОДА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

*Государственный музей
Л. Н. Толстого*

МАТЕРИАЛЫ

НАУЧНЫХ СЕССИЙ 2017 ГОДА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

PROCEEDINGS

OF THE SCIENTIFIC SESSIONS 2017
IN THE STATE LEO TOLSTOY MUSEUM

Москва
2018

УДК 821.161.1.09:069(06)
ББК 83.3(2=411.2л61я431)
МЗЗ

Ответственный редактор Л. В. Гладкова
Составитель Л. Г. Гладких
Редактор М. К. Тюнькина

МЗЗ Материалы научных сессий 2017 года в Государственном музее Л. Н. Толстого / отв. ред. Л. В. Гладкова; сост. Л. Г. Гладких. — Москва : РГ-Пресс, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-9988-0848-7

УДК 821.161.1.09:069(06)
ББК 83.3(2=411.2л61я431)

Информация о материалах предоставлена в систему РИНЦ по договору № 1307-10/2018К от 16 октября 2018 года.

Издательство не несет ответственности за достоверность, полноту и актуальность содержания произведения. Из содержания этого произведения не могут вытекать никакие правовые притязания к Издательству.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СЕССИЙ 2017 ГОДА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО**

Подписано в печать 08.11.2018. Формат 60×90^{1/16}.
Печать цифровая. Печ. л. 24,0. Тираж 100 экз. Заказ 134338

Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 495 221-89-80

ISBN 978-5-9988-0848-7

© Государственный музей Л. Н. Толстого, 2018
© Авторы статей, 2018

Содержание

МАТЕРИАЛЫ ТОЛСТОВСКИХ ЧТЕНИЙ 2017 г.

Г. Алексеева

Юджин Скайлер о Льве Толстом в эпоху написания «Войны и мира»..... 12

Г. А. Шпилева

О сюжетных функциях цитаты из «революционного» романа

Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в драме Л. Н. Толстого «Живой труп»..... 23

М. В. Строганов

Из опыта работы над декабристской темой в творчестве

Л. Н. Толстого 30

Е. А. Масолова

Восприятие Л. Н. Толстым революционного движения

в России и антропонимы в романе «Воскресение» 37

О. В. Ланская

Философия непротивления злу насилем

в рассказе Л. Н. Толстого «Свечка» 46

Ю. В. Прокочук

Притча о постоялом дворе в контексте религиозных

и социальных воззрений Л. Н. Толстого 53

И. Ф. Салманова

Исповедальность как переживание себя в мире и мира в себе

(на материале поздних дневников Л. Н. Толстого) 64

Т. Т. Давыдова

Влияние поэтики Л. Н. Толстого на творчество

Е. И. Замятина 1930-х гг. 72

В. Д. Серафимова

Л. Н. Толстой и А. П. Платонов

Революция, войны, насилие, концепт детства, типология

(на материале отдельных произведений, дневников, мемуаров) 79

М. Л. Гельфонд

Критика власти в философии ненасилия Л. Н. Толстого 95

<i>А. С. Кондратьев, П. Д. Анисимов</i> Революция в духовном опыте Л. Н. Толстого: константы и переменные национального самосознания	106
<i>А. А. Лисицына</i> Влияние идей Л. Н. Толстого на мировую пацифистскую мысль.....	114
<i>Е. В. Николаева</i> События 1905 года в письме Е. Н. Чирикова к Л. Н. Толстому	120
<i>Л. П. Муромцева</i> Революция 1917 года и судьба В. Ф. Булгакова в России и эмиграции.....	126
<i>С. В. Герасимова</i> Л. Н. Толстой в статьях священномученика Илариона Троицкого: танатология революции	139
<i>М. В. Николаева</i> Сиро-ливанские писатели о Толстом и революции	149
<i>В. Б. Ремизов</i> Социализм по Толстому и культура образования.....	159
<i>Д. А. Степанов</i> Лев Толстой и проблема революционных преобразований в России	182
<i>В. Н. Чисников</i> В. В. Беренштам: «Моя встреча с Л. Н. Толстым в дни октябрьской забастовки (1905 г.)»	189
<i>П. И. Мельников (Давыдов)</i> О новом прочтении статьи В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции»	194

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ФОНДОВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 2017 г.

<i>О. А. Алферова</i> Журнал Люси Маллори «Передовая мысль мира» в яснополянской библиотеке (по материалам личной библиотеки Л. Н. Толстого).....	202
<i>Л. В. Милякова</i> К вопросу атрибуции дарственных надписей на книгах личной библиотеки Л. Н. Толстого	212
<i>В. А. Лещева</i> Коллекция графических работ А. В. Николаева в фондах Государственного музея Л. Н. Толстого.....	220
<i>Т. В. Комарова</i> Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» Мемориальная фотография рассказывает... ..	227

<i>Д. А. Петрова</i> История комплектования и судьба коллекций Государственной Третьяковской галереи в первые годы советской власти	233
<i>Ю. В. Прокончук</i> Материалы о духовном монизме в фонде Н. Н. Гусева (Отдел рукописей ГМТ)	238
<i>Т. М. Осипова</i> Переплетение судеб (по материалам архива семьи Беневских конца XIX — начала XX века)	245
<i>М. П. Кузыбаева</i> Литературное творчество врачей в XX столетии (по материалам музеев истории медицины в России)	251
<i>Е. В. Смирнова</i> Изобразительные материалы Центрального музея Великой Отечественной войны К вопросу формирования и изучения коллекции	258
<i>А. Н. Данилов</i> Сад как элемент индивидуального и общественного престижа	267

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКЕ 2017 г.

<i>Е. В. Бойцова</i> «Живой, растущий человек» (Л. Н. Толстой о И. Е. Репине)	272
<i>Б. В. Абалаева</i> Образовательные программы Российского этнографического музея От запроса к предложению	281
<i>Е. В. Курчакова, И. В. Мартыненко</i> «Софья Андреевна приглашает почитать» (интерактивная семейная программа в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»)	291
<i>Л. Ю. Романьчева</i> Интерактивные занятия по русской классике в залах Государственного музея Л. Н. Толстого (ГМТ): традиции и инновации....	296
<i>Е. Г. Шестакова, Э. Н. Ананьева</i> Ручные поделки Софьи Андреевны Толстой в экспозиции Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Хамовники» — «живой» источник воспитания любви к искусству рукоделия	302
<i>М. В. Андреева</i> Политехнический музей. Открытые фонды	307

<i>Е. А. Васильева</i> Настольные игры в современной музейной практике Проекты Государственного музея истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб).....	311
<i>Г. В. Великовская</i> Музейные формы работы с подростками на туристско-краеведческих слетах.....	316
<i>Е. Б. Гецелева</i> Коллекция серебряных музыкальных инструментов — боевых наград русской армии из фондов Российского национального музея музыки: история и современность.....	325
<i>Е. Б. Добровольская</i> «Для общей пользы...» Гуманистические традиции Императорского Царскосельского Лицея в воспитательной и образовательной деятельности мемориального Музея-Лицея	332
<i>Д. Г. Донсков</i> Конкурсы в музее как метод познания	340
<i>Н. А. Калугина</i> Музей и проектно-исследовательская деятельность школьников	346
<i>С. А. Колосова</i> Растем в музее Циклы занятий для родителей с детьми 3—5 лет.....	354
<i>И. В. Лузинова</i> Интерактивные программы Всероссийского музея А. С. Пушкина для школьников разного возраста (<i>мемориальный Музей-Лицей, мемориальный Музей-дача А. С. Пушкина</i>).....	358
<i>О. А. Майборода</i> Бытовая сторона жизни дворян на примере тематической экскурсии по роману И. С. Тургенева «Отцы и дети».....	365
<i>Ю. Н. Реутова, М. В. Шилунова</i> Четыре года до школы в Историческом музее	369
<i>Т. С. Карасева</i> Политические репрессии — трагедия народа, трагедия семьи (<i>из опыта организации и проведения историко-краеведческих конференций в образовательных учреждениях г. Тверь и Тверской области</i>).....	376
Сведения об авторах.....	381

Contents

PROCEEDINGS OF THE TOLSTOY CONFERENCE 2017

<i>G. Alekseeva</i> Eugene Schuyler on Leo Tolstoy in the epoch of writing <i>War and Peace</i>	12
<i>G. A. Shpilevaya</i> On the plot functions of citing Nikolay Chernyshevsky's «revolutionary» novel <i>What is to Be Done?</i> in Leo Tolstoy's drama <i>The Living Corpse</i>	23
<i>M. V. Stroganov</i> As derived from the experience of studying the Decembrist theme in Leo Tolstoy's creative work	30
<i>E. A. Masolova</i> Leo Tolstoy's perception of the revolutionary movement in Russia, and anthroponyms in the novel <i>Resurrection</i>	37
<i>O. V. Lanskaya</i> Philosophy of nonresistance in Leo Tolstoy's story <i>The Candle</i>	46
<i>Yu. V. Prokopchuk</i> The parable of the hostelry in the context of religious and social beliefs of Leo Tolstoy	53
<i>I. F. Salmanova</i> Confession as the experience of oneself in the world and of the world in oneself (<i>on the basis of Tolstoy's later diaries</i>).....	64
<i>T. T. Davydova</i> The impact of Leo Tolstoy's poetics on the creative work of Evgeny Zamyatin in the 1930s	72
<i>V. D. Serafimova</i> Leo Tolstoy and Andrey Platonov <i>Revolution, wars, violence, concept of childhood, typology (on the basis of different works of fiction, diaries, memoirs)</i>	79
<i>M. L. Gel'fond</i> Criticism of power in Tolstoy's nonviolence philosophy	95

<i>A. S. Kondratyev, P. D. Anisimov</i> Revolution in the spiritual experience of Leo Tolstoy: constants and variables of the national self-consciousness	106
<i>A. A. Lisitsyna</i> The influence of the ideas of Leo Tolstoy on the world pacifist thought.....	114
<i>E. V. Nikolayeva</i> Events of 1905 in the letter of Evgeny Chirikov to Leo Tolstoy	120
<i>L. P. Muromtseva</i> The Russian Revolution of 1917 and the fate of Valentin Bulgakov in Russia and in exile	126
<i>S. V. Gerasimova</i> Leo Tolstoy in the articles of Hieromartyr Ilarion Troitsky: tanatology of revolution..	139
<i>M. V. Nikolaeva</i> The Siro-Lebanon writers on Tolstoy and revolution.....	149
<i>V. B. Remizov</i> Tolstoy's socialism and the culture of education	159
<i>D. A. Stepanov</i> Leo Tolstoy and the problem of revolutionary transformations in Russia.....	182
<i>V. N. Chisnikov</i> V. V. Berenstam: «How I met Leo Tolstoy in the days of October strike (1905)»	189
<i>P. I. Melnikov (Davydov)</i> On the new reading of Vladimir Lenin's essay <i>Leo Tolstoy</i> <i>as the Mirror of the Russian Revolution</i>	194

PROCEEDINGS OF THE MUSEUMS AND COLLECTIONS CONFERENCE 2017

<i>O. A. Alferova</i> Lucy Mallory's magazine <i>The World's Advance Thought</i> in the library at Yasnaya Polyana (<i>on the basis of Leo Tolstoy's personal library</i>)	202
<i>L. V. Milyakova</i> On the issue of attribution of gift inscriptions on the books of Leo Tolstoy's personal library	212
<i>V. A. Leshcheva</i> Graphic works of A. V. Nikolayev in the collection of the State Leo Tolstoy Museum.....	220
<i>T. V. Komarova</i> Leo Tolstoy Museum-Estate «Yasnaya Polyana» Memorial photography tells a story... ..	227

<i>D. A. Petrova</i>	
The history of acquisition and retaining of the State Tretyakov Gallery collections in the early years of the Soviet regime	233
<i>Yu. V. Prokopchuk</i>	
Materials on spiritual monism in the N. Gusev Collection (Manuscript department of the State Leo Tolstoy Museum)	238
<i>T. M. Osipova</i>	
Entwinement of Fates (<i>on the basis of the archives of the family Benevsky</i>)	245
<i>M. P. Kuzybayeva</i>	
Literary creativity of doctors in the 20th century (<i>on the basis of the materials in the museums of medical history in Russia</i>)	251
<i>E. V. Smirnova</i>	
Collection of drawings and prints in the Central Museum of the Great Patriotic War	
<i>On the issue of acquisition and studying</i>	258
<i>A. N. Danilov</i>	
A garden as an element of individual and social prestige	267

PROCEEDINGS OF THE SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE ON THE MUSEUM PEDAGOGICS 2017

<i>E. V. Boytsova</i>	
«A lively, upgrowing man» (Leo Tolstoy on Ilya Repin).....	272
<i>B. V. Abalayaeva</i>	
Educational programs of the Russian Museum of Ethnography	
From the request to the offer.....	281
<i>E. V. Kurchakova, I. V. Martynenko</i>	
«Sofia Andreevna invites to read»	
(interactive family program at the Leo Tolstoy Museum-Estate «Yasnaya Polyana»)	291
<i>L. YU. Romancheva</i>	
Interactive excursions into the Russian classics	
at the State Leo Tolstoy Museum: traditions and innovations	296
<i>E. G. Shestakova, E. N. Ananyeva</i>	
Sophia Andreyevna Tolstaya's hand-made works in the exposition of the Leo Tolstoy Museum-Estate «Khamovniki» is «an alive» source of upbringing of love to the art of needlework	302
<i>M. V. Andreeva</i>	
The Polytechnic Museum. Open Collections	307

<i>E. A. Vasilyeva</i>	
Table games in contemporary museum practice	
Projects of the State Museum of the History of St. Petersburg.....	311
<i>G. V. Velikovskaya</i>	
The museum forms of work with teenagers during the Tourist and Regional Research rallies.....	316
<i>E. B. Getseleva</i>	
Collection of silver musical instruments — military rewards of the Russian army within the corpus of the Russian National Museum of Music: history and nowadays	325
<i>E. B. Dobrovol'skaya</i>	
«For the benefit of all...»	
Humanistic traditions of the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum in educational work of the Memorial Museum-Lyceum	332
<i>D. G. Donskov</i>	
Museum competition programs as a method of learning	340
<i>N. A. Kalugina</i>	
The museum and the project-researching activities of schoolchildren	346
<i>S. A. Kolosova</i>	
We are growing in museum	
Cycles of excursions for parents with children of 3–5 years old	354
<i>I. V. Luzinova</i>	
Interactive programs for schoolchildren of different ages in the National Pushkin Museum (<i>Memorial Museum-Lyceum,</i> <i>Memorial Museum — Summer Cottage of Alexander Pushkin</i>)	358
<i>O. A. Mayboroda</i>	
The household aspect of life of the nobility on the example of a thematic tour based on the novel by Ivan Turgenev <i>Fathers and Sons</i>	365
<i>Yu. N. Reutova, M. V. Shipunova</i>	
Four preschool years at the Historical Museum.....	369
<i>T. S. Karaseva</i>	
Political repressions — a people's tragedy, a family's tragedy (<i>on the experience of organization and carrying</i> <i>of historico-regional conferences in the educational institutions</i> <i>of Tver and Tver's province</i>)	376
Information about the authors	381

**Материалы
Толстовских чтений
2017 г.**

**Proceedings
of the Tolstoy Conference
2017**

Г. АЛЕКСЕЕВА
G. ALEKSEEVA

**Юджин Скайлер о Льве Толстом
в эпоху написания «Войны и мира»**
**Eugene Schuyler on Leo Tolstoy
in the epoch of writing *War and Peace***

Аннотация

Юджин Скайлер (1840–1890) – американский дипломат, один из первых американцев, получивших степень доктора наук от университета в Йейле. Деятельность его многогранна: он и дипломат, и путешественник, и писатель, и, что для нас особенно интересно, первый переводчик сочинений Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева. Скайлер познакомился с Толстым в 1860-е гг., в период его работы над «Войной и миром», и опубликовал свои воспоминания о нем в английских и американских журналах. На русский язык они были переведены в 1890 г. и опубликованы в журнале «Русская старина».

Abstract

Eugene Schuyler, an American diplomat, was one of the first Americans who received his PhD from Yale. He was not only a professional diplomat but also a traveler, a writer, and a translator. He is of particular interest to us as the first American translator of Leo Tolstoy's and Ivan Turgenev's works. He met Tolstoy in the 1860s, a very important period in Tolstoy's life when he was working on *War and Peace*. Schuyler published his essays about Tolstoy in English and American magazines. They were translated and published in Russia in *Russkaya Starina* in 1890.

Ключевые слова: Писатель, дипломат, переводчик, роман-эпопея, переписка, воспоминания.

Keywords: writer, diplomat, translator, epic novel, correspondence, recollections.

Толстой, как известно, принадлежит к недлинному списку писателей XIX века, воспоминания о которых стали появляться уже при их жизни. Мы знаем целый ряд воспоминаний о Толстом последних

десятилетий его жизни, написанных как русскими, так и иностранными современниками писателя. Что же касается периода 1860-х гг., то число воспоминаний значительно меньше, и уже совсем мало очерков, воспоминаний об этом периоде, написанных иностранными авторами, поэтому мемуары первого американского переводчика Л. Н. Толстого Юджина Скайлера нам особенно интересны. Юджин Скайлер (1840–1890) — американский дипломат, один из трех первых американцев, получивших степень доктора наук от американского университета в Йейле. Деятельность его многогранна: он и дипломат, и путешественник, и писатель, и, что для нас представляет наибольший интерес, первый переводчик сочинений Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, а также первый редактор английского перевода финского эпоса «Калевала». Познакомившись с Толстым в 1860-е гг., в такой важный во всех отношениях период жизни русского писателя, он опубликовал свои воспоминания в английских и американских журналах (например, в: «Evening Post of New York», 27 Nov. 1868), на русский язык они были переведены в 1890 г. и опубликованы в журнале «Русская старина». «Мемуарная литература, — как пишет Л. Я. Гинзбург, — в выдающихся своих образцах — является полноценным материалом для изучения разных принципов изображения человека»¹. Примечательно, что в то время, как Толстой изучал мемуарную литературу для создания своих персонажей эпопеи «Война и мир», Скайлер, наблюдая за Толстым, уже мысленно начинал работать над собственными мемуарами, которые впоследствии будут помогать изучать самого Толстого этого периода.

Юджин Скайлер провел на дипломатической службе в России десять лет, прибыв туда в 1866 г.; в 1866–1868 гг. он являлся консулом США в Москве, в 1868–1876 гг. состоял в должности секретаря Посольства США в Петербурге. Он много путешествовал по бескрайним просторам Российской империи, встречался с интересными людьми, одним из которых был Лев Толстой. В 1869 г. в нью-йоркском журнале «Hours at Home» Скайлер опубликовал рассказ Толстого «Севастополь в мае» в собственном переводе, а в 1878 г. осуществил перевод повести «Казачи». Толстой писал по этому поводу И. С. Тургеневу 27 октября 1878 г.: «Переведенных по-английски “Казачков” мне прислал Скайлер, кажется, очень хорошо переведено» (Юб. Т. 62, с. 446), тем не менее, перевод повести прошел незамеченным. Еще ранее жена писателя Софья Андреевна записывает в своем дневнике 18 октября 1878 г.: «Сегодня получила<...> от Скайлера перевод на английский — “Казачки”, довольно хорошо»². У. Ролстон, известный английский переводчик русской литературы, писал: «...американский литератор Ю. Скайлер, бывший консул Соединенных Штатов в Москве, опу-

бликовал свой перевод “Казаков” Толстого. Повесть была встречена в Англии и Америке с огромным интересом»³.

Встреча Толстого и Юджина Скайлера, американского консула в Москве, происходит в салоне у князя В. Ф. Одоевского, камергера двора, человека пушкинского окружения, пушкинской эпохи, писателя, музыканта, юриста, ученого. Скайлер пишет об Одоевском: «Несмотря на то, что он был первый аристократ в России, он, может быть, был величайший демократ. В его знаменитом и любопытном кабинете, в котором все русские писатели, от Пушкина до графа Толстого, так часто беседовали, где сидели Глинка и Берлиоз <...> где бывали императоры и великие князья, — все были равны и совершенно дома. С самым мелким чиновником обходились одинаково, как с министром или с послом»⁴.

И в этом гостеприимном доме на Смоленском бульваре в Москве осенью 1867 г. появляется дипломат Юджин Скайлер по представлению Тургенева. «Здесь, — как пишет Скайлер, — я однажды вечером встретил графа Льва Толстого, старого знакомого князя и который, сверх того, был дружен со многими московскими дамами, большими приятельницами княгини, которые в это время доставляли ему материалы для его романа “Война и мир”, который он тогда медленно писал. Я был весь увлечен им, и в конце вечера сказал княгине, чтобы она пригласила меня для того, чтобы его видеть. Она отвечала, смеясь: “это ни к чему не поведет, потому что из него ничего не сделаете: он очень дик и нелюдим”»⁵. Тем не менее Скайлер на следующий день был у Толстого, «которого нашел окруженным книгами и бумагами, в маленькой квартире, уступленной ему приятелем. Далекое не медведь, он мне, напротив, показался чрезвычайно любезным. Знакомство наше продолжалось до того, что он вдруг предложил мне сделать путешествие на юго-восток от Оренбурга, к границе Азии, и он не только снабдил меня письмами к различным его родственникам и друзьям, с которыми мне будет приятно встретиться, но к тому же убедительно пригласил меня приехать в его деревню осенью и оставаться там, сколько мне будет угодно и насколько я перенесу его привычки. При наступлении осени приглашение было повторено»⁶. Скайлер провел в Ясной Поляне неделю.

3 октября 1868 г. Скайлер выехал из Москвы пятичасовым вечерним поездом, «и, миновав Тулу, — русский Бирмингем и Шеффилд, — проехав около 120 миль на юг от Москвы, прибыл в Ясную Поляну около 2 часов ночи»⁷. На станции Ясенки Скайлера ждала карета, которую выслал Толстой, но погода была дождливой, дороги развезло и до усадьбы пришлось добираться полтора часа. На следующий день, к 11 часам, как ему было сказано, он появился в столовой к утренне-

му кофе. В углу он заметил «стеклянный шкаф (киот), наполненный священными картинами, образами, или, как здесь называют, иконами старого стиля, очевидно писанными до начала раскола и покрытыми богатыми драгоценными камнями; кроме того, с крестами, четками и мощами <...>. Я позже узнал, что это была комната г-жи Юшковой, тетки графа, которая пеклась о нем с самого юного возраста его и которая продолжала жить с ним»⁸. В гостиной он познакомился с членами семьи Толстого: «Графиня Софья Андреевна, очаровательная, высокая, стройная и красивая женщина, около 24 лет, дочь немца <...>; трое детей»⁹. «Граф носил серую блузу со складками и поясом, не совершенно охотничью жакетку, но похожую на крестьянскую сорочку, и которая служила ему обычным костюмом в деревне. Разговор в семействе велся обыкновенно на английском языке, во всяком случае в присутствии детей. <...> Граф и я курили, разговаривали и играли час или около двух на фортепиано, и это бывало всегда, когда дождь не позволял выходить из дому»¹⁰.

В свои воспоминания Скайлер вкрапляет отрывки из произведений Толстого разных лет. Под впечатлением от разговоров с Толстым он так описывает начало его писательской деятельности: «Новое окружающее его возбудило перемену в его натуре, и Толстой начал писать. <...> Интересно, что в самом начале уже находятся зародыши тех трех различных направлений, которым он следовал, сплетенных в его последних и лучших сочинениях, а также зародыш его недавнего философско-религиозного фазиса. Основы были положены для некоторых других коротких очерков, и особенно в рассказе “Казак”», и в некоторых случаях предположения были передаваемы на бумагу»¹¹.

Скайлер из разговоров с Толстым заключил, что Тургенев «может быть, был самым горячим его другом, хотя был постоянным предметом его насмешек». Толстой сообщил Скайлеру, что «фамилия его происходит от датчанина Дика, который, приехав в Россию, перевел свое имя на соответствующее Толстой (толстый)»¹².

Скайлер особенно подробно останавливается на эпопее «Война и мир», потому что встречался с Толстым и много общался именно в период ее написания, следил за изданием этого произведения, много говорил с Толстым о нем. Так, Толстой ему рассказал о замысле повести «Декабристы», из которой и выросла эпопея. В деятельности тайных обществ принимали участие и родственники Толстого, отмечает Скайлер, подчеркивая, как глубоко интересовала Толстого вся эта декабристская тема и как несколько раз он принимался за написание повести, но остались всего лишь три главы, впоследствии опубликованные Толстым. Скайлер рассказывает, как Толстой искал архивные материалы для «Войны и мира»: записки, дневники, письма;

как многие московские старики, помнившие пожар Москвы, помогали ему в этом. Хотя, замечает Скайлер, жизнь в России, в Москве, в деревнях вплоть до Крымской войны мало изменилась со времен 1812 г. и Толстой ее описал бы в любом случае предельно верно, тем не менее ему необходим был «дух времени, которым были воодушевлены люди 1812 года»¹³, а этот дух могли передать только документы эпохи.

Скайлер интересовался прениями, которые развернулись в обществе вокруг французской оккупации и пожара Москвы, «о которых Толстой всегда высказывался в одинаковых более строгих выражениях, чем те, которые впоследствии употребил в своем романе, приписывая пожар единственно случайности. Он показал мне большую библиотеку, состоящую из избранных им для его исследований книг, и указал некоторые интересные записки и памфлеты, весьма редкие и мало известные. О Ростопчине он говорил с большим презрением. Ростопчин всегда отрицал, что он имел участие в пожаре Москвы до тех пор, когда находил нужным оправдывать себя. Французы приписывали пожар ему, и впоследствии, во время пребывания во Франции, после реставрации, это считалось славным актом патриотизма. Сперва он принял это со скромностью, а после бессовестно хвастался этим»¹⁴.

Во время посещения Скайлером Толстого он «был все еще занят изучением масонства и прилежно читал мистические сочинения Новикова и других с единственной целью начать психологическую историю первых времен столетия, не имея вовсе намерения отыскать высшей пользы этих мнений для человечества. Он просто вычитывал — если хотите, доискивался — характер Петра [Пьера — Г.А.], и не должно представлять себе участие Петра в масонстве как опыт или умственный процесс Толстого»¹⁵.

Скайлер пишет: «Я говорил Толстому о первом моем знакомстве с Тургеневым в Баден-Бадене, за год перед тем, который советовал мне, если я желаю сделать нечто более, перевести “Казakov”, которых он считал прелестнейшим и совершеннейшим произведением русской литературы. Я просил Толстого дать мне позволение на перевод, которое и было охотно дано, но я сперва попробовал перевести один из “Очерков Севастополя” [“Севастопольских рассказов” — Г.А.], так что я начал “Казakov”, когда переменял свой пост, и разные обязанности отложили окончание моего перевода на целые десять лет»¹⁶.

Возвращаясь к Тургеневу, Скайлер пишет: «Толстой глубоко оплакивал смерть Тургенева и, говоря о его нежной любящей натуре, скорбел, что писатель, столь художественный в высшем смысле и столь преданный России, должен был провести лучшие и зрелые годы за границей, вдали от искренних друзей и вдали от собственного семейства»¹⁷.

Долгое время считалось, что первым переводом Толстого в Америке был перевод «Казак» Юджина Скайлера 1878 года, но в результате работы над научно-библиографическим описанием личной библиотеки Л. Н. Толстого удалось в собрании периодических изданий на иностранных языках обнаружить экземпляр нью-йоркского журнала «Hours at Home» 1869 года с переводом одного из «Севастопольских рассказов»¹⁸. То есть почти на десять лет раньше, как пишет он сам, и именно вскоре после встречи с Толстым Скайлер его и перевел! В личной библиотеке писателя сохранились и прижизненные издания переводов «Казак» — London, 1878 и New York, 1887¹⁹. Таким образом, из воспоминаний Скайлера можно было узнать, что он перевел один из «Севастопольских рассказов», но был ли он опубликован и где, удалось установить относительно недавно.

Скайлер помогал Толстому приводить в порядок его библиотеку и заметил, что «собранию сочинений Ауэрбаха было дано первое место на первой полке, и, вынув два тома "Ein neues Leben"», Толстой сказал мне, чтобы я прочел их, когда лягу спать, как весьма замечательную книгу, и прибавил:

— Этому писателю я обязан, что открыл школу для моих крестьян и заинтересовался народным образованием. Когда я во второй раз вернулся в Европу, я посетил Ауэрбаха, не называя себя. Когда он вошел в комнату, я сказал только: «Я Евгений Бауман», и когда он показал сомнение, я поспешил прибавить: «Не действительно по имени, но по характеру»; и тогда я сказал ему, кто я, как сочинения его заставили меня думать и как хорошо они на меня подействовали»²⁰.

Следующей зимой Скайлер оказался в Берлине на несколько дней в доме американского посла Банкрофта и встречался с Ауэрбахом и подружился с ним.

«В разговоре о России мы говорили и о Толстом, и я напомнил ему об этом случае.

— Да, — сказал он, — я всегда вспоминаю, как я испугался, когда этот странно глядевший господин сказал мне, что он Евгений Бауман, потому что я боялся, что он будет грозить мне за пасквиль или диффамацию»²¹.

В личной библиотеке Толстого сохраняется собрание сочинений Ауэрбаха в 20 томах²², кроме того, имеются отдельные издания его произведений, на некоторых томах — следы чтения Толстого²³. Евгений Бауман — герой романа Ауэрбаха «Новая жизнь». По мнению некоторых литературоведов, Левин отдаленно напоминает Евгения Баумана, или графа Евгения Фалькенберга. Деревенские рассказы Ауэрбаха оказали большое влияние на Толстого своей естественно-

¹ «Новая жизнь» (нем.).

стью и описанием крестьянской жизни. Именно «Шварцвальдские деревенские рассказы» сделали Ауэрбаха знаменитым писателем-народником, певцом немецкой деревни, что чрезвычайно импонировало Толстому. А нравственные правила романа «Новая жизнь», которые, как отмечает Эйхенбаум, восходят к Руссо, во многом оказали моральную поддержку Толстому в пору его творческого и жизненного кризиса конца 1850 — начала 1860-х гг., когда Толстой метался между западниками и славянофилами, не находя ни в Петербурге, ни в Москве в спорах «теоретиков» ответов на мучившие его вопросы²⁴. Он жаждал практической деятельности, и именно Ауэрбах укрепил его в этом стремлении.

Юджин Скайлер передает содержание своей беседы с Толстым: «"Ein neues Leben" естественным образом подало нам повод говорить о крестьянских школах и вообще о крестьянском сословии, о результатах эмансипации. Граф говорил мне о деревне, прилегающей к разрушенным столбам больших ворот парка.

“Дома были — бедные одноэтажные лачуги, — я выписываю из письма моего, писанного тогда из Ясной Поляны, — выстроенные вообще из бревен; каменные дома не считались теплыми. Вход был внутри двора, с одной стороны которого были сараи для скота и лошадей из плетеных лоз и покрытые соломой, с другой стороны — дверь в избу, которая обыкновенно состоит из одной комнаты в два маленькие окна, каждое с двойной рамой от холода. Здесь нет потолка и комната открыта к покрывающей избу соломенной крыше. Пол в некоторых земляной, но большую часть кирпичный или деревянный. Большая кирпичная печь содержит тепло в доме. Редко здесь более одного стула, но шероховатые скамьи расположены по бокам комнаты и один или два стола. <...> Крестьянские избы в этой части России может быть хуже всех других. На севере России, где лес в изобилии, хотя крестьяне в настоящее время беднее, они имеют большие и лучшие избы и более утвари. Все крестьянские избы, которые я видел на Волге или даже на сто миль далее в Самарской губернии, где лес так редок, что для топлива употребляют навоз, — гораздо больше, обыкновенно в две или даже три комнаты; в них более домашней утвари, и есть хорошие резные шкапы для образов и для глиняной посуды”»²⁵. Далее он подробно описывает скудный крестьянский быт деревни Ясная Поляна, занятия яснополянских крестьян. В одной из изб он встретил «весьма умного мальчика лет четырнадцати, который знал нечто об Америке и имел прекрасное начальное образование»²⁶.

«В деревне нет церкви, но на полдороге от нее до деревни ближайшего помещика есть красивая старая церковь во имя св. Николая Муравейника, от чудотворной иконы св. Николая, найденной буд-

то бы в муравейниках в соседстве. Мне говорили, что поп не имеет решительно никакого влияния на свою паству. Крестьяне набожны, но почитают более помещиков, чем священников и подчиняются влиянию обоих на добро и зло. Здесь, как и во всех деревнях, близких к большой дороге, нравственность не хороша»²⁷. Скайлер отмечает, что в яснополянской деревне мужчины все ямщики и извозчики, а земля обрабатывается большей частью женщинами.

Скайлер поинтересовался влиянием на народ эмансипации. Толстой ответил, что «он был один из поддержавших эту меру и один из исполнителей — мировой посредник, — но что теперь (1868 г.) он думает, что мера эта принята слишком рано, что она принята только по обсуждению теоретиками, а не как в Западной Европе, по требованию народа или по необходимости обстоятельств. Насколько дело идет до материального положения крестьян, он полагает, что эмансипация была вредна. <...> Крестьяне его имеют три десятины земли на душу в общем владении, за которые платится по три рубля с десятины подати. Им предоставлено право выкупить эту землю по 50 руб. за десятину и даже могут купить за 30 руб.; но, насколько ему известно, ни один крестьянин в его уезде не приобрел земли и не поселился на ней, как в других деревнях, хотя многие из них не имеют недостатка в средствах. Крестьяне рады работать как можно менее и предпочитают проводить большую часть времени в кабаках. К несчастью, около самого времени эмансипации цены на водку были очень понижены, и это увеличило пьянство. Ныне предлагают вновь поднять цены и ограничить свободу торговли вином»²⁸.

Переходя к теме народного образования, Скайлер пишет: «Так как роман Ауэрбаха в особенности направил мысли Толстого на предмет народного образования, то в открытии школы он согласовался только с духом времени — филантропия тогда была в моде — для удовлетворения своих собственных личных желаний делать добро, — желаний, общих всем либеральным людям в тот период эмансипации. В 1862 году в этом маленьком уезде, имеющем около 10 тысяч жителей, было 14 хороших школ, кроме 10 маленьких, где преподавали церковные служители или старые солдаты или которые были просто для детей дворовых различных имений»²⁹. Далее он подробно описывает яснополянскую школу Толстого, в которую ходило 40 мальчиков и девочек.

Сам Толстой проводил там все свои вечера и учил русскому языку, библейской истории, пению и рисованию. Толстой показал Скайлеру и журнал «Ясная Поляна», который он отыскал и который в конце 1860-х гг. уже был редкостью. Скайлер заключил, что школа Толстого «была свободна во многих отношениях, потому что не было никакого покушения вводить порядок или дисциплину, а преподавались только

такие предметы, которые интересовали учеников и только насколько этот интерес продолжался»³⁰. Объясняя Скайлеру, как он выбирал метод преподавания в своей школе, Толстой говорил:

«— Войдя тотчас в самые тесные личные отношения с сорока маленькими людьми, составлявшими мою школу (я называю их маленькими людьми, потому что нашел в них те же самые черты: пронизательность и большое знание практической жизни, веселость, простоту, прямую скороспелость, присущие вообще русским крестьянам); усматривая их впечатлительность и готовность приобрести то знание, которое им нужно, я немедленно почувствовал, что старое церковное учение отжило свой век и не последовало ему. После этого я пробовал методы, предлагаемые педагогическими писателями, особенно немецкими, и нашел, что они не годятся, и тем более — особенно, где старались учить наглядно или по слуху — были не по вкусу ученикам, которые часто над этим смеялись. Принуждение было противно моему взгляду, и поэтому, когда я находил, что предмет не нравится, я искал нечто такое, чему ученики были рады учиться»³¹.

Толстой заявил Скайлеру, что единственно хорошая метода та, «которая удовлетворяет учеников»³².

Особенно Толстого, заметил Скайлер, волновал метод обучения чтению. «Он много меня расспрашивал о новых методах, употребляемых в Америке, и по его просьбе я мог доставить ему — я думаю, благодаря любезности г. Гаррисона, из «Nation» — хороший выбор американских начальных и элементарных способов обучения чтению»³³. Многие из этих учебных пособий сохраняются в личной библиотеке и сейчас. Скайлера удивило, что Толстой не видел необходимости обучать мальчика истории и географии до поступления в университет, более того — он видел в этом вред. Но делал исключение для Священной истории и вообще Библии, особенно Ветхого завета. Он считал: «Для того, чтобы открыть ученику новый мир и без знания заставить его полюбить знание, нет книги, кроме Библии. <...> я не знаю произведения, которое бы соединяло в себе в столь сжатой поэтической форме все те стороны человеческой мысли, какие соединяет в себе Библия»³⁴.

Любопытно, что в доме Толстого Скайлер встретил тетку писателя П. И. Юшкову, с мужем которой, генералом Юшковым, участником войны 1812 года, он встречался в Казани в 1867 г. по рекомендации Толстого.

Свои воспоминания о Толстом, значительная часть которых была опубликована в англо-американских изданиях в 1868—69 гг., Скайлер заканчивает уже в 1880-е гг. Встреча Толстого и Скайлера осенью 1868 г. в Ясной Поляне была последней, но отношения между ними продолжались: Скайлер состоял с Толстым в переписке, переводил

его сочинения, следил за его творчеством, интересовался его религиозными взглядами, хотя ценил Толстого прежде всего как писателя, художника.

Воспоминания Скайлера отличаются строгой документальностью, некоторые факты, изложенные Толстым, он потом проверял по источникам, дополнял, что-то вновь уточнял у Толстого. Воспоминания, несомненно, помогают и англоязычным, и русскоязычным читателям реконструировать период 1860-х гг., очень важный для Толстого во всех отношениях, — время преодоления творческого кризиса, время семейного счастья и, наконец, время написания «Войны и мира». Хотя, как и все другие воспоминания, мемуары Скайлера по-своему субъективны и говорят не только о Толстом, но, разумеется, и о самом авторе воспоминаний, тем не менее, этот подлинный источник передает дух времени, атмосферу салона князя Одоевского и дома Толстого в Ясной Поляне периода написания «Войны и мира», а также работы Скайлера над первым переводом Толстого на английский язык.

¹ Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 94.

² Толстая С. А. Дневники: в 2 т. Т. 1: 1862—1900. М., 1978. С. 98.

³ Литературное наследство. Т. 75: Толстой и зарубежный мир. Кн. 1. М., 1965. С. 305.

⁴ Граф Лев Николаевич Толстой: Воспоминания Евгения Скайлера / пер. с англ. А. Ф. Т. // Русская старина. Т. LXVII. СПб., 1890, июль—сентябрь. С. 632.

⁵ Там же. С. 634.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 635.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 641—642.

¹² Там же. С. 644.

¹³ Там же. С. 650.

¹⁴ Там же. С. 653.

¹⁵ Там же. С. 655.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Граф Лев Николаевич Толстой (окончание) // Русская старина. Т. LXVIII. СПб., 1890, октябрь—декабрь. С. 261.

¹⁸ Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1: А—L. Ч. 2: М—Z, А—Я. Т. 4: Периодические описания на иностранных языках [В рукописи]. Файл Н.

¹⁹ Там же. С. 441—442.

²⁰ Русская старина. Т. LXVIII. С. 261–262.

²¹ Там же. С. 262.

²² *Auerbach V.* Gesammelte Schriften. 20 Bde. Stuttgart, 1857–1858 // Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1: А–Л.

²³ Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной поляне. С. 60–64.

²⁴ *Эйхенбаум Б. М.* Работы о Льве Толстом. СПб., 2009. С. 377.

²⁵ Русская старина. Т. LXVIII. С. 262–263.

²⁶ Там же. С. 264.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 264–265.

³⁰ Там же. С. 267.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 268.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 269.

Г. А. ШПИЛЕВАЯ
G. A. SHPILEVA YA

**О сюжетных функциях цитаты
из «революционного» романа
Н.Г. Чернышевского «Что делать?»
в драме Л.Н. Толстого «Живой труп»**
**On the plot functions of citing Nikolay
Chernyshevsky's «revolutionary» novel
What is to Be Done? in Leo Tolstoy's drama
*The Living Corpse***

Аннотация

В статье изучается текст толстовской драмы «Живой труп», прослеживаются сюжетные параллели с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?», анализируются образы Протасова в «Живом трупе» и Лопухова в «Что делать?», подчеркивается моральный максимализм Л.Н. Толстого и Н.Г. Чернышевского, получивший отражение в художественных произведениях.

Abstract

The article studies the text of Tolstoy's drama *The Living Corpse*, draws the subject parallels between it and Chernyshevsky's novel *What is to Be Done?*, analyses the images of Protasov in *The Living Corpse* and Lopuchov in *What is to Be Done?*, emphasizes moral maximalism of Leo Tolstoy and Nikolay Chernyshevsky which is reflected in their works of fiction.

Ключевые слова: драматургия Л.Н. Толстого, драма «Живой труп», образ Ф. Протасова, творчество Н.Г. Чернышевского.

Keywords: dramatic works of Leo Tolstoy, «*The Living Corpse*», image of F. Protasov, creative work of Nikolay Chernyshevsky.

Л. Н. Толстой создавал свою пьесу «Живой труп» в 1900 г., в период «обострения революционного кризиса в стране», и очевидно, что писатель в то время «все более отчетливо представлял себе свои задачи обличения старого несправедливого общественного устройства»¹.

Действительность постоянно предоставляла художнику возможность выразить свой протест и несогласие с установившимся порядком, например, с вопиющим расхождением закона юридического и нравственного (с точки зрения гуманности). Яркий пример — знаменитое дело супругов Н. и Е. Гимер (вызвавшее в 1880-е гг. продолжительный общественный скандал), которых Толстой хорошо знал и которым сочувствовал. «Мнимое» самоубийство спившегося и осложнявшего жизнь своей супруге (пожелавшей вторично выйти замуж за достойного человека) Н. Гимера, разоблачение их «мошенничества», долгие и унижительные судебные разбирательства, сопровождавшиеся газетными публикациями, побудили Толстого приняться за произведение, где данная ситуация стала ядром фабулы.

Однако, как известно, был еще один источник — роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», цитата из которого составила интертекст в драме Толстого:

«М а ш а (*вырывает письмо*). Писал, что убил себя, да? Не писал про pistolет? Писал, что убил?

Ф е д я. Да, что меня не будет.

М а ш а. Давай, давай, давай. Читал ты “Что делать?”?

Ф е д я. Читал, кажется.

М а ш а. Скучный это роман, а одно очень, очень хорошо. Он, этот, как его, Рахманов взял да и сделал вид, что он утопился. И ты вот не умеешь плавать?

Ф е д я. Нет.

М а ш а. Ну вот. Давай сюда свое платье. Всё, и бумажник» (Юб. Т. 34, с. 65).

Для Чернышевского вопрос о необходимости коренного переустройства общества был не менее актуальным, нежели для Толстого, но различия в мироощущении и мироотношении двух авторов продиктовали им разные подходы к изображению сходных моделей. Сопоставим «текст самоубийства» в двух произведениях и рассмотрим его идеологические функции, а также роль в создании системы персонажей, в выборе жанра, а также в развитии сюжета, т.е. разрешения конфликта.

Идеологический аспект. «В своих эстетических дискуссиях <...> Толстой не присоединяется окончательно ни к “бесценному триумvirату”², ни к Чернышевскому, ни к Некрасову»³, — напоминает Ю. В. Прокопчук. Этот же исследователь справедливо полагает, что Толстой в своей жизни ориентировался на афоризм Ангелуса Силезиуса: «Идем мы, а не время», так как «человек, пытающийся изменить ход исторического развития, обречен на провал. Жизнь одна, и в силах человека изменить только ту часть жизни, которая находится в его власти, — то есть свою собственную жизнь»⁴. Чернышевский, как известно, страстно желал участвовать в «изменениях» жизни, призывал

революцию, для чего и создал модель «нового человека» (и «особенного человека»), представил его бытование в романе «Что делать?» и сочинил (и «доказал») теорию «разумного эгоизма». Данная теория была призвана убедить, что «только на путях неразрывного слияния общественных интересов с личными мыслимо подлинное счастье отдельного человека»⁵. Именно поэтому герой мыслителя и беллетриста Чернышевского Лопухов так «легко» (с чувством исполненного долга) «умер», а также в дальнейшем «воскрес».

Великий художник и философ Толстой показал, что «смерть — трагедия». Именно поэтому в его драме «на первый план выступают индивидуальность и, как следствие, экзистенциальная разобщенность с миром». В «Живом трупe» «столкновение с мыслью о смерти и порождает трагедию обособленной (частной) личности, вынужденной противостоять ей в одиночестве и понимающей свою обреченность в этой борьбе»⁶.

В литературоведческих работах о «Живом трупe» при характеристике персонажей также употребляется слово «эгоист»; например, отмечалось, что в пьесе показано «столкновение добрых, но слабых людей с людьми добродетельными, но эгоистичными»⁷. К такому определению подталкивает сам Толстой, который дискуссионно и пародийно вступает в диалог с автором романа «Что делать?». Например, эгоистом Федора Протасова называет цыганка Маша, а Лиза, жена Федора, говорит Каренину: «Какие мы делаемся эгоисты» (Юб. Т. 34, с. 67). На самом деле Толстой, рисуя, как «человек переносит свою жизнь из жизни телесной в жизнь духовную» (Юб. Т. 45, с. 452)⁸, редуцируя телесное к духовному, показывает, что в свои самые *высокие* моменты личность отрешается от эгоистических устремлений ради близких людей, ради благородной идеи или для спасения *субстанциальных* (по Гегелю) нравственных ценностей, позволяющих человеку оставаться Человеком. Нельзя не согласиться с утверждением О. В. Михайловой, что без «расплаты» за свои проступки Протасов «так и оставался бы на грани между бытием и небытием»⁹.

Говоря об идеологических установках двух общественных деятелей — Толстого и Чернышевского — отметим, что при всей разности их взглядов, было и нечто общее: страстность и желание идти за свои убеждения до конца, готовность пострадать за них. Напомним, что в одном из писем А. М. Бодянскому Толстой, во времена преследования «толстовцев», заявил о своем желании разделить их мучения (или взять на себя) и попасть в тюрьму «холодную, голодную, вонючую» (Юб. Т. 78, с. 88). Чернышевский, как известно, эту мечту в своей собственной судьбе воплотил в жизнь.

Система персонажей. В двух неравноценных по своему художественному значению произведениях можно видеть сходные системы персонажей, что обусловлено фабульными моделями «любовного треугольника» и мотивом самоубийства. Протасова называют «чисто русским типом», «представителем особого типа русской святости», «Божьим человеком» (следуя В. В. Розанову)¹⁰. Как это ни странно, Д. И. Писарев в своей знаменитой статье «Мыслящий пролетариат» написал, что Лопухов испытал «святую радость», *освободив* Веру Павловну. «Мнимый» самоубийца Лопухов (который смотрел на ревность как на «пережиток старого мира и в обществе будущего, видимо, надеялся его ликвидировать»¹¹) и реальный самоубийца Протасов оставляют похожие записки: «Ухожу в 11 часов вечера и не возвращусь. Меня услышат на Литейном мосту между 2 и 3 часами ночи. Подозрений ни на кого не иметь»¹²; «Вам надо жениться, чтобы быть счастливыми. Я мешаю этому, следовательно, я должен уничтожиться...» (Юб. Т. 34, с. 72). Сходным образом реагируют на приведенные записки и жены — Вера Павловна и Лиза: «Милый мой, мы должны расстаться. Я решила. Это тяжело. Но еще тяжелее было бы нам видеть друг друга. Я его убийца. Я убила его для тебя»¹³; «Я знала. Я знала. Федя, милый Федя. Неправда, неправда, что я не любила, не люблю его. Люблю его одного, люблю. И его я погубила. Оставь меня» (Там же). Важно то, что оба писателя ориентируются в данном случае на предполагаемую типологию психологических реакций людей, решившихся уйти из жизни, и тех, кто считает себя ответственными за этот шаг. На этом сходство и заканчивается: в романе Чернышевского Веру Павловну успокоила записка, принесенная Рахметовым (окончательно решили дело две рюмки хереса), в пьесе Толстого, как известно, простого решения не предвиделось¹⁴.

В женских характерах двух произведений есть, пожалуй, еще одна сходная черта, которая коррелирует с реальностью и с художественными образами. Речь идет о том, что оба писателя создали «цыганский текст» (неравнозначный и неравновеликий). Веру Павловну за смуглость лица мать называет «цыганкой», в «Живом трупе» цыганка Маша является одним из главных персонажей. Обе названные героини доказали свою устремленность к *свободе*, что часто можно наблюдать в художественной литературе, где изображены представители указанного этноса. Что касается личного жизненного опыта, то здесь нужно отметить, что дядя Толстого (Ф. И. Толстой Американец) и брат были женаты на цыганках, что случалось среди дворян, увлекшихся прекрасными певицами из хора. Образ цыганки Маши, как известно, не прописан до конца, в нем есть некоторые несоответствия и нелогичность, но кроме того, что она своими романсами «открывает небо» Феде Протасову, гово-

рится о ее готовности поддержать его и спасти. Данная черта отсылает к реальной цыганке — А. М. Тугаевой, жене упомянутого Ф. И. Толстого Американца, которая спасла мужа, отговорив его от самоубийства. Вот что известно об этом: «Он долго жил с нею без венчания. Раз, проиграв большую сумму в Английском клубе, он должен был быть выставлен на черную доску за неплатеж проигрыша в срок. Он не хотел пережить этого позора и решил застрелиться. Его цыганка, видя его возбужденное состояние, стала его выпрашивать. <...> Авдотья Максимовна не отстала от него, узнала, сколько ему нужно было денег, и на другое утро привезла ему потребную сумму. — Откуда у тебя деньги? — удивился Федор Иванович. — От тебя же. Мало ты мне дарил. Я все прятала. Теперь возьми их, они — твои. Ф.И. расчувствовался и обвенчался на своей цыганке»¹⁵.

Жанрологический аспект. Чернышевский избрал для своего произведения жанр *утопии*, так как «русская жизнь, неустроенная и напряженная, издавна давала много поводов для создания утопий»¹⁶. Одним из основных законов данного жанра является «бесконфликтная развязка»¹⁷, что роднит его со сказкой. «Мнимое» самоубийство Лопухова решило все вопросы, которые до и после этого решались легко и безболезненно: «большие заработки, образовательные лекции, абонирование десяти мест в итальянскую оперу, фантастический размах пикников на пятьдесят человек... И никаких противоречий и раздоров, общее единодушие»¹⁸.

«Интересно, что описывая социальные проблемы, Толстой не увлекся утопическими идеями»¹⁹, — отмечает Ю. В. Прокопчук. Толстой выбрал драматический род, назвал свое произведение «драмой», хотя по накалу страстей, характеру конфликта, принимая во внимание *субстанциальные* проблемы, «Живой труп» можно отнести и к жанру трагедии. Длинные монологи, диалоги персонажей, достаточно растянутая сюжетная развязка позволили литературоведам увидеть в этом произведении след *эпоса*, «предполагающего наличие прозаического компонента в сценических формах»²⁰. Как видно, принципиально не интересуясь жанром *утопии*, Толстой усложняет и сам жанр *драмы* (добавляя эпический компонент, а также отчасти элемент мелодрамы, если принять во внимание роль песен²¹ в сюжетном развитии и учитывать дословный перевод термина: *melos* — мелодия, *drama* — действие), что указывает на нежелание писателя строить сюжет произведения на «простом юридическом обмане»²².

Фабульно-сюжетные отношения в утопии Чернышевского и драме Толстого. Под фабулой договоримся понимать «внешнюю канву “узловых” событий (то есть объединенных, прежде всего, каузальными связями)»²³. Сюжет — система событий, «суть которых обнаруживает

развертывающаяся во времени и пространстве коллизия»²⁴. Очевидно, что «сопоставление сюжета и фабулы — необходимый шаг в познании художественного целого»²⁵.

Герои утопии Чернышевского, как уже отмечалось, живут, согласуясь с рациональными схемами, поэтому столь же рационален сюжет произведения. «Разумные эгоисты» в конце концов (в обществе *будущего*) поладят с «грубыми», «скверных эгоистов» ждет забвение и небытие, так как они никогда не научатся сочетать свои желания с интересами других людей. Если говорить о фабульно-сюжетных отношениях, то здесь также нет особых противоречий («узловые события» и сложные, «внутренние», почти равны друг другу, если не брать во внимание некоторые обусловленные цензурой «фигуры умолчания» и вставки — например, «сны»).

Фабула «Живого трупа» и сюжет, разумеется, вступают в сложные, даже противоречивые отношения: пересказ событий («невероятных», если бы не история семьи Гимер) отсылает к какой-то «жестокой драме», по определению — достаточно примитивной. Сюжет же заставляет перейти от «грубых» событий, достойных «полицейской повести», к более сложным материям. «Выстрел Феди Протасова на судебном процессе — разыгранном официальной властью фарсе — это прорыв к истине, это трагическая высота человека, сумевшего преодолеть страх смерти»²⁶, — по справедливому замечанию исследователя. Таков глубинный смысл всех высокохудожественных произведений, живущих в веках, актуальных для потомков. Литературная беллетристика (утопию можно отнести к литературе «второго ряда»), «формульная литература, отличающаяся высокой степенью стандартизации»²⁷, безусловно, рассматривает злободневные проблемы. Она просвещает и развлекает, но, как правило, наиболее востребована лишь современниками.

¹ Ломунов К. Н. Предисловие // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 34. С. VI.

² «Бесценным триумvirатом» сам Л. Н. Толстой называл А. В. Дружинина, В. П. Боткина, П. В. Анненкова.

³ Прокопчук Ю. В. О некоторых особенностях толстовского мировосприятия // Юбилейный сборник. Материалы научной сессии. 25 ноября — 1 декабря 2011 г. К 100-летию Государственного музея Л. Н. Толстого. М., 2012. С. 151.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Богословский Н. В. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Чернышевский Н. Г. «Что делать?». Роман. М., 1979. С. 12.

⁶ Семенова О. С. Тема смерти в драматургии Л. Н. Толстого (К проблеме онтологической поэтики) // Вестник Псковского гос. университета. Серия

Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. Вып. № 3. 2011. С. 75.

⁷ Ломунов К. Н. *Драматургия* Л. Н. Толстого. М., 1956. С. 333.

⁸ См.: Горелов А. А. Л. Толстой и русская идея // Юбилейный сборник. Материалы научной сессии. 25 ноября — 1 декабря 2011 г. К 100-летию Государственного музея Л. Н. Толстого. М., 2012. С. 52.

⁹ См.: Шульц С. А. Историческая поэтика драматургии Л. Н. Толстого (Герменевтический аспект). Ростов н/Д, 2002 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и Зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. М., 2004. № 3. С. 91. [Аннотация].

¹⁰ См.: Салманова И. Ф. От «Исповеди» Л. Н. Толстого к исповедальной драме // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого. М., 2015. С. 135.

¹¹ Егоров Б. Ф. *Российские утопии: Исторический путеводитель*. СПб., 2007. С. 218.

¹² Чернышевский Н. Г. Указ. соч. С. 27.

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Как и в жизни упомянутых супругов Гимер. Известно, что Е. Гимер умерла в бедности и одиночестве (приняла в 1930 г. яд), так и не сумев развестись с Н. Гимером, похоронив второго мужа (как известно, на судебном процессе ее обвиняли в «двоемужестве»).

¹⁵ Толстой С. Л. *Федор Толстой Американец*. М., 1990. С. 30.

¹⁶ Егоров Б. Ф. Указ. соч. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 221.

¹⁸ Там же. С. 222.

¹⁹ Прокопчук Ю. В. Указ. соч. С. 158.

²⁰ Семенова О. С. Контекст драматургии Л. Н. Толстого как литературоведческая проблема // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Псков, 2011. С. 34.

²¹ О роли романсов и песен в этой пьесе см.: Пяткина Ю. В. Мотив цыганского пения в драме Л. Н. Толстого «Живой труп» // Наследие Л. Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки. Тула, 2014. С. 161–165.

²² Егоров Б. Ф. Указ. соч. С. 219.

²³ Муценко Е. Г. Сюжет и фабула как категории литературоведческого анализа // Сюжет и фабула в структуре жанра. Калининград, 1990. С. 6.

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Салманова И. Ф. Указ. соч. С. 138.

²⁷ Мельников Н. Г. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века. М., 1967. С. 267.

М. В. СТРОГАНОВ
M. V. STROGANOV

Из опыта работы над декабристской темой
в творчестве Л. Н. Толстого
As derived from the experience
of studying the Decembrist theme
in Leo Tolstoy's creative work

Аннотация

В статье рассматриваются наблюдения, сделанные автором во время его работы над кандидатской диссертацией о Толстом и декабристах. Эти наблюдения подтверждают прямую связь между общественно-политической ситуацией, с одной стороны, обращением Толстого к декабристской теме, с другой, и его писательскими кризисами — с третьей.

Abstract

The article reviews the observations made by the author during his work on PhD thesis on Tolstoy and Decembrists. These observations confirm the direct connection between the social and political situation, on the first part, the turning of Tolstoy to Decembrist theme, on the second part, and his creativity crises, on the third part.

Ключевые слова: Лев Толстой, декабристы, М.М. Бахтин, Б.А. Пильняк, замысел романа «Декабристы», журнал «Ясная Поляна».

Keywords: Leo Tolstoy, Decembrists, Mikhail Bakhtin, Boris Pilnyak, Leo Tolstoy's planned novel «The Decembrists», «Yasnaya Polyana» magazine.

В 1979 г. я закончил кандидатскую диссертацию о Толстом и декабристах¹, в которой многое — результат принуждения, но многое же — следствие моего конформизма. Одна (менее значимая для меня) часть работы была опубликована в 1981 г.: в ней я играл со словами *романтизм* и *реализм*, хотя писал не об этих достаточно чуждых мне категориях, но о принципах изображения человека в литературе². Не стоит обманывать ни себя, ни других, говоря, что я сознательно прикрывался

штампами, чтобы хоть что-то сказать, и сочетал марксистскую схоластику с новыми формами свободного литературоведения; на самом деле это было еще не продуманное и потому эклектичное смешение разных приемов и методов. Другая (более важная) часть работы долгое время оставалась в рукописи, чему я в итоге очень рад, так как это позволило мне переосмыслить проблематику работы и понять в ней многое если не по-новому, то во всяком случае точнее³.

В 1979 г. у меня, как у любого тогдашнего не вполне правоверного толстоведа, было множество проблем. В то время еще признавался авторитет Е. Н. Купреяновой, и надо было всерьез опровергать ее мнение, будто «насквозь ложная точка зрения на декабристов Толстого-проповедника помешала Толстому-художнику осуществить столь давно волновавший его исторический замысел»⁴. И (что еще намного сложнее) надо было как-то незаметно объехать на кривой кобыле основной догмат В. И. Ленина о Толстом как зеркале «крестьянской буржуазной революции»⁵ (опровергать его было бы просто неразумно). Суть этого догмата сводилась к тому, что «в произведениях Толстого выразилась и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения»⁶. Слава богу, у вождя случались «оговорочки», за которые приходилось поневоле цепляться: «Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве»⁷, «литературная деятельность Толстого началась раньше» 1861 г.⁸, «Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно доживало последние дни»⁹. Именно благодаря этим «оговорочкам» и вопреки «генеральной линии» В. И. Ленина удалось показать, что истоки декабристской темы лежат в той семейной среде, которая формировала индивидуальное сознание Толстого. Ни разу не употребив слова *декабристы*, Толстой думал подобно им и о том, о чем думали они. Кстати сказать, именно это и затрудняло читателей и исследователей Толстого, которые ставили под сомнение историзм толстовских героев.

Но это мой частный опыт работы над темой. Я же в данном случае хочу рассказать о тех двух опытах, которые имеют не частное, но общее значение, которое не отменено прошедшими четырьмя (почти) десятилетиями.

Первый опыт по его значению следовало бы назвать социальным. Уже давно стало общим местом, что «обращение Толстого к этой <декабристской> теме каждый раз совпадает с периодами революционных ситуаций. Задумав роман о декабристах в начале 60-х годов, он снова обращается к этому замыслу в конце 70-х годов и впоследствии — накануне 1905 года»¹⁰. Это было написано в 1955 г., когда вольностей с терминологией не допускали. Теперь почти никто уже

и не помнит и не вспоминает упрощавшую дело ленинскую фразеологию (*революционные ситуации*). И поэтому теперь можно говорить (что точнее) о радикальных социально-политических изменениях в общественной жизни России: накануне крестьянской реформы 1861 г., накануне намечавшейся и не состоявшейся «конституционной» реформы 1881 г. и накануне земельной реформы начала 1900-х гг. Сам Толстой очень хорошо понимал сходство ситуаций и говорил об этом так: «Теперь вопрос освобождения земли в том же положении, как было освобождение крестьян при декабристах»; «Какое было тогда самоотвержение для освобождения крестьян, так и теперь его нужно для освобождения земли»¹¹.

Толстой, что называется, держал руку на пульсе революционных настроений России, и как только назревал очередной политический кризис, он принимался за декабристскую и — как следствие (так казалось тогда) — революционную тему. Отсюда прямо напрашивался вывод о революционном характере умонастроения Толстого.

Однако тут мы сталкиваемся с весьма любопытным парадоксом. Толстой писал то о возвращающемся из Сибири декабристе, то о преддекабристском периоде жизни своего героя, то о времени его ссылки. А самой эпохи «заблуждений и несчастий» декабриста, того момента, когда он становится собственно декабристом-революционером, Толстой нигде не касается. Даже в 1904–1905 гг., когда он обращается к сюжетам из самого 1825 г., о восстании речи нет. Декабрист интересует Толстого не собственно революционными чертами, не как революционер, а только как эталон дворянина. Так, в «Войне и мире» мысль декабристская выступает как составная часть «мысли народной», народ и декабристы соотносятся как идеал и положительный герой. И на рубеже 1870–1880-х гг. декабристы по-прежнему остаются лучшими из дворян, так как хотят прийти к народу. Правда, революционность народников осложнила решение декабристской темы, и в поздних вариантах начала романа «Декабристы» уже не декабрист ищет и находит пути к народу. К 1904–1905 гг. сам Толстой уже нашел путь к народу. В этом новом сюжете не было места «народу» как идеалу, к которому стремится герой, нет того полюса притяжения, без которого никакой роман невозможен. Поэтому Толстой ведет речь не о дворянине и народе, а о деспотизме власти и борце против этого деспотизма.

Толстой был, по меткому и до сих пор не превзойденному по образной и терминологической точности слову И. Ф. Анненского, «кающимся дворянином»¹². Вслед за Анненским эту формулу повторяли многие авторы. М. М. Бахтин в 1930 г. в «Предисловии» к тому драматическим произведениям Толстого писал, что в драме «Власть

тмы» «изображение крестьян и крестьянской жизни дано в свете идеологических исканий самого Толстого, а эти искания далеко не являются чистым и беспримесным идеологическим выражением классовых устремлений самого крестьянства (той или иной его группы, конечно). <...> Таким образом то центральное идеологическое ядро, которое организует “Власть тьмы” и словесным носителем которого является Аким, вовсе не крестьянское. Это — идеология деклассирующегося, порывающего с классом, вышедшего из реального потока противоречивого классового становления человека. Есть в ней и оттенки идеологии “кающегося дворянина” (термин Михайловского), и оттенки идеологии мятущейся городской интеллигенции, есть, наконец, и оттенки идеологии пролетаризирующегося крестьянина, глубоко уловленные Толстым»¹³. А позднее эта формула попала под негласный запрет, однако Б. М. Эйхенбаум (1944), ссылаясь на Ленина («изложенная мною гипотеза выросла на основе статей Ленина о Толстом и является попыткой историко-литературной конкретизации его главных тезисов»), исторически строго и точно фиксировал: «*В лице Толстого завершился исторический процесс эволюции декабристской идеологии, дойдя до величественного, хотя и трагического апофеоза — преклонения помещика перед патриархальным крестьянством*»¹⁴. И еще: «Идейные корни жизни и творчества Толстого восходят к началу XIX века — к дворянскому освободительному движению, к эпохе Грибоедова, Пушкина и декабристов»¹⁵. Этот «толстовский комплекс», который был свойствен русской интеллигенции рубежа веков, глубоко проанализировала Л. Я. Гинзбург в «Поколении на повороте»: «Многие большие люди русской культуры не хотели революции, осуждали революцию. Но несогласие с существующим было опытом всей русской культуры. Все мыслящие были *против*, так или иначе, — и славянофилы, и Достоевский, и Владимир Соловьев. <...> Интеллигенция как группа в деле освобождения народа имела свой групповой стимул — социальной активизации и даже реальной власти. Но каждый в отдельности субъективно совершал этический акт, приобщаясь к делу обделенного брата. Вернем долг обделенному нами брату! — который, может быть, уничтожит нас с нашей культурой вместе»¹⁶.

И уничтожил. Наступили напророченные Блоком «холод и мрак». Вот слова, сказанные одним из последних русских интеллигентов уже после того, как революция совершилась: «Говорят, что родоначальник русской интеллигенции — Радищев. Неправда, — Петр. С Радищева интеллигенция стала *каяться*, *каяться* и искать мать свою, Россию. Каждый интеллигент кается, и каждый болит за народ, и каждый народа не знает. А революции, бунту народному, не нужно было — чужое.

Бунт народный — к власти пришли и свою правду творят — подлинно русские подлинно русскую. И это благо!..»¹⁷. Эти слова героя романа Б. А. Пильняка «Голый год», дворянина, которого народный бунт и погубил, вполне типичны для монастроений эпохи.

На протяжении всего XX века Россия изживала из себя толстовскую проблематику. В итоге, «Роман русского помещика» стал невозможен. И в этом смысле наследие Толстого принадлежит прошлому, хотя именно оно объясняет нравственное самочувствие советской и постсоветской интеллигенции, утратившей чувство долга перед народом и не нашедшей ничего взамен.

Второй опыт, вынесенный из работы над декабристской темой у Толстого, имеет сугубо историко-литературное, внутрицеховое значение. Мы уже сказали, что обращение Толстого к декабристской теме совпадало с моментами радикальных социально-политических изменений в общественной жизни России: накануне крестьянской реформы, накануне намечавшейся и не состоявшейся «конституционной» реформы и накануне земельной реформы. Как можно легко заметить, оно всегда при этом было связано и с собственно художественными кризисами Толстого. Сначала, в конце 1850-х гг., рождение замысла романа «Декабристы» и переход к «эпохе несчастий и заблуждений моего героя» перемежались с изданием педагогического и «пронароднического» журнала «Ясная Поляна». Позднее, на рубеже 1870—1880-х гг., работа над романом «Декабристы» оказалась связана с известным идеологическим кризисом, приведшим к тому, что впоследствии стали называть «переломом», хотя никакого перелома на самом деле не было. Наконец, декабристские замыслы 1904—1905 гг. предшествовали самому радикальному кризису Толстого, когда он ушел из Ясной Поляны.

То, что декабристские замыслы четко маркировали писательские кризисы Толстого, удивительно уже и само по себе. Хотя многие современники Толстого обращались к декабристской теме в те же периоды, что и он, но никто не делал это с таким упорным постоянством. Этот факт, что бы за ним ни стояло, необходимо признать и учитывать в дальнейших построениях периодизации творчества писателя. Гораздо сложнее дать ему объяснение, ответить на вопрос, связаны ли писательские, собственно литературные (и в этом смысле имманентные) кризисы с социально-политической ситуацией в стране. Одно дело — декабристская тема: она, разумеется, напрямую обусловлена социально-политической ситуацией. Другое дело — писательские и поведенческие приемы: можно ли ставить их в столь же прямую зависимость от общественной жизни?

Б. М. Эйхенбаум в 1938 г. в статье «О противоречиях Льва Толстого» рассматривал писательские кризисы Толстого как «последовательные

фазы определенного социального явления, проходящего через разные исторические периоды»¹⁸. И писал: «Совершенно ясно, что “кризис”, пережитый Толстым в 80-х годах и в подробностях описанный в “Исповеди” и в трактате “Так что же нам делать?”, был прямым отражением социального кризиса, надвигавшегося на Россию»¹⁹. Толстой, который был в высшей степени детерминистом, несомненно согласился бы с этим.

Но ставя литературную эволюцию Толстого в зависимость от социально-политической ситуации, мы невольно механизуем Толстого и превращаем его в тонкий, точный инструмент, фиксирующий изменения общественной жизни. Формула «Толстой — сейсмограф общественных настроений» хороша только как уподобление (чуть раньше мы сами сказали, что Толстой держал руку на пульсе революционных настроений России). Но если писатель, как флюгер, поворачивается в том направлении, в каком дует ветер перемен, — хорошо ли это по-человечески?

Все, что мы знаем о Толстом, опровергает суждение о нем как о политическом флюгере. Сделанные наблюдения подтверждают прямое соответствие между общественно-политическими ситуациями, с одной стороны, обращением Толстого к декабристской теме, с другой, и его писательскими кризисами — с третьей. И все это заставляет нас иначе взглянуть на вопрос об ангажированности художественного творчества.

Таковы некоторые опыты, которые я смог вынести из работы над декабристской темой у Толстого.

¹ *Строганов М. В.* Декабристы и декабристская литература в творчестве Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

² *Строганов М. В.* Л. Н. Толстой и декабристская литература: учеб. пособие. Калинин, 1981.

³ См.: *Строганов М. В.* 1) «Хочется писать декабристов» // *Строганов М. В.* Литературоведение как человековедение: Работы разных лет. Тверь, 2002. С. 9–83; 2) *Лев Толстой и декабристы: монография.* Тверь, 2006.

⁴ *Купрянова Е.* Предисловие к семьдесят пятому и семьдесят шестому томам // *Толстой Л. Н.* ПСС: в 90 т. Т. 75. С. XXX.

⁵ *Ленин В. И.* ПСС. М., 1968. Т. 17. С. 210.

⁶ Там же. Т. 20. С. 20.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 100.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ *Гессен Л. А.* Л. Н. Толстой в работе над романом «Декабристы» в 1877–1879 годах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. С. 3.

¹¹ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. М., 1979. С. 273. Ср.: Кн. 2. С. 42.

¹² *Анненский И.* Книга отражений. СПб., 1906. С. 174. М. М. Бахтин (см. ниже) называет автором термина Н. К. Михайловского, однако в его работах ничего близкого не обнаружено.

¹³ *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 95, 97.

¹⁴ *Эйхенбаум Б. М.* Очередные проблемы изучения Л. Толстого // *Эйхенбаум Б.* О прозе: сб. статей / сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. Л., 1969. С. 200.

¹⁵ Там же. С. 195.

¹⁶ *Гинзбург Лидия.* Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. [Л.], 1987. С. 314, 316.

¹⁷ *Пильняк Борис.* Целая жизнь: Избранная проза. Минск, 1988. С. 74.

¹⁸ *Эйхенбаум Б.* О прозе. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 48.

Е. А. МАСОЛОВА
E. A. MASOLOVA

**Восприятие Л. Н. Толстым
революционного движения в России
и антропонимы в романе «Воскресение»**
**Leo Tolstoy's perception
of the revolutionary movement in Russia,
and anthroponyms in the novel *Resurrection***

Аннотация

В «Воскресении» свое отношение к революционерам Толстой выражает через «говорящие» антропонимы. В статье выявлена отрицательная коннотация антропонимов Богодуховской, Петлина, Грабец, Ранцевой, Кондратьева, Новодворова. Доказано, что жизненная позиция Марьи Павловны, Набатова и Симонсона «блокировала» положительную коннотацию их антропонимов. Делается вывод, что имена внутренне растущих действующих лиц с их «прозрачной» религиозной семантикой «защищают» людей и являются апотропеическими.

Abstract

In *Resurrection* Tolstoy shows his attitude towards revolutionaries through the «suggestive» anthroponyms. We reveal the negative connotation of the anthroponyms of Bogodukhovskaya, Petlin, Grabets, Rantseva, Kondratiev, Novodvorov. We argue that the life views of Maria Pavlovna, Nabatov and Vladimir Ivanovich Simonson «blocked» the positive connotation of their anthroponyms. We deduce that the names of the internally growing characters with their «transparent» religious semantics «protect» these people. Anthroponyms of the main characters are protective names.

Ключевые слова: антропоним, оним, патроним, семантика имени, «говорящие» антропонимы, апотропеическое имя.

Keywords: anthroponym, onym, patronymic, name semantics, «suggestive» anthroponyms, generic characters, protective names.

О своем нетерпимом отношении к революции и революционерам Толстой неоднократно говорит в статьях¹. Революции, считает Толстой, совершаются потому, что люди, находящиеся внизу, хотят стать на место угнетателей и сменить старую форму насилия на новую, внедряемую насилием и несущую те же бедствия, которые исходят от нынешней власти. Социалистическое устройство, за которое ратуют революционеры, будет достигнуто, предостерегает Толстой, только жесточайшим насилием и лишит людей последних остатков свободы. Поведение революционеров Толстой расценивает как ответную реакцию на террор правительства. У революционеров и у правительства, уверен Толстой, одинаковые заблуждения и одинаковое насилие, достигающее до смертоубийства: революционеры также держат шпионов, обманывают, отбирают собственность, казнят. Совершаемые революционерами поджоги, убийства, грабежи ужасны, бессмысленны, но не так преступны и холодно-систематически жестоки, как злодеяния правительства: революционеры-атеисты не покоряют чужие народности и убивают ради воображаемого блага масс, а власть имущие лишь на словах защищают христианство и убивают ради самосохранения. Толстой отрицает в революционерах любовь к народу и обвиняет их в тщеславии, корысти, надежде улучшить свое личное положение при изменении существующего строя, в мстительности и зависти. Революционеры, утверждает Толстой, бранятся, лгут, клеветают друг на друга, грабят и убивают, мучают людей, разжигают братоубийственную бойню, возбуждают в народе ненависть и тягу к злодеяниям, *озверяют* людей, не имеют представления о последствиях своей деятельности, берут на себя ответственность за страдания, ничего не стыдятся и мнят себя героями; революционеры, готовые убивать своих ближних, в разы преступнее разбойников, убивающих ради грабежа. Людей, попавших под влияние революционеров, Толстой называет безнравственными, малоумными и рабски подчиняющимися гипнозу, а борьбу революционеров — гнусным, аморальным делом, отвлекающим людей от нравственного совершенствования, а потому революционные деятели, подчеркивает Толстой, не имеют права называться борцами за народ и считаться представителями народа. Зло, уверен Толстой, не устранить политическими реформами и насильнической революцией. Толстой призывает не бороться с властью и не участвовать в революционных разгромах и антиреволюционных действиях, а освободиться от правительства и продолжать земледельческую жизнь, исполнять закон Бога, живущий в человеке.

В «Воскресении» Толстой высмеивает политических через описание их внешности и одежды, жестового поведения, через их диалоги и поступки, через рассказы об их жизни и взглядах, а также через

«говорящие» антропонимы, отражающие авторское негативное отношение к ним. Нам известна только одна работа начала XX века, где выявляется сатирический подтекст фамилии *Халтюпкина* в романе «Воскресение». Согласно Горнфельду, в русском языке было что-то, заставлявшее на грубое, наглое, неотесанное отзываться эмоциональным слогом *хал-*; сегмент *-тю-*, присутствующий в фамилии *Халтюпкина*, Горнфельд трактует как суффикс, используемый при посрамлении кого-либо². Необходимо продолжить анализ антропонимов в «Воскресении». Антропонимы 1) являются способом именования действующих лиц, названных по ониму (имени) // патрониму (отчеству) // двухчастному антропониму (имени-отчеству // имени и фамилии), трехчастному антропониму (имени-отчеству-фамилии), 2) сочетают семантику имени, символику и культурно-исторический контекст, 3) отражают социальный статус персонажей, 4) раскрывают отношения между персонажами, 5) передают авторское отношение к персонажам, 6) формируют восприятие персонажей читателем. Выявим семантику антропонимов власть имущих, политических и внутренне растущих персонажей; рассмотрим название безымянных персонажей, проанализируем антропоним главного героя романа.

В «Воскресении» представители судебной системы названы сугубо по фамилии (что в мире Толстого является показателем негативного отношения автора к персонажу), на первое место выдвинут их титул: обер-прокурор Священного синода *Топоров*, «человек тупой и лишенный нравственного чувства» (Юб. Т. 32, с. 296), флигель-адъютант *Богатырев*, товарищ обер-прокурора *Селенин*, адвокат *Фанарин*, барон *Воробьев*. Кичащиеся своей знатностью, они потешаются над Воробьевым, чей дед, камер-лакей, получил от Павла титул *барон*, и называют Воробьева большим пройдохой, будучи сами не меньшими пройдохами. У мужа великосветской куртизанки *Mariette* более чем отталкивающая фамилия — *Червянский*.

Помогая Масловой в тюрьме, Нехлюдов общался с политическими. Арестантка Вера Ефремовна Богодуховская — некрасивый, восторженный, неумный, экзальтированный человек, у которого полная путаница в голове, иллюзии, ложное самопожертвование и осознание своей беспомощности. Безжалостно-ироничный антиэстетичный портрет Богодуховской — один из способов дискредитации ее жизненной позиции. У этого персонажа худое желтое некрасивое лицо, испуганный голос, желтая тонкая-тонкая жилистая шея, выступающая из смятых и грязных воротничков. Она говорит решительно, а глядит испуганно, раздражает всех своей взвинченностью и вертлявостью; пытается уверить себя и окружающих, что у нее все прекрасно, улыбается *жалостно улыбкой*. Слова *жалкая* и *жалостная* — частотные при ее описании.

Трехчастный антропоним этого персонажа многообещающ: оним *Вера* (калька с др. греч. Πίστις — *вера, служение Богу*) предполагает уверенность в себе, в правоте своего дела; оним *Ефрем*, от которого образован ее патроним, означает *плодовитый, жизнеспособный* (др.-евр.); звучная фамилия *Богодуховская* несет мощный религиозный потенциал. Но семантика этого антропонима — тройная трагедия: этот персонаж — запуганное существо, не способное помогать людям. Толстой начинает называть ее по имени-отчеству; при описании внутренней несостоятельности Веры Ефремовны автор-повествователь в 7-ми подряд идущих предложениях не указывает ее имени, но использует 10 раз местоимение *она* в именительном и косвенных падежах (Юб. Т. 32, с. 183–184): Толстой снижает этот образ, подчеркивая, что таких растерянных людей много среди политических.

Фамилия *Петлин* несет семантику смерти. Приговоренный к казни, Петлин сообщил о самоубийстве политического Неверова в сумасшедшем доме. У фамилии *Неверов* «прозрачная» семантика; не верящий в Бога совершает смертный грех. Казненным Розовскому и Лозинскому Толстой дает реальные фамилии революционеров-народовольцев, повешенных в Киеве в 1880 г. Гибель этих персонажей — одно из толстовских доказательств тупиковости пути политических, безнравственности как террора, так и борьбы с ним.

Среди политических были и те, чья причастность к политике — дань моде или способ устраивать личную жизнь. Этимология антропонимов этих персонажей не всегда «прозрачна», но в ней заложено определенное негативное значение. *Хорошенькая улыбающаяся* Грабец, вовлеченная в политику под влиянием времени, мало думает, равнодушна к вопросам революции и стремится добиться успеха у мужчин. Автор-повествователь, иронично относясь к Грабец, лишает ее имени. Есть несколько версий этимологии фамилии *Грабец*: эта фамилия 1) образована от названия дерева — *граб* — и указывает на место жительства (в грабовом лесу) или на профессию человека, изготавливавшего из граба мебель и т.п.; 2) происходит от *graba* (польск.), т.е. *рука, пятерня*; такое прозвище мог получить обладатель больших, сильных рук; 3) означает *ловкий, хваткий* (литовск.); вероятно, родоначальник этой фамилии был расторопным человеком.

Эмилия Ранцева стала революционеркой, потому что, полюбив мужа-революционера, начала смотреть на жизнь его глазами. При этом у нее были сложные любовные отношения с Набатовым. *Эмилия* означает *старательная, крепкая, сильная* (лат.); по другой версии — *соперница*. Фамилия *Ранцева*: 1) ведет свое начало от белорусского *Раніца* (*утро*); возможно, основатель рода Ранцевых родился на заре и получил когноним *Раніц*, ставший основой фамилии; 2) связана

с названием сумки; не исключено, что основоположник этого рода был военным или изготавливал ранцы. Антропонимы *Грабец* и *Эмилия Ранцева* «блокируют» духовный рост этих персонажей и вызывают скептическое отношение читателя.

Семантика антропонимов политических заключенных, к которым Толстой испытывает острую неприязнь, более прозрачна. *Карманов*, желая, как и многие политические, уцелеть за счет других, обманул осужденного, поменялся с ним местами и отправил ссыльного на каторгу. Фамилия *Карманов* аллюзивна и связана с фразеологизмом *держи карман шире*, значение которого: *ничего не получишь, и не надейся*.

Маркел Кондратьев — человек с ущемленным самолюбием. Кондратьев озлоблен на весь мир; тяга Маркела к знаниям — свидетельство его амбициозности. Он ни разу не пожалел убитого во время стачки директора фабрики. Перенеся свое неприятие общества на религию, Маркел со страхом, а потом с восторгом искоренил в себе веру в Бога, стал хулить религию. Такое отношение персонажа к жизни аннулировало его нравственное развитие и попытки бороться со злом. Оним этого персонажа соответствует его характеру. *Маркел* — *посвященный богу войны Марсу, воинственный (лат.)*. Лежащий в основе фамилии *Кондратьев* патроним *Кондрат* означает *воин с копьем (др.-греч.)*. Воинственное значение онима *Маркел* усиливается агрессивной семантикой его фамилии.

Толстой подробно рисует *Новодворова*, самого высокомерного и жестокого из политических, который считал правым только себя, всех ненавидел, презирал и хотел унижить, мечтал захватить власть и заставить всех принять его программу. Считая нормальным явлением растущую классовую ненависть, он мнил себя мессией и вещал своим трещащим голосом, что несет добро тем, кто этого не заслуживает. Народ для Новодворова — звери, от которых бесполезно ждать чего-либо хорошего. Нехлюдову претила вынашиваемая Новодворовым идея братоубийственной резни. Новодворов, в оценке Нехлюдова, предстает как циник, отказавшийся от яростно проповедуемых взглядов, дабы остаться лидером. Новодворов ратовал за свободную любовь и многоженство; его отношение к людям сопоставляется с агрессивным отношением старых самцов-обезьян к молодым особям. Деликатнейшая Марья Павловна осудила его отношения с Любочкой. Новодворов ругал самоубийцу и хвалил себя, и с ним все отказались общаться. В художественном мире Толстого тот, кого лишают общения, становится изгоем в глазах окружающих и не может быть правым. Создается впечатление, что Толстому претит звучание фамилии *Новодворов*: давая развернутую характеристику этому персонажу, Толстой 4 раза называет его по фамилии и 38 раз использует

местоимение *он* (Юб. Т. 32, с. 401–402). Новодворов лишен онима. Этимология фамилии *Новодворов* — *новый двор*, т.е. новые идеи, новое отношение к жизни. Но такая идеология агрессивна, аморальна, грозит превратить страну в бойню. Новодворов — новоявленный бес; критика Толстым деятельности политических сродни неприятию Достоевским умонастроений персонажей в «Бесах».

Среди политических были и те, кто искренне считал себя обязанным бороться со злом: *Марья Павловна Щетинина*, *Набатов*, *Симонсон*.

Марья Павловна, дочь генерала, стала революционеркой, потому что любила жизнь простых людей, с девятнадцати лет начала работать на фабрике, была приговорена к каторге за то, что взяла на себя выстрел, произведенный другим революционером. Она не говорит о политике, осуждает споры политических, раздает свои вещи, не обращает внимания на свою наружность, пресекает приставания мужчин, всегда видит в другом человеке хорошее, с уважением относится к людям и бескорыстно всем помогает: уступает место на подводе беременной, первой встает на защиту избитого ссыльного, заботится о его малолетней дочери, ухаживает за смертельно больным. Толстой внушает читателю уважение к ней. Оним этого персонажа соотносится с именем Богоматери, а патроним — с именем апостола Павла; фамилия *Щетинина* вносит определенный «диссонанс»; в целом этот трехчастный антропоним нейтрален.

Одна из «говорящих» фамилий у *Набатова* — подвижника, просветителя крестьян, веселого, бодрого, общинного человека. Тюремь и ссылки не озлобили его. Поведение Набатова соответствует семантике его фамилии. Он неравнодушен к чужому страданию, «взывает» к другим; решает практические вопросы улучшения жизни: на воле делает все для просвещения и сплочения народа, в тюрьме создает лучшие условия для единомышленников, считается с людьми, хочет плавного изменения жизни и «чтобы не обижали» (Юб. Т. 32, с. 399) народ. При всей размытости и нечеткости формулировок его идеи понятны Масловой и Крыльцову.

Владимир Иванович Симонсон, сын чиновника, деревенский учитель — своеобразное продолжение Нехлюдова в ранней юности. Пантеистическое учение Симонсона ставило целью нравственное изменение общества на основах взаимоуважения. Симонсон выступал против войны, убийств, решал сугубо практические задачи по улучшению материальной стороны жизни. Полюбив Маслову без ощущения своей жертвенности и желая помочь ей, Симонсон предложил Катьюше выйти за него замуж. Семантика его антропонима прозрачна: *Владимир* — *властелин мира* (слав.); *Симонсон* — *внимающий* (др.-евр.). Его фамилия «усиливает» семантику онима: Владимир Симонсон

«внимает» униженным, помогая им преодолевать жизненные невзгоды. Но Набатов и Симонсон не ставили цели нести Слово Божие в мир, а потому Нехлюдов отверг их программу.

Не имеет имени *старик-раскольник*, который исповедует собственную религию, заявляя, что надо не молиться Богу, а верить себе, за что ямщик называет его нехристом и дырником. Демонстративная обособленность старика вызывает у мужиков иронию, и они отказываются с ним разговаривать. Встретив потом старика в тюрьме, Нехлюдов был неприятно поражен тем, что раскольник обличал людей за отказ бороться с Антихристом и гнал всех от себя. Этот старик — лжеучитель, лжепророк, категоричный и озлобленный. Нехлюдов не принял его взглядов и стал напряженнее размышлять о жизни.

Персонажем, лишенным оными, является и английский миссионер, 50 раз именуемый просто *англичанином*. Он не знал языка народа, для которого проповедовал, не пытался помочь арестантам и комментировал увиденные страдания репликой «*all right*».

В «Воскресении» правда была не за политическими, а за теми, кто жил по заповедям Бога. Беззлобная старушка-арестантка истово молилась Богу, но ее религиозность никого не обратила на путь истинный: сокамерницы продолжали сквернословить, пьянствовать, драться. Не случайно фамилия старушки — *Меньшова*: таких, как она, очень мало в массе безбожных людей.

Сюжетная линия *Федосьи Бирюковой* и родственников ее мужа сыграла свою роль в воскресении Нехлюдова. Шестнадцатилетняя Феничка оказалась в тюрьме за попытку отравить мужа; Тарас взял ее на поруки, жена помирилась с мужем. Тарас, свекор и свекровь, полюбившая Федосью, невестку, старались на суде оправдать ее. *Свекор* и *свекровь* — безантропонимные персонажи, мудрые, великодушные, милосердные и беззлобные. *Федосья* означает *данная Богом* (др.-греч.). Она всегда заботилась о Катюше и жалела ее. Толстовский Тарас, отправившийся за женой в Сибирь, носит имя Тарасия, который в IX веке за благочестие и преданность православию был избран патриархом Константинопольским и в этом чине помогал бедным, строил монастыри и больницы. Называя персонажей *Тарасом* и *Федосьей*, Толстой подчеркивал их праведность, готовность помогать людям, способность прощать. История раскаявшейся грешницы Федосьи — притчеобразное вкрапление в роман, «предвещающее» прощение Масловой Нехлюдова.

Маслова — дочь незамужней дворовой женщины, которая, рожая каждый год, обрекала на голодную смерть ненужного ребенка. Тетка Нехлюдова, увидев в скотной роженицу, позаботилась о девочке, и та осталась жива. Старые барышни называли ее *спасенной*. При

крещении Масловой дали имя *Катерина* — *вечно чистая* (др.-греч.), а отчество — по крестному — *Михайловна*. Значение имени *Михаил* — *подобный Богу, равный Богу* (др.-евр.). Двухчастный антропоним героини получает религиозно-философское осмысление: *чистая, равная Богу*. Катюша была чистой, пока не решила выместить на мире свою обиду. При этапировании на каторгу она отказалась от имени *Любка*, которым назвалась в публичном доме. Слушая споры политических, Катюша сказала, что очень обижен простой народ, и Набатов ей ответил: «Верно, Михайловна, верно» (Юб. Т. 32, с. 399). Обращение Набатова к Катюше по отчеству — признание правоты ее слов. На каторге Маслова поверила в людей и добро и вновь стала Катюшей, вернувшись к своему исконно чистому «Я». Эта героиня дважды спасена: от физической смерти в младенчестве и от духовной гибели после предательства Нехлюдова. В конце романа имя героини появляется в ином контексте: молодая мать показывает Нехлюдову свою спящую двухлетнюю Катю; возможно, этот ребенок, будучи окружен заботой и лаской родителей, сохранит и приумножит чистоту и доброту на земле.

Один из самых «говорящих» антропонимов в «Воскресении» — *Дмитрий Иванович Нехлюдов*. Антропоним *Дмитрий Нехлюдов* встречается в трилогии Толстого, «Утре помещика», «Люцерне»; при работе над «Казаками» Толстой хотел дать главному герою фамилию Нехлюдов. Этих во многом автобиографичных героев Толстого объединяет напряженная духовная жизнь и поиск гармонии. Главного героя «Воскресения» Толстой планировал назвать *Юшковым* — по фамилии своей казанской тетки; в первом наброске к роману (1889) герой назван *Валерьяном Юшкиным*, во втором наброске (1896–1896) — *Аркадием Нехлюдовым*; имя *Дмитрий Нехлюдов* появляется в первой законченной редакции «Воскресения» (1898–1899). Причина приверженности Толстого к фамилии *Нехлюдов* нам видится в следующем. Фамилия *Нехлюдов* произошла от нехристианского патронима, образованного от онима *Неклюд* (фонетический вариант — *Нехлюд*), который в XV–XVII веках был распространен и означал *неуклюжий, нескладный, некрасивый, невзрачный* (в отличие от слова *ключь*, означавшего *порядок, красота*). *Неклюд* — *апотропеическое, защитное имя, отводящее беду*³. Значение онима *Дмитрий* — *посвященный богине земли и плодородия Деметре*. Патроним *Иванович* — один из самых частотных на Руси, образован от *Иван* (формы онима *Иоанн*), значение которого — *Бог милует*. Трехчастный антропоним *Дмитрий Иванович Нехлюдов* выступает как оберег, «предсказывающий» судьбу главного героя, который восходит к постижению Слова Божьего и готов реализовать заложенный в его имени потенциал добра.

Итак. В «Воскресении» у персонажей, играющих большую роль в раскрытии замысла романа, антропонимы семантически значимы. Представители судебной системы жестоки и внутренне пусты. Безымянные старик-раскольник и англичанин не вызывают уважения. Антропонимы политических — дополнительный способ их дискредитации. Имена внутренне растущих действующих лиц с их «прозрачной» религиозной семантикой «защищают» людей, помогают им преодолевать искушения судьбы. Нейтральный, на первый взгляд, антропоним *Дмитрий Иванович Нехлюдов* — самый семантически значимый, апотропеический и многообещающий.

¹ См. статьи Л. Н. Толстого «Великий грех», «Конец века», «О значении русской революции», «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу», «Об общественном движении в России», «Не могу молчать» и др.

² *Горнфельд А. Г.* Об одной фамилии у Льва Толстого // *Горнфельд А. Г.* О русских писателях. Т. 1. СПб., 1912. С. 259.

³ На Руси имена *Захворай, Злоба, Забота, Кривой, Кручина* и т.п. давались для предотвращения зла: люди надеялись, что горе, названное именем, минует его носителя. Для апотропеических имен характерны приставки без-/ бес- и не-, включающие «предупредительное» отрицание добрых качеств: *Бессон, Некрас, Неустрой, Нелюб, Немир, Ненаш, Нехлюд*. Желая иметь красивого здорового сына, родители называли его *Нехлюд*.

О. В. ЛАНСКАЯ
O. V. LANSKAYA

**Философия непротivления злу насилieм
в рассказе Л. Н. Толстого «Свечка»**
**Philosophy of nonresistance
in Leo Tolstoy's story *The Candle***

Аннотация

В статье исследуются пространственные структуры текста рассказа Л. Н. Толстого «Свечка», ключевые слова *грех, душа, свечка* и др., связанные с понятием «непротivление злу насилieм». Философия непротivления злу насилieм реализуется через образную систему произведения, языковую картину мира, отражающую через слово взгляды писателя на окружающую его действительность, особую природу человека, способного изменять мир на основе нравственного закона, закона любви, добра и справедливости.

Abstract

The article investigates the spatial structures of the text of Leo Tolstoy's story *The Candle*, the keywords *sin, soul, candle* etc., which are connected with the concept of «nonresistance». Philosophy of nonresistance is realized through the imaginative system of the work, which by virtue of the word reflects the writer's ideas about life, about special nature of man who is capable to change the world on the basis of moral law, law of love, goodness and justice.

Ключевые слова: *пространство, сема, словосочетание, ключевое слово.*

Keywords: *space, seme, wordgroup, keyword.*

С философией непротivления злу насилieм связаны многие произведения Толстого. Среди них «Исповедь» (1879–1881), «В чем моя вера?» (1884), «Царство Божие внутри вас» (1890–1893), «Не могу молчать» (1908), «Крейцерова соната» (1887–1879), «Воскресение» (1889–1899), «Отец Сергей» (1898) и др. Толстой отмечал, что «только увеличение любви между людьми может изменить существующее общественное

устройство» (Юб. Т. 42, с. 349), что «жизнь поддерживается не страстью разрушения, а чувством взаимности, которое на языке нашего сердца называется любовью» (Там же). Великий писатель утверждал, что любовь — это чувство, «разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку» (Юб. Т. 41, с. 484).

Толстой считал, что «жизнь человека наполняется смыслом в той мере, в какой он подчиняет ее исполнению воли Бога, а воля Бога дана нам как закон любви, противостоящий закону насилия»¹. По мысли писателя, чтобы спасти свою душу, «человек должен перестать делать зло, совершать насилие <...> в том числе и прежде всего тогда, когда он сам становится объектом зла и насилия»². Все эти идеи отражены в рассказе Толстого «Свечка», опубликованном в 1886 г. в «Книжках Недели» и в отдельном издании «Посредника».

Цель настоящей статьи — определить ключевые слова, выявить их функцию, изучить пространственные конкретизаторы, восходящие к теме и идее произведения.

Предмет исследования — совокупность элементов пространственной структуры произведения Толстого, ключевые слова, связанные в тексте с понятием «непротивление злу насилием».

Открывается текст эпиграфом из Библии «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому» (Мф. 5: 38–39). Данное наставление отражает точку зрения писателя на такие понятия, как «зло» и «расплата за содеянное». Словосочетание *не противиться злому* связано с теорией непротивления злу насилием. Само же слово *зло* имеет, по М. Фасмеру, семы 'черствый', 'бесчеловечный', 'наглый', 'грубый', 'несправедливость', 'ложь', 'фальшивый', 'плохой', а также 'идет кривыми путями, петляет, спотыкается, падает'³. Обозначает данная номинация «худое, лихое, худо, лихо»⁴. Противопоставлена данная лексическая единица такому понятию, как «добро». В Словаре Даля отмечается: «Духовное начало двояко: *умственное и нравственное*; первое относится к *истине*, а противоположно ко *лжи*; второе к *добру* (благу) и к *худу*, ко *злу*»⁵, утверждается также, что всякое зло противно человеческому порядку. Оно уродует божественную сущность человека, делает его безнравственным.

В начале текста, напоминающем сказ, дается определение времени. Локализация, представленная категорией времени, зафиксирована с помощью слова *при господах* в значении «во время крепостного права»: «Было это дело *при господах*» (в цитатах из Толстого курсив наш — О.Л.)⁶. Данным словом характеризуется проблема власти, взаимоотношений народа и власть имущих. Восходит исследуемая лексическая единица с семами 'владелец земли', 'несправедливое устройство государства', 'отсутствие нравственного закона' к противопоставлениям «народ — приказчик»; «помещик, приказчик, староста — мужики», «господа —

люди», «собаки (господа) — люди», «начальники из крепостных, приказчик — люди»: «Всякие были *господа*. Были такие, что *смертный час* и *Бога помнили* и *жалели людей*, и *были собаки*, не тем будь помянуты. Но хуже не было *начальников*, как *из крепостных*, как из грязи да попали в князи! И от них-то хуже всего житье было»⁷. Слово *собаки*, как синоним слова *господа*, употребляется в тексте в значении «жестокие люди без совести и чувства сострадания». Собакой и злодеем называли крестьяне и приказчика, выходца из крестьян, бывшего дворового, который замучил их работой и издевательствами: «Долго ли нам терпеть *злодея* нашего?»⁸

По М. М. Бахтину, «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»⁹, что нашло яркое подтверждение в тексте Толстого, в котором речь идет о целой эпохе, важной для понимания истории России, ее прошлого и будущего.

Время и пространство в тексте определяют с помощью слов *барщина*, *земля*, *вода*, *лес*, *луг*, словосочетаний *господское имение*, *кирпичный завод*, *господский лес*, которые в произведении приобретают смыслы «собственность», «несправедливость», «тяжелая жизнь крестьян», «неволя», «отсутствие нравственного закона»: «Завелся такой приказчик *в господском имении*. Крестьяне были *на барщине*»; «*Земли* было много, и *земля* была добрая; и *воды*, и *луга*, и *леса*, всего бы всем достало — и барину и мужикам, да поставил барин приказчиком своего дворового из другой вотчины»¹⁰. Приведенные примеры свидетельствуют о следующем: несмотря на то, что земли было достаточно, в деревне не было согласия. Неблагополучие это объяснялось методами управления, социальным устройством общества, тем, что крупными землевладельцами были помещики, существовало крепостное право.

Пространство в тексте фиксируется также через слова *деревня*, *ворота*, *двор*, *околица*, *угол*, *огороды* с семами «граница между своим и чужим», «территория, опасная для жизни». Это пространство лишено гармонии, так как люди в нем запуганы до такой степени, что, увидев старосту, человека, облеченного властью, стремятся спрятаться: «Сел Михаил Семеныч на лошадь и поехал *в поле*. Выехал *в околицу*, отворила ему *ворота* баба, въехал *в деревню*. Как только увидел народ приказчика, похоронились все от него, кто *во двор*, кто *за угол*, кто *на огороды*»¹¹.

Ключевым в тексте является слово *приказчик* (в значении «уполномоченный от хозяина»¹²), так как обозначает оно одного из главных героев произведения. Отношение приказчика к людям фиксирует слово *завидлив* в значении «склонный к зависти»¹³: «Забрал *приказчик* власть и сел на шею мужикам. Сам он был человек семейный — жена и две дочери замужем — и нажил уж он денег: жить бы да жить ему *без греха*, да *завидлив* был и завяз *в грехе*»¹⁴. Отношение приказчика

к крестьянам фиксируется через слова *обозлился, замучил, битье, придерется, порет, порол, донимал, работа, муки, замучил, отхлестал, исколотил, перепортит, изведет*, восходящие к слову *грех*, которое в тексте употребляется в значении «поступок, противный закону Божию; вина перед Господом»¹⁵: «И спутался весь народ, и *обозлился* приказчик»¹⁶; «А чуть что не по нем, *придерется, порет*. Семен от *поронья* помер. Анисима в колодках *замучал*»; «*Порол* он его каждую неделю»; «И *битьем и работой донимал* народ, и много от него *муки* приняли мужики»; «*Замучил работой*»; «*Исколотил* приказчик Сидору все лицо в кровь»; «*Отхлестал* и Василия татаркой за то, что куча мала»; «*Изведет* он нас до корня»¹⁷.

По М. Фасмеру, слово *грех* «скорее всего <...> связано с *греть* с первоначальным значением “жжение (совести)”»¹⁸. Отсутствие у человека совести уподобляет его зверю лютому, волку, которого все боятся: «<...> дожил приказчик до того, что стал его народ бояться, как *зверя лютого*. Проедет по деревне, так все от него, как от *волка*, хоронятся»¹⁹. Пробуждение же совести — это, по Толстому, начало духовного возрождения, путь к спасению.

Пространство текста конфликтно. Это еще раз подтверждается противопоставлением «Василий Минаев — Михеев». Так три раза собирались крестьяне, чтобы обсудить, что делать с приказчиком. И трижды Василий Минаев, которого пороли каждую неделю, призывал убить приказчика. Говорил Василий, что «грех человека доброго убить»²⁰, бешеную же собаку ради блага ближних надо уничтожить.

Другая точка зрения была у Петра Михеева: «Кабы нам показано было зло злом изводить, так бы нам и от Бога закон лежал; а то нам другое показано. Ты станешь зло изводить, а оно в тебя перейдет. Человека убить не мудро, да кровь к душе липнет. Человека убить — душу себе окровенить. Ты думаешь — худого человека убил, думаешь — худо извел, ан глядь, ты в себе худо злее того завел. Покорись беде, и беда покорится»²¹.

Ключевым в тексте является также и слово *душа* в значении «душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство»²²:

«Пришел Михеев, послушал их речи и говорит:

— *Грех* вы, братцы, великий задумали. *Душу* погубить — великое дело. Чужую *душу* погубить легко, да своей-то каково? Он худо делает — перед ним худое. *Терпеть*, братцы, надо»²³.

Услышав это, мужики к общему решению не пришли: «Одни так думают по Васильевым речам, другие на Петровы речи соглашаются, чтобы не заводил греха, а *терпеть*»²⁴.

Закончилось все тем, что на Святой неделе заставил приказчик мужиков землю пахать под овес. Дважды он звал к себе старосту, расспрашивал, как крестьяне работают, что про него говорят, и был он

счастлив. Не думал приказчик о том, что *«злой человек счастлив, пока сделанное им зло не созрело; но когда оно созрело, тогда злой человек познает зло. Зло возвращается на того, кто его сделал, так же как пыль, брошенная против ветра»* (Юб. Т. 41, с. 383).

Когда же приказчик узнал, что все его ругают, проклинают и что только Петр Михеев ничего не говорит и пашет, то удивился. Поразил его рассказ старосты, который доложил, как работает крестьянин. Пахал Петр Михеев и пел, а на плуге его свеча горела: «Светится, ровно огонек. Подъехал ближе, смотрю — свечка восковая пятикопеечная приклеена к распорке и горит, и ветром не задувает. А он в новой рубахе ходит, пашет и поет стихи воскресные. И заворачивает и отряхает, а свечка не тухнет. Отряхнул он при мне, переложил палицу, завел соху, все свечка горит, не тухнет!»²⁵.

Ключевое слово *свеча* связано в тексте со словом *свет*, которое через семиотическую оппозицию «свет — тьма» коррелирует с противопоставлением «добро — зло»²⁶. *Свеча* связана с верой в Бога. Как известно, «светоносной, солнечной природой, по народно-христианским воззрениям, обладает Бог-Отец и Иисус Христос, Богородица, ангелы и святые»²⁷. Неугасимая свеча в тексте — знак истинной веры, праведничества, чуда, которое сотворил Господь. Свеча — аллегория веры в добро и справедливость, символ великого терпения, идеал, который спасает душу человека. Свеча — это нравственный закон, которому должен следовать каждый.

Этому закону и следует Петр Михеев, хотя мужики говорили, что он «ввек греха не отмолит»²⁸ из-за того, что на Святую пахал. Петр же им отвечал: «На земле мир, в человецех благоволение!»²⁹. Если дополнить эту библейскую фразу, то прозвучит она так: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение» (Лк 2:14). Такими словами воинство небесное славит Бога, возвещая радостную весть о рождении Спасителя. Сказаны они были вифлеемским пастухам и стали частью благовествования о мире во всем мире³⁰. Евангельское «благоволение» — это не просто благосклонность одного лица по отношению к другому, расположенность начальника к подчиненному. Благоволение Божие — это любовь Отца Небесного к земному человеку (ср.: Иер 31:3).

Завершается рассказ смертью приказчика. И пожелание Петра Михеева, чтобы был мир, не исполняется, так как «человек в минуту раскаяния, просветленного сознания своего греха»³¹ погибает. Как отмечал критик Михайловский, сбылись слова не доброго крестьянина Михеева, а слова других, которые желали приказчику зла. По этому поводу он писал: «Мне кажется, из всего этого может быть сделан вывод, диаметрально противоположный тому, который делает гр. Толстой, а именно: не в добре, а в грехе сила»³². Критик утверждал:

«Добро поднялось до чуда и все-таки не достигло желаемого, а грех только слово сказал, и по этому слову исполнилось с поразительной точностью»³³.

Об этом же размышлял и Чертков³⁴. Толстой сначала учел его пожелания, изменил конец рассказа на «добрый», затем вернулся к первоначальному варианту. По этому поводу в письме к Черткову Лев Николаевич писал: «...целый вечер думал о “Свечке” и начинал писать и написал другой конец. Но все это не годится и не может годиться. Вся история написана в виду этого конца. Вся она груба и по форме и по содержанию, и так я ее слышал, так ее понял, и иному она не может быть — чтобы не быть фальшивой» (Юб. Т. 85, с. 276). Данное высказывание помогает понять смысл финала произведения. Во-первых, взгляды Толстого предполагают следование теме и идее текста, его образной системе, авторскому замыслу, логике жизни, ее правде, которая так важна была для великого русского писателя. Во-вторых, мгновенное перерождение героя невозможно, так как путь к спасению требует переосмысления всей своей жизни, великого страдания, жертвенности и покаяния. Мгновенная вспышка совести у героя так и осталась мгновенной. В связи с этим финал произведения воспринимается как «открытый» и предполагает его интерпретацию во времени и новое прочтение.

Итак, философия непротivления злу насилieм передается в тексте рассказа «Свечка» с помощью образной системы произведения, ключевых слов *свечка*, *душа*, *грех*, всей языковой картины мира, отражающей взгляды великого русского писателя на окружающую его действительность, особую природу человека. Размышляя о сложном и противоречивом мире в преддверии трагических потрясений XX в., Толстой призывает к терпению, любви и милосердию, считая, что только так можно изменить общество, каждого человека в отдельности, сделать мир гармоничным, вернуть ему благополучие и согласие.

¹ Гусейнов А. А. Л. Н. Толстой: непротivление злу насилieм // Гусейнов А. А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М., 2009. С. 270.

² Там же.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 2004. Т. II. С. 99.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2006. Т. I. С. 683.

⁵ Там же.

⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1982. Т. 10. С. 309.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 310.

- ⁹ *Бахтин М. М.* Эпос и роман. СПб., 2000. С. 10.
- ¹⁰ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. С. 309.
- ¹¹ Там же. С. 315.
- ¹² *Даль В. И.* Толковый словарь... Т. III. С. 415.
- ¹³ Там же. Т. I. С. 560.
- ¹⁴ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. С. 309.
- ¹⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь... Т. I. С. 402.
- ¹⁶ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. С. 309.
- ¹⁷ Там же. С. 310.
- ¹⁸ *Фасмер М.* Этимологический словарь... Т. I. С. 456.
- ¹⁹ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. С. 309.
- ²⁰ Там же. С. 311.
- ²¹ Там же.
- ²² *Даль В. И.* Толковый словарь... Т. I. С. 504.
- ²³ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. С. 311.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 315.
- ²⁶ *Топорков А. Л.* Свет // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 424.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. С. 315.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Иеромонах Ириней (Пиковский)* В человецех благоволение. Слово в Навечерие Рождества Христова 6 января 2017 года // Православие.Ru: сетевой портал. URL: www.pravoslavie.ru/99997.html (дата обращения: 15.01.2017).
- ³¹ *Михайловский Н. К.* Еще о гр. Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой в русской критике. М., 1960. С. 265.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См.: *Опунльская Л. Д.* Комментарии. Л. Н. Толстой. Свечка // *Л. Н. Толстой.* Собр. соч.: в 22 т. Т. 10. М., 1982. С. 527–528.

Ю. В. ПРОКОПЧУК
YU. V. PROKOPCHUK

**Притча о постоялом дворе
в контексте религиозных и социальных
воззрений Л. Н. Толстого**
**The parable of the hostelry
in the context of religious and social beliefs
of Leo Tolstoy**

Аннотация

Изучается сюжет притчи о постоялом дворе, которая в разных редакциях четыре раза получила отражение в толстовских сочинениях. Притча важна для понимания особенностей как религиозно-философских, так и социальных воззрений Л. Толстого. Высказывается предположение о том, что источник притчи о постоялом дворе – евангельская притча о виноградарях, которую писатель истолковывал в духе своего религиозного учения.

Abstract

The article studies the plot of the parable of the hostelry, four different versions of which appear in Tolstoy's works. The parable is important for understanding of the specifics of both religio-philosophical and social views of L. Tolstoy. It is suggested that the source of the parable of the hostelry is the Jesus' parable of the vineyard, which was interpreted by the writer in terms of his religious teaching.

Ключевые слова: философия Л. Толстого, поздний Толстой, «В чем моя вера?», «Гостиница», сборники мыслей Л. Толстого, евангельские притчи, единство людей.

Keywords: Philosophy of Leo Tolstoy, late Tolstoy, «What I Believe», «The Hostelry», collections of Tolstoy's thoughts, Jesus' parable, unity of people.

Любовь Толстого к иносказанию, притчевой форме хорошо известна, этот феномен неоднократно привлекал внимание исследователей¹.

Писателю нравились евангельские притчи, многим из которых он дал оригинальную трактовку. Толстой часто использовал притчевую форму как для обличения несправедливости существующего строя, так и для разъяснения базовых положений своего религиозно-нравственного учения. Но далеко не всегда фольклорные или религиозно-философские источники служили сюжетной основой для толстовских притч. Лев Николаевич и сам выступал создателем произведений малого жанра, иногда связанных тематически с неким первоисточником, иногда полностью оригинальных.

Тот отрывок, который привлек наше внимание, можно назвать одним из самых любимых Толстым: в Полном («юбилейном») собрании сочинений писателя он встречается в разных редакциях как минимум 4(!) раза. Кроме того, в «Круге чтения» содержится краткий пересказ притчи: «Проезжие грязнят и разоряют поместье постоянного двора и потом осуждают владельца постоянного двора, отдавшего его в полное распоряжение проезжающих. Так же люди осуждают Бога за зло мира» (Юб. Т. 42, с. 275).

Первая редакция так называемой «притчи о постоялом дворе» представлена в трактате «В чем моя вера?». Вот этот текст:

«Философия, наука, общественное мнение говорят: учение Христа неисполнимо потому, что жизнь человека зависит не от того света разума, которым он может осветить самую эту жизнь, а от общих законов, и потому не надо освещать эту жизнь разумом и жить согласно с ним, а надо жить, как живется, твердо веруя, что по законам прогресса исторического, социологического и других после того, как мы очень долго будем жить дурно, наша жизнь сделается сама собой очень хорошей.

Приходят люди во двор, находят в этом дворе все, что нужно для их жизни: дом со всею утварью, амбары, полные хлебом, погреба, подвалы со всеми запасами; на дворе — орудия земледельческие, снасть, сбруя, лошади, коровы, овцы, полное хозяйство — всё, что нужно для довольной жизни. Люди с разных сторон приходят в этот двор и начинают пользоваться всем тем, что они находят тут, каждый только для себя, не думая ничего оставлять ни тем, которые теперь с ними в доме, ни тем, которые придут после. Каждый хочет всё для себя. Каждый торопится воспользоваться чем может, и начинается истребление всего — борьба, драка за предметы обладания: корову молочную, нестриженных котных овец бьют на мясо; станками и телегами топят печи, дерутся за молоко, за зерно, проливают и просыпают и губят больше, чем пользуются. Никто спокойно не съест куска, ест и огрызается; приходит сильнейший и отнимает, а у того отнимает другой.

Намучившись, избитые, голодные люди уходят из двора. Опять хозяин приготавливает всё во дворе так, чтобы люди могли спокойно жить в нем.

Опять двор — полная чаша, опять приходят прохожие, и опять свалка, драка, всё идет туною, и опять измученные, избитые и озлобленные люди выходят вон, ругаясь и злобясь и на товарищей, и на хозяина, что он плохо и мало заготовил. Опять добрый хозяин учреждает двор так, чтобы могли жить в нем люди, и опять то же, и опять, и опять, и опять. И вот в один из новых приходивших людей находится учитель, который говорит другим: братцы! мы не то делаем. Смотрите, сколько добра во дворе, как всё хозяйственно устроено! На всех нас хватит и останется тем, которые после нас придут, только давайте с умом жить. Не будем друг у дружки отнимать, а будем помогать друг другу. Станем сеять, пахать, скотину водить, и всем хорошо будет жить. И вот случилось, что кое-кто понял, что говорил учитель, и стали эти понявшие так делать: перестали драться, отнимать друг у дружки и стали работать. Но остальные, которые и не слышали речей учителя, а которые и слышали, да не верили им, не делали по словам человека, а по-прежнему дрались и губили хозяйское добро и уходили. Приходили другие, и было то же самое. Те, которые послушали учителя, говорили всё свое: не деритесь, не губите хозяйское добро, вам лучше будет. Делайте, как сказал учитель. Но всё еще было много таких, которые не слышали и не верили, и дело шло долго всё по-старому. Всё это понятно и так точно могло быть, пока люди не верили тому, что говорил учитель. Но вот, рассказывают, что пришло время, все услышали во дворе слова учителя, все поняли их, все, мало что поняли, все признали, что это сам Бог говорит через учителя, что и учитель-то был сам Бог, и все поверили, как в святыню, в каждое слово учителя. Но рассказывают, что будто после этого, вместо того чтобы всем жить по словам учителя, вышло то, что после этого уж никто не стал удерживаться от свалки, и пошли все бузывать друг друга, и стали все говорить, что теперь-то мы верно знаем, что так надо и что иначе нельзя.

Что же это такое значит? Ведь скотина — и та сладится, как ей так корм есть, чтобы не сбивать его дуром, а люди узнали, как надо лучше жить, поверили, что сам Бог им велел так жить, и живут еще хуже, потому что, говорят, нельзя жить иначе. Что-нибудь другое вообразили себе эти люди. Ну, что же могли вообразить себе эти люди во дворе, чтобы, поверив словам учителя, продолжать жизнь по-прежнему, отнимать друг у друга, драться, губить добро и себя? А вот что: учитель сказал им: ваша жизнь в этом дворе дурная, живите лучше, и ваша жизнь будет хорошая, а они вообразили, что учитель осудил всю жизнь в этом дворе и обещал им другую, хорошую жизнь не на этом дворе, а где-то в другом месте. И они решили, что этот *двор постоянный* и что не стоит стараться жить в нем хорошо, а что надо только заботиться о том, как бы не прозевать ту обещанную хорошую жизнь в другом месте. Только этим можно объяснить странное поведение во дворе тех людей, которые верят, что учитель был Бог, и тех, которые считают его умным человеком и слова его справедливыми, но продолжают жить по-старому, противно советам учителя.

Люди всё слышали, всё поняли, но только пропустили мимо ушей то, что учитель говорил только о том, что людям надо делать свое счастье самим здесь, на том дворе, на котором они сошлись, а вообразили себе, что это двор постоянный, а там где-то будет настоящий. И вот от этого вышло то удивительное рассуждение, что слова учителя очень прекрасны и даже слова Бога, но исполнять их теперь трудно.

Только бы люди перестали себя губить и ожидать, что кто-то придет и поможет им: Христос на облаках с трубным гласом, или исторический закон, или закон дифференциации и интеграции сил. Никто не поможет, коли сами не помогут. А самим и помогать нечего. Только не ждать ничего ни с неба, ни с земли, а самим перестать губить себя» (Юб. Т. 23, с. 382–384).

Очевидно, к притчевой форме Толстой прибегнул здесь для того, чтобы наилучшим образом выразить сущность учения Христа. От других вариантов этот отличается присутствием образа Учителя (т.е. Иисуса Христа), разъясняющего волю Хозяина (= Бога), устроившего постоянный двор².

Тематически этот текст тесно связан с толкованием евангельских притч, имеющимся в трактате Толстого. В дальнейшем взгляды позднего Толстого претерпевали эволюцию, писатель стал постепенно отказываться от утверждения исключительности христианства, признавать, что религиозная истина отражена во многих религиозно-философских традициях. Отнюдь не удивительно, что следующая редакция притчи не содержит упоминания об Учителе, говорится о том, что правила пользования гостиницей (= правила человеческого общежития) были прибиты «гвоздями на входной двери так, чтобы каждый мог их видеть» (т.е. записаны в человеческом сердце). Тема восприятия проповеди Учителя и извращения его идей отсутствует в «сказке для детей» «Гостиница». Это вторая редакция притчи:

«ГОСТИНИЦА (СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ)»

Один благотворитель хотел сделать людям так много добра, как только мог, и он решил, что лучше всего для этого построить гостиницу в таком месте, где проходит много народу, и снабдить ее всем, что только может доставить людям пользу и удовольствие. Итак, он устроил гостиницу с удобными комнатами, хорошими каминами, украшениями, освещением, кладовыми, полными всякого рода продуктов, овощей и всякого сорта освежительных напитков, а также кроватями, различным платьем, бельем, обувью в таком количестве, чтобы хватило на большое количество людей.

Устроив всё это, благотворитель написал очень отчетливо правила, как пользоваться его гостиницей и всеми вещами, которые были в ней собраны. Эти правила благодетель прибил гвоздями на входной двери так, чтобы каждый мог их видеть. В правилах было написано, что каждый человек, который входит в гостиницу, может оставаться в ней столько, сколько ему надо, и может есть и пить сколько душе угодно и пользоваться всем собранным в гостинице платьем, обувью и провизией. Единственное условие ставилось путешественникам: чтобы они брали только то, что им нужно сейчас, и чтобы они помогали друг другу, а оставляя гостиницу, приводили вещи в тот же порядок, какой был до их приезда.

Устроив всё это и написав и вывесив на двери правила, благотворитель удалился.

Но случилось так, что, когда люди пришли в гостиницу, они не посмотрели на правила и стали пользоваться всеми бывшими там вещами по своему желанию, не думая о других людях и стараясь захватить себе самим все вещи, хотя бы они были им и не нужны. Они начали ссориться между собою из-за вещей. Хватая их из рук друг у друга, они портили их, а иногда портили и из зависти, чтобы другие не могли ими воспользоваться.

Так перепортив всё в гостинице, они начали страдать от холода и голода и от несправедливостей, которые они нанесли друг другу, и стали обвинять их хозяина за то, что он приготовил слишком мало вещей, за то, что он не поставил сторожей, за то, что разрешил вход всяким злым людям. Другие говорили, что обвинять некого, что у гостиницы нет хозяина, что гостиница возникла сама по себе и что это плохое, проклятое место.

Точно так же ведут себя в нашем мире те люди, которые не читают правил нашей жизни, начертанных в наших сердцах и во всех великих учениях наших мудрецов; живут по своей собственной воле, а не по воле их благодетеля. Они разрушают жизнь свою собственную и чужую и обвиняют в этом друг друга, Бога и мир, но только не самих себя.

Если бы только люди поняли, что их счастье зависит только от них самих и если бы они творили волю своего благодетеля, они наслаждались бы таким счастьем, больше которого они не могут себе и представить» (Юб. Т. 37, с. 282—283).

Из истории написания произведения, изложенной в комментариях к 37 тому, мы можем узнать, что «Гостиницу» Толстой написал для фонографа Эдисона, а Чертков перевел это произведение на английский язык. Комментаторы не отметили, что притча создана Толстым давно, двадцать с лишним лет назад (Юб. Т. 37, с. 448). Чуть позже Толстой, слегка отредактировав этот текст, включил его в сборник «На каждый день» (Юб. Т. 44, с. 389—390). Наконец, еще один вариант притчи о постоялом дворе получил отражение в итоговом толстовском

произведении — сборнике «Путь жизни» (Юб. Т. 45, с. 494–495). Любопытно, что четыре варианта притчи заканчиваются разными резюме, в которых выражена суть авторского вывода. Перечисляем их в хронологическом порядке:

1. «Только бы люди перестали себя губить и ожидать, что кто-то придет и поможет им: Христос на облаках с трубным гласом, или исторический закон, или закон дифференциации и интеграции сил. Никто не поможет, коли сами не помогут. А самим и помогать нечего. Только не ждать ничего ни с неба, ни с земли, а самим перестать губить себя» («В чем моя вера?»).

2. «Если бы только люди поняли, что их счастье зависит только от них самих и если бы они творили волю своего благодетеля, они наслаждались бы таким счастьем, больше которого они не могут себе и представить» («Гостиница»).

3. «Только понимай люди, что мир не сам устроился, а устроил его их благодетель — Бог для их добра, и не делай только того, что губит и портит их жизнь, и будет у них такое добро, какого больше не бывает и не может быть» («На каждый день»).

4. «То же самое делают в мире люди, когда, живя не для души, а для тела, губят свою жизнь и жизнь других людей, осуждают не себя, а друг друга или Бога, если признают его, или самый мир, если не признают Бога, а полагают, что мир сам собою устроился» («Путь жизни»).

Налицо эволюция автора притчи о постоялом дворе: если в трактате «В чем моя вера?» Толстой в какой-то степени преследовал полемические цели, хотел оправдать важность проповеди Христа, то в последующих редакциях акцент притчи был смещен в сторону внеконфессиональной религиозности и нравственности.

В трактате «В чем моя вера?» Толстой утверждает несостоятельность человеческих упований на некое мистическое «спасение» свыше, пишет о том, что счастье — в руках самих людей. Любопытен и акцент на деистических представлениях, столь отчетливо проявившийся в разных вариантах притчи. Конечно, он не означает, что Толстой стал убежденным сторонником представлений о сотворении мира Богом, — скорее, креационистские идеи тут лишь используются для наилучшего объяснения христианской морали и осуждения основ общественного строя. То же — и с критикой атеизма (критика тех, кто не признает Хозяина гостиницы, а считает, что она сама по себе устроилась). Очевидно, что тут Толстой критикует не атеизм как таковой и не неприятие креационизма (в других своих произведениях Лев Николаевич, наоборот, критикует креационистские представления!), а те нравственные выводы, которые некоторые делают из атеистических взглядов.

Вопрос об источнике притчи был бы очень сложным, если бы мы не имели ее первого варианта из трактата «В чем моя вера?», где эта притча помещена рядом с толкованием евангельских фрагментов, проповеди Иисуса Христа. Уж слишком много общего у толстовской притчи с евангельскими. И если мы вспомним притчу о виноградарях (о работниках в саду), забывших про хозяина сада, то аналогии с притчей о постоялом дворе станут очевидными. Главная объединяющая их черта — непонимание работниками в саду (= постояльцами гостиницы) того, как себя правильно вести, и непризнание власти хозяина сада (= гостиницы). Притча о виноградарях обращала на себя внимание Толстого постоянно, специально Лев Николаевич останавливался на ней в трактате «В чем моя вера?» и в «Соединении и переводе четырех Евангелий». В комментариях к христианскому памятнику Толстой писал:

«Иисус высказывает, как и во всех учительных местах, всё одну и ту же основную мысль своего учения, что жизнь есть дар Бога, начало Божеское, и что человек, поняв это, может, слившись с началом жизни в этой жизни, сласти свою истинную жизнь. Но в этой притче Иисус высказывает эту мысль с другой стороны: он показывает то, что происходит с теми людьми, которые не понимают и не хотят понять этого. Он показывает то, какой бессмыслицей представляется жизнь для людей, вообразивших себе, что жизнь есть только одна плотская. Он говорит: положение людей в мире подобно положению работников в чужом саду. Работать нужно, жить нужно. Хочешь, не хочешь, будешь работать, будешь жить; и будешь работать и будешь жить не на себя, а как ни живи, как ни работай, всё будешь работать на других, как в чужом саду. Если не признаешь хозяина сада, того, кто послал тебя туда, и не сделаешь того, что он велел, то хозяин прогонит, убьет и пришлет других» (Юб. Т. 24, с. 527).

Более подробно Толстой комментирует эту притчу в трактате «В чем моя вера?»:

«Люди, живя в хозяйском обработанном саду, вообразили себе, что они собственники этого сада. И из этого ложного представления вытекает ряд безумных и жестоких поступков этих людей, кончающийся их изгнанием, исключением из жизни; точно так же мы вообразили себе, что жизнь каждого из нас есть наша личная собственность, что мы имеем право на нее и можем пользоваться ею, как хотим, ни перед кем не имея никаких обязательств. И для нас, вообразивших себе это, неизбежен такой же ряд безумных и жестоких поступков и несчастий; и такое же исключение из жизни. И как виноградарям кажется, что чем злее они будут, тем лучше обеспечат себя, — убьют послов и хозяйского сына, — так и нам кажется, что чем злее мы будем, тем будем обеспеченнее.

Как неизбежно кончается с виноградарями тем, что их, никому не дающих плодов сада, изгоняет хозяин, так точно кончается и с людьми, вообразившими себе, что жизнь личная есть настоящая жизнь. Смерть изгоняет их из жизни, заменяя их новыми; но не за наказание, а только потому, что люди эти не поняли жизни. Как обитатели сада или забыли, или не хотят знать того, что им передан сад окопанный, огороженный, с вырытым колодцем и что кто-нибудь да поработал на них и потому ждет и от них работы; так точно и люди, живущие личной жизнью, забыли или хотят забыть всё то, что сделано для них прежде их рождения и делается во всё время их жизни, и что поэтому ожидается от них; они хотят забыть то, что все блага жизни, которыми они пользуются, даны и даются и потому должны быть передаваемы или отдаваемы.

Эта поправка взгляда на жизнь, эта *μετάνοια* есть краеугольный камень учения Христа, как он и сказал в конце этой притчи. По учению Христа, как виноградаря, живя в саду, не ими обработанном, должны понимать и чувствовать, что они в неоплатном долгу перед хозяином, так точно и люди должны понимать и чувствовать, что, со дня рождения и до смерти, они всегда в неоплатном долгу перед кем-то, перед жившими до них и теперь живущими и имеющими жить, и перед тем, что было и есть и будет началом всего. Они должны понимать, что всяким часом своей жизни, во время которой они не прекращают этой жизни, они утверждают это обязательство, и что потому человек, живущий для себя и отрицающий это обязательство, связывающее его с жизнью и началом ее, сам лишает себя жизни, должен понимать, что, живя так, он, желая сохранить свою жизнь, губит ее, — то самое, что много раз повторяет Христос» (Юб. Т. 23, с. 389—390).

Как известно, церковные оппоненты Толстого трактовали притчу о виноградарях несколько по-другому, метафизический контекст притчи, по их пониманию, был здесь не только основным, но и единственным. Тут акцентировалось внимание на пришествии Иисуса Христа (сына Хозяина), напомнившего о Боге, и на его казни. Согласно принятому у христианских богословов толкованию, виноградник — это еврейский народ, виноградаря — первосвященники, книжники и фарисеи, которых критиковал Иисус, слуги и рабы — пророки еврейского народа, наконец, пришествие Хозяина ассоциируется со Вторым Пришествием Христа.

Что же касается Толстого, то он выводит эту притчу из орбиты традиционных церковно-христианских представлений, пытается придать ей смысл универсальный, общечеловеческий, не связанный с конкретными религиозно-историческими реалиями. При чем в данном случае здесь присутствует глубокий метафизический смысл (жизнь Божья, а виноградаря подумали, что они могут сами ей распоряжаться) и этический (неразумное поведение)³. И все же, видимо, Толстого не совсем удовлетворяла сюжетная канва этой

притчи, именно поэтому он и попытался ее видоизменить, создав притчу о постоялом дворе, в которой отсутствуют сюжеты, связанные с работой, убийством посланцев Бога и возможным наказанием нерадивых виноградарей.

Толстой считал, что человеку дано все, чего он желает — «Жизнь человека есть стремление к благу; к чему он стремится, то и дано ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть злом» (Юб. Т. 26, с. 435), — поэтому гостиница (постоялый двор) как символ человеческого общежития подходил ему больше, чем хозяйский сад, в котором надо работать. Более того, тут невозможно не заметить мотивов «рая» на земле — того самого, от которого люди ушли и уходят постоянно, по Толстому, не в результате грехопадения, а после применения насилия, утверждения неразумных норм общественной жизни. В притче о постоялом дворе элемент принуждения, выполнения обязательств полностью сведен на нет. Толстой провозглашает полную, абсолютную свободу человеческой личности, свободу выбора, а также подчеркивает ту мысль, что жизнь людей, их будущее полностью зависит от них самих.

Что же касается наказания неразумных постояльцев гостиницы, то тут мы тоже наблюдаем картину, принципиально непохожую на сюжет о виноградарях: постояльцы САМИ себя наказывают, совершая неразумные поступки. И это тоже вполне в русле толстовских этических представлений, согласно которым творящий зло сам и наказывается своим же злым поступком. И наоборот, добро не нуждается ни в какой награде. В данном случае, ознакомившись с текстом притчи, мы видим, как постояльцы гостиницы сами же страдают от тех неудобств, которые появились вследствие их междоусобной борьбы:

«Но вот раз зашли во двор люди смелые, дерзкие и недобрые. Сейчас хватали всё, что было, по себе, и поднялась у них из-за добра ссора. Сначала побранились, дошло дело до драки, стали друг у дружки отнимать, стали назло портить добро, только чтобы другому не доставалось. И когда довели дело до того, что перепортили всё, что было, и стали сами зябнуть, и голодать, и терпеть друг от дружки обиды, тогда стали бранить хозяина, зачем он плохо устроил, не приставил караульчиков, мало добра заготовил, и зачем всяких плохих людей пускает. Другие же говорили, что и нет никакого хозяина, а постоялый двор сам устроился» (Юб. Т. 45, с. 494—495).

Осмысливая притчу о постоялом дворе, удивляешься не только тому, как часто обращался Толстой к этому сюжету. Он, весьма и весьма простой, включает в себя слишком сложный клубок про-

блем, имеющих отношение к жизни человечества. Если попытаться развить размышления Толстого в русле сюжета данной притчи, то мы убедимся в том, насколько отчетливо выразилась здесь критическая составляющая толстовского учения. При желании из этой притчи можно вывести самые радикальные толстовские идеи: неприятие военных и политических конфликтов, социального неравенства, взаимной вражды людей. Можно сделать однозначный вывод и о бессмысленности революционных изменений на «постоялом дворе», во-первых, потому, что Хозяин двора сам лучше знает, что нужно постояльцам, а во-вторых, любые попытки насильем «восстановить справедливость», перераспределить богатства, которых у постояльцев и так в избытке, приводят к неисчислимым бедам.

Мы имеем здесь некую универсальную схему человеческого общежития. В этом небольшом по объему произведении получили отражение известное толстовское стремление к всеохватности, универсальности, попытки выявить единую, общую всем людям основу существования человечества, показать неразумность общественных реалий — неразумность столь очевидную, что стоит лишь удивляться ограниченности не понимающих эту истину людей.

¹ См., например: *Куприянова Е. Н.* Эстетика Л. Н. Толстого. М., 1966; *Николаева Е. В.* Художественный мир Льва Толстого. М., 2000; *Лещева В. А.* Поэтика жанра притчи в творчестве Л. Н. Толстого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016; *Лещева В. А.* Притча как способ выражения авторского начала в трактате Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого. М., 2015. С. 207–212 и др.

² Ср. с трактовкой Лещевой В. А.: «Очевидно, что в иносказательном смысле постоялый двор — Вселенная, Учитель — Иисус Христос, а разобщенные, глупые и жадные люди — народы, населяющие землю во все времена. В построении сюжета нет главных и второстепенных действующих лиц, нет их имен, национальностей, званий, возрастов. Четко не обозначено, где именно, на каком постоялом дворе происходят события, в какое время, то есть пространственно-временным особенностям внимания не уделено, это “усредненный сюжет”». *Лещева В. А.* Притча как способ выражения авторского начала в трактате Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого. М., 2015. С. 209.

³ Над этой притчей Л. Н. Толстой часто размышлял и на страницах своих дневников. Например, он подчеркивал, обдумывая этот сюжет, зависимость человека от Бога: «Сущность христианства в том, что жизнь наша

не есть *наша* жизнь, как сад не есть собственность тех, которые пущены в него; а собственность хозяина, Бога, полученная нами для того, чтобы платить за нее трудами для Бога, что жизнь наша есть данная нам сила для служения Богу, исполнения воли пославшего и совершения дела Его. Дело же и воля Его в том, чтобы все соединялись любовью» (Юб. Т. 51, с. 97). Иногда писатель пытался даже развить и расширить сюжет притчи о виноградарях, например: «Хорошо сравнить с виноградником. Хозяин поручил виноградник, и рабы, вообразив, что торканье самое важное, развели, укоренили кусты и деревья, и заглушили виноградные лозы» (Юб. Т. 50, с. 139). Здесь, как мы видим, делается акцент на идее развития, истинное противопоставляется ложному, что тоже в русле религиозных идей Толстого.

И. Ф. САЛМАНОВА
I. F. SALMANOVA

**Исповедальность как переживание себя
в мире и мира в себе**
(на материале поздних дневников Л. Н. Толстого)

**Confession as the experience of oneself
in the world and of the world in oneself**
(on the basis of Tolstoy's later diaries)

Аннотация

В статье рассматривается проблема совмещения в творчестве позднего Л.Н. Толстого исповедального и публицистического начал. Методом, позволяющим раскрыть «механизм» совмещения, является, по мысли автора, исповедально-диалогический алгоритм толстовского творческого мышления, проявляющийся как в дневниках, так и в публицистике. В статье сопоставляются дневники Толстого 1909 г. и статья «Неизбежный переворот», написанная в это же время.

Abstract

The article deals with the problem of combining confessional and journalistic elements in the works of the late Leo Tolstoy. The author discusses the method that allows to reveal the «mechanism» of such combining – a kind of confessional-dialogical algorithm of Tolstoy's creative thinking, manifested both in diaries and in journalism. The diaries of Tolstoy in 1909 and his article «The Inevitable Revolution», written at the same time, are being compared.

Ключевые слова: самопознание, исповедь, проповедь, дневники, публицистика, антиномичность, творческое мышление, диалог, Другой, Собеседник, искренность, исповедально-диалогический метод.

Key words: self-knowledge, confession, sermon, diaries, journalism, antinomism, creative thinking, dialogue, the Other, Interlocutor, sincerity, confessional-dialogical method.

Попытаемся порассуждать, как сосуществуют в творчестве Толстого последнего десятилетия дневники и публицистика; исповедальное слово, обращенное к себе внутреннему, и слово резкое, публицистическое, обращенное вовне, к миру. Сошлемся на два авторитетных мнения. По мнению Г. Я. Галаган, после «Исповеди» Толстой вступает в новую, «открыто исповедальную» фазу своего жизнетворчества. В предисловии к книге «Лев Толстой. Дневники. Записные книжки. Статьи. 1908 г.» И. В. Петровицкая отмечает: «Дневники Толстого поражают своей предельной искренностью — это исповедь. Обретенную им истину Толстой стремится открыть и всем людям, “милым братьям”, как он называет своих читателей. Отсюда страстность его проповеди...», его яркие, режущие обращения: «Не убий», «Не могу молчать», «Пора опомниться», «Одумайтесь», «Довольно»... В статье «Не могу молчать», по мнению исследовательницы, «прозвучала проникновенная публичная исповедь» Толстого¹.

И все же проблема совмещения в творческом сознании Толстого столь несовместимых начал — острейшей социальной критики, позволившей современникам называть писателя «пророком революции», «зеркалом русской революции», «анархистом», и глубокой внутренней, потаенной работы, которой он всецело (судя по дневникам) поглощен, — остается открытой. Каков «механизм» сцепления? Объясняется ли этот толстовский феномен только наличием «кричащих противоречий», антиномизмом его мышления? В качестве гипотезы выскажем мысль о том, что универсальным методом сочетания не сочетаемого становится исповедально-диалогическая природа толстовского мышления, провоцирующая Толстого искать новые формы выражения открывшейся ему истины — «закона любви». Удивляясь самому себе, не веря, что в 81 год он «подвигается во внутренней работе», Толстой в том же, 1909 г., пишет в дневнике от 12 января: «Сейчас много думал о работе. И художественная работа: “Был ясный вечер, пахло...” — невозможна для меня. Но работа необходима, потому что обязательна для меня. Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им. Что-то напрашивается, не знаю, удастся ли. Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь. А я мучительно сильно чувствую ужас, развращаемость нашего положения. Хочу написать то, что я хотел бы сделать, и как я представляю себе, что я бы сделал. Помоги Бог. Не могу не молиться...» (Юб. Т. 57, с. 9–10). «Писать вне всякой формы» — значит, вновь искать способ творческого самовыражения, органически совмещающий слово и поступок, переживаемое внутри и вне себя без промежутка, одновременно. Единственным критерием,

не вызывающим сомнения в совместимости исповеди и проповеди, становится собственная искренность.

Нельзя не согласиться с мнением, что «Толстой по природе своей не был журналистом», «он не мог писать заметки и корреспонденции в номер»². Однако нельзя отрицать и того, что писатель был наделен особым чувством современности, способностью откликнуться на значимые события текущей жизни. Великий яснополянец не смог, как ни стремился, стать отшельником-молчуном, равнодушным ко всему, что творится в мире.

Побудительным началом дневникового письма, исповедально-го по своей сути, стали внешние события собственной биографии. Спонтанное, ничем не регламентируемое, дневниковое письмо стало творческой лабораторией, формирующей в Толстом и художника-психолога, и философа, и проповедника-моралиста, и глубоко верующего человека. В свободном для самовыражения и самоанализа дневниковом дискурсе зарождается и активно развивается исповедально-диалогическое начало, позволяющее познавать себя в мире и мир в себе.

Исповедально-диалогическое начало, по-разному проявляясь в «промежуточных» жанрах — дневниках, письмах, записных книжках, воспоминаниях, имеет некий алгоритм, позволяющий Толстому фокусироваться на главном — постижении природы собственной раздвоенности. В дневниках этот алгоритм проявляется в неустанной фиксации несовпадений с самим собой: намерения, устремления, мечты, высокие помыслы не совпадают с поступками, инерцией общепринятых установок, обстоятельствами. Затем следует покаяние, саморазоблачение, сменяющееся всякого рода правилами, нормами жизни, моральными сентенциями. Но наступает новый день, переворачивается страница дневника и повторяется то же самое: размышления о Боге, об идеальном соседствуют с правилами карточной игры, проигрышами, волочением за девками; молитвы с практическими выкладками; поэтические зарисовки с поеданием борща, разглядыванием и ковырянием носа и т.д. «Смешно, 15-ти лет начавши писать правила, около 30 все еще делать их, не поверив и не последовав ни одному, а все почему<-то> верится и хочется» (Юб. Т. 47, с. 45), — не без иронии замечает Толстой. Почти каждая из толстовских дневниковых записей поражает спонтанным соединением фиксируемых естественных, физиологических ощущений и отправлений, бесконечных бытовых наблюдений, характеристик, самооценок, исповедальных самобичеваний, молитв, наконец, размышлений обобщающего порядка. Дневниковый текст воспроизводит поток сознания, никак и ничем не ограниченного, кроме течения времени. Но каждый раз, так или иначе, звучит главный вопрос к самому себе: «Что я такое? Кто я? Зачем и с какой целью я живу?». Разноголосое,

хаотичное, подчас абсурдное, экзистенциальное дневниковое письмо Толстого, тем не менее, позволяет говорить о «диалогической схеме» его творческого мышления.

«Каждый человек, в той мере, в какой он мыслит творчески, осуществляет свое мышление во внутреннем мысленном диалоге с самим собой; и этот мысленный диалог протекает как столкновение радикально различных логик мышления»³. В контексте этого рассуждения В. С. Библера Толстой предстает как уникальный субъект мышления, которому присущ как рациональный самоанализ, так и отступление от него, погружение в поток жизни. Уже в ранних дневниках начинает проявляться противоречивый диалог умозрения с опытом, в котором «мышление и бытие должны выступать (в логике) в качестве двух субъектов диалога» — в качестве «Я» и «Ты»⁴. Именно в этом дневниковом диалоге рождается внутренний Собеседник, «Я теоретическое» (В. В. Биbihин), и основным критерием самооценки становится искренность, неизменная составляющая исповедальности.

Исповедальность неотделима от автобиографии писателя, становясь экзистенциальной первоосновой непрекращающегося внутреннего диалога. Как антропологический феномен, исповедальность возникает одновременно на рефлексивном и эмоционально-интимном уровнях, проявляется как опознание в себе своего Другого — внутреннего человека и становится «инструментом» самопознания. Одновременно исповедальность стимулирует процесс внутреннего преобразования и перерождения (самосовершенствования), основанного, как правило, на конфликте, борьбе и противоречиях с самим собой и окружающим миром. Толстой открыл исповедальность как начало, исключаящее какую бы то ни было надуманность, искусственность, требующее не только жесточайшего самоанализа, но и самообновления, преодоления несовпадений с самим собой. Однако сочетать автобиографическое (в данном случае дневниковое письмо) с исповедальностью, не впадая в сочинительство, «литературность», необыкновенно трудно. Толстой часто «ловил» самого себя на неискренности. Однако не следует забывать, что толстовские дневники одновременно и биографические документы, и литературные произведения с записями кусков сюжетов, с пейзажными и портретными зарисовками. Литературные заготовки и жизнь в них сосуществуют. Другими словами, исповедально-диалогическое начало способствует перерождению внутреннего Собеседника в Автора, продолжающего самоанализ уже в пределах художественной целостности, перевоплощающегося в собственных литературных героев.

В поздних толстовских дневниках алгоритм самонаблюдений в целом не меняется, несмотря на кардинальную жизненную перестройку, «расширение души», обретение веры и публичное покаяние в «Испо-

веди». В толстовской «Исповеди» прежде всего видят назидательный монолог, перерастающий в откровенную проповедь. Однако не следует забывать, что исповедальный текст — не только итог мучительной внутренней работы, процесс которой запечатлен практически во всех предшествующих повествовательных формах, но и начало нового витка в «искании истины», в движении к ней, а значит — в продолжении внутреннего собеседования. В исповедальном тексте всегда незримо присутствует Другой, Собеседник, другое начало моего «Я». Без всепроникающего диалогического начала исповедь превращается в окаменелую проповедь и дальнейшее движение оказывается невозможным. В «Исповеди» собственное «Я» Толстого — одновременно и повествующий, исповедующийся субъект, и объект его же творческого постижения. Психологический момент трагической раздвоенности, несмотря на обретенную веру и четко выраженную позицию, остается не преодоленным.

Та же раздвоенность, то же трагическое несовпадение «своих верований со своей жизнью» фиксируется и в поздних дневниках. Однако есть и принципиальная разница. Толстому, мучительно преодолевавшему внутреннюю раздвоенность, так и не удается сообразно учению выстроить собственную жизнь, окончательно перевоплотиться в житийного героя, юродивого, аскета, заслужив одобрение Высшего Судии. Трагическая раздвоенность не позволяет Толстому застыть на мертвой точке проповедника извечных истин. Человек ищущий, заблуждающийся оказывается к истине гораздо ближе знающего ее только теоретически. Глубокая философичность поздних дневников «вырастает» из уникального опыта внутренней работы, продолжающегося самонаблюдения, исповедального диалога с самим собой и жизнью. Но именно этот опыт непрекращающегося духовного развития мешает Толстому окончательно выстраивать собственную философскую систему. Более того, этот опыт, в конечном итоге, нацелен на другое — на «живую жизнь», на глубокое переживание того, что происходит вокруг. «Лев Николаевич смотрел на “живую жизнь” глазами практика, а не метафизика. Истина моральная была для Льва Николаевича несоизмеримо важнее истины философской»⁵.

Феноменом последнего десятилетия можно считать сцепление дневниковой исповедальности и публицистики. Но публицистика ли это в традиционном смысле слова? Примером могут служить дневниковые записи 1909 г. и статья «Неизбежный переворот» (5 июля 1909 г.). Прочитаем дневниковую запись от 8 апреля 1909 г.: «Приучать себя думать о себе, как о постороннем; а жалеть о других, как о себе. <...> И теперь самое для меня дорогое, важное, радостное; а именно: Как хорошо, нужно, пользительно, при сознании всех по-

являющихся желаний, спрашивать себя: чье это желание: Толстого или *мое*. Толстой хочет осудить, думать недоброе об NN, а я не хочу. И если только я вспомнил это, вспомнил, что Толстой не я, то вопрос решается бесповоротно. Толстой боится болезни, осуждения и сотни и тысячи мелочей, <которые> так или иначе действуют на него. Только стоит спросить себя: а я что? И все кончено, и Толстой молчит. Тебе, Толстому, хочется или не хочется того или этого — это твое дело. Исполнить же то, чего ты хочешь, признать справедливость, законность твоих желаний, это — *мое* дело. И ты ведь знаешь, что ты и должен и не можешь не слушаться меня, и что в послушании *мне* твое благо. Не знаю, как это покажется другим, но на меня это ясное разделе<ние> себя на Толстого и на Я удивительно радостно и плодотворно для добра действует» (Юб. Т. 57, с. 46–47). Исповедальный дневниковый диалог — отнюдь не эксперимент изолированного психоаналитика, он естественен для Толстого, испытывающего постоянную борьбу между автобиографическим (внешним) и духовным (внутренним) «Я». Дело подчас доходит до «невидимой брани»: «Толстой забирает силу надо мной. Да врет он. Я, Я, только и есть Я, а он, Толстой, мечта, и гадкая и глупая» (Там же, с. 47). Но именно эта «брань» — залог движения, духовного роста. Когда «все раздражает» — внутреннее «деление помогает». Толстой убежден, что «невидимая работа в душе» помогает «не казаться, а быть любовным ко всем» (Там же, с. 57). «Казаться» и «быть» — неизменная психологическая оппозиция внутри Толстого, которая воспроизводится уже не раз испытанным методом — исповедально-диалогическим.

Статья «Неизбежный переворот» написана от первого лица, с открытым забралом, в форме прямого диалога «с людьми нашего времени» и с полной убежденностью, что он не может об этом не говорить. Подчеркнем два важных момента. Во-первых, в этом публицистическом послании людям Толстой также нравственно честен, как и в дневниках. Он говорит о том, что глубоко продумано и внутренне выстрадано. В неискренности, несмотря на критику и навешивание ярлыков, Толстого никто не обвинял. Во-вторых, читающей публике поздний Толстой был известен по преимуществу как публицист и писатель; дневники были знакомы лишь узкому кругу людей. Воспринимаемые вне контекста толстовской внутренней работы, публицистические статьи прочитывались как догматически однозначные поучения. Это понимает и сам Толстой, не без иронии замечающий вначале: «Всё старое “непротivление”, как это не надоест ему, скажут они» (Юб. Т. 38, с. 72). Чрезвычайно важным представляется переосмысление толстовской публицистики в контексте его исповедальных дневников. Кажущиеся столь далекими от дневниковых исповедальных за-

писей Толстого, размышления в статье выстраиваются по такому же принципу — противопоставления внешнего и внутреннего блага, «Я» внешнего и «Я» внутреннего. Безусловно, отталкиваясь от собственного, мучительно переживаемого опыта внутреннего преображения, Толстой говорит о духовном росте человечества, об основах братского единения. Он указывает на «внутреннее противоречие» между законом насилия, воспринимаемым как неизбежная реальность, и законом любви, кажущимся иллюзорным и недостижимым. Между тем, внутреннее противоречие, доведенное до абсурда, опять же воспринимается людьми как обычай, предание, неизбежность. Ужасающими, морально развращающими являются лицемерные, всюду звучащие слова — «во имя любви, блага народа», — которыми прикрывают свои насильственные деяния и революционеры, и коммунисты, и анархисты, и правительства. Толстовская мыслительная оппозиция «казаться и быть», столь характерная для дневниковых рефлексий, становится инструментом распознавания «подобия любви и добра», лжи и притворства всех тех, кто «благоустраивает» жизнь людей.

Духовный рост, пробуждение сознания ставится Толстым во главу угла. Суть — в движении от насилия в сторону высшего, объединяющего всех «закона любви», «в увеличении в себе каждым человеком способности любви». В этом направлении движется и сам Толстой, который, по большому счету, никого не обвиняет («все одинаково не виноваты») и одновременно обвиняет каждого и самого себя, прежде всего. Он рекомендует и себе, и всем простой и самый сложный выход из тупика тотального насилия: начни с самого себя. «Что делать для того, чтобы переворот этот мог совершиться, чтобы жизнь насильническая заменилась жизнью мирной, любовной?» «Все спрашивают, как должна быть устроена жизнь людей, т.е. что делать с другими людьми? Все спрашивают, что делать с другими, но никто не спрашивает, что мне делать с самим собою?» (Там же, с. 89). Вопрос, в сущности, носит религиозно-нравственный характер и потому решается не опытом, а внутренним сознанием, пробуждением в себе внутреннего человека. Необходимо уверовать в закон любви, как уверовал в него сам Толстой, который прежде всего перенес вопросы «из области внешней деятельности (имеющей, будто бы, в виду благо всего человечества, деятельности научной, общественной) в область, кажущуюся узкой, но в сущности самую широкую и глубокую и, главное, несомненную: в область своей личной, не телесной, но духовной жизни, в область религиозную» (Там же, с. 95). «Только сделай это для себя каждый человек, спроси себя, настоящего себя, свою душу, что тебе перед Богом или перед своей совестью (если не хочешь признавать Бога) нужно, и тотчас же получатся самые простые, ясные, несомненные

ответы на самые казавшиеся сложными и неразрешимыми вопросами...» (Там же, с. 96). Эти слова, обращенные к каждому человеку, несомненно перекликаются с процитированной выше дневниковой записью, с вопросами, которые Толстой задавал прежде всего самому себе. Итак, «загляни в свою святую святых, в свое сердце и спроси себя, что тебе, настоящему тебе нужно для того, чтобы прожить наилучшим образом...», и ты познаешь высшее благо — закон любви. Толстому важно «всякое усилие, хотя бы и самое слабое», содействующее наступлению духовного переворота. «Я не мог, — исповедально говорит Толстой, — доживая по всем вероятностям последние дни моей жизни, не попытаться передать другим людям эту мою веру» (Там же, с. 99). Таким образом, исповедально-диалогический метод, столь органичный для дневников Толстого, проникает и в его публицистику, превращая ее в исповедальное обращение к людям всего мира.

¹ *Петровицкая И. В.* Предисловие // *Лев Толстой. Дневники. Записные книжки. Статьи.* 1908 г. / сост., предисл., коммент. И. В. Петровицкой. М., 2009. С. 8–9, 15.

² *Строганов М.* «Несовременник» «Современника», или Был ли Л. Н. Толстой архаистом? // *Лев Толстой и мировая литература: материалы VIII Международной научной конференции, проходящей в Ясной Поляне 12–14 августа 2012 г.* Тула, 2014. С. 203.

³ *Библер В. С.* Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М., 1975. С. 44.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ *Прокончук Ю. В.* Мировоззрение Л. Н. Толстого и духовно-мистическая философия П. П. Николаева: монография. М., 2016. С. 60.

Т. Т. ДАВЫДОВА
T. T. DAVYDOVA

**Влияние поэтики Л. Н. Толстого
на творчество Е. И. Замятина 1930-х гг.**

**The impact of Leo Tolstoy's poetics
on the creative work of Evgeny Zamyatin
in the 1930s**

Аннотация

В статье раскрываются генетические связи творчества Е. И. Замятина 1930-х гг. с романами Л. Н. Толстого. Проводится сопоставительный анализ героев и сюжетов, форм психологизма романа Замятина «Бич Божий», киносценариев «Царь в плену» и «Анна Каренина», наброска сценария «Война и мир» с образами героев, сюжетами и «диалектикой души» одноименных романов Толстого.

Abstract

The article reveals the genetic links between Evgeny Zamyatin's works of the 1930s and the novels by Leo Tolstoy. The comparative analysis of heroes and plots, forms of psychology of Zamyatin's novel *The Scourge of God*, screenplays *The King in Captivity* and *Anna Karenina*, the sketch of the scenario *War and Peace* with images of heroes, plots and «dialectics of the soul» of Tolstoy's novels of the same name is carried out.

Ключевые слова: *Замятин, Л. Толстой, генетические связи, киносценарий, психологизм.*

Keywords: *Evgeny Zamyatin, Leo Tolstoy, genetic relationship, screenplay, psychology.*

Е. И. Замятин в статье «Я боюсь» (1920) отнес Л. Н. Толстого к своему любимому психологическому типу еретика, то есть разрушителя догм в религии, науке, искусстве: «...мир жив только еретиками: еретик Христос, еретик Коперник, еретик Толстой»¹. Но в целом в 1920-е гг.

Замятину творчески были ближе А. Франс, Г. Уэллс и символисты, а также А. Н. Толстой, М. А. Булгаков и прозаики из группы «Серапионовы братья».

Но в 1930-е гг., оказавшись во Франции, Замятин пришел к эстетическому «сменовеховству»: оставаясь писателем-модернистом, он стал ориентироваться в своей прозе и кинодраматургии и на поэтику романов Л. Н. Толстого.

В эмиграции Замятин был вынужден сотрудничать с киноиндустрией и тем самым популяризировать русскую классику. Среди имен, выбранных им для данной цели, — Толстой. Замятин интенсивно работал над сценарием по «Анне Карениной» (1933) и сделал наброски киносценария по «Войне и миру» (1933–34). Погруженность в художественный мир этого произведения обнаруживается и в замятинской статье 1933 г. «Москва — Петербург»: «В романах Льва Толстого бомба, упавши, прежде чем взорваться, всегда долго крутится на месте — и перед героем, как во сне, проходят не секунды, а месяцы, годы, жизнь»².

В оригинальном киносценарии «Царь в плену» (1933–1934) Замятин сквозь призму своей художественной философии трансформировал толстовские типы героев «живой» и «мертвой» жизни и мысли (терминология В. Вересаева), в неоконченном романе об Атилле «Бич Божий» (1935) писатель-модернист стал прибегать и к толстовской «диалектике души».

Один из героев «Бича Божьего» историк Приск, ждущий свидания с сестрой императора Гонория Плацидией, поднимаясь в свою комнату, «машинально считал ступени, все время без слов думая о другом. Он загадал, что если будет больше двухсот, то... Ступеней было двести пять. Он сразу успокоился, ему показалось, что теперь все будет хорошо»³. Внутреннее состояние Приска напоминает работу подсознания Андрея Болконского, очарованного на балу Наташей Ростовой: «Когда кавалер оставил ее, Наташа побежала через залу, чтобы взять двух дам для фигур. “Ежели она подойдет прежде к своей кухне, а потом к другой даме, то она будет моей женой”, — сказал совершенно неожиданно сам себе князь Андрей, глядя на нее. Она подошла прежде к кухне. “Какой вздор иногда приходит в голову! — подумал князь Андрей. — Но верно только то, что эта девушка так мила, так особенна, что она не протанцует здесь месяца и выйдет замуж... Это здесь редкость”, — думал он...» (Юб. Т. 10, с. 205–206). Замятин понимал значимость образа Наташи Ростовской для «Войны и мира» и поэтому, обдумывая сокращения в тексте толстовского романа-эпопеи для своего сценария, из множества сюжетных линий оставил те, которые сходятся к этой героине: Пьер Безухов и На-

таша, Андрей Болконский и она же, Анатолий Курагин и Наташа. Что касается первого бала Ростовой, то он включен Замятиным как эпизод, имеющий важное значение для взросления Наташи и развития ее отношений с Андреем Болконским. Замятин в сценарии в повествовании от третьего лица суммирует разные ощущения и мысли Андрея, вызванные общением с Наташей: «Ее очаровательная непосредственность, ее непохожесть на светских барышень и дам — увлекают князя Андрея. Он танцует с ней следующий танец, но уже больше не отходит от нее, он сам чувствует себя возле этой девушки каким-то обновленным, помолодевшим»⁴.

На поэтике толстовской «диалектики души» основано в «Биче Божьем» также описание сложного душевного состояния Приска, смятения, вызванного заданным ему вопросом о том, девственник ли он: «Ему было стыдно сказать правду и стыдно было своего стыда...»⁵.

Подобно Толстому, Замятин в романе прибегает и к психологической символике. Бассу удается скрыть от Приска свое горе по умершей жене, но переживания ученого раскрываются с помощью символа: «Сзади жалобно скулил увязавшийся за ними шенок с вывернутым наизнанку ухом»⁶. Данный образ, олицетворяющий горе персонажа, напоминает своей художественной функцией описание в «Войне и мире» дуба, соответствующие ощущениям и мыслям Андрея Болконского до и после знакомства с Наташей Ростовою.

Киносценарий «Царь в плену» воссоздает народнический этап русского революционного движения и характерный для деятелей «Народной воли» терроризм. Замятин в процессе написания «Царя в плену» напряженно работал и над сценарием по «Анне Карениной» (1933) для Патэ-Натан (Pathé Natan)⁷, оставшимся неоконченным. «Моя самая большая работа для кино с тех пор, как я оставил Россию, была над сценарием по “Анне Карениной”... Я ограничился треугольником Каренины — Вронский»⁸, — признавался Замятин. Параллельная работа над двумя сценариями обусловила генетические связи «Царя в плену» с «Анной Карениной» на уровне темы, сюжета, психологических типов героев, пейзажа.

Замятиным заимствованы у Толстого сюжетные мотивы незаконной любви и гибели на железной дороге, грозящей Александру II, символично-метафорический зимний пейзаж.

К одному из лейтмотивных пейзажных образов толстовской «Анны Карениной», метели, восходит пейзажная зарисовка в начале «Царя в плену». Во время поездки Анны из Москвы в Петербург метель сопровождает ее внутреннему состоянию и «проясняет» героине зарождающуюся в ее душе любовь к Вронскому:

«— Я не знала, что вы едете. Зачем вы едете? — сказала она, опустив руку, которою взялась было за столбик. И неудержимая радость и оживление сияли на ее лице.

— Зачем я еду? — повторил он, глядя ей прямо в глаза. — Вы знаете, я еду для того, чтобы быть там, где вы, — сказал он, — я не могу иначе.

И в это же время, как бы одолев препятствия, ветер засыпал снег с крыши вагона, затрепал каким-то железным оторванным листом, и впереди плачевно и мрачно заревел густой свисток паровоза. Весь ужас метели показался ей еще более прекрасен теперь. Он сказал то самое, чего желала ее душа, но чего она боялась рассудком» (Юб. Т. 18, с. 109).

В киносценарии «Царь в плену» похожий символически-метафорический зимний пейзаж дан по законам кинодраматургии кратко и не имеет функции психологического параллелизма: «Под фонарем у дворцового подъезда танцует метель»⁹.

Если в «Анне Карениной» «ужас метели» раскрывает борьбу в душе Анны между страстью к Вронскому и долгом замужней женщины, то у Замятина метафора «танцует метель» нравоописательная — она указывает на бал как устойчивую черту дворцового быта. Не случайно Царь впервые появляется в сценарии в сцене бала.

Типы героев сценария также восходят к героям из «Войны и мира» и «Анны Карениной», условно относимым к «живой» или «мертвой» жизни и мысли, но Замятин, рисуя своих героев, опирается и на собственную художественную философию двух общебытийных начал энтропии и энергии. Отношение Замятина, в прошлом члена РСДРП(б), после Октября разочаровавшегося в революционных идеалах, к деятелям «Народной воли» подчеркнуто негативное. Писатель не принимает присущего их тактике террора и наделяет героев-народовольцев Степанова, его сестру Веру и других персонажей чертами энтропии: они несут в себе догматизм и внешне напоминают статуи из музея восковых фигур. Так же схематичны в сценарии аристократы и придворные. Гротескно обрисованы образы княгини Долгорукой (она — громадная «пастушка», держащая под каблуком мужа и его сестер), а также безымянных придворных, скованных предрассудками относительно дворянской чести. Они раскрепощаются лишь в сцене придворного маскарада. Можно сопоставить революционеров и придворных из «Царя в плену» с толстовскими персонажами «мертвой» жизни и мысли Анной Павловной Шерер, Борисом Друбецким, Бергом, Сперанским, князем Василием, Анатодем и Элен Курагиными, Карениным,

Бетси Тверской и проч. «В произведениях своих Толстой выводит немало людей, к которым он относится с решительным, нескрываемым отрицанием. <...> Уж, конечно, самоотверженная Варенька вкладывает в жизнь больше “смысла добра”, чем пьяница, вор и убийца дядя Ерошка; и, конечно, смешно в нравственном отношении даже сравнивать благородного общественного деятеля Кознышева с забубенным Стивою Облонским. И однако ясно, что не к этим деятелям “добра” лежит душа художника. С отсутствием “добра” Толстой еще может помириться. Но чего он совершенно не выносит, что вызывает в нем тоску, отвращение, почти ужас, это — отсутствие все той же *жизни*, все той же *силы жизни*. <...> Вот и Борис Друбецкой в “Войне и мире”. Яркая, радостная жизнь широко раскрыта перед ним. Но он отворачивается от нее. Все живые движения души у него на узде. Никогда он не забудется, никогда вольно не отдастся жизни. Холодно и расчетливо он пользуется ею исключительно для устройства карьеры. Для карьеры вступает в связь с красавицею Элен, порывает с Наташей, женится на богачке Жюли. В атмосфере буйно-радостной и напряженно-страдающей жизни, которую трепещет “Война и мир”, Борис вызывает прямо недоумение: для чего это замораживание бьющих в душе ключей жизни, для чего эта мертвая карьера? <...> В Борисе все же хоть изредка, например, при встречах с Наташей, вспыхивает слабая искорка жизни. Совсем мертв и неподвижен в “Войне и мире” великолепнейший Берг. Это даже не мертвец, а аккуратно сработанный автомат — без крови, без жизни, с единственной двигательной пружиной внутри — жить, как все»¹⁰.

В замятинском сценарии образ Царя, страдающего из-за вины по отношению к Царице, любящего Катю и их ребенка, несет в себе начало энергии. Царь внутренне близок Андрею Болконскому, Пьеру Безухову, Кутузову, Константину Левину. Но, в отличие от перечисленных толстовских героев «живой» жизни и мысли, Александр II предстает не как глава государства, а как частный человек благодаря привязанности к Царице и сыну, любви к княжне Долгорукой и их ребенку. Присущая ему стихия «живой» жизни раскрывается и через его слабости. Когда он читает смертный приговор, подписанный ему членами «Народной воли», «на лице у него мелькает выражение самого обыкновенного человеческого страха»¹¹.

Возлюбленная Царя Катя Долгорукая своей жертвенной любовью к нему и смелостью напоминает Анну Каренину. Драматическая судьба Кати (осуждение со стороны родных и придворных, узнавших о ее связи с Александром II) сродни трагедии Анны и, подобно Анне,

Катя испытывает чувство вины: Анна — перед сыном, Катя — перед Царицей. Мотив самоубийства, являющийся развязкой в сюжетной линии Анны, мелькает и в замятинском киносценарии. Катя хотела было покончить с собой, чтобы разрешить трагический конфликт, но ее остановила мысль о вынашиваемом ею ребенке. (В данном эпизоде она предельно близка О-90 из романа-антиутопии «Мы», становящейся противозаконной матерью.) И все же Долгорукая цельностью натуры, искренностью, любовью к своему ребенку ближе Наташе Ростовой и Кити Щербацкой, чем Анне. В поведении и переживаниях Кити, Наташи и Кити есть общее.

Как и Наташа Безухова, Катя естественнее всего чувствует себя в кругу семьи, она — любящая мать. Возлюбленная Царя из-за нежелания лицемерить отказывается стать фрейлиной Царицы, а когда она все-таки становится ею, то во время представления императрице падает в обморок — параллель к полубморочному состоянию Кити Щербацкой во время бала, на котором она видит сближение Вронского и Анны. Подобно Наташе Ростовой, Анне и Кити, Катя — героиня «живой» жизни, а в замятинской системе ценностей — энергичная личность, протестующая против придворного этикета и дворянской морали. Но и здесь заметно упрощение ее образа по сравнению с Карениной, для которой характерны «изящная женственность, ум и внутренняя одаренность»¹². «Органичные», умеющие искренне чувствовать и жертвовать многим ради своей любви или государственного долга замятинские персонажи лишены интеллектуальной глубины толстовских героев «живой» мысли. Во многом это объяснимо зрительским адресом будущего фильма: перед зрителями-эмигрантами Царь должен был предстать не мыслителем и реформатором России, а жертвой народовольцев и страстным любовником. В сценарии есть лишь небольшие эпизоды, отсылающие к военным победам эпохи царствования Александра II. А легко узнаваемые параллели с романами Толстого придавали большие художественные достоинства замятинскому сценарию.

Царь и Катя Долгорукая находятся в том же ложном положении, что Анна и Вронский, но меньше страдают из-за него и потому, что царский сан защищает Александра II от злословия, и потому, что они созданы друг для друга и между ними нет противоречий. Поэтому развязка сюжета замятинского сценария благополучна: Царь и его любимая сочетаются браком, а гибель Александра II от рук народовольцев вынесена за пределы киносценария. Таким образом, в отличие от «Анны Карениной», в замятинском сценарии жанрообразующим является не трагическое, а драматическое

начало, обстоятельно детерминированное общественно-историческими причинами.

Работа над сценариями по толстовским романам способствовала возникновению у Замятина в 1930-е гг. новой манеры, основанной на традиции реализма Л. Н. Толстого.

¹ *Замятин Е. И.* Я боюсь: Лит. критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А. Ю. Галушкина; подгот. текста А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой; вступ. ст. В. А. Келдыша. М., 1999. С. 48.

² *Замятин Е. И.* Сочинения: в 5 т. М., 2010. Т. 4. С. 246.

³ *Замятин Е. И.* Избр. произведения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 213.

⁴ См.: *Замятин Е. И.* Сочинения: в 5 т. М., 2010. Т. 4. С. 104.

⁵ *Замятин Е. И.* Избр. произведения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 208.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Оpubл.: *Замятин Е. И.* Сочинения: в 5 т. М., 2010. Т. 4. С. 438–445.

⁸ См.: *Shane A.* The Life and Works of Evgenij Zamyatin. Berkely; Los Angeles, 1968. P. 92. Перевод с английского наш. — *Т.Д.*

⁹ *Замятин Е. И.* Сочинения: в 4 т. Мюнхен, 1970–1988. Т. 4. С. 113.

¹⁰ *Вересаев В. В.* Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). М., 1991. С. 91–92.

¹¹ *Замятин Е. И.* Сочинения: в 5 т. М., 2010. Т. 4. С. 79.

¹² *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 171.

В. Д. СЕРАФИМОВА
V. D. SERAFIMOVA

Л. Н. Толстой и А. П. Платонов
Революция, войны, насилие
концепт детства, типология
(на материале отдельных произведений,
дневников, мемуаров)

Leo Tolstoy and Andrey Platonov
Revolution, wars, violence, concept of childhood,
typology (on the basis of different works
of fiction, diaries, memoirs)

Аннотация

В статье проводится параллель между двумя самыми значительными писателями конца XIX – первой половины XX века Л. Н. Толстым и А. П. Платоновым. На основе анализа прозы, дневниковых записей, исторических материалов, писем, воспоминаний рассматривается их отношение к революции 1905 г., к гражданской войне, к войнам и насилию, к социальным потрясениям, к милосердию и состраданию, к памяти, к детям. Выявляются типологические сходства, то общее, что объединяет писателей в постановке и решении экзистенциальных вопросов бытия человека.

Abstract

The article draws a parallel between the two most prominent writers of the end of the 19th and the first half of the 20th century – Leo Tolstoy and Andrey Platonov. Analyzing prose, diaries, historical documents, letters and memoirs, the author of the article highlights their attitude towards the Revolution of 1905, the Civil War, wars and violence, social disruptions, mercy and compassion, memory, children. The typological similarities are identified, that is the things that bring the writers together in setting and resolving existentialist questions of life.

Ключевые слова: *Революция 1905 г. в России, Гражданская война, Великая Отечественная война, участие в сражениях, необходимость само-*

усовершенствования, духовная жизнь, концепт детства, осуждение войны, отношение к детям.

Keywords: *Russian Revolution of 1905, Civil War, Great Patriotic War, participation in battles, necessity of self-improvement, spiritual life, concept of childhood, condemnation of war, attitude to children.*

Художественное восприятие реалий жизни, отраженное в поэтике прозы, в дневниках, в письмах, публицистике самых значительных классиков русской литературы XIX и XX вв. Л. Н. Толстого и А. П. Платонова, *становилось особенно острым в переломные моменты истории России, социальных потрясений, революций, войн.*

Оба писателя подчеркивали демократическую основу своей поэтики. Для А. Платонова, как и для Л. Толстого, главным в жизни и в искусстве были поиски истины и их художественное воплощение, «откровение нового познания жизни» (Юб. Т. 30, с. 225). Связь творчества писателей с реальной жизнью всегда оставалась неизменной. В представлении обоих искусство должно быть доступным и понятным народу. Средства художественной выразительности в прозе этих писателей служат все более углубленному постижению мира. Озабоченность онтологическими проблемами бытия человека, жизни и смерти, натурфилософии, раздумья об устройстве человеческой жизни, о взаимоотношениях с окружающими людьми на началах понимания, справедливости и братства — это то общее, что присуще художественному творчеству, публицистике, дневникам двух самых ярких, значительных классиков XIX и XX веков Льва Толстого и Андрея Платонова на всем протяжении их творческого пути. *Оба писателя «испытуют» своих героев их поступками в переломные моменты истории, отношением к детям, к старикам, к нравственной категории памяти, к смерти. Все это и стало предметом нашего исследования в данной работе.*

Дневники писателей, которые они вели в течение многих лет, перекликаются между собой рассуждениями социально-нравственного характера, осмыслением событий, явлений, происходящих в стране и мире, напряженностью ищущей мысли при анализе «диалектики чувств». Л. Н. Толстой жил в эпоху демократических веяний 60-х гг., отмены крепостного права в России, участвовал в военных действиях на Кавказе и в Крыму, был участником обороны Севастополя, свидетелем революции 1905 г. О Севастополе Толстой пишет и в письмах, и в дневниках, и в прозе. В письме Т. А. Ергольской Толстой отзывается о Севастопольском сражении 4 августа 1855 г. как об «ужасном дне»: «Дорогая тетенька! Сегодня, 4 числа, было большое сражение. Я там был, но мало участвовал. Я жив и здоров, но в душевном отношении никогда себя хуже не чувствовал, сражение было проиграно. Ужасный

день: лучшие наши генералы и офицеры почти все ранены или убиты. <...> Думаю, что надолго мы теперь ничего предпринимать не будем...» (Юб. Т. 59, с. 324). В основу рассказа «Севастополь в августе 1855 года» положена судьба двух братьев Михаила и Владимира Козельцовых, ставших, как и сам автор, участниками большого исторического события, решающего судьбу России. С застенчивой улыбкой семнадцатилетний Владимир, выпускник военного училища, прямо из корпуса уехавший в Севастополь, объясняет старшему брату, поручику Михаилу, почему он вызвался на передовую: «Я желал поскорее в Севастополь... Главное, я затем просил, *что все-таки как-то совестно жить в Петербурге, когда тут умирают за отечество. Да и с тобой мне хотелось быть*» (Юб. Т. 4, С. 71; в цитатах из Толстого курсив наш — В.С.). Хочется отметить, что уже в этом раннем рассказе молодой Лев Толстой показал себя замечательным стилистом, мастером психологического портрета в описании совсем юного участника обороны Севастополя, почти мальчика, который затем проявится в образе Пети Ростова в «Войне и в мире»: «Козельцов-второй, Владимир, был очень похож на брата Михайлу, но похож так, как похож распускающийся розан на отцветший шиповник. Волоса у него были те же русые, но густые и вьющиеся на висках. На белом нежном затылке у него была русая косичка — признак счастья, как говорят нянюшки. *По нежному белому цвету кожи лица не стоял, а вспыхивал, выдавая все движения души, полнокровный молодой румянец.* Те же глаза, как и у брата, были у него открытее и светлее, что особенно казалось оттого, что они часто покрывались легкой влагой. Русый пушок пробивал по щекам и над красными губами, весьма часто складывавшимися в застенчивую улыбку и открывавшими белые блестящие зубы. Стройный, широкоплечий, в расстегнутой шинели, из-под которой виднелась красная рубашка с косым воротом, с папироской в руках, облокотившись на перила крыльца, с наивной радостью в лице и жесте, как он стоял перед братом, это был *такой приятно-хорошенький мальчик*, что всё бы так и смотрел на него. Он чрезвычайно был рад брату, с уважением и гордостью смотрел на него, воображая его героем...» (Там же, с. 72). Не скрывает в письме «дорогой и чудесной тетеньке» Толстой своих переживаний в день прибытия в Севастополь 4 сентября 1855 г. «как раз в день штурма <...> теперь — потеря Севастополя. Я плакал, когда увидел город объятый пламенем и французские знамена на наших бастионах (Юб. Т. 59, с. 335). В рассказе «Севастополь в декабре месяце», написанном 25 апреля 1855 г., опубликованном впервые в журнале «Современник» в 1895 г., Толстой пишет о силе духа защитников города: «Главное, отрядное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать

где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах <...> защитников Севастополя» (Юб. Т. 4, с. 16). В день штурма под Севастополем погибнут оба брата. Козельцов-старший будет смертельно ранен, его положат на носилки, и он успеет подумать, что «он <...> ни в чем не может упрекнуть себя». Он спросит священника, подошедшего к нему с крестом:

«— Что я умру? <...> Что, выбиты французы везде?

— Везде победа за нами осталась, — отвечал священник <...> скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя» (Там же, с. 114).

Авторскую точку зрения, совпадающую с народной, с верой самих солдат, выскажут сами защитники, оборонявшие Севастополь:

«— Разве он тут разгуляется? Как же! Гляди, наши опять отберут <...> Разве наши так оставят ему? <...> Погоди, еще расчет будет с тобой настоящий — дай срок, — заключил он, обращаясь к французам.

— Известно, будет! — сказал другой с убеждением» (Там же, с. 117).

А. Платонов — свидетель революции 1917 г., участник Гражданской войны, электрификации и проводимой в стране коллективизации. В 20-е гг. он руководил строительством электростанций и плотин, обводнял и осушал землю, активно участвовал в политической жизни, вступая в партию, выходя, снова пытаясь вступить. Как и у Л. Н. Толстого, у него было дело жизни, но страсть — к размышлению и сочинительству. Именно в это время Платонов замечен как поэт. В 1923 г. В. Брюсов обращает внимание «...на богатую фантазию, смелый язык и свой подход к темам» в книге стихов А. Платонова «Голубая глубина» (1922). «В своей первой книге А. Платонов — настоящий поэт, еще неопытный, еще неумелый, но уже своеобразный»¹. К этому времени у Платонова складывается и свое представление о целях и задачах новой литературы, что он и декларирует в литературно-критических статьях этого времени. В годы Великой Отечественной войны Платонов был военным корреспондентом, спецкором газеты «Красная звезда», прошел через суровые испытания войны: Курскую дугу, Белорусский фронт, наступление на Украине и в своем родном Воронеже. Четыре книги писателя, вышедшие во время войны, — «Одухотворенные люди», «Рассказы о Родине», «Броня», «В сторону заката солнца» — внесли серьезный вклад в художественное освоение темы войны, патриотизма, антифашистской борьбы. Но главное, автор давал читателю дополнительные силы для сопротивления, абсолютную уверенность в победе. Авторы воспоминаний об Андрее Платонове, в прошлом также военные корреспонденты, рассказывают, что Платонов старался как можно

чаще быть рядом с бойцами и в сражениях, и в быту, любил беседовать с солдатами². В своих специальных корреспонденциях с фронта Платонов пишет в редакцию газеты «Красная звезда» о мужестве и силе сопротивления советских воинов. Обороне Севастополя в годы Отечественной войны фронтовой корреспондент А. П. Платонов посвятит рассказ «Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем». Рассказ под этим названием впервые был опубликован в журнале «Знамя» в 11-м номере в 1942 г., позже рассказ вошел в авторский сборник «Броня». Антитезой войне, смерти в рассказе будет жизнь, любовь, верность своей земле, человеческие сердца моряков, «бившиеся в один лад», «сохраняя жизнь и надежду против смерти». Удивительно поэтично начинается рассказ, прославляющий естественную человеческую жизнь с ее радостью, грустью, верностью, тоской по любящему и любимому сердцу. «В дальней уральской деревне пели русские девушки. Одна из них пела выше и задушевнее всех. И слезы текли по ее лицу, но она продолжала петь, чтобы не отстать от своих подруг. И чтобы они не заметили ее горя и печали. Она плакала от чувства любви, от памяти по человеку, который был сейчас на войне, ей хотелось увидеть его и утешить вблизи него свое сердце, плачущее в разлуке». Ее любимый, краснофлотец Иван Красносельский, в эти минуты идет в атаку, вспоминает мать, родившую его. «Это она, полюбив своего сына, вместе с жизнью подарила ему тайное свойство хранить себя от смерти <...> потому что она любила его и готовила его в своем чреве для вечной жизни, так велика была ее любовь»³. Трагедия войны делает трагичной и долю солдат на войне, отнимающей у них жизнь. Судьбы героев рассказа — Ивана Цибулько, комиссара Поликарпова, Николая Фильченко, Даниила Одинцова, Ивана Красносельского — высветвлены у Платонова библейскими мотивами страдания, добровольного принятия смерти за свою землю, за любимых матерей, жен, детей. О подвиге защитников Родины Платонов пишет в письме любимой жене Марии Александровне от 10 августа 1942 г.: «Помнишь — о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага. Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено сделать из него достойное памяти этих моряков произведение. Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. (У меня получается нечто вроде реквиема в прозе.) И это произведение, если оно удастся, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев <...> мною руководит воодушевление их подвига»⁴.

Л. Н. Толстого и А. П. Платонова объединяет нравственная цельность мироощущений, верность своему взгляду в литературе, творческим принципам. Характерная черта творческого облика писателей — бескомпромиссность в искусстве.

При отправке своих заметок, прозы издателям «Современника» Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву, позднее Е. Ф. Корфу Л. Н. Толстой настаивает на том, чтобы «не изуродовали», «не прибавили ничего», «ежели же сверх того, что я отметил, *стали бы вымарывать что-нибудь, решительно не печатайте*» (Юб. Т. 4, с. 388). В корреспонденции редактору «Военных рассказов» Ивану Ивановичу Панаеву проявилась одна из характерных черт творческого принципа Толстого, как он сам отметит — «*оставаться верным всегда одному направлению и взгляду в литературе*» (Юб. Т. 59, с. 328).

В 1921 г. Платонов обращается в Москву в Государственное издательство с просьбой опубликовать сборник его рассказов и стихотворений, предупреждая: «Если будете печатать, то *прямо сдавайте в набор как есть*» (в цитатах из Платонова курсив наш — В. С.)⁵. И на полях его рукописей часто встречаются пометы: «Прошу оставить как есть», «Прошу считать по-моему»⁶.

Отношение Толстого к революции 1905 г. однозначно определено в его дневниковой записи от 31 июля 1905 г.: «В такие времена борьбы, как теперь в России, нужно, первое: воздерживаться от того, чтобы помогать той или другой стороне; второе: *отыскивать средства примирения*» (Юб. Т. 55, с. 153). В дни, когда в Москве происходило декабрьское вооруженное восстание, началась всеобщая политическая забастовка и прекратилось движение на Московско-Курской железной дороге, в дневнике Толстого появилась запись: «Такие периоды я еще не привык переносить терпеливо. В Москве продолжают *ужасы озверения*. Известий нет, поезда не ходят» (Там же, с. 173). И в то же время Толстой пытается искать «*выход из тупика*», в который «*лжехристианская цивилизация завела христианские народы*» (Там же, с. 155). Его, по собственным словам, «*тревожит, огорчает, испытует*», не дает ему «*легко жить*» бедность бедных и равнодушие богатых: «Сидим на дворе, обедаем, 10 кушаний, мороженое, лакеи, серебро, и приходят нищие, и люди добрые продолжают есть мороженое спокойно. Удивительно!!!!» (Там же).

В исследованиях мы часто обращаемся к дневникам писателей, к их воспоминаниям. О роли дневников в своей жизни Л. Н. Толстой пишет часто и в самом дневнике: «Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей — преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня, телесно, не будет, и что в этом нет ничего дурного. Это то, что мне думается, что от меня требуется. Ну, а если сгорят эти дневники? Ну, что ж? они нужны, может быть, для других, а для меня наверное — не то что нужны, а они — я. Они доставляют мне — благо» (Там же, с. 209).

Исследователями отмечено, что таким же «*благом*» были для Платонова его записные книжки, являвшиеся «сокровенными его собеседниками».

«Иногда записные книжки обретают у Платонова черты самостоятельного литературного жанра с его подвижностью и полной внутренней свободой <...>. Книжки оставались для писателя одним из сокровенных его собеседников, страницам которых он доверял так драгоценные для нас размышления об искусстве, современной и мировой истории, собственной писательской судьбе, интеллигенции и революции <...>. По этим книжкам мы прикасаемся к тому языку разговора с самим собой, который Платонов развернул и реализовал как элитарную и одновременно народную концепцию искусства-жизни в XX веке: как идею литературы нового века (“беседовать самому с собой — это искусство” — “Чевенгур”), что есть по глубинной функциональной связи с народной, “низовой культурой” — то делание “ненужных вещей”, которым заняты все любимые персонажи писателя»⁷. В 20-е гг. А. Платонов полностью раскрывает свои литературные приоритеты и эстетические предпочтения не только в литературно-критических статьях, но и в главных художественных произведениях, таких как «Чевенгур», «Котлован». В данной работе мы рассматриваем представление А. П. Платонова о целях и задачах литературы, о языке писателя, нашедшее отражение и в прозе, и в записных книжках. Одним из главных утверждений писателя, на наш взгляд, является следующее: «Взятое из людей и народа я возвращаю им же, обкатав и обмакнув все это в себя самого. <...> Надо писать отныне не словами, выдумывая и копируя живой язык, а прямо кусками самого живого языка (“украденного” в тетрадь), монтируя эти куски в произведение»⁸.

Мысль о войне, об античеловеческой сущности фашизма, о погибших в сражениях как о «несбывшейся жизни», о несвершенном творчестве, любви, работе, Платонов выделит в записных книжках пометой — «Оч<ень> важно»: «Смерть, Кладбище убитых на войне. И встает к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь, вся картина жизни несбывшейся, и что было бы, если бы она сбылась. Изображается то, что, в сущности, убито — не одни тела. Великая картина жизни и погибших душ и возможностей»⁹. Своим дневникам Платонов доверяет самое «сокровенное» — размышления о революции, о творческой позиции, об отношениях в семье, о детях, брате и сестре, о персонажах своих книг, как бы проверяя их жизненность, иногда с присущим ему юмором, с меткими замечаниями, почерпнутыми из народного языка, с философскими максимами: «Сч<астливая> Москва Чрезвычайно. И счастливую, железную душу надо разоблачить, — и в ничтожестве есть душа, — мертвых нет нигде»; «Композиция Москвы — то счастливая душа, то несчастная, то яркая, то печальная, но везде, в каждом человеке есть греющийся очажок, иначе он, чел<овек>, не прожил бы и минуты»; «Д<ля> Москвы и каждый

день лишь для того и повторяется, чтобы люди вспомнили забытое, необходимое, а люди думают, что это лишь время идет»¹⁰ (1933 г.); «Если бы мой брат Митя или Надя — через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли, и посмотрели на меня; что со мной случилось? — Я стал уродом, изувеченным, и внешне, и внутренне. — Андрюша, разве это ты? — Это я: я [прошел] прожил жизнь» (1942 г.)¹¹; «*Очень важно!!!* Все искусство заключено в том, чтобы выйти за пределы собственной головы, наполненной жалким, жидким, усталым веществом. Субъективная жизнь — в объекте, в другом человеке. В этом вся тайна»; «Мысль, не парная с чувством, ложь и бесчестие»; «Всякая мысль, всякое интеллектуальное движение без своего эквивалента и отображения в чувстве, усиливающего мысль в квадрате, есть ложь и нечестность» (Записи разных лет)¹².

В дневниках и прозе Л. Н. Толстого и А. Платонова выявляются сходные своей гуманистической значимостью, любовью к человеку мысли о человеческой памяти, о милосердии, о войне, о революции, о детях, о семье, о назначении искусства, о самосовершенствовании. Записи в дневнике Л. Толстого в год революции 1905 г. передают возросший интерес писателя к русским революционерам и восторг от чтения книги Александра Герцена «С того берега» о французской революции: «Следовало бы написать о нем, чтобы люди нашего времени понимали его» (Юб. Т. 55, с. 164). Отрадится в записях и боль писателя за «*нашу интеллигенцию*», отгородившуюся от тревог и забот народа: «Наша интеллигенция так опустилась, что уже не в силах понять его. Он уже ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их» (Там же, с. 165). Революция оценивается писателем как «страсть к разрушению», а «*один из главных ее мотивов*» — как игра в бунт, «чувство, к<оторое> заставляет детей ломать свои игрушки, страсть к разрушению» (Там же, с. 175).

Отповедь, данная Толстым революционерам в статье «Правительство, революционеры и народ», показалась чересчур резкой В. Г. Черткову. Сошлемся на воспоминания дочери Толстого Александры Львовны: «Отец послал Черткову свою брошюру “Правительство, революционеры и народ” для напечатания в Англии, но Чертков задержал ее, прося отца смягчить резкие суждения о революционерах»¹³. В 1907 г. статья вышла отдельной брошюрой (с сокращениями) в издательстве «Свободное слово» в Санкт-Петербурге.

События 1905 г. заставляют Льва Николаевича еще глубже задуматься над экзистенциальными вопросами бытия человека, его рождения и смерти, двойственности человеческой природы и утвердиться в мысли о необходимости духовного самосовершенствования человека.

Он поправляет корректуру «Круга чтения», размышляет над фигурой императора Александра I, перечитывая книгу Павла Александровича Строганова, изданную в 1903 г. в Санкт-Петербурге, об участнике Великой французской революции Жильбере Ромме и об эпохе Александра I. Читает Канта и высказывает в дневнике *одобрение нравственному императиву философа*: «Очень хорошо» (9 сентября 1905 г.). Вот дневниковая запись, сделанная в ночь с 1905 на 1906 г.: «Жизнь есть зарождение нового сознания <...>. Еще ясно пришла мысль о том, что жизнь есть прохождение духовной сущности человека через отделенную расширяющую форму. <...> Помогите, Господи, исполнять Твою волю. Не для того, чтобы что-то сделать, а только для того, чтобы делать, что должно» (Там же, с. 172, 178).

В эпистолярном наследии, в дневниках, в прозе Толстой выражает надежду, что «...*русский народ*... разрешит у себя земельный вопрос упразднением земельной собственности и *укажет другим народам путь разумной, свободной и счастливой жизни*» (Юб. Т. 36, с. 230). *Насилие, жестокость, эгоизм, отсутствие милосердия, по Толстому, преграждают людям путь к свободе, разумной жизни.*

Мысли об осуществлении людьми «идеи жизни», «выхода к счастью», размышления «*об отчем наследстве*», которым «*предки*» «*зарядили народ*», тревожат Платонова на всем протяжении его жизненного, творческого пути, что отразилось как в его дневниках, так и в прозе. «Но вся тайна — что у нас народ хороший, его хорошо “зарядили” предки. *Мы живем отчим наследством, не проживем же его*»¹⁴.

В романе «Чевенгур» Платонов вводит в повествование метафорический образ «*зрелого опыта в деснице*», высказав свое предостережение: «Люди, — учил Арсаков, — очень рано почали действовать, мало поняв. Следует, елико возможно, держать свои действия в ущербе, дабы давать волю созерцательной половине души. Созерцание — это самообучение из чуждых происшествий. Пускай же как можно длительнее учатся люди обстоятельствам природы, чтобы начать свои действия поздно, но безошибочно, прочно и с оружием зрелого опыта в деснице. Надобно памятовать, что все грехи общежития растут от вмешательства в него юных разумом мужей»¹⁵. О «*наследстве отцов*», об опыте «*предков*» размышляет Платонов в дневниках: «Революция была задумана в мечтах и осуществляема [первое время] для исполнения самых никогда не сбывшихся вещей»¹⁶.

Герой повести А. П. Платонова «Сокровенный человек» (1928) Фома Пухов, в авторской характеристике «*не верящий в организацию мысли*», принимает непосредственное участие в сражениях в годы Гражданской войны, как и герои Л. Н. Толстого в сражениях на Кавказе и в Крыму. «Пространством и временем полный», платоновский «сокровенный

человек», размышляя над пережитым и увиденным, придет к осознанию ценности жизни, реальности ее исчезновения, ее хрупкости, реальности ее самоликвидации: «Пухов воображал убитых — красных и белых, которые сейчас перерабатываются в удобрительную тучность. Он находил необходимым научное воскрешение мертвых, дабы ничто напрасно не пропало и осуществилась кровная справедливость»¹⁷. Побывает Пухов и в Крыму на десантном судне. При подготовке десантных судов к штурму Перекопа, Пухов разделяет готовность красноармейцев пожертвовать свою жизнь на благо революции: «Оказалось, что на свете жил хороший народ и лучшие люди не жалели себя <...>. Он радовался этой таинственной ночной картине — как люди молча и тайком собирались на гибель»¹⁸.

В финале повести «Сокровенный человек» происходит раздвижение рамок сознания героя и он думает о *«кровной справедливости»*, *«состроится внутренне»*¹⁹. Дав своему герою библейское имя Фома (Ин 20:24–30), Платонов наделяет его таким драгоценным свойством характера, как умение сомневаться, видеть, размышлять, чтобы *«уверовать»*, как библейский апостол. «Нигде человеку конца не найдешь и масштабной карты души его составить нельзя. В каждом человеке есть обольщение собственной жизнью, и поэтому каждый день для него сотворение мира. Этим люди и держатся <...> Война нам убыточна — пора ее кончать!»²⁰.

Осуждение войны, ставшее итогом непосредственного участия Толстого в Кавказских сражениях, в Крыму, выразилось в рассказах «Набег» (1853), «Рубка леса» (1855), «Севастополь в мае», «Севастополь в декабре месяце», в повести «Хаджи-Мурат» (1896–1904).

Воссоздавая по документальным материалам жизненный и творческий путь Л. Н. Толстого, писатель и журналист П. В. Басинский особо выделяет армейский период жизни писателя на Кавказе, в Румынии и Крыму с 1851 по 1855 гг. Автор книги «Лев Толстой. Бегство из рая» напоминает читателям Толстого, что на Кавказе «молодой Толстой и состоялся как писатель, реализуя в литературе то, чего недоставало в жизни. Ранний сирота написал самое поэтичное в русской литературе произведение о детстве». И далее говорит об ошеломляющем воздействии военной прозы Толстого: «Отнюдь не поклонник войны воспел героизм русских солдат в осажденном Севастополе, да так, что над “Севастополем в декабре” плакали императрица, строгий литературный ценитель Иван Тургенев и юный цесаревич (будущий Александр III), а молодой царь Александр II распорядился перевести рассказ на французский язык и даже, по слухам, направил в Крым фельдъегеря, чтобы талантливого офицера-писателя откомандировали в безопасное место»²¹.

«Во всяком случае, я никогда не буду раскаиваться, что приехал на Кавказ, — эта внезапно пришедшая в голову фантазия принесет мне пользу», — напишет Толстой в письме с Кавказа (Юб. Т. 59, с. 119). Толстой на Кавказе начинает работать над самой замечательной своей повестью «Детство», затем над повестью «Отрочество», которые посылает в «Современник» Н. А. Некрасову, где они и будут опубликованы. В письме от 28 декабря 1851 г. Л. Н. Толстой сообщит Т. А. Ергольской о своем официальном зачислении на военную службу: «...я больше не коллеж<ский> регистр<атор>, а ферверкер 4-го класса» (Там же, с. 141).

Гневным осуждением войны проникнут авторский голос в рассказе Льва Толстого «Набег. *Рассказ волонтера*» (1853): «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой — этим непосредственнейшим выражением красоты и добра» (Юб. Т. 3, с. 29).

Рассказ написан двадцатидвухлетним Толстым на Кавказе, в самом начале его творческого пути, когда после «Детства» (1852) он работает над повестью «Отрочество» (1854), в которой конфликт, как и в «Набеге», построен на разладе внутреннего мира героя с окружающим миром. Война в рассказе предстает в ее жестокой реальности: в выстрелах, в звоне сшибающихся штыков, в неприятном шипении неприятельских ядер, «ударяющихся во что-то», в столах раненых, криках — и порицается как явление бесчеловечное, неестественное, порожденное «гадкими людьми». И все описываемые кошмары перемежаются картинками красивой природы, величественных снежных гор, розовых лучей солнца, ясного прозрачного горизонта — носителей спокойствия и мира. *Природа у Толстого «дышит примирительной красотой и силой», вызывает неприятие войны.*

Повествование в рассказе ведется от лица волонтера, и через речевую характеристику, даваемую им персонажам, мы узнаём и об индивидуальных чертах характера каждого, и об эпохе, и о местности, по которой батальон капитана Хлопова добирается до татарского аула, и о грабеже, и, через экскурс в прошлое, о матери капитана Марье Ивановне, восемнадцать лет не видевшей сына, теперь седого и пожилого, а для нее — *Пашеньки*, которому она передает ладанку, образок Божьей матери, в надежде, что та убережет сына от смерти. Потрясающее впечатление производит неожиданное смертельное ранение молодого прапорщика Аланина, только что кричавшего детским голосом: «— Не трогайте, не бейте его!», принявшего бляение козленка за плач ребенка, беспре-

станно улыбающегося, рвущегося в бой, «броситься *на ура*» (Там же, с. 36). Вечером отряд возвращается к крепости. И опять оставшиеся сегодня в живых идут с песнями и хорошим настроением. В рассказе Толстой акцентирует внимание читателя на том, что несмотря на все ужасы войны в человеке остается место человечности.

Рассказ «Рубка леса. *Рассказ юнкера*» (1855) входит в Кавказский цикл, как и «Хаджи-Мурат», «Казак», и свидетельствует о совершенствовании художественного мастерства, стойкости нравственной позиции писателя и силе духа русского человека. Запоминается он краткими, емкими психологическими портретами персонажей, таких как Болхов, Жданов, Антонов, Кирсанов, художественно убедительно разработанными в традициях И. С. Тургенева, как это отмечалось Н. А. Некрасовым, в чьем «Современнике» и был напечатан рассказ. Запоминается рассказ пронизывающей авторское повествование болью за судьбу русского солдата, артиллериста Веленчука, мастерового человека, уже шестнадцать лет несшего службу вдали от родных и близких, оставшегося честным и порядочным, принявшим смерть во время опасной «рубки леса» под ружейным огнем неприятеля. «Веленчук не выходил у меня из головы. Вся простая история его солдатской жизни неотвязчиво представлялась моему воображению. Последние минуты его были так же ясны и спокойны, как и вся жизнь его. Он слишком жил честно и просто, чтобы простодушная вера его в ту будущую, небесную жизнь могла поколебаться в решительную минуту» (Там же, с. 61), — с такими горькими словами прощается рассказчик с погибшим во время Кавказской кампании солдатом, оставляя и в читателе добрую память о русском человеке.

Авторское отношение к «делу» после начавшегося отступления «рубщиков леса» заключено и в следующих строчках: «Зато вырубали леса версты на три и очистили место так, что его узнать нельзя было: вместо прежде видневшейся сплошной опушки леса открывалась огромная поляна, покрытая дымящимися кострами и двигавшимися к лагерю кавалерией и пехотой!» (Там же, с. 60).

Особо хочется отметить внимание, которое Толстой уделяет вопросам детства, воспитанию в семье: «*как жить и как воспитывать детей*» (Юб. Т. 55, с. 164). Вопрос о ребенке для него звучит как «*вся серьезность жизни*» (Там же, с. 163). Фиксирует он в дневниках, как проходит беременность дочерей. С болью он запишет 19 сентября 1905 г., что «Маша опять потеряла начавшегося ребенка. Таня еще держится. Очень жаль их» (Там же, с. 161). И 22 ноября отметит как «великое событие» появление новой жизни, рождение Т. Н. Сухотиной дочери: «Очень хорошо. Великое событие — Таня родила. Приехала Маша с мужем» (Там же, с. 170). Особо хочется выделить тему детства,

жизни ребенка в единстве с миром взрослых в произведениях, написанных во время участия в военных действиях на Кавказе, куда Толстой поехал в 1851 г. вместе с братом Николаем. В письме Т. А. Ергольской из Тифлиса от 12 ноября 1851 г. он благодарит «дорогую тетеньку» за свои «литературные занятия», которые она ему советовала: «Я так давно и упорно <ими> занят, что бросать не хочу» (Юб. Т. 59, с. 119).

Теме детства, семьи, подобно Л. Н. Толстому, уделяет много внимания А. П. Платонов. «Ребенок долго учится жить, — пишет Платонов в «Записных книжках». — Он учится самоучкой, но ему помогают старшие люди, которые уже приучились жить. Наблюдать за развитием сознания в ребенке и за осведомленностью его в окружающей действительности составляет для нас радость»²². «Домашний очаг есть начало родины. Складень»²³. «Дети (маленькие) одинаково “привычны” — жить и не жить; в этом и есть их главн<ая> прелесть: в беззащитности, в незаинтересованности. Описание такого душевного состояния и есть вся л<итерату>ра о детях»²⁴.

Платонов развивает концепцию активизации духовной жизни взрослого ребенком, разрабатывавшуюся его предшественниками — С. Т. Аксаковым, Ф. М. Достоевским, проводит идею «восстановления человека», воплощенную в рассказе Л. Н. Толстого «Сила детства» (1908). Рассказ Толстого представляет собой художественно переработанное изложение стихотворения Виктора Гюго «La guerre civile» («Гражданская война»)²⁵. В нем сконцентрировано толстовское понимание темы детства, восприятие ребенка как силы, объединяющей людей во имя добра и справедливости. Сюжет рассказа «Сила детства» прост и разворачивается на 2–3 страницах. Разъяренная толпа ведет на казнь «связанного человека», который, в авторском повествовании, «в войне народа против власти воюет на стороне власти». Мужские и женские выкрики перемежаются внутренним монологом человека, на красивом лице которого застыло выражение презрения к окружающим людям: «Не всегда сила на нашей стороне. Что же делать? Теперь их власть. Умереть так умереть, видно так надо» (Юб. Т. 42, с. 31). Далее следует диалог сына плененного мужчины, с которым толпа хочет расправиться, с женщиной из толпы. Мальчик протискивается в толпу и притягивает к себе внимание, с ним заговаривают люди, любят его взволнованным лицом. Выясняется, что у ребенка нет матери, а пленный отец советует ему подождать его возвращения у соседки. Отец упрашивает вожака толпы сказать мальчику, что это игра, чтобы мальчик ушел и не видел его смерти. Мальчика выводят из толпы. И происходит что-то непостижимое, неожиданное. «Безжалостные, ненавидящие люди», «за минуту жестокие», вдруг меняются. «— А знаете что. Пустить бы его. <...> — Отпустить, отпустить! — загремела толпа». Финал рассказа

покоряет силой чувства и веры в доброе начало человека, сумевшего одолеть зло и жестокость. «И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, никто не остановил его» (Там же, с. 33).

Поэтические идеи Платонова о *силе детской слабости*, «связывающей людей в единое родство», спрессованы в рассказе «Маленький солдат» (впервые в сокр. виде в «Красной звезде, 1943). Герой рассказа десятилетний мальчик Сергей Лабков «был сыном полковника и военного врача. Отец и мать служили в одном полку, поэтому и своего единственного сына они взяли к себе, чтобы он жил при них и рос в армии»²⁶. Услышав разговор отца с офицером о складе с боезапасом, оставленном у немцев при выходе из окружения, смысленный мальчик тайком пробирается в тыл противника и по возвращении указывает отцу засечками на карте место склада с боезапасом. «Потом полковник выбил оттуда немцев и весь склад перешел в его владение»²⁷. Мальчика не удастся отправить в тыл: он постоянно сбегает, но потом случается горе: отец погибает, и через месяц от ранения умирает мать. Слабость ребенка объединяет взрослых — майора Савельева и майора Бахичева. У истоков всечеловеческого братства в платоновской концепции детства находится беспомощный ребенок, в «слабости» ребенка заключена его «сила», пробуждающая совесть, органически присущую человеку.

В художественном мире Платонова детская слабость неизбежно пробуждает человеческое в человеке. Сердцем осознает герой рассказа «По небу полуночи» (1939), лейтенант германского военно-воздушного флота Эрих Зуммер, предназначение человека — избавить людей от «завоевателей мира», которые хотят «покрыть всю разноцветную и голубую землю» «коричневой глиной могил».

А. П. Платонов силой своего творческого предвидения проник в страшную сущность фашизма и предсказал ему бесславную гибель. Надежды человека на поражение фашизма связаны в рассказе с образом ребенка, побуждающего взрослых «подняться над самими собой», обрести в себе «священную сущность». Писатель показывает, что война не только ведет к дегуманизации человека, она лишает детей разума, человека — будущего. Герой рассказа Эрих Зуммер — талантливый конструктор, механик, летчик, занимающийся в немецкой армии техническим творчеством, улучшением аэропланов, совершит свой беспощадный суд над фашизмом. Через внутренние монологи героя показано расширение его сознания, постижение им нравственного императива: «...ни хорошие, ни плохие моторы сами по себе не помогают правильно существовать человеку, если в человеке нет священной сущности или эта сущность убита или искалечена. <...> эта сущность — наша душа — и <...> без нее общая жизнь человечества не состоится»²⁸.

Подтверждением гуманности его поступка, уничтожения напарника, фашиста, становится отношение Эриха Зуммера к обнаруженному им в разрушенном крестьянском доме «мальчику семи или восьми лет», потерявшему рассудок, желание соединить его с матерью. Платоновский герой осознает: «...современный мир войны и фашизма редко будет дарить детям что-либо другое, кроме смерти и безумия. <...> Нет, я не оставляю его жить одного. <...> Я буду терпеть все и жить, чтобы он не умер... Я буду работать и драться, я не устану и не погибну»²⁹.

Поэтическая реминисценция «*по небу полуночи*» — строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел» — способствует глубокому постижению философского смысла рассказа: «идеи всечеловеческого единения» ради сохранения жизни и счастья детей, продолжателей рода человеческого; идеи трагического посрамления обезумевших взрослых, которые не могут выполнить своего предназначения на земле — «*жить впереди детей*».

Произведения Л. Н. Толстого и А. П. Платонова проникнуты мыслью о планетарной общности людей, мыслью о «человечестве-организме»; у истоков «человечества-организма» в художественном мире писателей находится беспомощный ребенок, пробуждающий совесть, органически приращую человеку.

Л. Толстой: «Ничто так не подвигает к добру, как сознание того, что тебя любят. Оно подвигает и тем, что радостно быть любимым, и делаешь то, что вызывает любовь, подвигает и прямо, непосредственно тем умилением, которое возбуждает любовь, возбуждаемая и испытываемая» («Дневники»; Юб. Т. 55, с. 155).

А. Платонов: «Пока я люблю и могу любить, не может быть, чтоб плохо было на свете, да и не будет плохо» («Записные книжки»³⁰).

¹ Брюсов В. Среди книг // Печать и революция. 1923. № 6 (октябрь–ноябрь).

² См.: Ортенберг Д. Андрей Платонов — фронтовой корреспондент; Липкин С. Голос друга и др. // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. Сборник. М., 1994. С. 105–111, 120–124.

³ Платонов А. Собр. соч.: в 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 62.

⁴ Там же. С. 626.

⁵ См.: А. Платонов и Государственное издательство РСФСР в 1921–1922 годах. Публикация С. Субботина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3 / ред.-составитель Н. В. Корниенко. 1999.

⁶ Автограф такой пометы см. на обложке издания: Архив Платонова. Кн. 1. М., 2009.

⁷ Корниенко Н. В. Предисловие // Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2006. С. 3–13.

⁸ *Платонов А. П.* Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. М., 2011. С. 51.

⁹ *Платонов А. П.* Записные книжки. Материалы к биографии / публикация М.А. Платоновой. М., 2006. С. 231.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 229.

¹² Там же. С. 259.

¹³ *Толстая А. Л.* Отец. Жизнь Льва Толстого. СПб, 1907. С. 257.

¹⁴ *Платонов А. П.* Записные книжки. С. 271.

¹⁵ *Платонов А. П.* Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. М., 2011. С. 130.

¹⁶ *Платонов А. П.* Записные книжки. С. 271.

¹⁷ *Платонов А.* Взыскание погибших. Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи. М., 1995. С. 137.

¹⁸ Там же. С. 120, 124.

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ Там же. С. 136, 142.

²¹ *Басинский П. В.* Лев Толстой. Бегство из рая. М., 2017. С. 106, 109.

²² *Платонов А. П.* Записные книжки. С. 278.

²³ Там же. С. 267.

²⁴ Там же. С. 278.

²⁵ *Бойко Н. М.* Комментарии // *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. М., 1983. Т. 14. С. 503.

²⁶ *Платонов А.* Собр. соч.: в 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 92.

²⁷ Там же. С. 93.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 255.

²⁹ Там же. С. 263.

³⁰ *Платонов А. П.* Записные книжки. С. 274.

М. Л. ГЕЛЬФОНД
M. L. GEL'FOND

**Критика власти
в философии ненасилия Л. Н. Толстого**
**Criticism of power
in Tolstoy's nonviolence philosophy**

Аннотация

Статья посвящена анализу отношения Л. Н. Толстого к власти в различных ее формах и культурно-исторических проявлениях. Жесткая критика Л. Н. Толстым государственно-правовых институтов прямо обусловлена его нравственно-религиозными убеждениями, ядром которых является учение о непротивлении злу насилием. Исходным тезисом мыслителя служит отождествление феномена власти с насилием. Последнее квалифицируется у Л. Н. Толстого как абсолютно недопустимое с точки зрения морали средство принуждения людей действовать вопреки своим естественным устремлениям и разумной целесообразности.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the Tolstoy's attitude towards power in its various forms and cultural and historical manifestations. Tolstoy's strong criticism of political institutions is determined by his ethical and religious convictions with the fundamental doctrine of nonresistance to evil by force. The initial thesis of the philosopher is the identification of the phenomenon of power with violence. The latter is classified as impermissible means of coercion for people to act against their human aspirations and sensible reasonability.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, русская философия, религия, мораль, власть, государство, насилие, анархия, непротивление злу, Бог, свобода, любовь.

Keywords: Leo Tolstoy, Russian philosophy, religion, moral, power, nation, violence, anarchy, nonresistance to evil, God, freedom, love.

Грозный обличитель власти — хрестоматийное амплуа Толстого-моралиста, прочно занявшего свое место в агиографии отечественного революционного движения и снискавшего славу бунтаря, чья непримиримая и, порой, неистовая оппозиционность власти — политическое и экзистенциальное *credo* мыслителя и человека. Спектр традиционных оценок степени его вовлеченности в революционную ситуацию начала прошлого столетия простирается от снисходительно-сдержанной ленинской формулировки, отводившей Толстому весьма скромную роль «зеркала русской революции»¹, до резонансного бердяевского обвинения в том, что именно он оказался тем зловещим «духом русской революции» или духовным провокатором, чья личная ответственность за фатальные для отечественной культуры последствия революционных событий начала пошлого столетия многократно превышает ответственность Ж.-Ж. Руссо за ужасы Великой французской революции².

Между тем, для самого Толстого, доктринально и организационно далекого как от идеологии, так и от практики социальных переворотов, события 1905—1906 гг. в России стали поводом в очередной раз поделиться своими соображениями о природе и исторических перспективах власти. «Всякая революция, — писал он в своей работе «О значении русской революции», — есть всегда изменение отношения народа к власти. <...> И потому, для того чтобы нам знать, как именно мы можем и должны изменить свое отношение к власти, необходимо понять сущность власти, в чем она состоит, как она возникла и какое наилучшее отношение к ней» (Юб. Т. 36, с. 315—362). В этой фразе с удивительной концептуальной четкостью и аналитической последовательностью разворачивается своего рода алгоритм толстовской критики власти, теоретико-нормативным основанием которой служит идея ненасилия.

Как известно, в один ряд нравственно неприемлемых форм насилия Толстым неизменно ставятся и насилие государственно-правовое, направленное на воспроизводство и поддержание существующего общественно-политического порядка, и насилие революционное, имеющее прямо противоположную цель — ниспровержение исторически сложившегося несправедливого строя жизни. Эти полярные модели социально детерминированного насилия являются, по убеждению мыслителя, не чем иным, как прямым следствием опасной иллюзии («соблазна») того, что при условии объективного отсутствия внутреннего консенсуса отдельных человеческих воль в пределах того или иного сегмента социального пространства «одни люди могут силой заставлять других людей жить по своей воле»³.

Таким путем в сознании людей постепенно укореняется «ужасное заблуждение *устройства человеческой жизни*», а именно, ложная уверенность в том, что «всякое устройство основывается на насилии и поддерживается насилием»⁴.

В этом свете символичным выглядит тот факт, что в философских текстах Толстого понятия «насилие» и «власть» отождествляются уже на уровне исходных дефиниций, что прямо указывает на их идентично негативную этико-аксиологическую квалификацию. Так, формулировка ключевого толстовского определения насилия: «насилловать значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие, и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает насилие...», начинается с прямого редуцирования феномена власти к насилию — «властвовать значит насилловать»⁵.

В рамках подобной аргументационной диспозиции категорический запрет на применение насилия с необходимостью предполагает не менее категорический отказ от подчинения какой бы то ни было человеческой власти, т.е. анархизм в его предельной или максималистской версии. Его качественное отличие от революционно-нигилистических вариантов анархизма состоит не в степени «технической» допустимости насилия, а в том, что если анархизм революционный стремится к низвержению власти в ее конкретном социально-историческом варианте, то толстовский анархизм с беспощадной последовательностью не только дискредитирует любую внешнюю власть как таковую без каких-либо исключений, но и откровенно демонизирует ее. Такая тотальная оппозиционность власти во всех ее проявлениях делает Толстого, согласно меткой характеристике Н. А. Бердяева, «самым последовательным и самым крайним анархистом-идеалистом, какого только знает история человеческой мысли»⁶.

В своем моралистическом пафосе толстовский анархизм не ведает сомнений в том, что «исправлять зло в обществе правительственными мерами значит противиться злу насилием»⁷, ввиду чего государство лишено как нравственной легитимности, так и какой бы то ни было эффективности в борьбе со злом, ибо вместо ограничения или преодоления зла насилие только увеличивает накал его разрушительных проявлений в мире. Причем независимо от того, какую направленность по отношению к существующей власти имеет вектор насилия — консервативно-охранительную или революционно-деструктивную, — его императивно-ценностный статус не меняется, т.к. никакие временные успехи насильственной тактики «устройства» жизни людей не могут служить доказательством стратегической обязательности, избирательной допустимости или объективной

неизбежности использования силы как средства пресечения или окончательного искоренения зла.

Более того, если одержимость идеями социальной справедливости придает насильственным акциям революционеров тот ореол героического бескорыстия, который позволяет испытывать к ним подобие сострадательной симпатии, то обезличенное насилие государства, неперсонифицируемость которого придает ему еще более зловещий и безграничный характер, оценивается мыслителем не только как наиболее опасный инструмент беспредельной эскалации зла, но и как средство чудовищного по своим масштабам и последствиям разращения человеческого сознания. Ведь социум, справедливо настаивает Толстой, воспринимает повседневно-будничную практику иницилируемого и санкционируемого государством насилия в качестве вполне убедительного прецедента морально-правовой дозволенности, исторической необходимости, политической целесообразности и даже общественной благотворности его применения, причем как в исключительных случаях (например, ради спасения жизни) или при наличии особых условий (к примеру, во имя защиты Отечества от захватчиков или внутренних врагов), так и во всех ситуациях конфронтации партикулярных интересов вообще. А потому Толстой неустанно призывает к сознательному отказу от любых форм сотрудничества с государственными структурами и поддержки каких бы то ни было исходящих от них инициатив. И эта предельно искренняя радикальность толстовского анархизма заставляет усомниться в безусловной ценности государственных устоев даже убежденных оппонентов мыслителя. Так, С. Н. Булгаков откровенно признает, что «где-то в глубине души, даже при самом решительном неприятии учения Толстого о государстве, остается смутная тревога, гнездится сознание некоторой высшей правды этого учения, и уж во всяком случае становится невозможным наивный апофеоз государственности»⁸.

При этом Толстой — отнюдь не наивный догматик, которому полностью чужд ретроспективный взгляд на феноменологию государственного насилия. Последнее, охотно признает он, в прошлом могло быть полезно и даже необходимо в качестве силы, призванной защищать людей от бесчинств сил еще более грубых и опасных, ибо в отсутствии государственной власти «более злые стали бы насиловать добрых»⁹. Однако успешное выполнение подобной миссии неизбежно требует объективно недостижимого для людей обладания знанием того абсолютного критерия добра и зла, посредством которого можно было бы корректно дифференцировать общество, безошибочно отделяя «добрых» от «злых». Констатация отсутствия у человека такой

возможности становится для Толстого исходной посылкой жесткой критики судебной и пенитенциарной системы и основным аргументом в его страстной полемике против смертной казни.

Другую причину неизбежной утраты государственной властью своей легитимности Толстой видит в закономерной эволюции сознания людей. А именно в том, что: «В старинные времена главным средством оправдания употребления насилия <...> было признание особенных, сверхъестественных прав за так называемыми государями, царями, султанами, раджами, шахами и т.п. главами государств», однако свойственное языческому жизнепониманию стремление наделять власть сверхъестественными прерогативами уже изжило себя, ибо «чем дольше жили люди, тем все больше и больше стала ослабевать вера в особенные, освященные Богом права государей. <...> а в последнее время уже так ослабела, что не могла уже служить, как прежде, оправданием поступков, явно противных и здравому смыслу и истинному религиозному чувству»¹⁰.

Между тем, рассуждает далее Толстой, исторически неизбежное развенчание иллюзии безусловной необходимости государства как освященной божественным статусом правителя силы, защищающей добрых от посягательства злых, не наносит идее государства рокового удара, поскольку ее первоначальные, мифологические и теологические, основания незаметно подменяются научными ее объяснениями, не менее нелепыми в своей беспочвенности, по мнению Толстого. К ним мыслитель склонен относить три главных постулата своих идейных противников: инерционность «исторического закона» (т.е. замену сверхъестественного освящения государственного насилия указанием на его историческую неизменность); позитивистскую экстраполяцию биологических законов «борьбы за существование» и «естественного отбора» в сферу социальных отношений, а также общественно-политическую апологию необходимости «употребления насилия против некоторых для блага многих».

Не ограничиваясь реконструкцией и анализом наиболее влиятельных социокультурных вариантов обоснования насильственной природы власти, Толстой выявляет и рассматривает основные средства ее поддержания: «устрашение», «подкуп», «гипнотизацию народа» и воинскую повинность. Первое из них заключается в том, чтобы максимальной жестокостью наказаний удерживать людей от попыток изменить порядок жизни; второе — в том, чтобы на средства, отнятые у трудового народа, содержать многочисленный чиновничий аппарат, покорно исполняющий волю правительств и готовый на любые насилия, лишь бы сохранить свои привилегии; третье средство со-

стоит во всяческом поощрении «религиозного» и «патриотического» суеверий, а также в самом широком распространении таких «средств одурения», как табак, водка, чувственные увеселения и пр., дабы «задерживать духовное развитие людей и различными внушениями поддерживать их в отжитом уже человечеством понимании жизни, на котором и зиждется власть правительств»; и, наконец, четвертым средством являются «загипнотизированные, физически сильные, молодые люди <...> снабженные орудиями убийства, всегда покорные власти правительства и готовые по его приказанию на всякое насилие». Так «замыкается круг насилия», циркулирующего в обществе, и «вырваться из него силой нет никакой возможности», — подводит неутешительный для современной цивилизации итог Толстой¹¹.

Таким образом, государственная власть представляется Толстому мощным и беспощадным в своем имперсональном бездушии механизмом насилия, лишенным возможности изменить губительную направленность своего действия. Основная же функция «сложнейшей машины государственной и общественной» — «разбивать ответственность совершаемых злодейств так, чтобы никто не чувствовал противоестественности этих поступков»¹², вовлекая массы людей в тот фатальный «круг насилия», из которого нет выхода для тех, кто связан ложными обязательствами повиновения человеческой власти.

Последняя неизменно дефинируется Толстым как «средство принуждения человека поступать противно своим желаниям», которое требует упразднения свободы воли, заставляя людей действовать вопреки своим естественным устремлениям и разумной целесообразности¹³. Следовательно, непротивление как последовательная дискредитация и искоренение насилия — единственная стратегия, которая полностью «освобождает людей от всякой внешней власти»¹⁴, т.е. насильственного подчинения человека человеку.

Однако этот принцип «неповиновения людям»¹⁵ не имеет для Толстого ничего общего как с бессмысленным произволом самоутверждения эгоистической личности в перманентной «войне всех против всех», так и с патологической страстью к разрушению любых учреждений, организующих совместное бытие людей. «Анархия, — с предельной ясностью говорит мыслитель, — не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которыми заставляют людей подчиняться насилию»¹⁶. Между тем, искренне недоумевает Толстой, «люди не видят того, что отрицать существующее устройство общества можно только на основании *совершенно* нового, иного порядка, основанного не на насилии»¹⁷, а на Любви, лежащей в основании всеобщего равноправного единения. Тем самым, репрезентация Толстым

ненасильственной парадигмы в социально-историческом контексте принимает форму фундаментальной антитезы противоестественного государственного соединения людей как неизбежного следствия сугубо насильственной природы человеческой власти и естественного любовного единения людей, признающих над собой лишь власть Бога.

Экзегетическим аналогом этой вселенской социальной консолидации служит для Толстого христианская мифологема Царства Божьего как образ торжествующего тождества нравственного и общественного идеала. Перспектива Царства Божьего получает у мыслителя предельно лаконичную интерпретацию: «установление наибольшего единения всего живущего, возможное только в истине»¹⁸. Подобная форма организации жизни людей безусловно превосходит все предшествующие ей, и личную, и общественную, или государственную, поскольку они, будучи накрепко связанными с плотским существованием телесно дискретных «животных личностей», носят ограниченный, временный характер, в то время как Царство Божие являет собой искомый этико-антропологический эквивалент онтологической универсальности Всего. Причем если для теоретического разума данная метафизическая конструкция сугубо априорна, спекулятивна и понятийно невыразима, являясь скорее предметом Откровения, чем областью рационально удостоверенного знания, то относительно практической способности разума — это и есть «все, что мы можем знать, это то, что мы, составляющие человечество, должны делать и чего должны не делать для того, чтобы наступило это царство Божие»¹⁹.

Главное условие реализации этой глобальной этико-нормативной программы Толстой видит в полной и окончательной эмансипации от всякой человеческой власти, что и является ключевой интенцией истинного христианского учения. «Христианин, — разъясняет мыслитель, — освобождается от человеческой власти тем, что признает над собой одну власть Бога, закон которой, открытый ему Христом, он сознает в самом себе, и подчиняется только ей. И освобождение это совершается не посредством борьбы, не разрушением существующих форм жизни, а только изменением понимания жизни»²⁰. Иначе говоря, «не повиноваться людям можно только тогда, когда повинешься высшему, общему для всех закону Бога», а именно, делаешь все, дабы «жить доброй, нравственной жизнью»²¹. Подобная умперемена, считает Толстой, может произойти только вследствие максимально ясного осознания человеком того, что «жизнь его принадлежит не ему, его личности, не семье или государству, а тому, кто послал его в жизнь». Неизбежным же следствием этого мыслительного прорыва становится для христианина достижение подлинной теонмии, т.е. понимания

абсолютной императивности закона того, «от кого он исшел» (закона Бога). Тем самым, исполнение данного Богом закона не только делает любого из нас «совершенно свободным от всякой человеческой власти», но и позволяет «перестать видеть эту власть, как нечто могущее стеснять кого-либо»²².

Таким образом, для истинного последователя учения Христа, полагает Толстой, насилия просто не существует, но не за счет вытеснения его в сферу нравственно безразличного, некоего подобия стоической адиафоры, а, напротив, посредством предельного обострения негативности его восприятия в качестве нравственно недопустимой, аксиологически негативной и практически бесполезной социальной практики. Иными словами, вопреки широко распространенному в общественном сознании мифу о том, что непротивленческая моралистика Толстого — симптом духовно-нравственного аутизма или разновидность рафинированного эгоизма, ориентирующая человека на себялюбивое самоутверждение в своей духовной автаркичности и моральной безупречности на фоне безучастного созерцания страданий безвинной жертвы и фактического самоустранения из сферы активного противления злу, сам мыслитель рассматривает непротивление как наиболее эффективный способ преодоления ограниченности человека за счет перенесения своего «ego» из «животной личности» в область «разумного сознания». По сути, отказ от насилия представляет собой осознанный отказ отдельного эмпирического «Я» от своих претензий на безраздельную самодостаточность ввиду исходной антропологической абсурдности любой из форм эгоистической волевой оппозиции, т.е. насилия личности как в отношении других индивидов, так в отношении любых человеческих сообществ.

Отсюда очевидно, заключает Толстой, что «анархизм с допущением насилия — смешное недоразумение. Анархизм есть только один разумный — христианство»²³. И основу его, как это ни парадоксально, составляет не отказ от подчинения чему или кому-либо, а, напротив, максимально строгое подчинение, но не человеческой власти, а воле Бога посредством неукоснительного следования высшему (Божескому) закону жизни (закону Любви). Поэтому, делает окончательный вывод Толстой: «Не анархизм то учение, которым я живу. А исполнение вечного закона, не допускающего насилия и участия в нем»²⁴.

Развивая этот фундаментальный тезис, Толстой прямо говорит о том, что людям не нужны частичные политические, экономические и т.п. «отдельные» свободы. Им необходима «одна, настоящая, полная, простая свобода» — свобода от произвола внешней, насильственной человеческой власти, т.е. такое состояние, когда

«над человеком нет такой власти, которая требует от него поступков, противных его желаниям и выгодам»; следовательно, «свободен может быть человек только в той мере, в какой он исполняет высший закон»²⁵. Этико-императивный минимум последнего сводится Толстым к заповеди непротivления, а основное преимущество человека, следующего ей, мыслитель обнаруживает в том, что, номинально оставаясь во власти государства с его законами насилия, такой индивид обладает по отношению к ним своего рода духовным иммунитетом или подлинной свободой — свободой выбора в пользу абсолютного отказа от насилия, а значит, от подчинения внешней власти во имя обретения подлинной автономии доброй воли в ее устремленности к высшему благу.

Такой возможности, предостерегает мыслитель, заведомо лишается человек, существующий по «инерции жизни» и разделяющий стереотипы житейского скепсиса в восприятии убежденного непротivленца как маргинала, неизбежно обреченного на социальную изоляцию и страдания в окружении не разделяющего его воззрения большинства. Христос, доказывает Толстой, давая людям заповедь непротivления, «не требует никаких страданий для страданий», но «велит не противиться злу и говорит, что при этом придется, может быть, и страдать»²⁶. Однако любые возможные неудобства и лишения, которые окажется вынужденным терпеть истинный последователь христианского учения, не смогут сравниться ни с открывающейся ему беспредельной радостью обретения абсолютной истины и ни чем не ограниченной свободой, ни с безысходной бедственностью положения тех, кто отказывается исполнять заповеди Христа, считая их неисполнимыми мечтами неисправимого и далекого от реальной жизни идеалиста. Не случайно, вопреки привычным доводам обывательского здравого смысла, Толстой демонстрирует довольно провокативный способ трактовки евангельской моральной проповеди в духе последовательного эвдемонизма: «Христос же и не думает призывать нас к жертве, Он, напротив, учит нас не делать того, что хуже, а делать то, что лучше для нас здесь, в этой жизни»²⁷.

Исходя из этого можно предположить, что именно логика гуманистической целесообразности, а отнюдь не моделирование очередной социальной утопии является подлинным импульсом толстовской аргументации этики непротivления. Иначе говоря, тотальная деструкция учреждений и институтов государственно-правового насилия служит для Толстого бесспорно значимой и привлекательной, но отнюдь не самодовлеющей или доминирующей целью сообщества истинных христиан, а лишь побочным следствием прогнозируемого им триумфа

перфекционистских предпочтений «разумного сознания» отдельных индивидов, результатом которого должно стать их духовное рождение («рождение духом») в новом качестве свободно и солидарно самосовершенствующихся личностей. Их союз и должен воплотить тот идеал всеобщего органического единства воле (Царство Божие), который в своем предельном выражении носит очевидно сверхсоциальный характер, выступая в форме абсолютной гармонии Универсума, окончательно преодолевающей любую дискретность.

Таким образом, последовательная дискредитация любой человеческой власти становится у Толстого социально адаптированной версией духовно-нравственного преодоления ключевой антиномии необходимости и свободы, закона и идеала, т.е. единственным способом ментального прорыва в область метанормативного коммунизма бытия, упраздняющего иное во всем многообразии его ипостасей и тем самым лишаящего насилие, как форму реактивного волевого воздействия на него, какой бы то ни было предметности, а значит, и смысла.

¹ См.: Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин В.И. ПСС. М., 1968. Т. 17. С. 206–213.

² См.: Бердяев Н.А. Духи русской революции // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 134–139.

³ Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993. С. 201, 200.

⁴ Толстой Л.Н. Философский дневник. 1901–1910 / сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Николоюкина. М., 2003. С. 288.

⁵ См.: Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. М., 1992. С. 338.

⁶ Бердяев Н.А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 482.

⁷ Толстой Л.Н. Философский дневник. С. 20.

⁸ Булгаков С.Н. Л.Н. Толстой // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 236.

⁹ Толстой Л.Н. Царство Божие... С. 340.

¹⁰ Толстой Л.Н. Письмо к индусу // Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви: О пути, об истине, о жизни. М., 2004. С. 876.

¹¹ См.: Царство Божие... С. 308–311.

¹² Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? Л., 1991. С. 157–158.

¹³ См.: Толстой Л.Н. Царство Божие... С. 292–293.

¹⁴ Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. М., 1992. С. 167.

- ¹⁵ Толстой Л. Н. Конец века // Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви: О пути, об истине, о жизни. М., 2004. С. 775.
- ¹⁶ Толстой Л. Н. Путь жизни. С. 217–218.
- ¹⁷ Толстой Л. Н. Философский дневник. С. 329.
- ¹⁸ Толстой Л. Н. Царство Божие... С. 419.
- ¹⁹ Там же. С. 361.
- ²⁰ Там же. С. 321.
- ²¹ Толстой Л. Н. Конец века. С. 775.
- ²² Толстой Л. Н. Царство Божие... С. 320.
- ²³ Толстой Л. Н. Философский дневник. С. 299.
- ²⁴ Там же. С. 456.
- ²⁵ Толстой Л. Н. Конец века. С. 775, 769.
- ²⁶ Толстой Л. Н. В чем моя вера? С. 127.
- ²⁷ Там же. С. 289.

А. С. КОНДРАТЬЕВ, П. Д. АНИСИМОВ
A. S. KONDRATYEV, P. D. ANISIMOV

**Революция в духовном опыте Л. Н. Толстого:
константы и переменные национального
самосознания**

**Revolution in the spiritual experience
of Leo Tolstoy: constants and variables
of the national self-consciousness**

Аннотация

Духовные и творческие искания позднего Толстого не могут быть истолкованы как зеркальное *отражение* или же *порождение* революционной смуты, несмотря на устойчивые методологические стереотипы в историко-литературном опыте освещения этой темы. Толстой последовательно проводит мысль о необходимости нравственного преобразования человека, которое не имеет ничего общего с социальным переустройством мира по лекалам деформированного сознания, не укорененного в духовной традиции отечественной культуры.

Abstract

Spiritual and creative quests of late Tolstoy cannot be interpreted as a *reflection* or an *outcome* of the revolutionary discord, in spite of the stable methodological stereotypes in the historico-literary experience of elucidation of this theme. Tolstoy advances the idea of necessity of moral transformation of a man which has nothing to do with the social reconstruction of the world planned by deformed consciousness not rooted in spiritual tradition of Russian culture.

Ключевые слова: *революционные потрясения, историософские воззрения Толстого, стереотипы восприятия, духовная традиция, национальный опыт, художественная антропология.*

Keywords: *revolutionary disruptions, historiosophic views of Tolstoy, stereotypes of perception, spiritual tradition, national experience, artistic anthropology.*

После кровавых событий в Петербурге 12 января 1905 г. Д. П. Маковицкий отметил настороженно-трагическое предостережение Толстого в оценках произошедшего: «Меня не интересует то, что будет в 1910 г., а то, что будет через 70 лет. Если бы те, кто боролись за Французскую революцию, могли видеть последствия дальнейших 70 лет, какое это было бы разочарование!»¹ Толстой, пророчески прозревая сакральный смысл грядущего², предупреждает своих современников о разрушительных последствиях разгорающегося на их глазах расчеловечивающего пламени братоубийственной бойни и оголтелой ненависти: необходимо понять, «что нам, русским, надо делать в то огромной важности для нас, грозное и опасное время, которое мы переживаем» (Юб. Т. 36, с. 316). Толстой последовательно и доказательно отстаивал, вступая в спор с радикальным крылом интеллигенции³, свою позицию по отношению к революционным потрясениям, охватившим русский народ: «Совершенствование общества не может совершаться через революцию» (Юб. Т. 55, с. 242), деформирующую духовные константы национального самосознания, укорененного в православной традиции отечественной культуры. В письме к В. В. Стасову от 18 октября 1905 г. Толстой высказывает свое решительное несогласие с попытками революционного переустройства мира и общественной жизни: «На всякие же насилия и убийства, с какой бы стороны ни происходили, смотрю с омерзением» (Юб. Т. 76, с. 79).

Однако был создан мифологизированный образ Толстого-бунтаря, хотя и с реакционно-утопическими взглядами, как выразителя революционных настроений «стомилионного земледельческого народа». Толстого причислили к революционной когорте, по сути, непримиримые оппоненты: Ленин и архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Ленинские статьи о Толстом стали не только «методологической базой» советского толстоведения, но и «золотым фондом» историко-литературной науки: художник и мыслитель, склонный к «омерзительной поповщине», предстает «зеркалом русской революции» и едва ли не изощренным мракобесом, «юродствующим во Христе». Архиепископ Иоанн в своей книге «К истории русской интеллигенции» главу о Толстом назвал однозначно — «Революция Толстого», которого представил едва ли не одним из соратников Ленина, ведь для дискредитации яснополянского старца, дабы не растерять свое духовное влияние на народные умы, подойдет и апелляция к его идейному противнику: «Откинув, как шелуху <...> все евангельские слова автора нового “материалистического” евангелия, Ленин верно почувствовал в нравственных обличениях Толстого (марксистско-ленинская эстетика всячески активизировала обличительный пафос его творческих исканий. — А.К., П.А.) страшную, ему нужную, разрушающую силу. Правда Толстого взрывала мир,

старое мирозерцание православной христианской России <...> это как раз нужно было Ленину!»⁴. Таким образом, духовно-историческая проблема «Толстой и революция» видится нам далеко не исчерпанной и разрешенной и нуждается в расширении горизонта ее понимания.

Толстой, воплощающий в своих произведениях духовное преображение человека и отстаивающий его состоятельность, сводящуюся к максиме *Все и часть Всего*, 10 ноября 1905 г. получил анонимную телеграмму с осуждением его как вдохновителя наступившей смуты, хотя его нравственная позиция по ответам на усугубляющиеся вызовы времени была известна как в России, так и за рубежом. В письме к А. Б. Гольденвейзеру от 11 ноября 1905 г. после телеграммы с эмоциональными обвинениями в подстрекательстве к возобладавшей на святой Руси смуте Толстой охарактеризовал происходящее как *преступление*, отмежевавшись от новоявленных радетелей о долгожданном процветании Отечества: «Пора понять — или скорее увидеть, что поднявший меч от меча погибает» (Юб. Т. 76, с. 49), что восходит к изречению Христа «...все взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26: 52). Понимая духовную состоятельность человека как посвящение им самого себя *служению* другим, Толстой категорически отвергает какое бы то ни было *противостояние* другим, даже из благих побуждений: «Человек не может не быть прав, когда он утверждает себя, свое божественное Я, но когда он с уверенностью правоты, свойственной божественному Я, утверждает свое животное или тщеславное, честолюбивое, исключительное Я, тогда он ужасен» (Юб. Т. 55, с. 147).

Толстой особо выделяет в статье «Об общественном движении в России» (1905 г.) деформацию категорий национального самосознания, укорененного в соборном миропонимании, как подмену духовных констант, обусловленных православной традицией культурно-исторического опыта народа, — призрачными и несостоятельными переменными, порожденными чужеродной аксиологией самоуверенного становления человека: «...главное <...> бедствие, от которого страдает теперь русский народ, это не петербургские события, а затеянная десятком безнравственных людей бессмысленная, постыдная и жестокая война» (Юб. Т. 36, с. 161). Но вместе с этим, замечает Толстой в своем ответе на жестокие вызовы смутной эпохи, — «общество равнодушно» и индифферентно к происходящему. И в таковой предопределенной нравственной смутой расшатанности устоев русской жизни самый горький итог разыгравшейся схватки за суетное и призрачное преуспеяние — блуждание во мраке нравственно-духовного неведения.

В статье «Обращение к русским людям. К правительству, к революционерам и народу» Толстой, художник и знаток глубин русской души, последовательно проводит мысль о тщетности тщеславно-эгоистиче-

ских планов революционеров, затеявших историческое потрясение с ужасами последствий и плодов помутненного сознания, когда они воспринимают себя не иначе как *право имеющими*, или *Всем*, но целостность человеческой природы в антропологических воззрениях Толстого тяготеет к трехчастной максиме *Всё и часть Всего*, то есть состоит тот, кто обретает себя среди других и в посвящении себя другим. В «Войне и мире» Толстой убедительно вскрыл несостоятельность и мнимость наполеоновской роли кажущегося начальствования. А посещение усыпальницы Наполеона потрясло Толстого еще в 1857 г.: «Обоготворение злодея, ужасно» (Юб. Т. 47, с. 118). А через три недели — публичная казнь, как средневековая экзекуция в просвещенной Европе. Якобы во имя утверждения поправленной справедливости и законности! И поэтому он записывает в дневнике: «Я не политический человек» (Юб. Т. 47, с. 121).

Толстой в «Обращении к русским людям...» вносит в повестку дня национального самосознания якобы достигнутое в 1905 г. соглашение с русским народом революционеров, одержимых пресловутым спасением Отечества и полагававших, что их борьба с правительством — в интересах народа: «Убиты тысячи людей, приведены в отчаяние, озлоблены, озверены все русские люди <...> все это ради того, что среди небольшой кучки людей <...> решили, что для самого лучшего устройства русского государства нужно продолжение той думы <...> другие, что нужна другая дума <...> третьи, что нужна республика <...> четвертые — не простая, а социалистическая <...>. И ради этого вы возбуждаете междуусобную войну» (Юб. Т. 36, с. 306–307). И в связи с этим весьма примечательна для уяснения расхождений Толстого с революционной аксиологией его запись в дневнике от 30 марта 1905 г.: «Ничто так не мешает улучшению людей, как забота об обустройстве общей жизни, об исправлении, улучшении других», а нравственная жизнь человека, который не исчерпывается «совокупностью общественных отношений» (К. Маркс), продолжает Толстой, гораздо важнее, чем «положение избирателя, участника власти» (Юб. Т. 55, с. 131). Из сложившейся ситуации Толстой на основе опыта своих духовных исканий видит два выхода: *ужасы революции* и «мирное осуществление вечного и справедливого требования всего народа и указание <...> пути и возможности уничтожения той несправедливости, от которой так долго и жестоко страдают люди» (Юб. Т. 36, с. 305). И все же самое драматичное — индифферентность и равнодушие к свершающемуся безумию общественного мнения, утерявшего связь с духовным опытом национального самосознания. Революционная смута, отмечает Толстой, отличается, во-первых, аксиологической выхолощенностью, а «экономические идеалы — не идеалы» (Юб. Т. 55, с. 153), и, во-вторых,

ужасами озверения сошедшихся в схватке за судьбу Отечества. «В такие времена борьбы, как теперь в России, нужно, первое: воздерживаться от того, чтобы помогать той или другой стороне; второе отыскивать средства примирения» (Юб. Т. 55, с. 153), — размышляет Толстой в дневнике 31 июня 1905 г. о духовной стратегии человека на крутом переломе русской жизни. Толстой в «Предисловии к статье В. Г. Чертова “О революции”», опубликованном еще в 1904 г., в преддверии грянувших духовных бедствий, сделал выводы о бесперспективности и тупиковости какого-либо общественного движения, не опирающегося в своей программе на культурно-исторический опыт народного сознания: «И потому очевидно, что достигается все большая и большая свобода людей никак не внесением новых форм насилия, как делают это революционеры, пытаясь новым насилием уничтожить прежнее, а только распространением между людьми сознания незаконности, преступности, насилия, возможности замены его разумным убеждением и все меньшим и меньшим каждым отдельным человеком применением насилия и пользования им» (Юб. Т. 36, с. 152).

В самый разгар ширящегося бунта, в который переросло революционное возмущение бесправием и обездоленностью народных масс, Толстой пишет рассказ о духовном преображении человека, вовлеченного в испытания духовно-исторической смуты, — «Божеское и человеческое». Отметив это в дневнике 9 декабря 1905 г., Толстой намеревался заняться воспоминаниями. С молитвами он уходит в себя и в размышления о грядущих судьбах человека и мира: «<...> но не осил. Всё забастовки и бунты» (Юб. Т. 55, с. 172).

Сюжетообразующим началом повествования рассказа «Божеское и человеческое», включенного писателем в «Круг чтения», является сопоставление итогов духовной биографии двух убежденных борцов с существующим утвердившимся порядком жизни: Анатолия Светлогуба и Игнатия Меженецкого, обладавшего даром влиять на окружающих и вовлекать их в преступную деятельность по расшатыванию и свержению строя. Приговоренный к смертной казни за спасение террориста и несгибаемого борца за якобы правое дело, Светлогуб, замечавший и ранее, что «большинство народа не только было равнодушно к его проповедям, но почти презрительно смотрело на него» (Юб. Т. 42, с. 200), в тюремной камере постигает духовный смысл Евангелия. Еще до объявления о неминуемой смерти он строил радужные планы на счастливую жизнь в любом захолустье с опорой на христианские ценности, остававшиеся ему, атеисту, долгое время неизвестными, но оказавшиеся близкими его душевному настрою: «Это можно и надо жить так, не жить так — безумие» (Юб. Т. 42, с. 203). Старик-раскольник усмотрел в нем, ангелоподобном юноше, постигшего сакральный

смысл Евангельской благой вести. Не веривший в Бога, духовно преображенный юноша открывает для себя прежде немислимое, что «истина не умрет» (Юб. Т. 42, с. 211), и смиренно принимает все выпавшее на его долю, моля Господа о милости, и с презрением и сочувствием узнает себя, прежнего, в палаче, убийце-каторжнике, ведь и он так же считал себя вправе распоряжаться жизнями других:

«И ему стало жалко и их и себя, и слезы выступили ему на глаза.

— И не жалко тебе меня? — сказал он, уловив взгляд бойких серых глаз палача» (Юб. Т. 42, с. 212).

Светлогуб не только сам изменился, но и оставил неизгладимый след в сознании и душе палача — отъявленного преступника, казнившего безвинного: «...с этого дня он отказался впредь исполнять взятую на себя обязанность» (Юб. Т. 42, с. 213). Так разрешается привнесенный *прогрессом* в человеческую природу конфликт «Божеского» и «человеческого», или «*Всего*» и «*части Всего*»: человек начинает осознавать себя не столько *хозяином*, но *работником*, или рабом Божиим.

Меженецкий, не раскаявшийся в планах «свергнуть деспотическое правительство и установить свободное, выборное, народное» (Юб. Т. 42, с. 215), не может ничего пояснить раскольнику, не забывшему Светлогуба, об истинной вере, открывшейся преобразившемуся на грани жизни и смерти юноше, хотя во сне и он сам, грозный террорист, тяготел к несогласным с революцией формам жизни, но, однако, укорененным в человеческой природе: «То он играл на какой-то странной скрипке, то ухаживал за девицами, то катался в лодке» (Юб. Т. 42, с. 217). И даже в одиночке Петропавловки его сознание не изменилось и бунтарский пыл не ослабел и не угас, так что утвердившаяся в нем непокорность силе жизни так и остается непереосмысленной и представляет собой следствие нераскаянного греха. Меженецкий, одержимый злобой на народ-толпу, бесполезный фактор исторического развития, после смиренной смерти старика-раскольника, так и не узнавшего истинную веру, открывшуюся-таки Светлогубу, — Меженецкий от отчаяния накладывает на себя руки, что так и осталось для него единственным спасением от охватившего его ужаса ложно истолкованного смысла жизни. К порочным и греховным заблуждениям насчет посвящения человеком самого себя борьбе за всеобщее счастье Толстой будет постоянно возвращаться. В статье «О безумии» он выделяет и развенчивает возникшее в помраченном сознании притязание на перестройку мира, а затем, возможно, и человека, что не соотносится с духовной традицией отечественной культуры, но восходит к европейской самоуверенности и самонадеянности: «...превратное понятие о назначении своей жизни, что назначение ее есть удовольствие, а не служение тому делу, которое совершается всею жизнью мира» (Юб. Т. 38, с. 397).

В мертвецкой Меженецкий оказывается рядом со стариком-раскольником: они оба так и не познали истинное предназначение человека. Противопоставляя Меженецкого Светлогубу и сопоставляя озлобленного террориста-неудачника с мятущимся в поисках выхода на свет истины стариком, Толстой подчеркивает усугубляющееся в современной для него духовной атмосфере трагическое противостояние «Божеского» и «человеческого», от чего и все беды русской жизни.

Ф. И. Тютчев был уверен, что революционные потрясения 1848 г., охватившие всю Европу, не затронут православную Россию, способную остановить и одолеть обезумевшего от греховной безответственности человека, соvrащенного с праведного пути соблазном своевольной переделки мира. О духовной состоятельности России он размышлял как философ и пророк в свете определения культурно-исторической стратегии грядущего: «У России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не устрасится величия своих судеб, не отступит перед своим призванием»⁵. Толстой вынужден был уже отвечать на вызовы своего смутного времени, вступая в диалог с грядущими поколениями об их *непреходящем* и *насущном* в контексте отечественной культурной традиции: «Революция в полном разгаре. Убивают с обеих сторон. Выступил новый, неожиданный и отсутствующий в прежних европейских революциях элемент — “черной сотни”, “патриотов”: в сущности, людей, грубо, неправильно, противоречиво представляющих народ, его требование не употреблять насилие» (Юб. Т. 55, с. 168). Толстой вскрывает духовные риски самообольщения в притязаниях на благодатное переустройство государственных отношений вне какой бы то ни было их соотносительности с духовными константами национального самосознания.

Вряд ли возможно понять духовные и творческие искания Толстого начала XX в. как зеркальное *отражение* или же *порождение* революционной смуты, тогда как он на протяжении всей своей жизни был убежден, что «жизнью человечества движет рост сознания, движение религии, удовлетворяющее всем вопросам понимания жизни» (Юб. Т. 53, с. 206). Пророческое и провиденциальное отношение Толстого к революции так же значимо и для национального самосознания на духовно-историческом изломе современности, как и единство и целостность творческого наследия художника и мыслителя, никогда не изменявшего себе и по-прежнему остающегося для нас духовной и научной проблемой.

¹ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. М., 1979. С. 133.

² В связи с этим, не рассчитывая на доверительное признание в своем «малом времени» в плане освещения и освоения прецедентных для его эпохи нравственно-социальных явлений, Толстой 26 октября 1907 г. оставил в дневнике запись: «Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми далекими по времени и месту, которые будут слышать меня» (Юб. 56, с. 76).

³ Если теоретики и практики революции делали ставку на революцию как на «*локомотивы истории*» (Маркс К. Последствия 13 июня 1849 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 7. М., 1957. С. 86), то Толстой не соглашался с планами всколыхнувшихся масс, утерявших связь с традицией культурно-исторического опыта народа, на всеобщее благоденствие: «Революционеры надо сказать: нельзя, друзья, воздвигать храмов неумелыми руками, да еще нечистыми» (Юб. 56, с. 367).

⁴ *Иоанн Сан-Францисский* (Шаховской, архиепископ). Избранное. Петро-заводск, 1992. С. 276. Кстати, «материалистическое евангелие» Толстого было не таким уж и новым: в 1803 г. вышло в свет дозволенное духовной цензурой и Святейшим Синодом «Четвероевангелие» Х. А. Чеботарева, профессора Московского Университета и статского советника.

⁵ *Тютчев Ф. И.* Россия и революция // *Тютчев Ф. И.* Избранные сочинения. М., 2010. С. 92.

А. А. ЛИСИЦЫНА
A. A. LISITSYNA

**Влияние идей Л. Н. Толстого
на мировую пацифистскую мысль**
**The influence of the ideas of Leo Tolstoy
on the world pacifist thought**

Аннотация

В статье рассматривается влияние философского и публицистического творчества Л. Н. Толстого на идеи пацифизма, ненасильственного сопротивления, антимилитаризма, а также ненасильственного анархизма. Раскрываются особенности восприятия взглядов мыслителя пацифистами как Запада, так и Востока. Сделан вывод о том, что влияние антивоенных идей Л. Н. Толстого простирается как на религиозные, так и на светские течения внутри пацифизма.

Abstract

The article considers the influence of philosophical and publicistic works of Leo Tolstoy on the ideas of pacifism, nonviolent resistance, antimilitarism and nonviolent anarchism. The article highlights the peculiarities of perception of the thinker by the pacifists of the West and of the East. It is concluded that the influence of the antiwar ideas of Leo Tolstoy extends to religious as well as secular strands of pacifist thought.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, пацифизм, мир, война, насилие, милитаризм, ненасилие, анархо-пацифизм.

Key words: Leo Tolstoy, pacifism, peace, war, violence, militarism, nonviolence, anarcho-pacifism.

Во всем мире Льва Толстого знают как мыслителя и моралиста не меньше, чем как писателя. Влияние многостороннего творчества Толстого на мировую общественность как при его жизни, так и в последующие десятилетия не ограничивалось областью литературы, но простиралось на самые разные сферы — социальную, политическую, философскую, этическую, педагогическую.

Помимо прочего, Толстой оказал огромное влияние на развитие идей ненасильственного сопротивления, антимилитаризма и пацифизма, а также ненасильственного анархизма. К основным работам Толстого, посвященным проблеме войны и насилия, можно отнести такие произведения, как «Закон насилия и закон любви», «Царство Божие внутри вас», «Carthago Delenda Est», «Неизбежный переворот», «Христианство и патриотизм», «Доклад, приготовленный для конгресса мира в Стокгольме».

Пожалуй, не боясь впасть в преувеличение, можно с уверенностью сказать, что именно Лев Толстой — ключевая фигура в русской антивоенной мысли. Яснополянский старец выступает главным пацифистом и теоретиком ненасилия в русской философской и общественно-политической мысли. Никто больше не уделял столько внимания обличению зла войны и делающих ее возможной социальных и политических институтов, как Толстой.

В конце XIX — начале XX века заметным событием общественной и политической жизни Европы стали Международные конгрессы мира, проводившиеся на фоне роста вооружений и нагнетания военной атмосферы на европейском континенте. На эти весьма представительные конференции, посвященные проблемам ограничения вооружений и учреждения международного судебного органа — третейского суда — для мирного разрешения споров и разногласий между государствами, съезжались делегаты из десятков стран, в том числе и официальные представители правительств. Лев Толстой, получивший уже в 90-е гг. XIX века признание во всем мире не только как один из величайших писателей современности, но и как «апостол ненасилия» и «учитель жизни», не раз получал приглашения от организаторов европейских конгрессов мира об участии, а также вступал в переписку с ними. История взаимоотношений Толстого и мирных конгрессов требует отдельного разговора, но, так или иначе, в силу разных причин, ему так и не довелось лично посетить ни один из подобных съездов.

Среди американских единомышленников и последователей Толстого можно выделить Эрнеста Кросби — писателя, общественного деятеля, активно занимавшегося популяризацией социально-этических взглядов русского писателя. Кросби вел переписку с Толстым, а в 1894 г. он лично посетил русского писателя в Ясной Поляне. Кросби глубоко воспринял взгляды русского мыслителя на сущность христианства, смысл человеческой жизни и, конечно же, разделял его отношение к насилию и войнам. Перу Кросби принадлежит работа «Толстой и его жизнепонимание». Как писал И. Горбунов-Посадов, эта «книга представляет собою трогательный памятник глубокой преданности Кросби идеям Толстого и глубокой любви его к самому Толстому»¹. Несмотря на то, что работа эта не дает полного обзора религиозных

и философских взглядов Толстого, тем не менее, в ней Кросби удалось очень хорошо передать основные идеи и сам дух мирозозерцания русского мыслителя.

С 1891 г. Толстой состоял в переписке с видной деятельницей антивоенного движения, австрийской писательницей и пацифистской Бертой фон Зутнер. Писатель высоко оценивал ее роман «Долой оружие!», способствовавший, по его мнению, еще большему привлечению внимания широких масс к проблеме войны. В своем письме Зутнер от 9 октября 1891 г. Толстой писал: «Я очень ценю ваше произведение, и мне приходит мысль, что опубликование вашего романа является счастливым предзнаменованием. Отмене невольничества предшествовала знаменитая книга женщины, г-жи Бичер-Стоу; дай бог, чтобы ваша книга предшествовала уничтожению войны»².

Берта фон Зутнер с 1888 г. активно занималась произведениями русского мыслителя. Она разделяла категорическое неприятие Толстым войны, его отношение ко всякого рода догмам, его борьбу против национализма, антисемитизма и клерикализма. Как и Толстой, она выступала за реформистский путь развития и отрицала насильственные способы борьбы за переустройство общества. Хотя, в отличие от Толстого, она сохраняла надежду на «добрую волю» государственных деятелей и правительственных структур, призывая к образованию союза государств и учреждению международного арбитража.

Идеи Толстого сыграли существенную роль в формировании мировоззрения Зутнер, а также оказали влияние на ее творчество. Австрийская писательница отмечала вклад великого русского писателя в духовную культуру человечества, подчеркивала непреходящее значение его идейного наследия, предсказывая, что «дух Толстого будет жить и творить в далеком будущем»³.

Стоит отметить, что взгляды Толстого в значительной степени отличались от умеренного правового пацифизма, с которым он расходился в понимании сущности самого государства, а также таких его важных институтов, как армия, суды, полиция. Выступая с позиции христианского ненасилия, русский мыслитель в принципе не мог принять перечисленные выше инстанции, как неизбежно связанные либо с прямым употреблением насилия, либо с угрозой его возможного применения. В этом смысле Толстой принадлежал к абсолютному пацифизму, связанному с личным неучастием в войнах (отказ от военной службы) и любом другом насилии. В подобных учениях акцент делается на личной этике, а не на изменении государственного устройства и системы международных отношений.

Эти ярко выраженные антиэтатистские идеи Толстого, в свою очередь, нашли отклик и поддержку в среде анархистов и анархопацифистов. В частности, под большим влиянием русского писателя

находился австрийский анархист и сторонник ненасилия Пьер Рамус. В своей работе «Лев Толстой как мыслитель и революционер анархизма» он писал: «Когда я говорю: исключительно Толстому мы обязаны тем, что анархизм высится как ярчайший маяк человеческой культуры, указывающий спасительную цель, освобождающий идеал и отрадную будущность всем поработанным, всем угнетенным и всем страдающим от политической, церковно-теологической и экономической эксплуатации, — это не следует расценивать как банальное преувеличение. Только учению Толстого мы обязаны негибкостью и неугасимой решимостью идеи анархии в схватке с государством, милитаризмом, войной и революционной трескотней»⁴.

Сам Рамус неустанно говорил и писал о мире, индивидуальной свободе, социальной и экономической справедливости, альтернативных формах хозяйствования, таких как артели и натуральное хозяйство. Австрийский анархист полностью разделял точку зрения Толстого на сущность государства как такового и на его неспособность сыграть положительную роль в борьбе за предотвращение войн. Для Рамуса государство по определению является «извращенным тираном, который освящает все преступления, если они совершаются в его интересах»⁵. Как и Лев Толстой, Рамус решительно отклоняет идею третейского суда в любом ее виде, приводя как исторические, так и государственно-теоретические аргументы. По его мнению, основанное на договорах международное право скорее имеет значение уточнения военного права, нежели гарантирует мир.

Толстой вышел далеко за рамки распространенной концепции пацифизма, ведь он отклоняет любую надежду на соглашения и договоры между властителями, парламентами и партиями. «Я не верю, — признавался он в письме Берте фон Зутнер, — что третейский суд является действенным средством для уничтожения войны»⁶. Толстой прямо отвергает этатистскую концепцию трибунала. Мир может быть достигнут только с помощью миролюбия отдельного индивидуума, а это, в свою очередь, — только через безусловное и безоговорочное соблюдение запрета на убийство. «Освобождение всех людей, — пишет Толстой в трактате «Царство Божие внутри вас», — произойдет именно через освобождение отдельных лиц» (Юб. Т. 28, с. 175). Устранение войны не может быть достигнуто чисто политическими или преимущественно политическими средствами. «Не правительствами будут уничтожены войны, — считает Толстой, — напротив, правительства всегда будут стараться вызвать национальную ненависть, чтобы сделать необходимым войско, которое одно только и составляет их силу и смысл существования» (Юб. Т. 73, с. 96).

На практике это означает отказ обучаться под государственным руководством убийству, следовательно, долг отказа от военной службы

и, в конечном счете, даже запрет на убийство в целях самообороны. Как к высшей инстанции Толстой отсылает нас к Нагорной проповеди с ее максимами, в особенности к той, в которой говорится о непротавлении злу.

Говоря о последователях и учениках Толстого, нельзя не упомянуть Махатму Ганди. Его идеи были особенно близки Толстому, и он всячески поддерживал деятельность молодого Ганди по защите прав его соплеменников в Южной Африке, где тот жил на протяжении двадцати лет.

В своей автобиографии Ганди рассказывает, как ему впервые в 1893 г. попало в руки произведение Толстого. Это был трактат «Царство Божие внутри вас». Ганди писал: «Я был потрясен. Перед независимостью мысли, нравственной глубиной и искренностью этой книги все прочие книги показались мне бедными и незначительными»⁷. Чуть позже он прочел «Так что же нам делать?» и «Краткое изложение Евангелия». Учение Толстого в значительной степени повлияло на мировоззрение будущего лидера движения за независимость Индии и на выработку им ненасильственной стратегии борьбы.

Еще одной восточной страной, оказавшейся особенно восприимчивой к идеям яснополянского мудреца, оказалась Япония. Как отмечает Гундзи Абе, последователей Толстого можно обнаружить в самых разных областях — литературе, философии, педагогике и даже в сельском хозяйстве⁸. Главным же японским толстовцем принято считать Токутоми Рока. Посетив Толстого в России в 1906 г., Рока пересмотрел свои прежние взгляды и стал проповедовать отказ от войны, ненасилие и общечеловеческое братство.

Социальные и этические взгляды русского писателя легли в основу теории и практики толстовства — движения, как прямо, так и косвенно, повлиявшего на попытки устройства утопических коммун и общин, весьма активно появлявшихся по всему миру в конце XIX — первой половине XX века. Эти коммуны, среди которых были и светские, и религиозные общины, носили в большинстве своем земледельческий характер, что предопределяло образ жизни их членов.

Одна из первых толстовских общин была создана в 1896 г. в Англии, в местечке Перли, группой «настроенных анархистски индивидуалистов». В 1900 г. голландские христианские анархисты, считавшие себя последователями Толстого, также организовали собственную общину в Бларикуме.

Из коммун, находившихся под непосредственным влиянием толстовства, можно также упомянуть общину, созданную в 1904 г. неподалеку от Сантьяго двумя чилийскими писателями — Фернандо Сантиваном и Аугусто Д'Хальмаром, и художником Хулио Ортисом де Сарате. Из весьма многочисленных коммун в Соединенных Штатах

стоит назвать Христианскую колонию Общего блага, которая просуществовала в Джорджии с 1896 по 1900 г. В Японии одна из наиболее известных толстовских коммун была организована в 1918 г. писателем Мусянокодзи Санэацу и получила название «Новая деревня»⁹.

Один из великих гуманистов современности, Альберт Швейцер, отмечал огромное влияние Льва Толстого на направленность духовно-этических поисков человечества в XX столетии. В своей статье 1960 г. «Воспитатель человечества Толстой» Швейцер подчеркивает общемировое значение творчества писателя — не только его художественных произведений, но и философских, религиозно-этических работ, а также публицистики.

Таким образом, Лев Толстой не только выступает главным пацифистом и теоретиком ненасилия в русской философской и общественной мысли, но и является неотъемлемой частью мировой антивоенной мысли, оказав при этом влияние как на религиозные, так и светские течения внутри пацифизма.

¹ Горбунов-Посадов И. Эрнест Кросби, поэт нового мира // Кросби Э. Толстой и его жизнепонимание. М., 1911. С. XXXIII.

² Толстой Л. Н. Письмо Берте фон Зутнер <черновое> от 9 октября 1891 г. // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 19. М., 1984. С. 227.

³ Цит. по: Беленчиков В. Я. Творчество Берты Зуттнер: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

⁴ Ramus P. Leo Tolstoi als Denker und Revolutionär des Anarchismus // Erkenntnis und Befreiung. 1920. № 51. URL: <https://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/leo-tolstoi/6815-pierre-ramus-leo-tolstoi-als-denker-und-revolutionaer-des-anarchismus> (дата обращения: 10.07.2017).

⁵ Цит. по: Müller-Kampel B. Krieg gegen den Krieg. Jesus, Tolstoj, Bertha von Suttner und Pierre Ramus. URL: <http://www.lebenshaus-alb.de/magazin/003780.html#ixzz2ts3V4lNk> (дата обращения: 15.06.2017).

⁶ Толстой Л. Н. Письмо Берте фон Зутнер...

⁷ Цит. по: Роллан П. Ответ Азии Толстому // Роллан П. Собр. соч.: в 20 т. Т. XIV. Л., 1933. С. 329.

⁸ Абе Г. Толстовское движение в Японии // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 65.

⁹ См.: Эджерстон У. Загадка влияния учения Л. Толстого на мировое общество // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни. М., 2000.

Е. В. НИКОЛАЕВА
E. V. NIKOLAYEVA

**События 1905 года в письме
Е. Н. Чирикова к Л. Н. Толстому**
**Events of 1905 in the letter
of Evgeny Chirikov to Leo Tolstoy**

Аннотация

В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в Ясной Поляне после 9 января 1905 г. Глубоко возмущенный тем, что в интервью, данном английскому корреспонденту Дэвиту, Толстой призвал народ к непротавлению и самоусовершенствованию, литератор демократического направления Е. Чириков адресовал писателю резкое письмо, в котором упрекнул его в барстве.

Abstract

The article views the situation in Yasnaya Polyana after the 9 January of 1905. Outraged by the fact that Tolstoy, when interviewed by the English correspondent Davitt, called people to nonresistance and self-improvement, the democratic writer Evgeny Chirikov addressed him a slashing letter where he accused Tolstoy of haughtiness.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, М. Дэвигт, Е. Н. Чириков, Ясная Поляна, 9 января 1905 г., самоусовершенствование.

Keywords: Leo Tolstoy, Michael Davitt, Evgeny Chirikov, Yasnaya Polyana, 9 January of 1905, self-improvement.

Из биографии Евгения Николаевича Чирикова известно, что смолоду он принадлежал к кругам революционно настроенного студенчества, участвовал в волнениях молодежи, был исключен из университета и выслан в Нижний Новгород, несколько раз был арестован. Будучи писателем демократического направления, в годы первой русской революции писатель уделял большое внимание в своем творчестве социально-политической проблематике (повесть «Мятежники», драма

«Мужики», рассказ «Товарищ»), изображая в своих произведениях в том числе и вооруженные протесты мужиков, разгром барских усадеб.

Человек подобной общественной позиции не мог, естественно, остаться равнодушным к событиям 9 января 1905 г. Его письмо к Л. Н. Толстому было непосредственным и даже страстным откликом на интервью, которое писатель дал корреспонденту «The New York World» Дэвиту.

Д. П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках» от 6 февраля 1905 г. отмечает, что в этот день из Москвы было получено письмо Евгения Чирикова, в котором «он негодует на то, что Л. Н. сказал английскому корреспонденту»¹. Интервью Толстого было опубликовано в тот же день, которым датировано письмо Чирикова, довольно резкое по тону, вызванному, по-видимому, непосредственной реакцией автора на прочитанное. Автору письма довольно трудно скрыть свое раздражение, о чем свидетельствует даже неоднократное применение в тексте многоточия, за которым видится желание высказаться еще более резко.

Письмо Е. Н. Чирикова было опубликовано впервые в 1989 г. черниговским исследователем А. Бобырем в журнале «Вопросы литературы»²:

«Лев Николаевич!

В газетах опубликована Ваша беседа с английским корреспондентом.

На варварское избиение безоружных рабочих, шедших к своему царю с крестами и хоругвами, чтобы заявить о своих нуждах, — Вы нашли нужным снова сказать “не противьтесь” и высказали свою уверенность, что никакой свободы рабочим не надо, а следует заниматься самоусовершенствованием...

Какая глубокая пропасть между сытым и голодным! Простите за прямоту: Вы оказались только баринном...

Вам непонятно, зачем голодный кричит о хлебе и зачем арестант хочет выйти на свободу... Вы всегда были на воле и на барских хлебах... и Вам ничего не оставалось желать, кроме самоусовершенствования...

Добрый Барин!

Если бы Вас приковали к тачке подневольного труда, если бы Вас подольше продержали в тюрьме, если бы нагайка самодержавия в разных видах и формах гуляла по Вашей барской спине, если бы Вы могли почувствовать весь позор, весь гнет борьбы за кусок хлеба и всю тяготу бесправия, произвола и издевательства сильного над слабым, тогда бы Вы, добрый граф, заговорили другим языком...

“Самоусовершенствоваться” очень удобно в Ясных Полянах, с громким именем Льва Толстого, которого “не трогают” даже в тех случаях, когда обыкновенных людей вешают и гноят в тюрьмах...

*Евгений Чириков
Москва. 22/1 — 1905»*

Это письмо было не первым свидетельством контакта, хотя и значимого, между двумя писателями. 3 сентября 1902 г. Толстой получил приветственную телеграмму по случаю 50-летия своей литературной деятельности (в сентябрьском номере «Современника» за 1852 год вышла публикация повести «Детство»), подписанную Вл. Немировичем-Данченко, К. Станиславским, М. Горьким, Е. Чириковым, Ф. Шаляпиным и Л. Андреевым. В Яснополянской библиотеке сохранились присланные Е. Чириковым книги с дарственными надписями (повесть «Мятежники» и сборник пьес). Зафиксированы случаи чтения Толстым произведений Чирикова и отзывы о них. Так, В. А. Поссе вспоминал, что в начале 1900-х гг. Толстой говорил, что у Чирикова «пробивается настоящий гоголевский юмор. С большим удовольствием прочел его рассказ “В долине меж гор”»³. В «Яснополянских записках» Д. Маковицкого также отмечены случаи чтения и отзывов Толстого о произведениях Чирикова. В январе 1909 г.: «Л.Н. вечером читал на днях полученную книгу “Пьесы” Е. Чирикова и оставил ее раскрытой на круглом столе в зале. Я спросил, снести ли ее в кабинет?

Л.Н.: Нет, Саша читает (комедию Чирикова). У меня была одна идея: написать комедию для чертковских ребят, и взял читать (показал на книгу Чирикова), чтобы напомнить себе приемы комедии. Но это до такой степени плохо, и длинно, и скучно»⁴. В упоминаемый сборник пьес входили «Легенда старого замка», «Марья Ивановна» и «Колдунья»⁵.

7 декабря 1909 года там же еще раз упоминается имя Е. Чирикова: «Л.Н. о номере “Жизни для всех”: хвалил статью И. И. Горбунова о Кросби — “Поэт нового человечества”. Хорошими нашел статью “Куда идет Л. Андреев” С. А. Адрианова и статью Поссе “Общественная жизнь”. Нехорошей нашел “Дорожные разговоры” Чирикова»⁶.

Вернемся к событиям января 1905 г. В Ясной Поляне о событиях 9 января узнали на следующий день:

«Софья Андреевна слышала вечером в Москве, что генерал-губернатору Голицыну телеграфировали из Петербурга, что войсками было убито на улицах 3000 человек (из 65000 стачечников). Царь удрал в Царское Село.

После того, что Софья Андреевна рассказала, хотя Л.Н. этому не верит, он заметил:

— Только две вещи себе представляю: могут быть или хорошая, мирная конституция, или же отчаянная революция, которую подавит правительство, и все будет опять так, как было»⁷.

Ощущение от этого сообщения, несмотря на то, что говорили о разных вещах, оставалось подавленным. Александра Львовна, идя в тот же день с Маковицким по знаменитой Яснополянской аллее, замечает: «На этих березах будут нас вешать. <...> В Туле 12000 новобранцев, сколько фабричных; если будет революция, что они будут делать! Ужас!»⁸

Обсуждение произошедших событий продолжается в Ясной Поляне и на следующий день, когда привозят «большую почту» с официальными сообщениями. 12-го января по поводу полученных за последние дни телеграмм и писем Толстой говорит:

«— Нужно самоусовершенствование на основе религиозного сознания. Борьба с правительством, озлобление противно любви и тем самым нехорошо, отвлекает от самоусовершенствования, потому что нельзя служить двум господам, нельзя сразу два дела делать, и что же выйдет из этих уличных сражений? (Так начинались все революции.) Уже и теперь — страдания, и сколько их еще будет!

— Какие люди будут править при конституции? Дело не в людях и не в форме правления. Если бы царь спросил меня, то я ответил бы ему: “Дайте конституцию”. Но обществу не советую этим заниматься, ибо это идет в ущерб самоусовершенствованию»⁹.

13-го января в Ясную Поляну приезжает Буланже. Он «привез известие о побоищах в Петербурге», возобновляется обсуждение животрепещущих событий, в том числе официальных сообщений о них. Толстой выслушивает обсуждение без замечаний, «но было видно, что он негодует на это лицемерное лганье и бесстыдство.

Струменский спросил Л. Н., вправе ли народ просить у царя свободу слова, исповедания, народное представительство, землю. Ведь народ имеет право “челобития”, т.е. непосредственно говорить с царем, даже с государственной точки зрения. Поэтому петербургские рабочие, отправившиеся 9 января к Зимнему дворцу, поступили правильно. Л. Н. ответил на это:

— Царская власть — это известное учреждение, как и церковь, куда собак не впускают. С царем приходится обращаться по известным, строго определенным формам. Все равно, как во время богослужения нельзя спорить со священником, так и всякое обращение к царю, помимо установленного, не допускается. Если бы царь хотел это сделать, он давно мог бы. У него есть способы узнать мнение народа»¹⁰. В этом же разговоре Толстой касается и главного для него вопроса — землевладения: «Русский народ ждет, что царь, как взял у помещиков крепостных, так отнимет у них и землю. Если же будет конституция и придут к рулю адвокаты, болтуны, живодеды, помещики (прогоревшие), то ему земли не получить. Земельный вопрос может быть решен окончательно только безнасилованным путем. Теория Генри Джорджа может быть осуществлена насильственным путем, но тогда она будет некрепка; крепка же она будет тогда, когда народ, отрешившись от насилия, будет религиозно отказываться от поддержки земельной собственности так же, как он отказывается сейчас от грабежа. Пока же в крайних случаях неизбежно прибегать к покупке земли, к приобретению права собственности на землю»¹¹.

19-го января Толстого посетил Дэвитт, в эти же дни писатель работает над статьей «Об общественном движении в России», в которой высказывает свое мнение о происходящем. Можно утверждать, что на протяжении всего года писатель особенно остро переживает ситуацию в России и часто обращается к мыслям о революции и ее последствиях, считая, что она близка и неизбежна¹², пытается понять и даже сформулировать для себя своего рода закономерности революционных изменений: «Все революции это только видимые проявления (скачки, подъемы на ступени) осуществления высшего, одного для всех людей закона» (Дневник, 19 сентября 1905 г.; Юб. Т. 55, с. 161).

В октябре 1905 г. в Ясной Поляне десять дней не получали почты вследствие забастовки на железной дороге. Когда миновали эти дни, 18 октября Л. Н. Толстой пишет в письме В. В. Стасову известные и часто цитируемые слова: «Я во всей этой революции состою в звании, добро и самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую» (Юб. Т. 76, с. 45).

Как видно из приведенных здесь и многих других фактов, практически весь год проходит для Толстого под знаком страшных событий января, однако это нисколько не нарушает течения жизни в Ясной Поляне, не мешает интересам и творческим планам писателя. В этом же письме Стасову Толстой просит прислать книги об убийстве Павла I. Параллельно с работой над публицистическими статьями он работает над «Воспоминаниями», которые возвращают его ко временам детства и молодости — пишет части о братьях. Вновь обращается к замыслу романа о декабристах, чувствует душевный порыв, говорит, что ему «хотелось бы быть молодым, чтобы засесть за эту работу», пишет статью «Зеленая палочка». Его также «все больше и больше захватывает» фигура старца Федора Кузьмича. Толстой много читает: «Лавку древностей» и «Дэвида Копперфильда» Диккенса, записки декабристов И. Д. Якушкина, барона А. Е. Розена, Д. И. Завалишина, главы о старце Зосиме из «Братьев Карамазовых» Достоевского.

В своем письме Е. Н. Чириков обращается к Толстому со словами «Добрый Барин» явно в запальчивости, однако подмечает в писателе черту, на которую обращали внимание и другие современники. М. В. Нестеров, писавший портрет Толстого для картины «Душа народа», много и серьезно беседовавший с писателем, в одном из писем отмечает наряду с величием этого человека, великого художника и поэта, и другую его сторону — «лукавый барин, вечно увлекаемый сам и чарующий других гибкостью своего великого таланта»¹³.

Толстовское видение себя в событиях 1905 г. «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа» имеет под собой не только внутреннее

ощущение писателя. Исследования историков последних десятилетий дают возможность скорректировать понимание причин и результатов событий 1905 г., их связи с революцией 1917-го и роли Толстого в подготовке этих исторических событий. Так, историк Г. И. Щетинина считает, что Толстой выступал в процессе подготовки событий 1905 г. «социальным реформатором радикального толка»¹⁴, так как в публицистике писателя была развернута накануне революции «программа христианского социализма, созвучная настроениям русского народа»¹⁵, и Гапон, как свидетельствуют документы, был искренне увлечен именно этими идеями, за ним пошло 9 января небывалое по тому времени количество народа. Совершившиеся события были истолкованы социал-демократами как репетиция событий 1917 г. и использованы ими, хотя им «самим без мощного воздействия идей Толстого не скоро удалось бы из искры разжечь пламя столь могучей силы»¹⁶. Именно поэтому, с точки зрения Г. И. Щетининой, Ленин умалял значение Л. Толстого до сферы лишь художественного творчества, объявляя его всего-навсего «зеркалом» русской революции.

¹ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910: Яснополянские записки // Литературное наследство: в 4 кн. Т. 90. М., 1979. Кн. 1. С. 164.

² *Чириков Е. Н.* Письмо к Л. Н. Толстому // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 278–281.

³ *Поссе В. А.* Мой жизненный путь. Дореволюционный период. М.; Л., 1929. С. 184.

⁴ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 3. С. 313.

⁵ *Чириков Е.* Пьесы. Т. VIII. СПб., 1909.

⁶ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 4. С. 127.

⁷ Там же. Кн. 1. С. 131.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 133.

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Там же. С. 134–135.

¹² См., напр., статью Л. Н. Толстого «Великий грех».

¹³ *Нестеров М. В.* Письма. Избранное. Л., 1988. С. 220–221.

¹⁴ *Щетинина Г. И.* Идеиная жизнь русской интеллигенции: конец XIX — начало XX в. М., 1996. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 47.

Л. П. МУРОМЦЕВА
L. P. MUROMTSEVA

**Революция 1917 года и судьба В. Ф. Булгакова
в России и эмиграции**
**The Russian Revolution of 1917
and the fate of Valentin Bulgakov
in Russia and in exile**

Аннотация

Статья посвящена последнему секретарю Л.Н. Толстого, литературоведу и писателю, замечательному музейному работнику Валентину Федоровичу Булгакову (1886–1966), внесшему значительный вклад в сохранение культурного достояния страны. В годы революции и Гражданской войны Булгаков спас от разорения Дом-музей Л.Н. Толстого в Хамовниках, помогал возрождению других мемориальных музеев. В 1923 г. он был выслан вместе с семьей из СССР за пропаганду толстовского учения. Главным делом его жизни в эмиграции стало создание Русского культурно-исторического музея (РКИМ).

Abstract

The article is devoted to Valentin Bulgakov (1886–1966), the last secretary of Leo Tolstoy, literary historian, writer and remarkable museum curator who has made a lot for retaining of the country's cultural heritage. During the Revolution and the Civil War Bulgakov saved the Leo Tolstoy Museum-Estate in Khamovniki from destruction. In 1923 he was accused of propaganda of tolstoyism and exiled from the USSR. His lifetime project was the creation of the Russian Cultural-Historical Museum in Prague.

Ключевые слова: *Л.Н. Толстой, последний секретарь, Русский культурно-исторический музей, Прага, эмигрант.*

Keywords: *Leo Tolstoy, last secretary, Russian Cultural-Historical Museum, Prague, emigrant.*

В истории русской культуры XX столетия есть немало ярких и широко известных имен. Наряду с ними, огромный вклад в сохранение и приумножение культурного достояния страны внесли и сотни других

интеллигентов-подвижников, чье значение до сих пор должным образом не оценено. Именно к таким людям относится Валентин Федорович Булгаков (1886–1966), последний секретарь Л. Н. Толстого, литературовед и писатель, знаток искусства, замечательный музейный работник¹.

Родился он в городе Кузнецке Томской губернии, в семье смотрителя народных училищ. В 1906 г., окончив гимназию с золотой медалью, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В студенческие годы Валентин Федорович ощутил огромный интерес к творчеству и личности Л. Н. Толстого. В августе 1907 г. председателю Сибирского землячества московских студентов В. Ф. Булгакову посчастливилось лично познакомиться с Л. Н. Толстым, после чего, в 1908 и 1909 гг., молодой филолог неоднократно посещал великого писателя, а в декабре 1909 г. привез ему свою рукопись, являющуюся систематическим изложением воззрений Толстого-мыслителя. Л. Н. Толстой весьма одобрительно отнесся к этой работе Булгакова и даже написал к ней предисловие².

С 17 января 1910 г., по рекомендации В. Г. Черткова, он стал личным секретарем великого писателя и переселился на хутор Телятинки вблизи Ясной Поляны. Булгаков регулярно вел дневник, на основе которого впоследствии им были изданы воспоминания «Л. Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник» и «Жизнепонимание Л. Н. Толстого: В письмах его секретаря В. Ф. Булгакова». После смерти Льва Николаевича Булгаков занимался систематизацией наследия писателя и описанием яснополянской библиотеки. В 1916 г. он занял место хранителя Литературного музея Л. Н. Толстого, в годы революции и Гражданской войны Булгаков спас от разорения и запустения Московский Дом-музей Л. Н. Толстого в Хамовниках и добился открытия его для посетителей уже в ноябре 1921 г. Литературный музей Л. Н. Толстого на Пречистенке и Музей-усадьба «Хамовники» были объединены в один музей под руководством В. Ф. Булгакова. Валентин Федорович помогал также возрождению других мемориальных музеев (А. П. Чехова, П. И. Чайковского, А. Н. Скрябина)³.

В это же время Булгаков получил возможность выполнить то, что считал давним нравственным долгом перед Толстым. Ему удалось разыскать и издать многие из ранее запрещенных в России произведений Л. Н. Толстого и тем самым открыть для читателей неизвестные им страницы. А в 1923 г. В. Ф. Булгаков, по решению Комиссии ГПУ по административным высылкам, вначале был арестован, а затем выслан вместе с семьей из СССР за пропаганду толстовского учения, несовместимого с обстановкой развязанного в стране преследования инакомыслящих⁴.

Поселившись в Чехословакии, Булгаков продолжал пропагандировать идеи Л. Н. Толстого: выезжал выступать с лекциями о нем во мно-

гие европейские страны (Австрию, Болгарию, Германию, Францию, Швейцарию, Югославию). Здесь он собирал, кроме того, различные материалы о Толстом и пересылал их в Москву в Музей Л. Н. Толстого.

Одновременно В. Ф. Булгаков много внимания уделял литературной деятельности. В 1924 г. в сборнике «На чужой стороне» (Прага) были опубликованы дополнения к дневнику Булгакова, а 4 года спустя они вышли отдельным изданием («Трагедия Толстого»). Кроме того, Булгаковым были написаны воспоминания о Февральской революции («Революция на автомобилях»), книги «Толстой — моралист», «В доме великого Толстого», «Памяти доктора Д. Маковицкого», «В осиротелой Ясной Поляне» и др. Кроме того все эти годы, за исключением военного лихолетья, Булгаков активно занимался общественной деятельностью, будучи членом совета «Интернационала противников войны», а также главой Союза русских писателей в Чехословакии, товарищем председателя «Дней русской культуры за рубежом», членом Куратория Русского народного университета⁵.

Но главным и самым любимым делом его жизни в эмиграции стало с конца 1933 г. создание Русского культурно-исторического музея (РКИМ), первоначально именовавшегося «Русский заграничный музей». В 1934 г. одновременно с Русским научным обществом РКИМ официально присоединился к Русскому народному университету (создан в 1923 г.), переименованному в Русский свободный университет (РСУ). Председателем Музейной комиссии РСУ стал один из его основателей профессор М. М. Новиков, крупный ученый-зоолог, бывший ректор Московского университета; секретарем — В. Ф. Булгаков. «Задачей музея, — как вспоминал позднее Новиков, — должно было явиться собирание памятников науки и искусства, а также других предметов, относящихся к истории, творчеству и быту русского зарубежья. Основная же его цель заключалась в том, чтобы показать, что наши беженские массы не являются отбросами Родины, бессильно барахтающимися в непривычной для них чужой обстановке. Наоборот, во всех странах своего рассеяния они сейчас же берутся за творческий труд, обогащая культурное богатство приютивших их народов своей научной и художественной продукцией. Таким образом, слава русского имени распространится по всему свету»⁶.

Дом № 8 по ул. Краковской, в котором располагался РСУ, стал также официальным адресом формирующегося музея. Подвижническая деятельность по организации музея начиналась по существу на пустом месте. Одним из важнейших был вопрос финансирования музея, так как средств, естественно, не было, и их недостаток сначала мог возмещаться исключительно верой в задуманное. «Все дело велось руками и ногами Булгакова, — вспоминал М. М. Новиков, — и нашими

двумя головами. Он заразил меня своим энтузиазмом и решимостью во что бы то ни стало добиться успеха»⁷.

Некоторые из сомневавшихся даже не верили, что через пятнадцать лет после начала массовой эмиграции В. Ф. Булгакову удастся создать полноценную коллекцию, иллюстрирующую эмигрантскую жизнь⁸.

Но предсказания скептиков, к счастью, не сбылись... Новый музей получил денежную помощь и от чехословацких властей (3000 крон из канцелярии президента Чехословакии Т. Масарика), и от эмигрантов, и от меценатов. Благодаря содействию Художественно-промышленного музея достали часть необходимого оборудования. Благородному начинанию эмигрантов оказывало поддержку и Министерство образования Чехословакии.

Чтобы дать представление о замысле создателя музея, обратимся к «Положению о Русском Культурно-Историческом Музее в Праге», утвержденному 17 января 1934 г.

«1. Русский Культурно-Исторический Музей учреждается при Русском Свободном Университете в Праге и в будущем должен быть перенесен в Россию как национальное достояние.

2. Целью Музея является собирание, хранение, изучение и экспонация памятников и материалов, относящихся к истории, жизни, творчеству и быту русской эмиграции и русского зарубежного населения вообще.

3. К памятникам и материалам, интересующим Музей, относятся: предметы исторического характера (знамена, ордена, медали, редкое оружие, костюмы, иконы и т.д.); портреты, картины, рисунки, гравюры, скульптура; реликвии, непосредственно связанные с личностью и памятью выдающихся русских писателей, ученых, художников и артистов, подвизавшихся за рубежом; всякого рода характерные предметы и памятки, связанные с бытом и деятельностью русских в разных странах; фильмы русских режиссеров, проекты и предметы изобретений русских инженеров, мастеров и специалистов; предметы прикладного искусства, театральные макеты, клише, фотографии, литературные альбомы и пр.»⁹.

Формулировка первого пункта «Положения» о передаче в будущем коллекции РКИМ в Россию вызывало определенное сомнение и даже настороженность у части эмигрантов, опасавшихся сдавать туда свои семейные материалы. И это вполне понятно и объяснимо: ведь Советский Союз не был для них той Россией, которую они потеряли, отправляясь в изгнание, а в возможность скорого падения большевистского режима многие из них уже не верили. Тем не менее, в РКИМ стало поступать от эмигрантов немало вещей.

Концепция будущего музея, изложенная в «Положении» и «Плане-программе», который был также составлен В. Ф. Булгаковым, отличалась

продуманностью, научным подходом и комплексностью. Ее осуществление требовало громадных усилий и немалых средств. Но у Русского свободного университета и тем более у самого В. Ф. Булгакова не было даже места для хранения крупного музейного собрания, не говоря уже об экспонировании наиболее интересных реликвий русской культуры. Встал вопрос, что же делать дальше? К счастью, собиратель получил своевременно поддержку от видного политического деятеля Чехословакии, бывшего премьер-министра, депутата парламента, большого друга российских эмигрантов Кареля Крамаржа (1860–1937) и его супруги, Надежды Николаевны, урожденной Хлудовой¹⁰. По просьбе Крамаржа известный промышленник и меценат Кирилл Бартонь-Добенин отдал под коллекции РКИМ часть помещений своего Збраславского замка на р. Влтава, в 10 километрах к югу от Праги (ныне в черте города). В перестроенное в замок барочное здание конвента монастыря (XVIII в.) и перевез собранные музейные ценности В. Ф. Булгаков. Какое-то время ушло на их размещение и создание экспозиции. И вот наконец наступило волнующее событие в жизни русской эмигрантской колонии в Чехословакии. У нее появился новый культурный очаг, позволяющий соприкоснуться с реликвиями той России, которую они потеряли и о которой так тосковали.

Многие из эмигрантов и представителей чехословацкой общественности получили официальное приглашение, текст которого гласил: «Русский Свободный Университет в Праге покорнейше просит Вас пожаловать на торжественное открытие Русского Культурно-Исторического Музея, которое состоится в воскресенье 29-го сентября 1935 года в 3 часа дня в замке г-на К. Бартоня-Добенина в Збраславе под Прагой».

Открывшийся музей состоял первоначально из следующих отделений: художественного (картины, рисунки, скульптура); архитектурного (чертежи и проекты зданий русских архитекторов, оказавшихся в Чехословакии, Эстонии, Югославии); истории эмиграции; русской старины (с отделом автографов и фотографий). При музее имелась библиотека с собранием редких книг о России¹¹.

В Збраславском замке экспозиция и фонды РКИМ разместились в 14 комнатах. В одном из залов экспонировалось 15 картин Н. К. Рериха (в том числе «Св. Сергей»), поступивших из Индии и Югославии (из музея принца-регента Павла). Рериховский зал был торжественно открыт в 1938 г.

Булгаков являлся директором и по существу единственным научным сотрудником музея, получая за свой труд всего лишь 500 крон, т.е. половину зарплаты университетского лаборанта, о чем писал в своих воспоминаниях М. М. Новиков¹². А ведь на Валентине Федоровиче лежала и забота об обеспечении семьи (жены, дочерей). В Збраславе

в то время проживала небольшая русская колония, состоявшая в основном из представителей интеллигенции. Для осмотра экспозиция РКИМ открывалась по воскресеньям с 10.00 до 17.00, когда сюда приезжали посетители из близлежащей Праги и других мест Чехословакии, куда забросила судьба эмигрантов из России. Входная плата составляла всего 1 крону.

В 1936 г. в замке была устроена небольшая выставка картин И. Е. Репина, принадлежавших его дочери Вере; немногим позднее в Праге прошла выставка работ Ф. А. Малявина. Их проведение повышало интерес к русской живописи в Чехословакии. Президенты республики Т. Масарик, а затем Э. Бенеш благожелательно относились к деятельности РКИМ, оказывалась помощь и созданной эмигрантами Комиссии по собиранию русской старины¹³.

Бюджет музея, однако, был весьма скромным, и в деле пополнения его собраний приходилось рассчитывать главным образом на дары деятелей русской культуры, оказавшихся в эмиграции. Со многими из них Валентин Федорович был знаком еще в Москве, с другими познакомился уже на чужбине, и это, конечно, помогало ему находить ключ к их сердцам. К слову сказать, сам Булгаков, будучи человеком доброжелательным и отзывчивым, нередко оказывал поддержку соотечественникам, о чем свидетельствуют его письма, в том числе и М. И. Цветаевой¹⁴. От нее он получил в дар для музея несколько рукописей, самодельное серебряное кольцо и простую бамбуковую перьевую ручку, которой Марина Ивановна любила писать стихи¹⁵.

Многие из соотечественников понимали важность его начинания. В их адрес не раз направлялись обращения и письма от имени РКИМ¹⁶. В роли бедного просителя во время поездки в Париж в 1937 г. Булгаков не раз обходил квартиры русских художников и в большинстве случаев возвращался домой не с пустыми руками. Так удалось бесплатно получить для РКИМ ряд произведений А. Н. Бенуа (акварель «Каскады в Фонтенбло»), К. А. Коровина (пейзаж и эскиз декораций к опере «Князь Игорь»), Н. С. Гончаровой (один из натюрмортов), З. Е. Серебряковой (картина «Бретонка»), скульптурные бюсты Л. Бетховена и Л. Пастера работы Н. Л. Аронсона¹⁷. Причем их жертвовали на общее благо люди, проживавшие в эмиграции нередко в стесненных материальных условиях. О результатах этой поездки в Париж сохранилась запись, сделанная В. Ф. Булгаковым: «Я отправил в Прагу багажом три огромных деревянных ящика, в которых поместились: 62 картины и рисунка, 2 скульптуры, 4 предмета русской старины, 4 иконы, костюм Шаляпина и части театрального костюма Лифаря, 32 рукописи и автографа выдающихся писателей, 125 книг и брошюр, часто с авторскими автографами, и 88 фотографий... Все это пожертвовано в Музей бесплатно»¹⁸.

В деле собирания картин русских художников-эмигрантов В. Ф. Булгакову пришлось столкнуться с соперничеством со стороны Рижского музея Н. К. Рериха и особенно профессора-искусствоведа Н. Л. Окунева, пытавшегося создать художественную галерею при Славянском институте в Праге, но оставившего все собранные произведения русских художников своей семье¹⁹. Все-таки музей в Збраславском замке был самым полным собранием искусства российской диаспоры 30-х гг. XX в.

В 1938 г. в Риге с помощью члена-корреспондента РКИМ, художника А. И. Юпатова Булгакову удалось напечатать вначале краткий каталог, а затем даже альбом художественных собраний Русского культурно-исторического музея, включивший около 400 произведений живописи и скульптуры²⁰. Вот что писал в предисловии к альбому «Русское искусство за рубежом» Н. К. Рерих: «Русский культурно-исторический музей в Праге есть явление глубочайшего смысла. Это — первый Русский музей в Европе, маяк русского искусства и науки за рубежом»²¹. Сам великий русский художник и гуманист еще до революции неоднократно поднимал вопрос о необходимости создания в Европе «особого русского хранилища или, хотя бы, русских отделов при существующих нерусских музеях». И вот теперь, благодаря энергии, патриотизму и подвижничеству В. Ф. Булгакова, его добровольных помощников, эта мечта сбылась. Каждый желающий мог в одном месте познакомиться с творчеством россиян, увидеть реликвии истории и культуры.

Накануне Второй мировой войны коллекции РКИМ продолжали пополняться материалами, в частности, в Збраславском замке даже появились два новых отдела — Пушкинский и театральный. Кроме того, в РКИМ имелись разрозненные коллекции произведений русского прикладного искусства, наград, карт, камей, миниатюр, монет и бумажных ассигнаций. Е. В. Желиховская, свояченица полководца, передала ему вещи генерала А. А. Брусилова: пять альбомов с фотографиями, генеральские погоны, его автограф, воспоминания о нем. Благодаря дару баронессы М. Д. Врангель в РКИМ оказались семейные фотографии ее сына, генерала П. Н. Врангеля и семейные мемуары. В музее также находилась коллекция русских орденов и медалей.

Поскольку помимо произведений живописи, скульптуры, прикладного искусства музей принимал на хранение документальные материалы, это не могло не осложнить его отношения с руководством Русского заграничного исторического архива²². Председатель правления РЗИА А. Н. Фатеев даже вышел из состава Музейной комиссии Русского свободного университета. Хотя заведующий РКИМ В. Ф. Булгаков старался не обострять ситуацию и даже сдал в РЗИА рукопись своих воспоминаний «Толстовцы в 1914—1916 гг.»²³. Тем не менее, архивный фонд РКИМ продолжал постоянно пополняться благодаря

дарам эмигрантов, многим из которых направлялись письма с просьбой о присылке личных материалов²⁴.

В собрании музея, в частности, находились автографы Л. Н. Толстого; рукописи М. Алданова, М. Арцыбашева, И. Бунина, М. Цветаевой, Б. Зайцева, В. Немировича-Данченко; письма Г. Адамовича, М. Осоргина, Н. Тэффи, И. Наживина, А. Ремизова; переписка В. Ф. Булгакова с Н. К. Рерихом, Р. Ролланом, Р. Тагором; материалы о проведении ежегодных Дней русской культуры во Франции, Чехословакии, Китае и других странах, где осели изгнанники из России; часть научного архива М. М. Новикова, других ученых; фотографии, иллюстрировавшие жизнь эмигрантов; архитектурные чертежи. Значительный интерес представляли материалы театрального отделения РКИМ, связанные с великой русской актрисой М. Ермоловой. Марина Цветаева подарила РКИМ подборку своих журнальных статей на литературные темы²⁵. Из Франции в Прагу были присланы материалы А. И. Герцена²⁶.

В. Ф. Булгаков не мыслил существование своего любимого детища — музея без книжного собрания²⁷. Издатель из Норвегии В. Каррик, а также известный библиофил Н. А. Рубакин активно участвовали в комплектовании библиотечного фонда РКИМ, насчитывавшего более 3000 томов книг и периодических изданий, в том числе с автографами авторов.

Музей поддерживал постоянные связи с другими культурно-просветительскими организациями, существовавшими тогда в Чехословакии, Франции, Югославии, далеко в Китае, в том числе с парижским обществом «Икона», издательством «Петрополис». Все больше наших зарубежных соотечественников получали информацию о деятельности музея. В 1938 г. Фонд И. В. Кулаева (Голливуд, США) выделил Русскому культурно-историческому музею ежегодную субвенцию в размере 200 долларов, которая была с благодарностью принята²⁸.

Будучи музейным работником-профессионалом, Булгаков скрупулезно занимался оформлением всей документации РКИМ. И сегодня в фондах Государственного архива Российской Федерации можно познакомиться и с отчетами о работе заведующего, и с инвентарными книгами поступления новых экспонатов, и с каталогами музейной библиотеки, и с приходно-расходными книгами, и с журналами исходящих бумаг за 1934—1944 гг., и даже с книгами записей посетителей²⁹.

Музейные дела требовали от В. Ф. Булгакова немало времени и сил, а он еще успевал заниматься и литературным трудом, работая над составлением «Словаря русских зарубежных писателей» (свыше 100 имен), который был издан через много лет после его кончины³⁰.

В эмигрантской среде Праги, по воспоминаниям А. С. Эфрон (дочери М. И. Цветаевой), Валентин Федорович слыл «несомненным голубем, исповедовавшим закон «смиренномудрия, терпения и любви»

по Ефрему Сирину и отчасти по Л. Н. Толстому», живя с женой и двумя дочерьми, Татьяной и Ольгой, в доме 13 по Сезимовой улице «в простом глазом видимых благолепии, чистоте и вегетарианстве, в кажущемся душевном благополучии». Его «ум острый, пронизательный, широкоохватный, далеко не догматического склада» позволил Булгакову быстро сблизиться с семьей М. И. Цветаевой³¹.

Но далеко не все из замыслов Булгакова были воплощены. Так, не удалось сформировать в музее техническое отделение из-за малочисленности материалов и Сибирский отдел, с инициативой создания которого выступил председатель Союза сибиряков в Чехословакии И. А. Якушев. В 1938 г. организатор музея в Збраславском замке, объективно оценивая полноту и представительность его материалов, планировал продолжить свою собирательскую деятельность: «Разумеется, собрания Русского Культурно-Исторического Музея в Праге являются лишь небольшой частью общего количества памятников русской культуры, находящихся за рубежом, — писал он. — Сколько их переполняет лавки антикваров во всех частях света, частные коллекции иностранцев, квартиры отдельных эмигрантов. Спасти, что можно, из этого количества для истории, для России и является задачей Музея»³². Однако начавшаяся вскоре Вторая мировая война сорвала дальнейшие планы. Теперь уже речь шла не о пополнении ценных собраний, а о сохранении их от разграбления и уничтожения.

Членом Музейной комиссии РСУ являлся известный исследователь истории Нижегородской ярмарки Петр Александрович Остроухов (1885—1965), сыгравший наряду с художником-коллекционером Н. В. Зарецким (1876—1969) значительную роль в сохранении коллекций РКИМ в годы Второй мировой войны, когда В. Ф. Булгаков 22 июня 1941 г. был арестован оккупационными властями как советский гражданин, пацифист, к тому же участвовавший в движении христианских социалистов, и после пребывания в пражской тюрьме Панкрац в сентябре того же года выпущен на волю, во многом благодаря хлопотам профессоров РСУ³³. Но в марте 1943 г. последовали аресты дочери Булгакова Татьяны (за участие в антифашистской группе она провела два года в фашистском концлагере Равенсбрюк), самого Валентина Федоровича и отправка его в мае в лагерь для интернированных советских граждан и военнопленных в Баварии, в замок Вюльцбург, у г. Вейссенбурга³⁴. Даже в фашистских застенках Булгаков продолжал читать лекции и проводить беседы о Л. Н. Толстом.

В личном архиве П. А. Остроухова (фонды ГАРФ) сохранились книги протоколов заседаний Музейной комиссии РСУ за 1940—1944 гг.³⁵ После ареста руководству университета пришлось официально отмежеваться от Булгакова; его, естественно, освободили от должности директора, на которую временно назначили профессора В. А. Брандта,

а затем Н. В. Зарецкого. В 1942 г. в РКИМ даже умудрились устроить специальный раздел экспозиции, посвященный обороне Севастополя во время Крымской войны в 1854–1855 гг.³⁶

Дальнейшая судьба музея была печальной, в 1944 г. его фактически закрыли. В последние месяцы войны в Збраславском замке хозяйничали фашистские солдаты, выбитые частями наступавшей Советской Армии. Военные действия причинили немалый урон собраниям РКИМ.

Вернувшийся из концлагеря 22 июня 1945 г., В. Ф. Булгаков, едва успев повидать родных, сразу бросился осматривать любимое детище, в которое вложил так много труда. Повсюду виднелись следы повреждений: разбитые окна и стекла витрин, разбросанные книги, рисунки... В голове у него в те дни была одна мысль: спасти уцелевшее. Часами немолодой уже, седовласый человек копался в мусоре, пытаясь разыскать утраченные реликвии. И вот счастливый миг удачи. В руках у Валентина Федоровича серебряный перстень и простая перьевая ручка, подаренные Мариной Цветаевой и найденные за дверью в пыли. То были лишь два из многочисленных экспонатов самого крупного и интересного из всех музеев, основанных российскими эмигрантами в межвоенной Европе.

Возродить деятельность РКИМ после окончания Второй мировой войны, несмотря на предпринимавшиеся его создателем усилия, однако, не удалось. Сохранившиеся коллекции Булгакову пришлось перевезти из Збраславского замка в Прагу, в ограниченные по площади помещения русской эмигрантской гимназии, превращенной вскоре в советскую среднюю школу, где он работал несколько лет учителем и даже пытался проводить экскурсии. Им же в те годы редактировался пражский «Советский бюллетень». Одновременно велась работа по подготовке музейных ценностей к передаче в СССР.

Вот что отмечено в записной книжке В. Ф. Булгакова: «В 1948 году я выслал в Россию 25 ящиков с книгами, рукописями, предметами русской старины и более 150 работ русских художников: картины Репина, 15 картин Рериха, работы Билибина, Добужинского»³⁷. Первоначально собрания РКИМ поступили в Министерство иностранных дел СССР, распределившего их между крупнейшими музеями Москвы и Ленинграда: Государственной Третьяковской Галереей (51 картина); Театральным музеем имени А. А. Бахрушина (48 картин, портретов, эскизов и других экспонатов); Государственным историческим музеем (71 единица хранения — народная вышивка, два декоративных блюда, портреты, фотографии, карта Волги, составленная в XVII в. Адамом Олеарием и др.); Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина; Государственным Русским музеем.

Фонды библиотеки и рукописного отдела РКИМ (материалы И. А. Бунина, А. И. Куприна, М. И. Цветаевой, Ф. И. Шаляпина и других

известных деятелей культуры) были перевезены в Москву еще раньше, в декабре 1945 г., в составе Русского заграничного исторического архива (РЗИА), основанного в Праге еще в 1923 г., и затем оказались на хранении в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации) и Центральном государственном архиве литературы и искусства (ныне Российский государственный архив литературы и искусства)³⁸. На фотографиях, поступивших из РКИМ в Музей Революции (ныне Государственный центральный музей современной истории России), изображено, в частности, строительство в Галлиполийском лагере (Турция) каменного монумента — конусообразной пирамиды с мемориальной доской воинам Добровольческой армии, участникам Крымской войны и запорожцам, скончавшимся в турецком плену. В РГАЛИ наряду с документами попали портреты русских писателей, ученых, артистов, работы художника Л. И. Голубева-Багрянородного и рисунки К. Пясковского. Так целостная коллекция РКИМ была, к сожалению, разобщена по музеям и архивам³⁹. Кое-что из менее ценных материалов даже предлагалось другим культурным учреждениям — клубам, домам пионеров. Лишь незначительная часть второстепенных по значимости коллекций РКИМ осталась в распоряжении Комитета советских граждан в Чехословакии.

Летом 1948 г., в составе первого транспорта реэмигрантов из Праги, Булгаков вернулся в СССР. Валентин Федорович перевез сохраненные им материалы о Л. Н. Толстом в Ясную Поляну, где работал научным сотрудником, а затем хранителем музея. Многих из его хороших знакомых до эмигрантского периода уже не было в живых, но кое с кем (к примеру, с известным книговедом, бывшим заведующим отделом Румянцевского музея Н. П. Киселевым) Булгакову удалось восстановить прерванные на четверть века контакты. В одном из писем 1956 г. он интересовался у Киселева обстоятельствами расчленения коллекций Румянцевского музея и создания на базе его собраний книг и рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина⁴⁰. В последние годы жизни Валентин Федорович писал две книги воспоминаний: «Чтобы спасти от забвенья» и «Как прожита жизнь». И давно пора воздать должное этому незаурядному человеку, как и другим подвижникам-эмигрантам, сохранившим на чужбине ценные реликвии российской истории и культуры.

¹ Документальные материалы В. Ф. Булгакова хранятся в фонде 2226 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), в фонде Р-6784 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве и в Литературном архиве Музея национальной культуры в Праге.

² Труд этот увидел свет только в 1917 г. См.: *Булгаков В. Ф.* Встречи с художниками. Л., 1969. С. 293.

³ См.: ГАРФ. Ф. Р-6767. Новиков М. М., ректор Русского народного университета в Праге. 1876–1960. Оп. 1. Д. 41а. Л. 8–10.

⁴ См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923. М., 2005. С. 427.

⁵ См.: *Досталь М. Ю.* Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В. Ф. Булгакова (по новым архивным данным) // Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Сб. докладов. Прага, 1995. Ч. 2. С. 549.

⁶ См.: *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа Русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 101.

⁷ *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. М., 2009. С. 269–270.

⁸ См.: *Булгаков В. Ф., Юпатов А. И.* Русское искусство за рубежом. Прага-Рига, 1938. С. 15.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 1. Л. 176–176 об.

¹⁰ См.: *Серационова Е.* Семья Крамаржей // Родина. 2001. № 1–2 (Славянский мир). С. 134–138.

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 89–89 об.

¹² *Новиков М. М.* Указ. соч. С. 272–273.

¹³ См.: Дом в изгнании. Очерки русской эмиграции в Чехословакии: 1918–1945. Прага, 2008. С. 7–27; *Teichmanova S.* Rusko v Československu. Jihocany, 1993. S. 42–43.

¹⁴ *Цветаева М.* Письма Валентину Булгакову. 1925–1927. Прага, 1992. С. 3–65.

¹⁵ См.: *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. М., 1992. С. 257–258.

¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 88–88 об.

¹⁷ См.: *Булгаков В. Ф.* Встречи с художниками. С. 170–184, 208–213 и др.

¹⁸ *Булгаков В. Ф.* Русский культурно-исторический музей (1934–1939) // Ариаварта. 1999. № 3. С. 193.

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 62–63; *Булгаков В. Ф.* Встречи с художниками. С. 195–196; 201–203; *Докашева Е. С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. М., 1993. С. 70–71.

²⁰ Каталог художественных собраний Русского культурно-исторического музея при Русском свободном университете в Праге. Рига, 1938.

²¹ *Булгаков В. Ф., Юпатов А. И.* Указ. соч. С. 11, 16–17.

²² См.: ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 1. Л. 176 об.

²³ См.: ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 23; *Докашева Е. С.* Указ. соч. С. 29.

²⁴ См.: ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 89.

²⁵ См.: Отчизна. 1991. № 10–12. С. 45.

²⁶ См.: *Желвакова И. А.* От Девичьего поля до Елисейских полей. Поиски и находки. Встречи и впечатления. М., 2005. С. 187.

²⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 89 об.

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 21. Л. 12; Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 18–20.

²⁹ Часть архивных материалов о РКИМ и деятельности В. Ф. Булгакова на посту его директора опубликована. См.: Русский культурно-исторический музей в Праге в письмах и документах (1934–1944) (Из собрания Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2006. № 6. С. 41–79.

³⁰ *Булгаков В.* Словарь русских зарубежных писателей. N. Y., 1993.

³¹ *Эфрон А. С.* История жизни, история души. Т. 3. М., 2008. С. 138–139.

³² *Булгаков В. Ф., Юпатов А. И.* Указ. соч. С. 16–17.

³³ «Книга учета посетителей музея за 1940–1943 гг.» до сих пор хранит запись, сделанную карандашом рукой Булгакова между строк: «22 июня 1941 г. — начало 2-й мировой войны. В этот день я был арестован в помещении Музея агентами Гестапо». ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 21. Л. 24 об., 43.

³⁴ См.: *Булгаков В. Ф.* В царстве свастики. М., 2000. № 5. С. 112–157.

³⁵ Путеводитель. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.). Т. 5. М.: 2001. С. 321–323.

³⁶ См.: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 196–197; ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 24. Л. 48; Д. 42. Л. 2, 2 об., 4–5.

³⁷ Цит. по: *Лазарев В. Я.* Хожение не за три моря. Тула, 1969. С. 38.

³⁸ См.: *Цаплин В. В.* Возвращение в Советский Союз документов государственного архивного фонда. 1945–1946 гг. // Музейное дело в СССР. М., 1976. С. 190–191.

³⁹ В фонде 10013 ГАРФ хранится коллекция предметов (1793–1920 гг.), поступившая в составе РЗИА в СССР.

⁴⁰ См.: *Кончин Е. В.* Эмиссары восемнадцатого года. М., 1981. С. 86.

С. В. ГЕРАСИМОВА
S. V. GERASIMOVA

**Л. Н. Толстой в статьях священномученика
Илариона Троицкого: танатология революции**
**Leo Tolstoy in the articles of Hieromartyr
Ilarion Troitsky: tanatology of revolution**

Аннотация

Революционный переход от одной системы ценностей к другой четче всего фиксируется в изменении представлений о посмертной участи человека, или в танатологии. Священномученик Иларион Троицкий в статьях, посвященных Толстому, отмечает, что, считая себя учителем жизни, писатель не верит в воскресение. Именно танатология Толстого, писавшего о возможности воскресения нравственного, но не метафизического, становится лучшим зеркалом грядущей русской революции.

Abstract

The revolutionary transition from one system of values to another is most clearly recorded in the change of ideas about the posthumous fate of man, or in tanatology. The Hieromartyr Ilarion Troitsky notes in his articles on Tolstoy that, considering himself a teacher of life, the writer does not believe in resurrection. It is the tanatology of Tolstoy, who wrote about the possibility of moral resurrection, but not metaphysical, that becomes the best mirror of the coming Russian Revolution.

Ключевые слова: священномученик Иларион Троицкий, танатология Толстого, революция.

Keywords: Hieromartyr Ilarion Troitsky, Tolstoy's tanatology, revolution.

Статьи священномученика Илариона вошли в сокровищницу русской мысли благодаря двум основополагающим идеям его богословия и философии: во-первых, он утверждал, что христианства нет без Церкви, а во-вторых, что русской Церкви нужно патриаршество, а не синод. Этим не исчерпывается круг его идей, но именно на указанные идеи во многом опирается его оценка деятельности Льва Толстого.

Толстой в предреволюционной атмосфере, когда духовные болезни парализовали не только светское общество, но затронули и жизнь Церкви, лишенной патриаршества еще со времен Петра Первого, к которому святитель Иларион относился как к разрушителю русской духовной культуры, чувствовал себя, следуя русской пословице «свято место пусто не бывает», патриархом, духовным вождем и учителем русского народа.

Святитель прямо не говорит о Толстом как о псевдопатриархе начала XX века, но он указывает в своих статьях множество функций, которые следовало бы исполнять патриарху, но которые с трагическими для русской культуры искажениями стремился исполнить сам Толстой.

Важнейшая роль, которую возлагает на себя Толстой, — это роль проповедника и учителя жизни. Толстой проповедовал блаженную смерть без воскресения. — Какое же это блаженство, если нет воскресения? Но барыня, умирающая в рассказе «Три смерти», по Толстому, жалка и гадка, потому что ее рассудок увлечен христианской идеей воскресения, в которое, по мнению Толстого, ни она, ни кто-либо другой верить не может — ведь эта вера противоречит опыту и здравому смыслу. Блаженство умирания, как свидетельствует Е. Ю. Полтавец, дается лишь толстовским святым, например, князю Андрею Болконскому, сопоставленному исследовательницей с апостолом Андреем Первозванным, мучеником Михаилом Черниговским, страстотерпцами Борисом и Глебом и даже Франциском, впрочем, и с Буддой тоже. Подобная святость заключается в готовности умереть за «веру в ненасилие», подкрепленную надеждой «на бессмертную жизнь»¹.

Однако герои Толстого обретают вечную жизнь благодаря не столько воскресению, сколько специфическому нехристианскому представлению о посмертии, отражающему «апофатичность толстовского мышления»² и в 60-е гг. отчасти напоминающему учение Платона или Будды, а позже и в большей степени — представлению о реинкарнации, вера в которую прослеживается в таких произведениях, как «Ассирийский царь Асархадон», в статьях, дневниках и письмах, в романе же «Анна Каренина» в «метемпсихоз» (Юб. Т. 18, с. 277) верит Дарья Александровна Облонская, продолжающая при этом причащать своих детей.

Святость для Толстого — естественна, ее можно достичь вне Церкви. Однако традиционное восприятие святости основано на представлении о том, что природа больна, что сама смерть — самое грозное проявление болезненной искаженности природы грехом, то есть врожденной страстностью, чувственностью, болезненно-ранимой телесностью. Все это, по мысли Толстого, можно преодолеть внутренней честностью.

Для Толстого природа — учитель, призывающий умирать, отрешаясь от всех страхов, не привлекая внимания к своим страданиям,

молча — как умирают деревья. Близко к этому идеалу умирание князя Андрея Болконского.

С точки зрения христианской традиции в природе человека и всего живого смерть не заложена. Творец сотворил нас бессмертными, в нас живет инстинкт бессмертия, поэтому так и страшит нас смерть, которая чужда нашей природе. Смерть — олицетворение греха, а не природы. Грех и смерть именно противостоят святой первозданной природе, а не воплощают ее законы.

Толстой-утешитель уверяет, что смерть — в природе вещей, и природа выше мысли. Мысль, не согласующаяся с правдой природы, — внутренняя ложь или заблуждение.

Эти представления Толстого непосредственно связаны с темой революции, поскольку революционные перемены начинаются в умах людей, а завершаются на баррикадах.

Революцию 1917 года не стоит сводить к социальному переустройству общества. Она стала символом и внешним проявлением становления культуры нового типа — атеистической культуры Советского Союза, одним из предтеч которой стал Л. Толстой, поскольку будущая социалистическая культура начала формироваться в недрах дореволюционной, подтачивая ее изнутри. Одним из ярчайших проявлений танатологической революции, которая происходила в умах людей, стала мистическая повесть И. Тургенева «Клара Милич», которой посвящено литературоведческое эссе «Танатология Тургенева»³.

Все заблуждения и ереси, как это откомментировал бы св. Максим Исповедник, были бы невозможны без фантастических логосов — то есть идей, в основе которых, может быть, и лежали бы истинные логосы, не появившись у них ложные двойники. Толстой воспринял фантастический логос естественности и следования своей природе. В культурном плане революция заключалась в том, что фантастические логосы победили логосы сакральные.

Фантастические логосы появляются под влиянием гномической свободы. Святые отцы, например св. Максим Исповедник, объясняют грехопадение Адама его гномической волей, способной действовать вопреки собственной благодатной природе.

Следствием «способности» к противоестественности, то есть к гномической воле, стало грехопадение Адама, а следовательно — и вся человеческая история.

Л. Толстой, интуитивно или сознательно, воспринял идею благодатной естественности, которая лежит в основе райского благополучия Адама, но переложил ее на современное, падшее состояние природы, а поэтому обожествил правду смерти. Писатель-пророк часто борется с собственной интуицией бессмертия, язвит себя за то, что не может

принять смерть, уговаривает, увещевает, уверяет себя в ее естественности, то есть преодолевает свою благодатную природу гномической волей, порождающей фантастические логосы.

Культурный слом, или движение от одной социо-культурной формации — к другой, сопровождается переходом к новому учению о смерти. Особенно хорошо это видно на примере важнейшего революционного переворота в истории человечества — в преобразении языческой культуры в христианскую. Очень часто говорят о воцерковлении языческих представлений, вспоминая о Логосе или о троичности человека. Христианство вливает новые благодатные смыслы в символы языческой культуры, как новое вино в старые мехи. Но никогда речь не идет и не может идти о воцерковлении языческой танатологии. Учение о смерти — всегда область революционных преобразований культуры. В этой сфере христианство побеждает кровью мучеников, которые умирают за Христа, показывая язычникам, что смерть не страшна.

Точнее, в катакомбах встречаются росписи на сюжеты, которые могли бы дать основание завести разговор о воцерковлении языческой танатологии. Так, в катакомбах на Виа Латина есть изображение Геракла, выводящего Алкесту из царства теней Гадес.

Но указанный миф не свидетельствует о вере древних греков в воскресение, однако становится символом их готовности принять новое христианское учение, которое легче усваивается среди тех народов, которые знали миф о воскресающем божестве, например о Дионисе. Христианство использовало ростки нового, чтобы преобразить языческую толщу народного сознания.

Показательна фреска, также из катакомб на Виа Латина, изображающая одиннадцатый подвиг Геракла, пришедшего в сад гесперид за золотыми яблоками, однако и она вовсе не свидетельствует о возможности знания языческих народов о первородном грехе, породившем смерть. Языческий миф используется первохристианами как известный язык, способный выразить новое, неизвестное и доселе неизвестное учение о грехе и Воскресении.

Интересное сопоставление поведения христиан и язычников перед лицом неминуемой гибели, то есть моровой язвы, делает св. Дионисий Великий, епископ Александрийский (кон. II в.— 264/5), повествующий, как язычники «убегали от самых дорогих людей, выбрасывали на улицу полумертвых и сваливали трупы без погребения, стараясь отвлечь передачу и распространение смерти, хотя при всех усилиях им нелегко было достигнуть этого»⁴, в то время как христиане заботились о живых и усопших, о христианах и язычниках: «И многие, ухаживая за больными и подкрепляя других, скончались сами, перенеся на самих

себя смерть их»⁵, ибо св. Дионисий учил видеть в подобной кончине подвиг мученичества за Христа.

В падшем варианте природы нет святости, но есть смерть, в райском состоянии природы нет смерти, но есть святость.

Но святость по-толстому, при всей неопределимости ее сущности, это во многом следование природе, внутренняя честность при однозначном решении, что воскресения нет и быть не может. Толстой нередко проповедует блаженное ничто, нирвану. И самое удивительное — эту проповедь интеллигенция принимает и воспринимает в контексте христианской символики. Святитель Иларион Троицкий отмечает, что увлечение учением Толстого как псевдопатриарха накануне революции было столь велико, что в массе образованного народа стали распространяться пасхальные яйца, с одной стороны которых было начертано: «Христос Воскресе!», а с другой красовался портрет Толстого, отрицавшего Воскресение, считавшего его «позднейшей выдумкой»⁶, — не есть ли это «самый лучший символ нашего безвременья?»⁷ — вопрошает священномученик, ибо по его остроумному замечанию, настал век, когда убеждения сменились «исканиями»⁸.

В пасхальном номере «Русского слова», продолжает печаловаться он, печатают дневники Толстого, но нет ни слова о Воскресении.

В художественно-философском мире Л. Толстого учения о восстании из мертвых нет, но есть роман «Воскресение», посвященный нравственному преображению человека.

Толстовский мир не знает метафизики воскресения. Подобное убеждение святителя Илариона основано, прежде всего, на Евангелии от Толстого, еще при жизни писателя и позже издаваемого и изданного в нескольких вариантах⁹, в любом из которых подробно изложено нравственное учение Спасителя, описаны некоторые его чудеса, например — чудо исцеления расслабленного, тридцать восемь лет лежавшего возле купальни в Иерусалиме;¹⁰ впрочем, это чудо сохранено потому, что восстание с одра болезни объясняется целебными свойствами источника, а не властью Богочеловека. Однако радости о Христе Воскресшем в текстах Толстого — нет, вместо нее — обещание блаженства в лоне Авраама¹¹; то есть вместо новозаветной танатологии — ветхозаветная. Как отмечал еще Н. Бердяев, Толстовский мир ближе ветхозаветному принципу Закона, нежели новозаветной Благодати, что отражает атмосферу предреволюционных лет, когда было популярно стихотворение А. Блока «К Музе» (29.12.1912) с его начальными строками: «Есть в напевах твоих сокровенных // Роковая о гибели весть», — названное антиевангелием. Евангелие — это Благая весть, то есть весть о Воскресении. Предреволюционное безвременье,

в интерпретации Блока, пропитано духом восторженного поспрашения святых, отрицания Благой вести и будоражащих предчувствий вторжения роковых сил.

Толстой, подобно первохристианам, вливающим в древние мифы новый, евангельский смысл, наполняет Евангельский сосуд иным содержанием, то есть превращает Благою весть в ее собственную противоположность, суть которой — в отрицании Воскресения. Евангельская форма оказывается наполнена вестью о невозможности и абсурдности Восстания из мертвых.

В любом из вариантов толстовская «Благая весть» завершается смертью Христа, а в «Заключении к исследованию Евангелия» писатель прямо говорит, что чудо Воскресения прямо противоречит учению Христа.

Святитель Иларион утверждает, что Новый Завет может быть полноценно истолкован только в Церкви, ее Духом и Благодатью, понят только христианами, ведущими сознательную глубоко Церковную жизнь. Вне Церкви нет благодатного Евангелия, которое превращается только в текст. Святитель полагает, что Евангелие по сравнению с Ветхим Заветом не сказало ничего нового, объединив в себе все ветхозаветные пророчества.

Суть Евангелия не в учении, которому призывает верить Толстой, но в самом чуде Воскресения. Вся новизна Евангелия связана не с его словом, а с той миссией Спасителя, которую невозможно вместить в слово, но которая лежит в основе жизни Церкви.

Толстому-экуменисту, рассматривающему Евангелие в контексте других религий, учение Христа даже если и кажется первенствующим, то не настолько, чтобы резко противопоставить его всем иным верам: «Такова религия браминов, Конфуция, Будды, Моисея, такова же и христианская религия. Она учит жизни, как жить...» (Юб. Т. 23, с. 437). Словом, изымая из Евангелия чудо Воскресения, Толстой, как и святой Иларион, свидетельствует, что в самой по себе Благой вести нет ничего, что хотя бы намеком не прозвучало в дохристианские времена.

От отрицания Евангелия Толстой приходит к отрицанию Церкви, не чувствуя мистической глубины Ее духовной жизни и сводя Евангельскую тайну к рационально понятному учению, ибо ему дает блаженство исполнение заповедей (Юб. Т. 23, с. 401). Толстой нашел свое блаженство — нашел, что искал, и остановился, не надеясь найти несравненно большее в глубинах мистической жизни Церкви.

Борьба за Церковь становится для святителя Илариона продолжением борьбы за продление истории России, приближение которой к апостасии и к революции он чувствовал. Толстого святитель рассма-

тривает как порождение безвременья накануне революции, знаменем которой становится искажение им евангельской танатологии.

Святитель свидетельствует, что Толстовское Евангелие и учение о смерти оторвано не только от Церкви, но и от личности самого Христа-богочеловека, ибо в Божеское и чудесное в природе Спасителя Толстой отказывается верить. Поскольку священномученик полагает, что за пределами Церкви от Евангелия останется только слово, не защищенное от любых, даже сектантских трактовок, то выпады святителя против Толстовского учения беспощадны. Приведем самые важные из них:

«Исходным пунктом в лжеучении Толстого можно назвать именно его резкое отделение христианства от Церкви. Толстой решительно осудил Церковь, преклонившись в то же время пред христианством. Но христианство тотчас стало для него *только учением*, а Христос — *только учителем*. Когда пред нами какое-нибудь учение, то нам не так-то уж важно, чье оно, кто учитель. И для Толстого живая личность Христа потеряла всякое значение. Взявши учение Христа, о Нем-то Самом оказалось возможным забыть, и Толстой отверг Христа-Богочеловека, назвав Его “распятым иудеем”, “мертвым иудеем”. Уже тем самым было усечено и Евангелие в его начале, где повествуется о сверхъестественном рождении Сына Божия от Девы Марии, и в его конце, где сообщается о воскресении Сына Божия из мертвых и Его вознесении на небеса. Но Толстой не ограничился только этим “обсечением” Евангелия с начала и с конца, а переделал и всю его середину по своему вкусу, заставив таким образом своего Иисуса говорить только то, что прикажет ему из своего кабинета яснополянский учитель. Мало того. Христос Сам обещал Своим ученикам послать им “иного Утешителя”. Этого “Утешителя”, Божественного Параклита, Церковь Христова почитает источником новой благодатной жизни церковной, и ап. Павел, как мы видели, постоянно говорит о живущем в Церкви Духе Святом. Несмотря на все это, Толстой отверг Духа Святого, Православную Церковь в насмешку называл не Христовой, а «святодуховской», а затем унизился и до кощунства над Св. Таинствами, в которых член Церкви и получает благодатную помощь Св. Духа для новой жизни. Крещение, это таинство возрождения, для Толстого — “купанье младенцев”. Святейшая Евхаристия, без которой, по учению Самого Христа, нельзя иметь в себе жизни (Ин. 6:53), по кощунственной терминологии Толстого, “похлебка”, которую “глотают с ложечки”. Можно благодарить Толстого за то, что он был смел и последователен. Ограничив все дело Христа только Его учением и отвергнув Церковь, Толстой с логической необходимостью пришел ко всем своим выводам, разрушающим и самое христианство.

А нам Толстой наглядно показал, к чему ведут нелепое отделение христианства от Церкви и отрицание Церкви во имя этого мнимого христианства. Если отделить христианство от Церкви, то нет никакой нужды в Божестве Спасителя, не нужен и Дух Святой. А без Духа Святого и без Божества Спасителя, без воплощения Сына Божия учение Иисуса Назарянина становится столь же мало действительным для жизни, как и всякое другое, ибо нельзя разделять сократовского оптимизма, по которому знание есть добродетель. Несостоятельность же бесцерковного понимания христианства Толстым и ясна уже из того, что толстовство не создало никакой жизни. Христианская жизнь возможна только в единении с живым Богочеловеком Христом и в благодатном единении людей в Церкви»¹².

Отрицая Воскресение, Толстой создает собственную танатологию. Может показаться, что между воскресением и реинкарнацией большой разницы нет: человек в любом случае возрождается к жизни, при этом утверждается вечная, бессмертная сущность его души.

Подобные идеи несостоятельны, поскольку сущность воскресения не просто в возвращении к жизни во плоти, но в преобразении самой психофизической природы человека: от смертной — к бессмертной, от страстной — к святой. Толстовская реинкарнация чужда идее качественного изменения природы человека, поскольку природа и естество, даже смертное, становятся для Толстого камертоном душевного здоровья. Если у природы нет роковых изъянов, то есть если смерть, царящую в природе, и нам вслед за Толстым не следует рассматривать как знак ее ущербности, то такую природу и незачем преобразовать, а возвращение в бытие, то есть реинкарнация, становится аналогом воскресения, но без его мистического и метафизического смысла.

Роман «Воскресение» Л. Толстого часто сравнивают с «Преступлением и наказанием» Ф. Достоевского. Но когда духовно воскресает герой Достоевского Раскольников, то, следуя принципу, что душа по природе Христианка, автор романа указывает, что, хотя героем трудно отвергается идея о крови по совести, но именно в этом преодолении — воскресение и возвращение к высшей природе, которой чужды смерть и убийство, которая живет интуицией собственного бессмертия. Этой верой преодолевается четырехдневное пребывание Лазаря, а с ним и Раскольникова, во гробе, реальном или духовном, — преодолевается готовность следовать приказу свыше: «Лазарь! Изыди вон!»

Воскресение у Достоевского изменяет именно природу героя: от падшей, живущей в контексте крови и смерти, — к высшей, христианской, понимающей чуждость смерти и убийства всей природе человека, его интуиции, глубине его духа.

Воскресение в романе Толстого чисто нравственное, оно сопровождается пониманием чуждости греха природе человека, но не закона убийства и смерти, царящего в природе. Оно лишено метафизической глубины.

Учение Толстого святитель сравнивает с философией гностиков, указывая на его рационализм — путь гнозиса, то есть познания учения Христа — в процессе истолкования Евангелия. Спасительным для гностиков становится само знание Истины, например, заповедей Христа.

От гностицизма Толстого резко отличает представление о материи и природе, которая оценивается гностиками как темница духа, как воплощение зла. Однако это настроение проникает в творчество позднего Толстого, например, в его драму «Живой труп», в которой создан тип толстовского святого — Федора Протасова, чувствующего противоестественность собственнического брака. Герой Толстого — своеобразный юродивый, аскет, предпочитающий радостям брака — радость дарить свободу и быть свободным.

Однако подобное отношение к браку, к земному счастью, к семейной любви — удивило критиков настолько, что драму стали называть «антитолстовской», хотя в ней и проявляется хорошо узнаваемый принцип непротивления злу насилием, который лежит в основе поведении Федора Протасова.

Заповедь непротивления взята Толстым из Евангелия (смешанного с восточными учениями) и поставлена в центр учения Христа вместо вести о Воскресении, поэтому символично, что безупречное следование этой заповеди, вырванное из контекста жизни Церкви, приводит героя к самоубийству, к действию принципов антиевангелия в его жизни, — что подтверждает мысль святителя Илариона о невозможности благодатного прочтения Евангелия за пределами Церкви.

Развиваясь, танатология Толстого обратилась в советской цивилизации в полное отрицание посмертной метафизики. А семиотическая взаимосвязь целого и части привела к тому, что учение об абсурдности Воскресения в советской цивилизации породило то же стремление разрушить Церковь, которое было намечено Толстым, ставшим одним из важнейших родоначальников русской танатологической революции.

¹ Полтавец Е. Ю. «Война и мир» Л. Н. Толстого на уроках литературы. М., 2005. С. 290, 321.

² Прокончук Ю. В. Этика и метафизика в мировоззрении позднего Толстого // Материалы международной научной конференции «Толстовские чтения — 2016». М., 2017.

³ Герасимова С. В. Танатология Тургенева. URL: <http://www.proza.ru/2018/01/02/1856> (дата обращения: 02.01.2018).

⁴ *Св. Дионисий Великий, епископ Александрийский*. Творения. СПб., 2007. С. 111.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ *Троицкий*. Лев Толстой и воскресение Христова // *Иларион (Троицкий), Священномученик*. Творения: в 3 т. Т. 3. М., 2004. С. 275.

⁷ Там же. С. 276.

⁸ Там же.

⁹ *Толстой Л. Н.* Краткое изложение Евангелия. СПб., 2005. 146 с.; *Толстой Л. Н.* Как читать Евангелие и в чем его сущность? Учение Христа, изложенное для детей. Н. Новгород, [1917]. Обл., 66 с.; *Толстой Л. Н.* Краткое изложение Евангелия. Изд., доп. изложением «Первого послания Иоанна Богослова». Смоленск, 1918. 152 с.; *Толстой Л.* Соединение и перевод четырех Евангелий. М., 2007, и др.

¹⁰ *Толстой Л. Н.* Краткое изложение Евангелия. СПб., 2005. С. 59.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² *Троицкий*. Христианство или Церковь // *Иларион (Троицкий), Священномученик*. Преображение души. М., 2012. С. 166–168.

М. В. НИКОЛАЕВА
M. V. NIKOLAEVA

**Сиро-ливанские писатели о Толстом
и революции**
**The Siro-Lebanon writers on Tolstoy
and revolution**

Аннотация

Статья посвящена истории восприятия творчества великого русского писателя и мыслителя Льва Толстого в арабских странах XX столетия, начиная с первых адаптированных переводов художественных текстов и публицистических работ и заканчивая глубоким проникновением в суть философских исканий русского писателя, его социально-философской позиции и глобальных гуманистических открытий.

Abstract

The article studies the history of perception of the great Russian writer and philosopher Leo Tolstoy in the Arab countries of the 20th century, beginning from the first adapted translations of literary texts and journalistic works up to the deep insight into the philosophical heritage of the great Russian writer, his social and philosophical position and global humanistic revelations.

Ключевые слова: Толстой, социальная революция, новоарабская литература XX столетия, переводы, поэзия, Императорское Палестинское Православное Общество, Амин ар-Рейхани, Михаил Нуайме.

Keywords: Tolstoy, social revolution, the new Arabic literature of the 20th century, translations, poetry, Imperial Palestinian Orthodox Society, Amin ar-Reyhani, Mikhail Nuayme.

Творчество Л. Н. Толстого стало известно в арабском мире в общем контексте знакомства с русской литературой во многом благодаря подвижнической деятельности на рубеже XIX–XX веков в регионе Великой Сирии (включавшей современные Сирию, Ливан, Палестину и Иорданию) Императорского Православного Палестинского об-

щества (ИППО). Оснащенные знанием русского языка, именно выпускники православных школ и семинарий ИППО Селим Кобейн, Халиль Бейдас, Ибрахим Джабер, Антун Баллан, Михаил Нуайме, Кульсум Оде-Васильева и многие другие ввели творчество Л. Н. Толстого и других русских классиков в поле литературной жизни арабских стран. Произведения русской классической литературы стали для новоарабской культурной среды рубежа XIX–XX веков живым образцом новой эстетики, или, говоря словами самого Л. Н. Толстого, «совершенно новых форм писания»¹.

Еще до Первой мировой войны появился выполненный Рашидом Хаддадом перевод с английского «Воскресения» Л. Н. Толстого («*Аль-Баас*», 1907) с подзаголовком: «Нравственный, социальный, любовный роман знаменитого русского философа Льва Толстого». Воздействие философских взглядов Толстого, в творчестве которого он видел прежде всего воплощение надежд и страданий простого народа, испытал ливанский писатель-романист Фарах Антун. По свидетельству отечественного востоковеда академика А. Е. Крымского, русский писатель мог быть известен этому видному ливанскому просветителю как во французских переводах, так и по «арабским работам питомцев Назаретской учительской семинарии Православного Палестинского общества»². Благодаря Ф. Ануну и другим литераторам, деятелям культуры, вынужденно эмигрировавшим из Великой Сирии на рубеже XIX–XX столетий, с творчеством Л. Н. Толстого познакомилась и египтяне. Среди них прежде всего следует упомянуть романтика новеллиста и переводчика Мустафу Лутфи аль-Манфалути, духовный облик которого, по свидетельству того же А. Е. Крымского, представлял причудливую смесь идей прогрессивного европеизма и мусульманской строгой ортодоксальности. Поэтому особенно интересно отношение подобной противоречивой личности к учению и творчеству великого русского писателя и философа. В своей статье «Толстому» аль-Манфалути отмечал прежде всего высочайший нравственный облик, вынудивший русского писателя в конце концов удалиться от людей. В примечании к статье автор признавался, что она написана «под воздействием известия о том, что знаменитый русский философ покинул свой дом и ушел куда глаза глядят, чтобы укрыться от людей в одном из монастырей или в лесной чаще»³.

Авторитет аль-Манфалути в новоарабской литературной традиции немало способствовал популяризации художественного наследия Л. Н. Толстого в среде египетских писателей XX столетия. В качестве одного из свидетельств того, что в современном Египте интерес к творчеству русского писателя не угасает, можно упомянуть переводы Мухаммеда Кутба (1919–2009) — в частности, рас-

сказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» («*Хаджат аль-инсан мин аль-ард*»), вошедшего в сборник «Маленькие юмористические рассказы» («*Сухрийяи сагира*»), изданный в Каире в 1947 г. в крупном издательстве «Дар аль-Китаб аль-араби». Старший брат М. Кутба, известный арабский поэт, критик, литературовед Сейид Кутб (1906–1966) в предисловии к этой книге свое внимание обратил на особенности предельно мягкого юмора Льва Николаевича Толстого, его «милосердного» (*ар-рахима*) комизма. Рассказ-притча представлялся ему дружеской шуткой, проникнутой жалостью автора к «незадачливым персонажам и их вожделениям»⁴. Другое крупное каирское издательство «Дар аль-Кутуб» в 1947 г. опубликовало «Исповедь» Л. Н. Толстого («*Иатирафу Тулстуй*») в переводе Махмуда Махмуда. В 1954 г. в специальном выпуске ливанского журнала «Аль-Адаб» (№ 11) египетский писатель и критик Юусуф аш-Шаруни (р. 1924) в рубрике «Новые книги» представил свою статью «Теория искусства у Толстого» («*Назарияту-ль фанн ында Тулстуй*»), в которой проанализировал работу Толстого «Что такое искусство?». С конца прошедшего столетия свой специфический взгляд на творческое наследие Л. Н. Толстого излагает в своих статьях и лекциях египтянин Сабри Хафез, прозаик, драматург, критик, литературовед, с 1993 г. по настоящее время — профессор сравнительного литературоведения в Лондонском университете. Для него Толстой — «гигант, проживший долгую жизнь, который был Эпикуром по натуре и вместе с тем возложил на себя нравственные задачи, став образцом, не имеющим себе равных среди прославленных великих рыцарей. Он был последним титаном “деревенского реализма” в русской литературе, в своих сочинениях противопоставил деревенскую жизнь городской. Его произведения прославляли бытие, утверждая мысль о том, что “самая великая цель жизни — это сама жизнь”. И вплоть до самой кончины Толстой радовался этой жизни, несмотря на все личные страдания»⁵.

Отдельную книгу об учении Толстого («*Мазхаб Тулстуй*») написал еще в 1901 г. выпускник и преподаватель школ ИППО Селим Кобейн (1870–1951). Этот известный деятель арабской культуры включил в нее свои свободные переводы автобиографической трилогии писателя, которого также описал прежде всего как крупнейшего философа. Он же в 1904 г. перевел на арабский язык «Краткое изложение Евангелия» Толстого («*Инджил Тулстуй ва диянатуху*»), в 1903 г. — «Крейцерову сонату» под названием «Согласие и развод, или Мелодия Крейцера», и в 1909 г. — легенду «Царство Ада» (названную «Разрушение Ада и восстановление его»). Селим Кобейн — прекрасно владевший русским языком палестинец православного

вероисповедания — не обошел своим вниманием и такую работу Льва Николаевича Толстого, как «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран». В 1912 г. он издал даже сокращенный перевод оригинала под названием «Мудрые изречения пророка Мухаммада», который сопроводил поэтической элегией на смерть Толстого поэта-романтика Ахмеда Шауки, а также сокращенным письмом Л. Толстому крупнейшего мусульманского реформатора, главного муфтия Египта Мухаммада Абдо (1849–1905). Известно, что переписка Толстого с М. Абдо по вопросам религиозно-нравственного характера началась с весны 1904 г., но прервалась в связи с кончиной этого крупнейшего новоарабского богослова.

В 1907 г. Селим Кобейн перевел также пьесу Л. Толстого «Власть тьмы» («*Султан аз-залам*»).

Самым известным социальным и философским романом, переведенным на все языки цивилизованного мира, назвал изданную им в журнале «Ан-Нафаис» (1913) «Анну Каренину» другой выпускник школ ИППО, теоретик-литературовед, переводчик и педагог Халиль Бейдас (1875–1949).

Антун Баллан, еще один страстный пропагандист русской литературы, уже после смерти великого русского классика опубликовал в 1912 г. в журнале «Ан-Нафаис» «Мысли из книги “Путь жизни” философа Толстого» — этого итогового произведения, столь высоко ценимого самим писателем, в котором собраны философско-религиозные и этические высказывания как Льва Николаевича Толстого, так и других известных авторов. Здесь стоит особо отметить этот журнал, который активно пропагандировал творчество Л. Н. Толстого именно как литератора. В нем публиковались и его народные рассказы — как, например, «Нечаянно» («*Бидуна касд*», июль 1911), — а также многие факты и события жизни и творческого пути того, кого редакторы журнала характеризовали как «великого писателя русской земли».

Безусловно, автором, в творчестве которого мы можем наиболее последовательно наблюдать глубокое влияние идейно-эстетического наследия Л. Н. Толстого, остается именно Михаил Нуайме (1889–1988). Мечтой этого знаменитейшего выпускника ИППО было учиться «в стране, родившей Толстого». При этом Нуайме впервые в новоарабской литературе говорит не только о Толстом-философе, но и о собственно литературных достоинствах его творческого метода — «увлекательного реализма».

В то же время социальный аспект творчества великого русского писателя выделяет в своей работе «Толстой» из I-го тома знаменитого на весь мир собрания своих сочинений «Рейханият» (1910) дру-

гой великий представитель сиро-американской литературной школы начала XX столетия — Амин ар-Рейхани (1876–1940). Обращение А. ар-Рейхани к творческому наследию Л. Н. Толстого объяснимо не только известной философичностью творческой личности самого этого «философа из долины Фурейки», как его называл в своем исследовании отечественный арабист З. И. Левин⁶, но и определенной общностью духовных начал, влияющих также и на эволюцию литературного процесса в среде христиан восточных церквей Ближнего Востока, прежде всего, православных, греко-католиков, маронитов.

Если учесть, что становление новоарабской литературы рубежа XIX–XX столетий во многом напоминает процессы, которые веком ранее привели к созданию высокой русской классики, то можно увидеть, что отнюдь не случайны в новоарабской литературе данного периода столь узнаваемые нами толстовские напряженные нравственные поиски человеком собственной сущности, предназначения и смыслов бытия в контексте противоречия абсолюта вечного творения природы и несправедливого мироустройства человеческого общества. Амин ар-Рейхани одним из первых авторов в новоарабской литературе обратился к поискам практических путей нравственного разрешения роковых конфликтов современного ему общества, стоявшего, как и российское общество рубежа столетий, перед лицом все более острой необходимости судьбоносных перемен.

С глубоким чувством патриотизма и скорбью описывает ар-Рейхани в своих ранних публицистических очерках страдания арабов в годы Первой мировой войны. Подобные раздумья о происходящем в мире приводят его к сомнениям в Божественной справедливости. Тогда в его творчестве начинает все более остро звучать тема революции — как «Страшного суда для тиранов». Однако многие русские исследователи его творчества отмечают, что сами революционные представления поэта крайне расплывчаты. Так, тема рока — антиномии судьбы и борьбы — пронзительно звучит уже в стихотворении «Самум» с его поразительно живописным ориентальным колоритом и эмоциональным нагнетанием изысканно собранных восточных образов и мотивов:

О вечно сущий Бог! Чему не знать конца?
 На винограднике я слышал тихий шорох,
 Но вот подул самум, и полегла лоза.
 Земля изранена, вся в трещинах и порах,
 Взметнулся к тучам листьев ворох,
 И страшный крик изрезал небеса.
 Чему не знать конца?⁷

Но в подобную картину природной катастрофы во множестве вплетены и образы катастрофы социальной, антропогенной и, как мы сегодня сказали бы, экологической. Очевидная политизированность настроений поэта-философа невольно сказывается здесь и на характере самой поэтической наррации, назидательную прямолинейность которой адекватно отражает и блистательный русский перевод этого текста:

Побольше скромности, мой гордый небоскреб,
 Не краше твой удел судьбы лачуг безвестных,
 Святых обителей, где всяк душой — холоп,
 Церквей — прибежища обманщиков бесчестных.
 Чему не знать конца?
 Все рухнет — замок, утопающий в садах,
 И вилла богача, и царские палаты.
 Халупы бедняков, куда уж нет возврата,
 От ветхости падут — рассыпавшись во прах⁸.

Концовка стихотворения прекрасна своим поэтическим философским синкретизмом, столь гармонично примиряющим красочность восточных образов с прямой социальной назидательностью и оптимистическим фатализмом в восприятии мирового исторического процесса:

Все преходяще в этом странном мире.
 Что было, то уйдет,
 И только мысль живет,
 Частицы духа вечен след в эфире.
 Наступит день, когда умолкнут споры,
 Утратит золото свою былую мощь.
 Народ сомкнет ряды, надеждой вспыхнут взоры,
 Страшась возмездия, бежит жестокий вождь,
 Падут устои зла, насилия опоры,
 И землю оросит животворящий дождь⁹.

Мы можем видеть здесь не столько романтический мотив борьбы с судьбой, свойственный европейскому индивидуализму гениальных одиночек, сколько взыскание изначальной непогрешимой справедливости абсолюта, веры в конечное воздаяние и возможность крушения мира греха. Амин ар-Рейхани — представитель маронитской общины Ливана, сохранившей, несмотря на унию с Ватиканом, свои духовные основы и ритуалы восточного обряда — воспроизводит здесь концепт коллективного спасения, выдвигаемый православием — в противовес известному концепту спасения индивидуального, осуществляющегося, например, через персональные индульгенции католицизма.

Подобные социально-философские позиции обусловили и восприятие А. ар-Рейхани личности Л. Толстого. Еще в 1898 г. в статье «Преуспевание и обретение» ар-Рейхани впервые в арабском мире заговорил об истинном духовном величии русского писателя, который, как он доказывает здесь, по своей мощи превосходит могущество самого российского императора. В статье «Толстой» из упомянутого собрания «Рейханият» он оценивает русского писателя как величайшего гения современности. Отмечая, что рожденный графом, Толстой как бы перевоплотился в простого крестьянина, став олицетворением свободы, братства и любви к ближнему, ар-Рейхани свидетельствует, что российское правительство испытывает благоговейный страх перед личностью Толстого, отдавая себе отчет в том, что его влияние, писательская мощь и духовная власть над миром приобретены не золотом или силой оружия. Известный своей склонностью к решению политических и социальных проблем, ар-Рейхани отмечает прежде всего активную гражданскую позицию писателя, не раз обращавшегося к русскому правительству с безрезультатными призывами к устранению социального зла. Он замечает, что русское правительство, угнетающее слабых и бедных, исповедующих учение Толстого и читающих его книги, вынуждено обращаться с Толстым как к «независимым европейским государством».

Нам представляется возможным рассматривать это отношение к грандиозной фигуре русского писателя, интеллектуально и духовно противопоставленного императору, в контексте древнейшего восточного мотива фундаментальной антиномии образов «царя неправосудного» и пророка, которым предстает здесь Лев Толстой. При этом можно заметить, что в отличие от другого представителя новоарабской литературы XX столетия, лидера сиро-американской литературной школы Джебрана Халиля Джебрана (1883–1931), в творчестве которого образ пророка носит сугубо личностный метафизический характер, Амин ар-Рейхани сам активно занимался реальной политикой. Известно, что его усилия в этом направлении не сводились к сочинению книг, эссе и статей («Цари арабов», «Сердце Ливана» и др.), но включали и практическую деятельность, встречи, дискуссии с западными и арабскими политическими лидерами в эпоху мучительного формирования новых государственных структур арабского мира на фоне колониальных поползновений западноевропейских держав, активизировавшихся после распада Османской империи.

И в этом же контексте активного социального противления злу звучит пронизанное яростным пафосом насильственного свержения власти тиранов стихотворение в прозе Амина ар-Рейхани «Револю-

ция» («*Ac-saura*», 1907), навеянное образами и событиями русской революции 1905 г., — произведение, на первый взгляд столь противоречащее фундаментальной толстовской идее непротivления злу насилием.

Всю семантически усложненную стилистику этого произведения с его историко-философским контекстом прекрасно передает русский перевод В. А. Волосатова:

День ее — мраком укрыт,
 Ночь ее — светом горит.
 Заходящее солнце всевидящим оком глядит.
 Голос смуты ужасен. В нем слышится крик.
 Соловиная трель, шепот пчел, льющийся рык.
 Лижет пятки тиранов горящий язык.
 К тяжелой ноше достойный привык.
 Горе тем, кто насильничал, лгал и хитрил!
 Мир расплаты настал, Судный день наступил,
 Смертный час для тирана пробил.
 Страшен день Революции, хмурый как дым.
 <...>
 Вторит бою литавр удивительный гимн.
 Сотни лиц загорелись желаньем одним.
 Голод пламени неутолим.
 Страх прибавил немало седин¹⁰.

Революция предстает здесь как Судный день для всех тиранов, апокалиптические видения сменяются почти кинематографическими планами исторических картин свержения и казни неправосудных правителей Древнего Рима, буржуазных революций Англии и Франции. В традициях новоарабской просветительской словесности рубежа XIX–XX столетий подобные примеры из истории назидательно-прямолинейны.

Сыновья Революции чести верны <...>
 А мужи беззаветной отвагой полны,
 Жены львицами рождены,
 Проповедники стойки, речисты,
 Предводители жаждут войны.
 Тирании часы сочтены.
 <...>
 Берегись тиран! Видишь море знамен?
 То победное шествие красных колонн
 <...>
 Берегись, тиран, тех, чья воля крепка.
 Алых стягов победа близка.

Очевидно и то, что столь яркая пафосная идеализация революционеров — среди которых и пламенные «проповедники»! — вновь отсылает нас к событиям Первой русской революции 1905 г. с ее характерной пролетарской символикой.

В результате победы Советского Союза во Второй мировой войне и образования на Арабском Востоке новых независимых государств, с 1950-х гг. в результате качественно нового этапа общественно-культурной жизни арабских стран происходит расцвет русско-арабских литературных и культурных связей. С этого периода центр переводческой деятельности перемещается в Сирию, которая вплоть до последнего времени являлась настоящим флагманом широкого и профессионального переводческого движения в арабском мире. Именно сирийские и ливанские литературно-общественные журналы «Ас-Сакафа», «Ан-Нуккад», «Ат-Тарик», «Ас-Сакафа аль-джаила», «Аль-Адаб», «Аль Гад» и другие регулярно публикуют переводы русской и советской прозы и поэзии, теоретические и критические статьи о ее классиках и современниках, среди которых имя Л. Н. Толстого по праву занимает свое достойное место. В современном Ливане пристально изучает и активно пропагандирует творчество Л. Н. Толстого в своих переводах и лекциях в православном Университете Балламанд ученый-литератор Михаил Масуд.

Отдельным изданием в 1980 г. выходят в Дамаске «Севастопольские рассказы» («*Акасис Себастопуль*»), в 1983 г. — повесть «Хаджи Мурат» в переводах Сухейля Айюба. В 1984 г. там же в Дамаске увидел свет первый выпуск литературной серии «Всемирная новелла» («*Кысас алямийя*») с рассказами Л. Н. Толстого¹¹.

В заключение приведем еще один знаменательный факт глубокой сопричастности сиро-ливанской творческой интеллигенции философскому наследию и самой гигантской личности Л. Н. Толстого. В 1986 г. в Дамаске издательство «Ас-Сабах» выпустило в свет работу русского литературоведа К. Н. Ломунова (1911–2005) под арабским названием «Неизвестные страницы из жизни Толстого» («*Сафахат маджхуля мин хайят Тулстуй*») в контексте последних трудов русского ученого «Лев Толстой в современном мире» (1975) и «Жизнь Льва Толстого» (1981). Перевод был выполнен Маджидом Аля ад-Дином и Мухаммадом Бадрханом (р. 1957). На обложке этого издания были приведены известные проникновенные слова о Толстом Максима Горького:

«Всю жизнь он боялся смерти и ненавидел ее, всю жизнь около его души трепетал “арзамасский ужас”, ему ли, Толстому, умирать? Весь мир, вся земля смотрит на него; из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити, его душа — для

всех и — навсегда! Почему бы природе не сделать исключения из закона своего и не дать одному из людей физическое бессмертие — почему?»

Сможем ли мы найти когда-нибудь ответ на этот вопрос?

¹ *Али-Заде Э. А.* Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). Кн. 1. М., 2014. С. 9.

² *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы. М., 1971. С. 643.

³ *Аль-Манфалуту Мустафа Лутфи.* Предисловие // Ан-Назарат (Взгляды). На араб. яз. Т. 1–2. Каир, 1951. С. 132.

⁴ *Али-Заде.* Указ. соч. С. 124.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ *Левин Э. И.* Философ из Фурейки. М., 1965.

⁷ *Джебран Халиль Джебан, Амин ар-Рейхани.* Эхо ливанских гор: стихотворения / Двухязычное издание / пер. с араб. В. А. Волосатова, послесл. и ред. текста М. В. Николаевой. М., 2008. С. 77.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ *Али-Заде.* Указ. соч. С. 125, 199–200.

В. Б. РЕМИЗОВ
V. B. REMIZOV

**Социализм по Толстому
и культура образования**
**Tolstoy's socialism and the culture
of education**

Аннотация

Л.Н. Толстой мечтал о том времени, когда *уничтожится насилие и вместо него будет «свободное и любовное единение людей»*. Путь к мечте долгий, и он связан с воспитанием. Оно, как считал Толстой-педагог, спасет мир. В статье анализируются парадигмы педагогической системы «Школы Л.Н. Толстого»: духовная культура, основанная на единстве разума, культуры чувства, свободы выбора, христианской любви к Богу и ближнему. Особое место в работе занимают проблемы целеполагания: от обретения самостоятельности до *нравственного совершенствования и служения людям*.

Abstract

Leo Tolstoy dreamt of the time when *violence is annihilated and «free and loving unity of people is established» in its place*. The way to this aim is long, and it is related to education. According to Tolstoy the teacher, it's education that will save the world. This article analyses the paradigms of pedagogical system of «Leo Tolstoy's School»: spiritual culture based on the unity of mind, culture of feeling, freedom of choice, Christian love to God and one's neighbor. Special attention is given here to the problems of goal-setting: from achieving independence to *moral improvement and service to the people*.

Ключевые слова: социализм, образование, духовная культура, разум, культура чувства, свобода выбора, индивидуальность, христианство, самостоятельность, нравственное совершенствование.

Keywords: socialism, education, spiritual culture, mind, culture of feeling, freedom of choice, individuality, Christianity, independence, moral improvement.

...Уяснять себе цель и значение своей жизни и, соответственно уясненного сознания, вести свою жизнь.

Лев Толстой

Каждый приобщенный к дневникам и письмам Льва Толстого знает, как высока была его мера ответственности перед живущими и грядущими поколениями, как много Толстой выстрадал в поисках счастья для тех, кто был рядом с ним, чьи пути пересекались с его поисками истины.

Человек для Толстого, как и для Канта, — непреходящая ценность, цель, но не средство (!) прогресса. Полагаю, что именно такое отношение к человеку защищает общество от тирании и насилия. Мало кто сейчас помнит предсмертные муки Ф. Энгельса, а они как раз были связаны с тем, о чем после его смерти забыли и что в конечном итоге привело к дискредитации социалистической идеи. Ф. Энгельс, обращаясь с предсмертным словом к потомкам, просил уделить особое внимание нравственной стороне общественной жизни, ибо ему с К. Марксом, в силу одержимости идеей первичности экономического фактора, не удалось обосновать важность этического начала новой формации. Никто, к сожалению, не прислушался к словам умирающего социалиста. Более того, *в начале 20-х гг. нашего века В. И. Ленин провозгласил: нравственно то, что полезно пролетариату.* «Полезно» было согнать мужика с земли — согнали, «полезно» было бросить в костер будущего сотни тысяч жизней — бросили, «полезно» было во славу «воинствующего материализма» убить и замучить в лагерях смерти тысячи приверженцев церкви — убили и замучили, изгнали из России многих выдающихся мыслителей, ученых, художников...

Великая идея социализма потому и не состоялась, что в жертву ей было принесено самое дорогое — человеческая жизнь. Революционная одержимость, утверждавшая себя на штыках, оказалась сильнее любви к человеку, сильнее нравственного кодекса жизни.

I. МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

Напомню удивительное письмо Толстого к Э. Г. Шмиту. Сегодня оно звучит актуальней, чем когда-либо. В нем эскизно обозначены главные пути «воскресения» общества, собраны воедино главные идеи преобразования жизни.

«Существующий строй жизни, — утверждал писатель, — подлежит разрушению. В этом согласны как те, которые стремятся разрушить, так и те, которые защищают его. Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитрацией; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством; уничтожиться должны

всякие религиозные суеверия и замениться разумным религиозным нравственным сознанием; *уничтожиться должен всякого рода деспотизм и замениться свободой*; одним словом, *уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей*» (Юб. Т. 68, с. 64; в цитатах из Толстого курсив наш — В.Р.).

Так сложились события, что вокруг проблем, очерченных Толстым в письме к Э.Г. Шмиту, развернулась основная битва поколений. С одной стороны, не переставая будоражила умы человечества великая идея свободы, братства, равенства в ее социалистической интерпретации, с другой — все активнее заявлял о себе всевластный Купон, прислужник Молоха. Битва шла и идет не на жизнь, а на смерть. И никто не обратил внимания на вывод, сделанный писателем в связи с раздумьями о социализме:

«...одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей».

Предчувствуя глухоту современников к поставленной проблеме, Толстой высказал свое отношение к двум принятым массовым сознанием средствам преобразования действительности:

«...первое — насильственные революции, свержение людей, поддерживающих нежелательный порядок и замещение их другими, должествующими устроить другой, желательный порядок жизни; и второе — состоящее в том, чтобы, не разрушая существующего порядка, вступая в ряды правительства, постепенно, понемногу достигать того изменения существующего порядка, которого требует человеческое сознание нашего времени» (Там же).

Споры вокруг революционного и реформаторского путей развития докатились до наших дней, и в этой связи представляются актуальными мысли Толстого, который, как известно, *не был сторонником ни одного из этих путей*.

«Допустим, что одни устроители общества, пускай это будут социалисты, будут в состоянии предписывать законы, которым должны будут подчиняться капиталисты и всякие собственники. Но ведь никогда не было и не может быть, да и не будет того, чтобы устроители общества пришли бы к оному признаваемому всеми наилучшему устройству общества. А как скоро не будет такого согласия, необходимо будет (как оно всегда и было, есть и теперь) употребление власти, т.е. насилия одних людей над другими. Для того же, чтобы было насилие, необходимо, чтобы продолжался тот самый обман, вследствие которого люди насилуют самих себя по воле тех людей, какие в данное время имеют власть» (1910; Юб. Т. 38, с. 429–430).

Одинокий мечтатель предложил свой путь достижения счастья.

«Существует же, — писал он, — одно средство достижения этой цели, и самое простое и естественное, состоящее в том, чтобы оставить в покое государство и правительство и не думать о нем, а думать только

о себе и своей жизни; уяснять себе цель и значение своей жизни и, *соответственно уясненного сознания, вести свою жизнь*» (Юб. Т. 68, с. 65).

«*Одно средство...*»: «уяснять себе цель и значение своей жизни и, *соответственно уясненного сознания, вести свою жизнь*». На первый взгляд, в этом утверждении сказалась *вопиющая категоричность Толстого*, не признававшего деспотической власти государства над человеком и с юности отстаивавшего право личности на «самостийность». Однако дело не в отрицании государства как аппарата насилия, не в призыве к абсолютному проявлению «Я».

Дело в другом — в важности обретения человеком внутренней свободы, независимости от внешних причин — внешних обстоятельств, авторитетов, социального положения, культа чужой идеологии, религиозных пристрастий. Проросши через свободу корнями в недра жизни, человек приобретал навык осмысленного (не по чьей-либо подсказке, не под чьим-либо давлением) отношения к происходящим вокруг него событиям, смысл собственного бытия, становился на путь христианского служения людям.

Толстой предложил современникам действовать согласно определенной социально-педагогической установке:

1) *через желание и самопознание перейти к поведению, определяемому чувством внутренней свободы, для того, чтобы почувствовать себя способным противостоять внешним обстоятельствам,*

2) *через открытие в себе Царства Божия, которое есть в каждом человеке, обрести нравственную устойчивость, силу внутренней убежденности и*

3) *от этого идти к выстраиванию своего отношения с внешним миром.*

Такой путь давал бы возможность преодолеть зависимость от внешних обстоятельств, общественного мнения и авторитетов, занять самостоятельную позицию в жизни, следовать голосу совести, бескорыстно служить людям.

Но чтобы человек принял этот путь развития, необходимо, чтобы в нем заговорил разум, появилось желание очиститься от коросты, внутри зазвучал голос живой жизни.

«Правда, — писал Толстой в статье «О социализме», — *человек может спуститься и спускается до степени животного и тогда подлежит законам животной жизни* и даже мертвой материи, но в общих своих проявлениях человек всегда был и есть существо, отличающееся от всех других существ животного и вещественного мира, *ему одному свойственным разумом и свободною волею. И потому жизнь его всякая, и семейная, и общественная, и политическая, и международная, и экономическая складывается, складывалась и должна складываться никак не на основании выведенных из наблюдения общих объективных законов, провозглашаемых <...> разными Марксами, Энгельсами, Бернштейнами и т.п., а всегда только на основании <...> закона жизни, провозглашенного*

с древнейших времен и браминами, и Буддой, и Лао-Тце, и Сократом, и Христом, и Марк Аврелием, и Эпиктетом, и Руссо, и Кантом, и Эмерсоном, и Чанингом, и всеми религиозно-нравственными мыслителями человечества» (Юб. Т. 38, с. 427).

«Закон жизни один для всех». В этом, считал Толстой, его главное отличие от других законов. Закон с детства знаком почти каждому: «*Всякий человек не должен делать того, чего себе не хочет*» (Там же).

Но далеко не каждый готов жить по нему. Однако вера Толстого в эру нравственного перерождения человечества с годами не только не ослабевала, а, напротив, день ото дня становилась крепче.

В одной из поздних работ («Конец века» — 1905) он провозгласил мысль, что эра просветления наступит тогда, когда *духовность отдельного человека восторжествует в общественной жизни, когда большинство общества составят духовно зрелые личности.*

Жизнь человечества будет развиваться приращением нравственно живущих людей. Именно к ним должно перейти обустройство социальных форм жизни, именно им предстоит строить Царство Божие на земле.

Все существующие формы государственного устройства вызывали у Толстого только разочарование. Отсутствовал и интерес к будущим формам существования человечества. Он справедливо считал, что *жизнь сама найдет нужный поворот к лучшему.* Однако он не сомневался в том, что ядро будущего сообщества людей *возможно только при таком уровне нравственной обеспеченности, который дает человеку право на свободу воли, направлен на самореализацию его личности, способствует раскрытию Божественной природы души.*

Толстому важно было, чтобы человек не ослабевал в поисках ответов на главные вопросы жизни:

Как вырваться из плена телесной зависимости на простор духовного становления и развития?

Как «разумению жизни» победить «лукавство ума»?

Как через сенсуалистическую природу человека пробудить в нем потребность жить в согласии с мирозданием в целом, с самим собой и окружающими людьми?

Как научиться жить свободно и самостоятельно, сохраняя чувство собственного достоинства, не унижаясь ни перед кем?

Создать условия для такого развития личности — задача общества, путь к тому, чтобы «строй соревновательный», «капиталистический» без потрясений заменился строем «коммунистическим».

II. РЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В РЕАЛЬНОМ МИРЕ

Преображение, о котором мечтал Толстой, не наступило. В мире по-прежнему в чести поклонение золотому тельцу, ложь и лицемерие, а зло и жестокость приняли чудовищные формы.

Толстой ошибся? Мир зла сильнее мира добра? Человеческий разум и наше сердце бессильны перед слепой волей хаоса, торжеством темных сил?

Толстой и его герои понимали, что поиск ответов на эти вопросы труден и тернист, и не раз оказывался в ситуации, когда бьют по щеке, а ты должен решать — подставить или нет другую?

Но никто в эпоху Толстого не мог представить себе сотой доли того чудовищного зла, через которое прошел XX век и в котором пребывает век нынешний. Проблема непротивления злу насилием принималась в штыки при Толстом, а сегодня она вызывает еще большее раздражение.

Дело ведь не в том, подставить или не подставить щеку, а в том, как жить так, чтобы *на зло не отвечать злом, но при этом найти в себе мужество духовно противостоять насилию, лицемерию, ханжеству, лжи, политическому диктату, материальной униженности.*

Возможен ли такой тип поведения в современной действительности? На этот вопрос, следуя логике Толстого, человек должен отвечать сам, через, безусловно, свободный выбор, в котором неизбежно обозначился бы не только трагизм, но и величие той жизненной ситуации, в которой оказался человек.

1. Проблема среды (внешних обстоятельств) и внутренней свободы

Раздумывая над этой проблемой, Толстой пришел к выводу, что *только приверженность духовной свободе сделает человека по-настоящему жизнеспособным*, приведет его к мистическому таинству Божественного бытия, поддержит в нем свет добра и любви, защитит его от духовного и физического растреления, обозначит путь служения людям и Богу.

В наши дни слово «свобода» унижено, как унижена мысль Достоевского о том, что «красота спасет мир». *Все это происходит потому*, что не учитывается психология восприятия человеком самых сокровенных истин — не через умствование они входят в наше сознание и в нашу душу, а через *глубину переживаний, разумное осмысление сущего, неустанную работу совести.* Путь и судьба личности выстраивается через культуру чувства, свободный самостоятельный выбор, но только тогда, когда эта личность *найдет в себе силы противостоять власти имущим*, общепризнанным авторитетам (как бы значимы они ни были).

Часто в жизни человек оказывается на разломе, когда среди обмана и лжи он не в состоянии разобраться в самом главном — в сути происходящих событий. Он раб обстоятельств, он всецело во власти движения времени. Оно само по себе совершает свой бег, круша и воскрешая судьбы народов и стран, безраздельно властвуя над человеком.

Толстой по-своему объяснял причину сложившейся ситуации. Он был убежден, что причина падения человека — грехи («потворства по-

хотя тела»), соблазны («ложные представления о благе») и суеверия («ложные учения, оправдывающие грехи и соблазны»). Человек выпал из истинной шкалы ценностей; *одурманенный ложной идеологией*, он поставлен на грань мучительной борьбы за выживание.

Вне Бога, вне Идеала, вне Свободы он обречен на бессмысленность существования.

Нужна огромная работа души, чтобы преодолеть внутреннюю катастрофу, нужны ясные, простые понятия и слова о самом главном, непреходящем.

Толстой писал в «Пути жизни»: «"Кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее; а кто отдает жизнь свою ради добра, тот сохранит ее. Нет пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит". Так говорил Христос. Так же говорил язычник, римский император Марк Аврелий. "Когда же ты, душа моя, — говорил он сам себе, — станешь главою над телом? Когда же ты освободишься от всяких мирских желаний и печалей и перестанешь нуждаться в том, чтобы люди служили тебе своей жизнью или смертью? Когда поймешь ты, что истинное благо всегда в твоей власти, что оно в одном: в любви ко всем людям?"» (Юб. Т. 45, с. 86).

Эта потребность любить и быть любимым заложена в человеке Богом. Прочитав слова апостола Иоанна: «Братья, будем любить друг друга. Любовь от Бога, и любящий рожден от Бога и знает Бога. Нелюбящий не знает Бога, потому что Бог есть любовь», Толстой попытался настроить своего читателя на психологический переворот в общении с окружающими людьми.

«Любить всех людей кажется трудно. Но кажется трудным каждое дело, когда не научился его делать. Люди всему учатся: и шить, и ткать, и пахать, и косить, и ковать, и читать, и писать. Также надо учиться и тому, чтобы любить всех людей. И выучиться этому *нетрудно*, потому что любовь людей друг к другу вложена нам в душу. "Бога никто не видел нигде, но если мы любим друг друга, то он пребывает в нас". <...> Надо только стараться избавиться от того, что мешает любви, избавиться от того, что не выпускает ее наружу» (Там же, с. 75).

«Нетрудно»! Однако именно с этой «трудностью» — по-христиански «любить всех людей» — человечество так и не справилось.

В служении людям через волю Хозяина (Бога) Толстой увидел смысл жизни человека. Не только смысл, но и путь движения к Идеалу, который всегда впереди, недостижим, а потому совершенствование души и тела — бесконечный процесс — от рождения до обретения бессмертия.

Еще раз заострю внимание на постулате Толстого: человечество должно жить приращением нравственно живущих во Благе людей, им будет принадлежать Царство Божие на земле.

Таков общий взгляд Толстого на предназначение человека и человечества.

Как художник и мудрец, он глубоко осознал суть трагического столкновения Человеческого и Божеского в реальном мире. В этом столкновении герои писателя, поднимаясь до истинных высот жизни, до христианского служения людям, не могли не ощутить всей сложности реального существования на Земле. Отсюда *чувство трагизма, но не безысходности. Свет побеждал тьму.*

Таких героев даже в произведениях Толстого мало, как мало их в самой жизни. Духовная крепость — дар не частый. Каждому дана возможность быть проводником правды Бога, но не каждому дана сила воли воплотить эту правду в жизнь.

Толстой оставил человека один на один с собой и полагал, что он способен выжить в этом мире лишь за счет собственных ресурсов. Созданная им методология жизни и развития человеческого духа должна была помочь человеку идти по пути нравственного совершенствования. Но она оказалась не под силу многим, ибо человек слаб, ему нужны подпорки в организации его жизни, социальные институты, различного рода объединения, в том числе государство, Церковь.

Единицам удавалось выстоять в схватке с дьяволом. Распорядиться обретенной свободой способны немногие. Не каждому суждено преодолеть власть обстоятельств. Но у каждого, в ком уже заговорил разум, в душе жил идеал Христа, сумевшего свободу Божественного духа возвысить над бездной необходимости.

2. Борьба духа и плоти в реальном мире

Следуя христианской традиции, Толстой принижал до греховности плоть человеческую. Он мог в «Круге чтения» бросить мысль: «тело есть храм души», но она была каплей в море критики плоти, от которой все грехи и несчастья. Конфликт между телесным и духовным в произведениях Толстого часто имел трагические последствия, но при этом не возникало ощущения безысходности. Ее и не могло быть, потому что писатель всегда находил выход из трагической ситуации в пробуждении спящего разума, вырывающегося из тисков смерти.

По признанию Толстого, сам факт пробуждения в человеке разума — это загадка. В какой-то степени ответом на нее в творчестве писателя стали «пограничные ситуации», в которых оказывался герой. Это ситуации тяжелой болезни, смерти близких людей, иные жизненные катастрофы. Попадая в них, человек открывал для себя правду жизни, и эта правда состояла в том, что *жизни не было, а был обман*, мир трагичен, человек в нем одинок... С момента осознания трагичности бытия и постановки вопроса о смысле жизни происходило внутреннее озарение, «рождение духом», второе рождение человека.

На этом пути человека ждало еще одно испытание: осмысление цели своего существования таким образом, чтобы общие великие идеи жизни наполнились бы конкретным содержанием, стали бы не только фактом самосознания, но и логикой поведения движущегося к идеалу человека.

Тело тогда становилось храмом духа, когда дух управлял телом. Так что античная поговорка «в здоровом теле — здоровый дух» была искажена в угоду времени (об этом писал один из лучших специалистов в области античности А. Ф. Лосев). Не в здоровом теле здоровый дух, а, напротив, здоровый дух предопределяет здоровье тела.

Почти каждое художественное произведение Толстого содержит конфликт между телом и духом. Примечательны даже названия некоторых из них: «Власть тьмы», «Дьявол», «Живой труп». Через мучительную борьбу плоти и духа проходят герои Толстого Наташа, Пьер, Андрей, Анна Каренина, Нехлюдов и Маслова, Позднышев из «Крейцеровой сонаты». Не каждому из них суждено было выйти к свету, пробираясь через тоннель порочных страстей, но каждому суждено было пройти через страдания, близкие к мукам ада. Толстого называли ясновидцем плоти, но никто в русской литературе не мог даже приблизиться к Толстому по масштабу раздумий и анализа сущности духовной природы человека.

Писатель пристально всматривался в ситуацию с людьми, у которых плотское было намного сильнее духовного и которые не могли перейти через черту бытового сознания. Даже тогда, когда имелась возможность нравственного осмысления своей деятельности, люди продолжали тянуть лямку «футлярной жизни», вели себя «как белка в колесе» — неосознанно мчались по замкнутому кругу безысходности.

Легко сказать: будь добрым, люби ближнего, сей «разумное, доброе, вечное», «не позволяй душе лениться».

Но что значит быть разумным и добрым? Как в каждом конкретном случае понимать работу души? Почему знание и нравственность так часто не совпадают? Отчего не для каждого наступает час «просияния ума»?

Эти и многие другие важные вопросы выносились мною на суд студенческой и учительской аудиторий России и других стран мира. Поражал факт, что в массе своей люди, которые, казалось бы, должны были неустанно пребывать в поисках ответов на эти вопросы, менее всего были готовы к этому. И многие из них каждый день входили в школьные и студенческие аудитории с тем, чтобы сеять «разумное, доброе, вечное», не зная, что в действительности стоит за этими словами и какой смысл вкладывали в них величайшие мудрецы мира. Предметное знание оказывалось не подкрепленным духовным знанием.

Если сам человек не чувствовал необходимости поиска смысла жизни, сверхзадачи своей деятельности, то кто-то или что-то должно было вывести его из спячки. Толстой стал одним из тех, кто взял на себя эту благородную миссию.

Незадолго до смерти он назвал двенадцать имен Учителей жизни: Кришна, Будда, Конфуций, Лао-цзы, Сократ, Платон, Эпиктет, Марк Аврелий, Франциск Ассизский, Паскаль, Кант, Шопенгауэр¹. Сюда он не включил имя Христа, принесшего с собой Божественное откровение. Христос выше и прекраснее всех, недостижимый идеал, движение к которому вечно.

Писатель проделал огромную, почти фантастическую работу по популяризации наследия мудрецов мира. Создал несколько томов афоризмов, куда наряду со своими мыслями поместил изречения величайших мудрецов мира. Всю эту гигантскую работу он совершил ради того, чтобы пробудить в человеке его Духовную Вселенную.

3. Проблема национального и общечеловеческого

Из всех понятий эти два наиболее сложны и запутаны. Еще недавно казалось: близок конец национальному разъединению. Все большее число людей и народов втянуты в интернациональный вихрь обновляющих революций, с одной стороны, и расцвет наций — с другой. Но за последние несколько лет все смешалось и переворотилось, и проблема национального в который раз заявила о себе во весь голос, обозначив трагический круг жизни целых народов и государств. На пути идентичности народов и наций стал процесс насильственной стандартизации буржуазных «общечеловеческих ценностей».

Диктатура во всем — в навязывании западных представлений о демократии и правах человека, в культе как материального, так и нематериального потребления, в навязывании массовой культуры (телемания, компьютерная зависимость, жестокие игры и фильмы, отупляющая эстрада, всевозможные зрелища — от драк футбольных болельщиков до парада зоофилов, — подчас грозящие потерей здоровья и даже жизни).

Мировой стандарт и масскультура в их худших проявлениях подавляют национальное, и отсюда у большинства народов мира возник страх перед утратой национальной независимости и национального своеобразия, как следствие этого — религиозный фанатизм, национализм, шовинизм и т. п.

Ложь и лицемерие стали основой идеологии мировых СМИ. Когда-то А. Блок писал, что декаденты могут упражняться в чем угодно только потому, что жив еще Лев Толстой. Сейчас нет фигуры, сопоставимой с масштабом Толстого.

Многообразие стран и народов всегда восхищало и удивляло Толстого. Он видел смысл и величие в жизни каждого человека, каждого народа, каждого племени. Все важно, все дорого. Отсюда шел его протест против насилия над индивидуальностью, против стандартизации и практицизма, под давлением которых умирала живая душа, разрывались человеческие отношения, распадалась связь времен.

Самая примечательная черта нашего времени — тоска по самобытности, по живому общению живых душ. Технократизм, градомания, бесконечная соревновательность, истерзанность неверием или верой в науку и экономику, поляризация нищеты и богатства — это и многое другое повлекло за собой недовольство и растерянность масс. В обществе стала доминировать психология агрессивно настроенных личностей, среди которых на одном полюсе — элита богатых, даже очень богатых, а на другом — толпа бедных и униженных, подобная гнезду насекомых, которых много, которые трудятся, порой заявляют о себе, но которых быстро сметает порыв ветра. Социально-воинственный гнев верхов успокаивает ропщущую толпу или превращает часть ее в орудие насилия и защиты транснациональных интересов. Все это творится в безбожном мире, когда им правят деньги и насилие.

Общечеловеческое, лишенное нравственного лица, — это гримасы дьявола, террористический взрыв всех глубинных основ человеческой, хочется верить, Божественной по своей сути, природы.

Толстой еще в начале XX века предупреждал об опасности такого рода планетарного мышления. В обращении к американскому народу он противопоставил путь жизни, который избрали лучшие американские философы (Гарризон, Паркер, Эмерсон, Балу, Торо, Чаннинг, Уитмен), деятельности финансовых воротил (Гульда, Рокфеллера, Карнеги).

Америка пошла по пути развития, о котором хорошо сказал американский историк, автор выражения «американская мечта» Джеймс Труслоу Адамс:

«Сделав класс бизнесменов ведущим и единственно руководящим классом, Америка поставила эксперимент по созданию цивилизации, покоящейся на идеях бизнесмена. Другие классы, занимающие подчиненное положение по отношению к классу бизнесменов, быстро приспособливают к нему свою жизненную философию»².

Кстати, подобное сейчас происходит в России.

Соотечественник Адамса, современный философ и публицист Стивен Лаперуз, противопоставляя две современные цивилизации, говорил:

«Запад и Россия — это не просто две разные, а фундаментально разные цивилизации. Западную я назвал бы цивилизацией “know-how”, а для того, чтобы охарактеризовать русскую, мне придется предложить новый термин: “know-why”. Понятие “know-how”, или “ноу-хау” (буквально это означает “знаю как”), употребляется, когда речь идет о разного рода технологиях, используемых в производстве, бизнесе, политике, образовании и т.д. *Запад продает свои “ноу-хау” во все страны мира. Сами по себе они полезны и эффективны, но беда в том, что они давно уже превратились у нас в самодовлеющую сверхценность, некое божество, узурпировавшее право определять цель и смысл нашего существования [курсив наш — В.Р.]. Запад похож на корабль (не исключено, что это*

“Титаник”), который плывет неизвестно куда, каковой факт не только никого не интересует, но считается даже неприличным задавать бестактные вопросы по этому поводу. Главное, чтобы не качало и чтобы на палубе работала дискотека и разносили мороженое. Россия же все никак не хочет удовлетвориться мороженым (и из-за этого частенько испытывает его дефицит). Она без конца спрашивает: куда мы плывем? не сбились ли с курса? для чего и зачем совершается наше плавание? Поэтому русскую цивилизацию, в противоположность западной, я называю цивилизацией “know-why” — “хочу знать зачем”. Для России главное — цель путешествия, для Запада — комфорт путешествия»³.

Нетрудно тому, кто знаком с духовными исканиями Толстого, почувствовать всю близость размышлений С. Лаперуза мыслям русского просветителя. Вот одно из характерных свидетельств.

«Вопрос мой, — звучит текст в «Исповеди», — тот, который в пятьдесят лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, — тот вопрос, без которого жизнь невозможна, как я и испытал это на деле. Вопрос состоит в том: “Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, — что выйдет из всей моей жизни?”».

Иначе выраженный вопрос будет звучать так: “Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?” Еще иначе выразить вопрос можно так: “Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?”» (Юб. Т. 23, с. 16–17).

Особая соразмеренность должна сопутствовать человеку при решении проблемы общечеловеческого и национального.

Важно отметить, что общечеловеческое не противопоставлялось Толстым национальному (народность и национальная самобытность — неотъемлемые черты его творчества) в том случае, если последнее не вело к узкому национализму, связанному с замкнутостью нации на самой себе и с утверждением своей исключительности перед другими нациями. Для Толстого народно-историческое и общечеловеческое — это две большие ветви одного большого дерева, а дерево это — жизнь с ее законом всеединства любви. *В гармонии этих двух начал писатель видел основу согласия между людьми разных стран, возрастов, национальностей.*

III. ПРЕДМЕТНОЕ ЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ

Культура человека — это культура многих смыслов в упряжке мудрости. Не так натянул одну уздечку — весь механизм приходит в расстройство. Нечто подобное происходило и с восприятием творчества Толстого читателями его эпохи. Писателя приводило в негодование однобокое и искаженное отношение современников к его творчеству. Вот что об этом он писал в своем дневнике 1898 г.:

«Есть обычные, иногда умышленные, иногда неумышленные недоразумения о моих взглядах, которые, признаю, раздражают меня:

1) Я говорю, что Бог, сотворивший мир в 6 дней, пославший сына, сам этот сын, — не Бог, а что Бог есть то, что одно есть непостижимое благо, начало всего; против меня говорят, что я отрицаю Бога.

2) Я говорю, что не надо насилеи противиться насилею, против меня говорят, что я говорю, что не надо бороться со злом.

3) Я говорю, что надо стремиться к целомудрию, и на этом пути будет в первой степени девственность, во второй — чистый брак, в третьей — не чистый, т.е. не единственный, но брак; против меня говорят, что я отрицаю брак и проповедую прекращение рода человеческого.

4) Я говорю, что искусство есть деятельность заражающая, и чем более заразительно искусство, тем оно лучше. Но эта деятельность хороша или дурна независимо от того, насколько она удовлетворяет требованиям искусства, т.е. заразительности, еще и потому, насколько она удовлетворяет требованиям религиозного сознания; т.е. нравственности, совести; против меня говорят, что я проповедую тенденциозное искусство и т.п.» (Юб. Т. 53, с. 207).

Непонимание современниками Толстого его мировоззренческих взглядов *не ушло в прошлое*, оно сохранилось по сей день, причем носит характер массовый и подчас обывательски высокомерный: мол, «старик» был со странностями, «недопонимал», «не дорос», одним словом, чужак. Но у «старика» была своя логика восприятия и оценки жизни. Несмотря на интенсивность духовного развития, склонность к постоянным внутренним переменам, Толстой в то же время имел несколько констант (постоянно действующих установок). Проявившись в молодости, они давали о себе знать в каждом его произведении. Они лежали в основе его взглядов на жизнь, воплотившихся в разных формах самовыражения.

Как известно, Толстой — разносторонний гений, энциклопедически образованный человек, одна из вершин золотого века русской литературы. Он не только писатель, педагог, религиозный мыслитель, но и выдающийся общественный деятель, Просветитель русского народа и всего человечества. *Но главная его особенность*, скреплявшая все остальное, была *доминанта культуры*, вобравшей в себя *лучшее из аристократического и народного кодексов жизни*. Потому он и сумел связать образование с культурой, предложив *свое видение проблемы культуры образования*.

Действительность начала XX в. была не менее трагичной, нежели сегодняшняя эпоха. Наряду со многими политическими и социально-экономическими проблемами остро стояли вопросы образования и культуры, а в более общем плане — задачи идеологической оснащен-

ности Российского государства. Три кита общества — Самодержавие, Православие, Народность — находились под прицелом разных социальных групп и партий, которые тянули страну в разные стороны. Неграмотность народа и ослабление церковного влияния на его жизнь, богоискательство и атеизм интеллигенции, декаданс в культуре, заметное расширение желтой прессы, рост революционного движения, противоборство «верхов» и «низов» — это и многое другое указывало на то, что Россия стояла на распутье, пребывала во мгле. Что касается образования, то оно влачило жалкое существование.

Учителя России никогда не жили богато, материальная база учебных заведений в 1900-е гг. оставалась на низком уровне. Главная болезнь русского просвещения этого времени — отсутствие общественных идеалов. Тенденция дала о себе знать и во время встречи российских учителей с Львом Толстым. Она состоялась в сентябре 1909 г. и подробно описана в мемуарах А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого»⁴. Ранее, весной этого же года, к выдающемуся русскому педагогу с просьбой высказать точку зрения на проблему образования обратился В. Ф. Булгаков, молодой человек, работавший потом у писателя секретарем. Ответ Толстого позже был напечатан отдельной статьей под названием «О воспитании».

«И воспитание и образование нераздельны, — так начал свой ответ Булгакову Лев Толстой. — Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно. И потому, не касаясь этого подразделения, буду говорить об одном образовании, о том, в чем, по моему мнению, заключаются недостатки существующих приемов образования, и каким оно, по моему мнению, должно быть, и почему именно таким, а не иным» (Юб. Т. 38, с. 62).

1. «...Нужно, чтобы образование было свободно»

Отметив зло *«принудительного и корыстного образования»*, Толстой на первое место по значимости поставил проблему свободы:

«...чтобы образование было плодотворно, т.е. содействовало бы движению человечества к все большему и большему благу, нужно, чтобы образование было свободно» (Там же, с. 63).

Но рядом с установкой на свободу образования прозвучала и другая мысль: надо *«выработать»* соответственное нашему времени *религиозное и нравственное учение* и, выработав таковое, *поставить его во главе образования»* (Там же, с. 69).

Толстой был убежден, что это *«единственное дело не только образования, но и всей науки нашего времени»*.

В таком подходе нельзя было не увидеть противоречия: *с одной стороны, «свобода», с другой — «религиозное и нравственное учение», стоящее*

во главе образования. Но Толстому так не казалось, и он попытался объяснить это современникам:

«Для того же, чтобы образование, будучи свободно как для учащихся, так и для учащихся, не было собранием <...> вредных знаний, нужно, чтобы <...> *избирались бы для изучения и для преподавания наиболее нужные для разумной жизни людей знания <...>*. Таким основанием всегда было и не может быть ничто иное, как *одинаково свободно признаваемое всеми людьми общества, как обучающими, так и обучающимися, понимание смысла и значения человеческой жизни, т.е. религии*» (Там же, с. 63).

Сказано по-толстовски витиевато, потому есть смысл сосредоточить внимание на логике этого высказывания.

Речь идет о свободном общении ученика — учителя — родителей в процессе выбора предметов, избрания необходимых с точки зрения смысла жизни знаний, о пропорциях изучаемых материалов. Так как позиция выборщиков продиктована свыше, вложена в их душу Богом, то она, являясь естественной потребностью души каждого человека, и есть свобода выбора — из огромного массива знаний надо выбрать самое главное, созвучное всем участникам культурно-образовательного общения, а это главное — «одинаково свободно признаваемое всеми людьми общества» — позиция *смысла жизни*.

Смысл этот, утверждал Толстой, изначально заложен Богом, он адекватен самой сущности природы человека, а значит, присущ всем. Ведь каждый из живущих ощущал в себе зов жизни. Но это и есть свобода. Посыл у всех одинаковый. Он, как дар Бога, от рождения живет в душе человека, ибо дан каждому из нас в ощущении — *потребность любить и быть любимым*. Любить себя, мать и ближнего, страну и народ свой, Землю и человечество, Космос и Бога. *Таков первый уровень свободы человека*. Он дан от рождения.

Второй уровень связан с пробуждением в человеке спящего разума.

Назвав ребенка «первообразом гармонии», Толстой вслед за Кантом утверждал, что в человеке от рождения заложены определенные задатки. Они проявляются под действием обстоятельств и воли самого человека. *Зависимость от обстоятельств тем меньше, чем больше в человеке осознанности существования и свободы волеизъявления*. Ребенок в этом плане не исключение. *Пробудившийся Разум открывает дорогу к мудрости, а та — к свободе Духа, потом и поступков*. Разум дает направление мыслям, культура чувства создает оправу для их воплощения.

Духовное рождение человека сопряжено с обретением свободы выбора. *Свободным он становится только в результате волевых усилий*. У одних это рано дает о себе знать, у других совершается в зрелом возрасте, а то и в старости. Очень многое зависит от института родителей и школы. Кто-то ведь должен стать проводником по дорогам детства и взять под опеку движение детской души.

Становление личности ребенка нуждается в атмосфере свободы, любви, равенства, и школа, был убежден Толстой, должна отвечать на эти запросы.

2. Образование должно быть целесообразно

Свободная жизнь школы предполагает целесообразность построения образовательного процесса.

«Человеческая мудрость, — писал Толстой молодому Ромену Роллану, — не заключается в познании вещей. Есть бесчисленное множество вещей, которых мы не можем знать. Не в том мудрость, чтобы знать как можно больше. Мудрость человеческая в познании того порядка, в котором полезно знать вещи; она состоит в умении распределять свои знания соответственно степени их важности» (Юб. Т. 64, с. 95).

«Количество предметов знания» в школе, по мнению Толстого, «бесконечно», как «бесконечно то совершенство, до которого может быть доведено каждое знание» (Юб. Т. 38, с. 64).

И потому *«совершенство в деле образования»*, по мысли Толстого, *требовало 1) изъятия «необязательных знаний», 2) отбора «знаний о самых важных и нужных предметах», 3) собирания отобранных знаний в «гармоничное целое»* (Там же).

Это «гармоничное целое» в подборе предметов и методов обучения призвано было, по мысли Толстого, способствовать духовному росту ребенка — *его переходу от «первообраза гармонии» к сопряжению смыслов, постигаемых растущим сознанием на пути движения к идеалу.*

В обществе предшествующих эпох и нашего времени «знания», говоря словами Толстого, распределялись *«не только не равномерно, но в самых уродливых соотношениях».*

Учащиеся были обременены многими случайными знаниями, но «ничего» не знали «о том, как понимали и понимают смысл своей жизни, свое назначение, и какие признавали и признают правила жизни миллиарды живших и живущих людей» (Там же, с. 65).

Толстой не побоялся саркастического выпада в адрес «самых образованных» людей своего времени, которые, собственно, и довели образование до нелепости. Для него они *«...самые невежественные — знающие множество того, чего никому не нужно знать, и не знающие того, что прежде всего нужно знать всякому человеку. И мало того, что люди эти грубо невежественны, они еще и безнадежно невежественны, так как вполне уверены, что они очень ученые, образованные люди, т.е. знают все то, что по их понятиям нужно знать человеку»* (Там же).

Причина их «невежественности», бескультурия, считал Толстой, связана с отрицанием «необходимости религиозного и нравственного преподавания», с отсутствием передачи «молодым поколениям уча-

щихся тех с самых древних времен данных мудрейшими людьми мира ответов на неизбежно стоящие перед каждым человеком вопросы» (Там же, с. 66).

3. Духовное знание как «первое и главное»

Выдающийся педагог Лев Толстой поставил его «во главу образования»:

«<...> *первое и главное знание*, которое свойственно прежде всего передавать детям и учащимся взрослым, это *ответы на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого приходящего к сознанию человека. Первый: что я такое и какое мое отношение к бесконечному миру? и второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда и при всех возможных условиях дурным?*

<...> И оно действительно есть... *в тех основах религиозных и нравственных учений, которые одни и те же высказаны всеми лучшими мыслителями мира...*» (Там же, с. 68).

«Только при таком разумном религиозно-нравственном учении, поставленном в основу образования, может быть и разумное, и *не вредное людям, а разумное образование*» (Там же, с. 67).

Иметь представления — не значит жить по ним. *За человеком всегда оставалось право на свободу*, выбор мог быть вполне «самостийным» и не совпадать с тем или иным идеологическим клише. Толстой отлично понимал эту проблему, отсюда его призыв к педагогам отказаться от насильственного навязывания учащимся жестких установок, даже тех, которые важны с точки зрения нравственности. Если человек вступил на путь духовных исканий, то сама *логика поиска и движения* к идеалу выведет его из тупика. В религиозно-нравственных раздумьях Толстого *идея свободы связана с признанием движения* как ведущего способа существования человека.

Духовный рост личности ученика предполагал самостоятельность мышления и свободу выбора. Но для такого роста должны быть созданы условия. *Помимо доминирования в школе атмосферы любви, социального равенства, творческой свободы, важна была договоренность всех сторон (учеников, педагогов, родителей) относительно блока предметных знаний и того, как их соотносить с деятельностью ученика.*

4. Вторая и третья очереди знаний

(«после религии и нравственности»)

Первым Толстой поставил предмет, связанный с изучением «жизни людей самых близких: *своего народа*, богатых, бедных классов, женщин, детей, их занятий, средств существования, обычаев, верований, мирозерцаний». Потом, согласно убеждению Толстого, следовало бы

перейти к изучению «жизни других народов, более отдаленных, их религиозных верований, государственного устройства, нравов, обычаев» (Там же, с. 68).

«Оба эти предмета» Толстой отнес к этнографии и полагал, что они «отсутствуют в нашей педагогике и заменяются географией, изучением названий мест, рек, гор, городов, и историей, заключающейся в описании жизни и деятельности правителей и преимущественно их войн, завоеваний и освобождений от них» (Там же, с. 68–69).

Третье место Толстой отдал предметному знанию. «Соответственно своей важности для разумной жизни» «займут свои соответствующие места зоология, математика, физика, химия и другие знания» (Там же, с. 69).

Вписанное в контекст главного знания и разумного отбора знаний из различных важных сфер жизни предметное знание приобрело оправу вселенского смысла, соприкасаемого с Божественной сущностью.

5. Культура чувства

Проходя через пропедевтику жизни человеческого духа, опыт мудрецов мира, *через правду жизни*, ученик обретает представление о вере и безверии, о связи должного (идеал) с сущим (реальная жизнь), о свободе, способной возвыситься над обстоятельствами, о жизни — смерти — бессмертии, о борьбе добра со злом, о торжестве красоты над безобразием. Наделенный даром Бога любить, человек проецирует это на окружающих его людей. Так *идея* всеобщего братства и единения *рождается в самом человеке.*

Культура чувства (одна из составляющих парадигмы «Школы Л. Н. Толстого») — это стремление к свободному единению отдельного «Я» с окружающим миром, это внутренний зов человеческой природы жить в согласии и любви. Мысль о свободном единении с живущими настраивает на справедливость, сопереживание, милосердие, сострадание. Человек культуры чужд фальши и лицемерию. Главные свойства его природы — «чистота нравственного чувства», правдивость и искренность.

На основе культуры чувства произрастает то лучшее, что заложено в ребенке Природой и Богом. Культурное становление способствует развитию интеллекта, приобретению опыта жизни, рождает потребность в новом знании и ведет к радости общения.

6. Духовная культура — основа образования

Она невозможна без единства Разума, Культуры чувства, Свободы выбора и христианской любви к Богу и ближнему. Благодаря этому единству человек *достигает высот самостоятельности, вырабатывает в себе способность противостоять внешним обстоятельствам*, когда они являют собой зло и насилие, *становится на путь нравственного совершенствования и служения людям.*

Пример большой духовной культуры — духовные искания Льва Толстого и его художественные, философско-религиозные, публицистические, педагогические сочинения. Его 13 томов дневников и 31 том писем — свидетельство грандиозной работы души, совести и поразительной искренности, отчаяния и вдохновения, любви и сострадания. На глазах читателей происходит таинство открытий, муки прозрения, мистика молитвы, борьба со страхом смерти, рождение гимнов любви и жизни.

В доказательство приведу только несколько небольших фрагментов из дневника и дневниковых записей Толстого 1909 г., чтобы показать, как много значит для нас откровение гения, как во всем, к чему прикасалась его душа, сказывались культура чувства, глубина мысли, духовно-нравственная образованность.

«29 мая. <...> 1) *Общение человека с человеком есть единственное и величайшее таинство: сознание себя <...> в другом. Только бы понимать это таинство.*

2) Люди, мало мыслящие и занятые своими целями, *не могут переноситься мыслью в других. — А это-то и важно.*

3) Сходясь с людьми, не думай о своей выгоде, а о том, как ты будешь судить о себе, а думай о выгоде того, с кем сходишься, и не думай о том, как он будет судить о тебе» (Юб. Т. 57, с. 76).

«9 Апр. *Сознание Божественности природы своей души — это метафизическая основа жизни. Любовь — это проявление этой сущности — сознания Божественности — в жизни. Это религиозная основа жизни. Воздержание от грехов, соблазнов, мешающих любви, это вытекающая из сознания и любви добрая жизнь*» (Там же, с. 207–208).

«*Страдание вызывает Божественное сознание. Как же не благо страдание?»* (Там же, с. 233).

«*Радость, благо не в поступках, а в том спокойствии, в той свободе, которую они дают*» (Там же, с. 77).

7. Школа культуры образования

Общедуховное, общекультурное и свободное от всевозможных педагогических клише развитие ребенка. Вот то новое, что внес в педагогику Лев Толстой.

С этой установкой был связан эксперимент «Школа Л. Н. Толстого» (научный руководитель — В. Б. Ремизов), правопреемником которого является «Моя школа». *Суть гипотезы эксперимента состояла в том, чтобы подтвердить школьной практикой правоту тезиса: общедуховное, общекультурное и грамотно выстроенное физическое развитие ребенка должно положительно сказаться и на развитии его интеллекта.*

В ходе эксперимента гипотеза получила свое подтверждение на разных образовательных площадках: общедуховное и общекультурное развитие ребенка, ориентированное на парадигму «разум — культура чувства — самостоятельность», существенно повлияло на его успехи в сфере предметных знаний, изменило его отношение к учебе, а также — к жизни в целом. Повысился не только уровень его предметных знаний, но и расширились границы его интеллекта. Работа учителя в сфере духовного развития ребенка заметно изменила самого учителя в лучшую сторону (многие из них сейчас — авторы серьезных работ по общей педагогике и методике предмета), идеи эксперимента оказали положительное влияние на родителей.

В «Школе Л. Н. Толстого» — дети разных национальностей, исповеданий, жизненных интересов, и каждый из них, независимо от способностей, уважаем как личность, является целью, а не средством процесса образования и воспитания, достижения родительских или учительских целей.

Философия культуры общения, предложенная Толстым в его «Круге чтения», позволяет гармонизировать отношения между участниками образовательного социума, способствует продуктивному решению проблемы единства в человеке и обществе трех начал: родового (общечеловеческого), социально-видового (национально-исторического, религиозного и т.д.), индивидуально-неповторимого.

Подчас нелегко сделать правильный выбор в силу того, что человек одержим сомнениями, колебаниями, нерешительностью, но независимо от этого у большинства людей есть ощущение нравственной высоты, чувство должного — того, что И. Кант называл категорическим императивом (повелением свыше, данным человеку от рождения). При разнице убеждений люди могут быть участниками совместных действий, искреннего общения, большого диалога, реализующего их потребность в со-переживании, со-участии, со-понимании. Они видят разницу между свободой и своеволием.

Высшее проявление культуры образования — это умение ученика, учителя, родителей, сохраняя свое и чужое достоинство, служить общепольному делу.

Бессмысленность существования — причина многих жизненных драм. Современное общество «богато» выбором: культ власти и силы, коммерциализация вне всяких моральных приличий, религиозные брожения и часто как следствие — сектантство, вплоть до поклонения сатане, упование на физическое развитие и долголетие, мещанское самодовольство и самоуспокоенность, игра в экстрим, тяга к зрелищам, маскараду жизни. Одним словом, всегда можно найти себя в той или иной форме общественного экстаза или впасть в дурман забвения, забыть о себе. Но все тщетно. Массовое сознание, ориентированное

на свободу без берегов и границ, отупляет личность, держит ее в тисках, и она незаметно для себя оказывается в круговороте событий.

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

(Ф. И. Тютчев)

Вместо выхода из тупика — массовое одичание и отупение. Человек все дальше отходит от того смысла жизни, которым наделил его Бог. Никакие полумеры не выведут общество из подобного состояния.

Сегодня образовательный социум в массовой школе не может противостоять разрушению личности. *Культ предметного знания по-прежнему остается ведущим, но он давно уже не в ладах с душой человека.* Школой все больше овладевают равнодушие, хладнокровие, жестокость, тщеславие, зависть и конкуренция между участниками образовательного процесса. Разрубить гордиев узел можно только совместными усилиями учителей, родителей и детей. И начинать надо с поиска ответов на вопросы:

Что есть культура образования? Насколько она задействована в современном учебном заведении и как сказывается в облике сегодняшних учеников, родителей, учителя?

В современных толстовских школах большое внимание уделяется созданию атмосферы взаимопонимания, творчества, жизненного пространства в школе и за ее пределами. Но создателей эксперимента больше всего интересует работа учителя. Способен ли он сам к внутреннему преображению, к «рождению духом», нравственному совершенствованию? Сложность заключается в том, что толстовская школа, а теперь «Моя школа» требуют хорошей философской и психолого-педагогической подготовки, но не той, которую дают российские педвузы, а той, которая написана на скрижалях мудрости. К сожалению, многим учителям, входящим в эксперимент, не хватает общей культуры. Однако по мере приобщения к новым предметам, к новому содержанию образования происходит преображение в их душах. Глаза их перестают быть тусклыми.

Одно дело провозгласить, что и как надо. Другое — найти способы решения проблем через логику построения учебного процесса, разработку содержания и создание программ новых предметов, через концептуальное обновление предметов традиционного цикла. Коренным образом приходилось изменять отношение к эстетическому образованию, ремесленному делу на основе этнической культуры и требований современного производства. Важно было не продекларировать кардинально новый концептуальный подход к проблемам физического развития ребенка

в школе и дома, а создать условие для его воплощения в практике школьной жизни.

Содержание образования в толстовских школах — это установление отношений между человеком и миром, изучение жизни своего народа, приобщение к культуре веков и жизни народов других стран, материалы новых предметов, обновление содержания дисциплин традиционного характера. Сразу несколько проектов было создано и апробировано в рамках федерального эксперимента «Школа Л. Н. Толстого»: «Круг чтения» как метапредмет»; «Чаша жизни» — диалог о мире и душе человека»; «От духовного наследия к духовному развитию» («Познай себя», «Этика жизни», «Из опыта мудрецов мира»); «История развития человечества: народы и страны в движении времени»; «Русский язык с основами риторики и стилистики»; «"Природа и труд": приобщение к знаниям через формы трудовой деятельности»; «Гуманитаризация преподавания математических и естественнонаучных знаний» и др.

Широко представлены знания и практикумы (скажем, умение петь в хоре, владение первоначальными навыками рисунка, выразительное чтение) в области эстетических наук. *Музыка, рисование, ремесло нацелены на раскрытие способностей ребенка, и потому эта область школьной деятельности не является подспорьем, а существует на равных с «ведущими предметами».* И, конечно, особое отношение к формированию (это слово не созвучно «толстовской педагогике», употребляется только в данном контексте) физической культуры. Выбор форм телесного развития ребенка должен быть достаточно большим. Эту услугу государство обязано оплачивать из бюджета, если оно действительно заботится о здоровье нации.

В толстовских школах важно единство духовного пространства, в котором пребывает учащийся и в котором ему легко дышится. В нем он реализует себя как часть целого, а оно отражается в нем. *Через разум и культуру чувства лежит путь к культуре слова. От него человек поднимается по ступенькам, ведущим к культуре общения.*

Служение делу не терпит суеты, но предполагает высокую культуру, в основе которой лежит духовная просвещенность человека. *Основа ее закладывается с детства и является базисом хорошего образования, а, по логике раздумий Толстого, и основой будущего социального устройства.*

«Все яснее, — писал он незадолго до смерти, — вижу, что ключ ко всему — в воспитании. Там развязка всего. Это самый длинный, но верный путь» (Юб. Т. 70, с. 103).

¹ К сожалению, в списке не оказалось ни одного представителя русской философско-педагогической и религиозной мысли. Что это — незнание, космополитизм, недооценка важности национальной традиции воспитания?

Вряд ли можно согласиться с мнением В. В. Розанова относительно того, что Толстой плохо знал историю русской церкви и святоотеческую литературу. Многочисленные книги в яснополянской библиотеке писателя, хранящие следы чтения их Толстым, обращение писателя к русской философско-религиозной мысли во многих сочинениях, свидетельства современников — все это убеждает нас в ошибочности заключения В. В. Розанова. Не отрицателем, а глубоким почитателем этого наследия был Толстой (вспомним хотя бы его доброе отношение к славянофилам, и прежде всего к творчеству А. С. Хомякова). Об этом свидетельствуют прежде всего книги Толстого по афористике («Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «Путь жизни»). Однако проблема «Л. Толстой и русское философское наследие» есть, ее изучение важно не только с собственно научной точки зрения, но и как фактор современного возрождения нравственных истоков отечественной культуры.

² Цит. по: *Морозова Т., Ланеруз С.* Путь Марфы или Марии? М., 1998. № 5. С. 149.

³ Там же. С. 144, 145.

⁴ *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 326—338.

Д. А. СТЕПАНОВ
D. A. STEPANOV

**Лев Толстой и проблема
революционных преобразований в России**
**Leo Tolstoy and the problem
of revolutionary transformations in Russia**

Аннотация

Автор статьи исследует отношение Л.Н. Толстого к важнейшей проблеме российской истории XIX – начала XX вв. – проблеме революции. Широкий круг источников позволяет охарактеризовать социально-политические взгляды Толстого и сделать вывод о том, что он не примкнул ни к одному из главных политических течений рубежа веков.

Abstract

The author of the article studies the attitude of Leo Tolstoy to the main problem of the Russian history of the 19th and the beginning of the 20th centuries – the problem of the revolution. A wide range of sources makes possible to characterize the socio-political views of Tolstoy and to conclude that he did not join any of the main political movements of the turn of the centuries.

Ключевые слова: Революция 1905–1907 гг., декабристы, народничество, революционное движение, земельный вопрос.

Keywords: Russian Revolution of 1905–1907, Decembrists, Narodism, revolutionary movement, land problem.

Теме «Лев Толстой и революция» посвящено множество работ литературоведов и историков¹. Конечно, в рамках столь широкой темы существует ряд исследовательских направлений, в том числе: Толстой и декабристы; Толстой и народничество (взаимоотношения с А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским, теоретиками народничества П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским); Толстой и революционные события в России 1905–1907 гг.; Толстой и русское самодержавие. Все

эти направления связаны с изучением предлагавшихся в XIX и начале XX века методов преобразования России.

Методология советских исследований по теме революции основана на ленинском подходе к Толстому, выраженном в его статьях о Толстом. Работы советских исследователей воспроизводят ленинскую схему, в которой Толстой является «зеркалом русской революции», отражает противоречия российской действительности пореформенной эпохи. Мировоззрение Толстого рассматривается как противоречивое: с одной стороны — обличение самодержавия и русской православной церкви, что было прогрессивно по сути, с другой — проповедь непротivления злу насилием, которая считалась исторически обреченной, неправильной и вредной².

Толстой на протяжении большей части своей жизни интересовался историей революционного движения в России; широк был охват источников, которыми он пользовался (вопрос о круге литературы, которая формировала взгляды Толстого на революционное движение, изучен Т. Н. Архангельской³). Многие факты были сообщены ему непосредственно участниками революционного движения. «В этот перечень входят многие имена амнистированных декабристов, возвратившихся из ссылки; петрашевцев; революционных демократов, шестидесятников; народовольцев 70 и 80-х гг.; народников эпохи “хождения в народ” и представителей либерального народничества последующих десятилетий; первых рабочих революционеров, входивших в нелегальные кружки, а также “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”; “трудоуников”, защищавших интересы трудового крестьянства в Государственных думах; вожakov студенческого движения; революционно настроенных солдат и офицеров; социал-демократов»⁴.

Хорошо изучив истоки революционного движения и на протяжении десятилетий наблюдая за его развитием, Толстой сформировал определенную позицию по общественно-политическим вопросам. Эта позиция была сформулирована им в ряде публицистических работ, а также в письмах и дневниках. Задумавшись над проблемой революционных преобразований еще в 70-е гг. XIX века в связи событиями народнического террора, Толстой особо заострил на ней внимание в статьях, написанных в 1900-е гг., прежде всего в период русско-японской войны 1904–1905 гг. и во время революции 1905–1907 гг. Вопрос об историческом пути России и о возможных (и назревших) преобразованиях стал основным в творчестве Толстого этого периода. Он писал о неупорядоченности земельных отношений, критиковал все основные шаги царской власти во внутренней и внешней политике.

При этом революционное насилие вызывало болезненную реакцию у Толстого. Он заносит в дневник свои размышления о возможных путях выхода из сложившейся в России сложной ситуации, не предлагая готового решения. Например, 1 января 1905 г. он пишет в дневнике: «Устройство внешних форм обществ<енной> жизни без внутрен<него> совершенствования — это все равно, что перекладывать без известки, но на новый манер, разваливающееся здание из неотесанных камней. Как ни клади, все не будет защищ<ено> от непогоды и будет разваливаться» (Юб. Т. 55, с. 114). Дневник содержит ряд записей с критической оценкой происходящих революционных событий. 3 ноября 1905 г. Толстой замечает: «Во всей теперешней революции нет идеала» (Там же, с. 169), а 2 сентября 1906 г. делает общее заключение: «Совершенствование общества не может совершаться через революцию» (Там же, с. 242). То есть очевидно, что Толстой однозначно отвергал метод революционного насилия.

В то же время сами фигуры деятелей революционного движения вызывали сочувственные отклики Толстого. О революционерах Толстой неоднократно отзывался положительно, он создал ряд привлекательных образов в своих художественных произведениях (роман «Воскресение», рассказ «Божеское и человеческое», рассказ «За что?», рассказ «Кто убийцы? Павел Кудряш»). «Вместе с тем Толстой вовсе не был солидарен в 1905–1906 гг. с революционерами. Спор с ними он вел не только с нравственных позиций, отрицая сопротивление злу насилием, но и на основе своих представлений об историческом процессе. С одной стороны, он не верил в то, что “одни люди должны и могут устраивать жизнь других людей”, и предсказывал, что представители “нового правительства”, созданного революцией, могут захватить “львиную долю” власти и богатства, а с другой — сомневался в успехе самой революции»⁵. В статье «Единое на потребу» Толстой писал: «Несостоятельность насилия как средства общения людей, несоответствие его с требованиями современной совести слишком очевидно, чтобы существующий порядок мог продолжаться. Но внешние условия не могут измениться без изменения внутреннего, духовного состояния людей. И потому все усилия людей должны быть направлены на совершение этого внутреннего изменения» (Юб. Т. 36, с. 200). В публицистике Толстого 1900-х гг. можно обнаружить единую точку зрения на революционное насилие как на пагубный способ преобразования общества. «Но почему жизнью любви, в настоящем, сейчас, жертвовать ради неизвестной нам жизни будущей?» — задавался вопросом Толстой в статье «Благо любви» (Юб. Т. 37, с. 264).

В период революции Толстой неоднократно вспоминал о Герцене и декабристах. С. Л. Толстой писал в воспоминаниях: «Герцен был симпатичен отцу не только как писатель, но и как человек. <...> Отец разделял с Герценом его ненависть к Николаю I и крепостному праву. <...> Впоследствии отец еще больше ценил Герцена. Он говорил, что запрещение в России произведений Герцена сделало то, что значительное течение русской литературы осталось неизвестным русскому обществу. <...> Герцен придавал большое значение сельской общине и артели для будущего России. Отец был такого же мнения»⁶. Он высоко оценивал историческое значение декабристов; «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого сохранили ряд положительных отзывов Толстого о них: «Освободили крестьян не Александр II, а Радищев, Новиков, декабристы. Декабристы принесли себя в жертву. <...> Теперь вопрос освобождения земли в том же положении, как было освобождение крестьян при декабристах»⁷. Вот еще один отзыв Толстого о Герцене и декабристах (29 октября 1905 г.): «Как Герцен прав, отзываясь с такой любовью о декабристах! Как они относились к народу! Они, как и мы (*Л.Н. вспомнил и Кропоткина*), через нянек, кучеров, охотников полюбили народ»⁸.

Можно без преувеличения сказать, что в решении земельного вопроса Толстой видел главный путь выхода из сложившегося в России социально-политического кризиса. В силу того, что крестьянство составляло большинство населения Российской империи и было тем самым стомиллионным трудовым народом, которому всей своей деятельностью старался помочь Толстой, он считал главным выполнение требований народа. Дневники, письма Толстого, воспоминания людей, близких к Толстому в последние десять лет его жизни, отразили это настроение писателя. Резкая критика политической системы, сложившейся в России, и в то же время попытки обращений к Николаю II и П. А. Столыпину — вот тот путь, который прошел Толстой в 1900-е гг., придя в конце концов к убеждению, что к власти имущим обращаться с просьбами бесполезно.

Будучи знаком со взглядами всех политических течений своего времени (ряд политических партий был создан в России до и во время революции 1905 г.), Толстой не примкнул ни к одному из них. Ни путь индивидуального террора, ни парламентский путь либеральных реформ, проводимых в интересах узкого круга лиц, ни тем более правительственный курс не удовлетворяли Толстого. 23 декабря 1905 г. он писал в дневнике: «Теперь, во время революции, ясно обозначились три сорта людей с своими качествами и недостатками. 1) Консерваторы, люди, желающие спокойствия и продолжения приятной им жизни

и не желающие никаких перемен. Недостаток этих людей — эгоизм, качество — скромность, смирение. Вторые — революционеры — хотят изменения и берут на себя дерзость решать, какое нужно изменение, и не боящиеся насилия для приведения своих изменений в исполнение, а также и своих лишений и страданий. Недостаток этих людей — дерзость и жестокость, качество — энергия и готовность пострадать для достижения цели, которая представляется им благою. Третьи — либералы — не имеют ни смирения консерваторов, ни готовности жертвы революционеров, а имеют эгоизм, желание спокойствия первых и самоуверенность вторых» (Юб. Т. 55, с. 175).

В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого находим характеристику политических взглядов Толстого: «Нападения же на меня с разных сторон, что я иду с реакционерами, заставляют меня не забывать, что важен только Бог, а не мнения людей. Мои взгляды таковы, что и либералы, и консерваторы, и социалисты могут находить в них, что я говорю в их пользу. Я убедился, что только во взглядах тупых и ограниченных людей может не быть противоречий. <...> Меня упрекают в сочувствии к самодержавию. А мне оно отвратительно»⁹.

Толстой, не примкнув ни к одному из политических течений своего времени, резко критиковал власть за реакционный курс и особенно за репрессии, начавшиеся в ходе революции, он не интересовался парламентской борьбой (не ожидая никаких положительных для народа изменений от работы Первой и Второй Государственных дум) и считал бесперспективной революционную деятельность. Отчетливо понимая причины событий революции 1905–1907 гг. и даже во многом предвидя их последствия, он давал современникам советы, от которых отмахивались как от несерьезных (это касается и общей проповеди морального совершенствования, и увещаний отказаться от любого участия в политике, и тех рекомендаций, которые связаны с решением земельного вопроса по теории Генри Джорджа). У Д. П. Маковицкого есть запись пророческих слов Толстого, произнесенных им 30 октября 1905 г.: «Кончатся тем все эти смуты, что какой-нибудь страшно жестокий человек заберет власть в свои руки и страшно жестоко — ему сто тысяч жизней погубить ничем будет — прекратит беспорядки»¹⁰. И так же, предвидя будущее, Толстой писал В. В. Стасову 20 сентября 1906 г.: «...мы непременно придем к военной диктатуре, и придем через великие злодеяния и развращение, которые уже начались» (Юб. Т. 76, с. 193).

Толстой обличал самодержавие и сочувствовал гонимым, но он не был сторонником силового изменения формы правления. «Страстная, направленная против существующего строя, обличительная

деятельность, которую Толстой самоотверженно вел в условиях ожесточенной травли, могла быть для него источником полного нравственного удовлетворения, могла внести в его душу уравновешенность, которую дает человеку сознание бесстрашно выполняемого долга. Однако разоблачение социального зла и носителей зла (признанное им же одной из главных целей своей жизни!) вместе с тем обостряло его духовную драму. Оно приходило в непримиримое противоречие с его религиозным кодексом. Кроме того, оно не соответствовало положению, в котором он, вопреки своему желанию, в силу сложившихся обстоятельств, оказался, — положению человека, прочно защищенного от наказания, в то время как сочувствующие ему подвергались этому наказанию даже в случаях самых незначительных. Поэтому вовсе не фразой (как об этом иногда говорили), а выстраданным желанием избавиться от этого положения были его знаменитые слова о “вонючей русской тюрьме”, в которую он хотел быть заключенным»¹¹.

В предисловии к рассказу «Убийцы» Толстой писал: «В этом трагизм моего положения: они не берут и не казнят меня, а если они не казнят меня, то я мучаюсь гораздо хуже всякой казни тем положением участия в их гадостях, в котором нахожусь. Остается мне одно: всеми силами стараться заставить их вывести меня из этого положения. Это я и делаю этим рассказом и буду делать. Буду делать тем более, что то, что может заставить их взять меня, вместе с тем и достигает другой цели: их обличения» (Юб. Т. 37, с. 291).

Консерваторы обвиняли Толстого в том, что он способствовал развитию революционных идей; социалисты критиковали его за то, что он не допускал насильственных методов борьбы; либеральный лагерь был тоже совершенно чужд Толстому, поскольку либералы, по его мнению, не могли дать народу землю, отсюда и невнимание Толстого к деятельности Первой и Второй Государственных дум. В России начала XX века не было политической силы, с которой можно было бы отождествлять Толстого. Его голос в бурных революционных событиях был одинок.

¹ Ломунов К. Н. Лев Толстой и русское революционное движение. Бухарест, 1981; Ломунов К. Н. Лев Толстой в современном мире. М., 1975; Мейлах Б. Уход и смерть Льва Толстого. М., 1979; Шифман А. И. Был ли Лев Толстой петрашевцем? // Вопросы литературы. 1967. № 2. С. 53–73; Жданов В. А. Последние книги Л. Н. Толстого. М., 1971; Лурье Я. С. После Толстого. М., 1993 и др.

² Келдыш В. А. Лев Толстой в эпоху первой русской революции // Революция 1905–1907 годов и литература: Сб. ст. / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1978. С. 67–98; Тютюкин С. В. Л. Н. Тол-

стой и первая русская революция. (По «Яснополянкам» Д. П. Маковицкого) // Исторические записки / АН СССР. Институт истории СССР. М., 1986. С. 154–207; Козлов Н. С. Лев Толстой как мыслитель и гуманист. М., 1985; Горбатюк А. В. Л. Н. Толстой и общественное движение в России в нач. XX в. // Революционно-демократические традиции и русская культура: сб. научных трудов. Л., 1987. Т. 112. С. 106–113.

³ Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого. Тула, 1982.

⁴ Ломунов К. Н. Лев Толстой и русское революционное движение. Бухарест, 1981. С. 58–59.

⁵ Лурье Я. С. После Толстого. М., 1993. С. 45.

⁶ Толстой С. Л. Очерки былого. М., 1956. С. 98–99.

⁷ Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. М., 1979. С. 272–273.

⁸ Там же. С. 443–444.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же. С. 444.

¹¹ Мейлах Б. Уход и смерть Льва Толстого. М., 1979. С. 151.

В. Н. ЧИСНИКОВ
V. N. CHISNIKOV

**В.В. Беренштам: «Моя встреча с Л. Н. Толстым
в дни октябрьской забастовки (1905 г.)»**

**V.V. Berenstam: «How I met Leo Tolstoy
in the days of October strike (1905)»**

Аннотация

В статье рассказывается о впечатлениях юриста, адвоката, публициста, прозаика В.В. Беренштама от встречи с Л.Н. Толстым в дни политической стачки октября 1905 г., нашедших отражение в его мемуарах. Приводятся высказывания писателя о революционном процессе в России, о методах решения насущных политических проблем.

Abstract

The article highlights the deep impression made on the lawyer, publicist and prose writer Vladimir Berenstam by the meeting with Leo Tolstoy in the days of October politic strike of 1905. This impression is reflected in his memoirs. The author cites Tolstoy's remarks on the revolutionary process in Russia, on the methods of solution of insistent political problems.

Ключевые слова: мемуары об Л.Н. Толстом, Революция 1905–1907 гг., биография В.В. Беренштама, философия ненасилия.

Keywords: memoirs about Leo Tolstoy, Russian Revolution of 1905–1907, V. Berenstam's biography, philosophy of nonviolence.

Имя Владимира Вильяминовича Беренштама (1871–1931) — юриста, адвоката, публициста, прозаика; посетителя Ясной Поляны, собеседника Л. Н. Толстого и автора воспоминаний о нем, широко известно как правоведам, так и литературоведам. Родился он в Киеве, в дворянской семье известного украинского педагога и общественного деятеля статского советника В.Л. Беренштама. После окончания в 1896 г. юридического факультета Петербургского университета служил помощником присяжного поверенного в столице. Вместе со своим братом М. В. Беренштамом (тоже присяжным поверенным) «стали инициато-

рами и руководителями нового движения»: оказывали юридическую помощь рабочим, создавали бесплатные консультации в разных районах города, а затем перешли к организации коллективных защит в Петербурге «с выездом в другие города по делам, преимущественно политическим»¹. В. В. Беренштам принимал участие в качестве защитника во многих политических процессах: по делу И. П. Каляева — убийцы князя Сергея Александровича, известных революционеров Л. Д. Троцкого, В. П. Ногина и др. За антиправительственную деятельность он дважды (1897 и 1898 гг.) подвергался аресту и привлекался к дознанию о революционной пропаганде среди рабочих, отбывал ссылку в Полтаве, состоял под надзором полиции.

Встреча присяжного поверенного Беренштама с Л. Н. Толстым состоялась в Ясной Поляне 16 октября 1905 года. По воспоминаниям Владимира Вильяминовича, именно тогда он, следуя поездом в Москву, вынужден был на несколько дней задержаться в Туле по причине забастовки железнодорожников.

Описывая события октябрьской политической стачки, Беренштам, в частности, пишет:

«Ежедневно утром доктор [А. А. Таиров² — В. Ч.], всегда одетый в блузу, картузик и высокие сапоги, уходил гулять по рельсам. Иногда он исчезал на целый день.<...> Тогда он являлся источником всех новостей нашего поезда... Однажды доктор вернулся сияющий, просветленный, помолодевший.

— Знаете, кого я видел?! — говорил он, волнуясь. — Великого учителя земли русской!.. Я видел Толстого!.. Ведь его имение тут недалеко. Я пришел к нему пешком... Глядите, какие сапоги! Черт возьми мой отпуск!.. У меня выпал чудный, счастливый день. Я видел Толстого!.. Видел его!.. Гулял, беседовал с ним!.. Идите к нему, я рассказывал... Он примет вас...»³

Следует добавить, что своими впечатлениями от поездки в Ясную Поляну к Толстому доктор Таиров позже поделился со своей знакомой А. П. Рандункиной в письме, которое было перлюстрировано харьковской охранкой. «...Я застрял на 12 дней в Туле, — писал он, — чему был рад. Тут сразу попал на многолюдные митинги рабочих. Съездил в Ясную Поляну к Льву Николаевичу Толстому, о чем пришлось очень раскаться. Встретил он меня радушно, сначала оставил обедать, а потом и ночевать. Вечер за полночь проговорили. Он очень *нарицал* освободительное движение, высказывался ретроградом, о чем, конечно, я был огорчен, а он остался недоволен моим сочувствием движению. По возвращении в Тулу на расспросы о нем пришлось отмалчиваться, настояли, чтобы бывший с нами Беренштам Вл. В. съездил к Толстому. Тот вывез те же впечатления. Очень тяжело было видеть такого человека, как Лев Ник<олаевич>, пережившим свою славу...»⁴.

Действительно, Л. Н. Толстой отрицательно относился к начавшейся революции, которая приобрела характер вооруженной борьбы. Не одобрял он и октябрьской политической стачки 1905 года, считая, что выдвижение бастующими в такой радикальной форме экономических и политических требований тоже является своего рода насилием⁵. В ряде статей, опубликованных в этот период, он проповедовал отказ как от революционного, так и от правительственного насилия, утверждая, что существующий в России государственный строй можно изменить только путем нравственного усовершенствования.

В справедливости слов доктора Таирова о «ретроградстве» Толстого вскоре убедился и сам Беренштам. Свою поездку в Ясную Поляну и содержание беседы с писателем Владимир Вильяминович позднее описал в очерке «У “Ясной Поляны” (Встреча с Л. Н. Толстым в дни октябрьской забастовки)», который вошел в его книгу «Из пережитого» (1915). В частности, автор воспоминаний пишет:

«На улице Тулы взял извозчика... Назвал “Ясную Поляну”.

— Знаете? — спросил я.

— Как не знать! — ответил, смеясь извозчик. — Сколько себя помню, туда возил... Много народу ездит... За пять рублей свожу и обратно доставлю!..

Дорога была ужасная... Но я не обращал внимания на дорогу и был полон радостью мечты увидеть учителя «человеков» — моего любимого писателя... Извозчик свернул с шоссе, мы проехали мимо роши... Поднялись на косогор и вдруг увидели массивные белые каменные столбы ворот... Проехали длинную пустынную аллею сада и приблизились к большому двухэтажному барскому дому...

Лев Николаевич собирался гулять... И был уже в высоких сапогах, теплой полотняной поддевке и башлыке.

— Пойдете гулять? — спросил он.

— Конечно!.. — и мы оправились бродить...».

Далее Беренштам пишет, что сначала, гуляя березовой рошей, они любовались природой и Лев Николаевич вел разговор о любви к природе, ко всему живому... Однако вскоре речь перешла на текущие события.

«И вдруг я услышал негодующий голос:

— Забастовка! Да как они могли затеять ее! Как могли железнодорожники нарушить свое обещание перед пассажирами... Взялся везти, так вези! Может, кто-нибудь ехал к тяжело больному, умирающему отцу, спешил на операцию к доктору или просто хотел повидаться с родными после долгой разлуки... Как смели они обмануть эти ожидания!.. Ведь это — протест за чужой счет».

Когда Беренштам попытался возразить, Толстой воскликнул: «Не такими способами надо обновлять жизнь. <...> Я пишу столько лет, указывая простой и ясный путь! <...> Любовь! А революционеры воз-

буждают недовольство народа, ненависть к богатым, желание насилем отнять чужое. Убивают! Они изобретают новые способы убивства: это они изобрели гнусные бомбы!».

Спустя некоторое время Лев Николаевич опять возбудился и начал клеймить «всякие способы обновления, кроме одного единственного, веры в Любовь... И его нападки были резки, потому что его до боли мучили вопросы убивства и насилия... Он почти кричал».

Не сдержал своего негодования от услышанного и Беренштам. «Как вы смеете так говорить?! Вы жестоко несправедливы!» — крикнул он в ответ. После этого Толстой несколькими шагами забежал вперед и, ласково улыбаясь, спросил: «Вы сердитесь?» Владимир Вильяминович ответил: «Да», и они оба... рассмеялись. На этом, как пишет Беренштам, буря стихла.

Заканчивая описывать свою беседу с Толстым, автор воспоминаний подчеркивает, что «в этой простоте величия, в этом юношеском горячем протесте против всяких и всех убивств я услышал глубокую любовь к человечеству, к людям всего мира и настоящим и будущим... Любовь к жизни!..»⁶.

Посещение Беренштамом Ясной Поляны отразил в своем дневнике и доктор Д. П. Маковицкий. 16 октября 1905 года он записал:

«...Под вечер приехал из Тулы, где застрял на вокзале, присяжный поверенный из Петербурга, Беренштам, который защищал убийцу Сергея Александровича и бунтовавших якутских политических ссыльных. Л.Н. гулял с ним по Чепыжу и к самой Воронке. Пригласил обедать, но тот не остался. Вечером Л. Н. просматривал книгу Беренштама “За право!”, которая появилась во втором издании, но была арестована цензурой. Читал ее минут 10–15, потом отложил <...>:

— Это очень плохо. Не стоит читать. Он защищает (*я не расслышал что, показалось: «убийство»*). Напыщенные слова. Все из того мира запутанного»⁷.

Следует сказать, как очеркист и публицист, Беренштам печатался в журналах «Русское богатство», «Мир Божий», «Вестник Европы» и др. Был автором книг: «За право!» (1905), «Около политических», «Из жизни» (1908), «В огне защиты» (1909), «Записки адвоката» (1913), «Из пережитого» (1915).

После октябрьской революции 1917 г. Владимир Вильяминович непродолжительное время исполнял обязанности юрисконсульта в торгпредстве в Праге. В 1920 г. работал юрисконсультом Полтавского губисполкома, близко общаясь с писателем В. Г. Короленко. После его смерти находился в эмиграции, но в конце 1920-х гг. возвратился в СССР. Продолжая литературную деятельность, выпустил за это время книги: «В тисках ссылки» (1924), «В боях политических защит» (1925), «В борьбе за право: воспоминания защитника по политическим делам

в царское время» (1930). Его перу принадлежит книга воспоминаний «В. Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу» (1922), а также пьесы «Жена не жена», «Иван Калягин» (в соавт., 1926). Умер Владимир Беренштам в Ленинграде. Похоронен на Казачьем кладбище Александро-Невской лавры. На его памятнике из красного гранита имеется надпись: «Первый рабочий адвокат России и политический защитник»⁸.

¹ *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 116.

² О докторе А. А. Таирове см.: *Чисников В. Н.* О встречах Льва Толстого: поиски и находки (некоторые уточнения к биографии писателя) // Толстовский сборник — 2000: в 2 ч. Ч. 2. Тула, 2000. С. 359–363.

³ *Беренштам В. В.* Из пережитого. Пг., 1915. С. 129–130.

⁴ ЦГИА Украины. Ф. 705. Оп. 1. Д. 284. Л. 16 об.

⁵ *Прокопчук Ю. В.* Революция 1905–1907 гг. в России // Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашева. М., 2009. С. 564.

⁶ *Беренштам В. В.* Указ. соч. С. 133–135.

⁷ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. М., 1979. С. 428.

⁸ *Чисников В. Н.* Беренштам Владимир Вильяминович // Лев Толстой и его современники: энциклопедия. Вып. 3 / под общ. ред. проф. Н. И. Бурнашевой. Тула, 2016. С. 61–62.

П. И. МЕЛЬНИКОВ (ДАВЫДОВ)
P. I. MELNIKOV (DAVYDOV)

**О новом прочтении статьи В. И. Ленина
«Лев Толстой как зеркало русской революции»**
**On the new reading of Vladimir Lenin's essay
Leo Tolstoy as the Mirror of the Russian Revolution**

Аннотация

В статье проводится мысль, что ленинская критика Толстого и толстовства на фоне первой русской революции искусственна, так как не учитывает неприятия Толстым насилия как такового. По мнению автора, тезис «Толстой и революция» в объявленном ракурсе принципиально ложен, ибо любая революция предполагает жертвы, а с позиции толстовства это совершенно неприемлемо.

Abstract

The article promotes the idea that Lenin's critics of Tolstoy and tolstoyism in connection with Russian Revolution is not relevant because it doesn't take into account Tolstoy's rejection of violence *per se*. According to the author, the thesis «Tolstoy and Revolution», as it was stated, is essentially false for the reason that any revolution implies victims, and from the point of view of tolstoyism it's absolutely unacceptable.

Ключевые слова: статья Ленина «Толстой как зеркало русской революции», газета «Пролетарий», толстовство, неприятие насилия.

Keywords: Lenin's essay «Leo Tolstoy as the Mirror of the Russian Revolution», newspaper «The Proletarian», tolstoyism, rejection of violence.

Революция, как известно, является кардинальным событием в жизни любого государства. Колыбелью революций была, есть и остается Европа. Она же и источник войн. Именно в Европе человеческая жизнь в революционных процессах полностью обесценивалась. Это обстоятельство очень сильно смущало русских классиков, особенно Л. Н. Толстого. Однако один из теоретиков русской революции В. И. Ульянов (Ленин) иначе взглянул на великого писателя и сделал

его предтечей русской революции: «Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд *странным и искусственным* (курсив наш. — М.П.). <...> наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях»¹.

Людям старшего поколения хорошо известен заголовок его критической статьи «Лев Толстой как зеркало русской революции», которая впервые была опубликована в газете «Пролетарий» 11/24 сентября 1908 г. — эта статья не только изучалась в системе политического образования для членов ВЛКСМ и КПСС, но упоминалась даже в курсе истории для средней школы (см. хрестоматии по литературе этого периода). Так как эту статью читали очень немногие, а знакомых со взглядами Толстого было еще меньше, то большинство из нас считало Льва Николаевича либеральным революционером — и в Церкви, и в государстве, — неким предтечей будущих советских коммунистов. Так возник один из советских мифов. Разберемся с его идеологической деривацией.

Вождь русского пролетариата соотнес творчество Льва Толстого с уроками первой русской революции 1905–1907 гг. и заявил о противоречиях в мировоззрении писателя: «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие»². И тут же перечисляет их:

1) «С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе»³. Это, безусловно, взгляд воинствующего атеиста, видевшего только внешнюю сторону религии.

2) «С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, “толстовец”, т.е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом»⁴. Здесь явно сквозит однобокое понимание толстовского творчества: ни о каком протесте речи не идет. Толстой объективно-реалистически изображает общественную жизнь России своего времени.

3) «С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда

и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь “непротивления злу” насилием»⁵. Перед нами опять-таки одностороннее (революционное) толкование литературного творчества писателя. Толстой объективно изображает социально-экономическое становление русского капитализма, противоречия, свойственные этому историческому периоду, господство бюрократического аппарата, который, кстати, и сейчас, после известных успехов социализма, продолжает превалировать в нашей государственной жизни.

4) «С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии»⁶. Это вновь революционный атеизм, стремящийся выставить духовенство как совершенно никчемное сословие в российской общественной жизни. Писатель так не считал, реалистично изображая жизнь русской церкви.

Ленинская критика Толстого и толстовства на фоне первой русской революции, безусловно, искусственна, так как не учитывает того факта, что его учение по своей внутренней сути принципиально не приемлет насилия как такового: «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские “толстовцы”, пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции» (курсив наш. — М. П.)⁷. Тезис «Толстой и революция» с объявленной позиции принципиально ложен уже по той причине, что любая революция предусматривает жертвы. Это совершенно недопустимо с позиции толстовства.

Со своих мировоззренческих позиций наш теоретик революции даже пытается оправдывать великого художника: «Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному “христианскому анархизму”, как оценивают иногда “систему” его взглядов»⁸. В этом оправдании сквозит

опять-таки подмена: желание выставить великого художника таким латентным революционером, стремящимся ради крестьянства к слову государственной машины. Толстой безусловно влиял на состояние умов правящего класса, но к изменению государственного строя он не призывал, ибо надеялся на нравственную трансформацию социально-политической атмосферы в России.

Новому европеизированному русскому революционеру такой эволюционный путь развития был категорически неприемлем. Именно поэтому Ленин не смущается в выборе слов при критике писателя: «Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости “хозяйственного мужичка”»⁹. Толстовство принципиально противоречило либерализму революционных террористов (народовольцев и социал-демократов), которые импортировали в страну европейские методы борьбы за власть, поэтому крестьянская Россия в этом отношении им не нравилась. Об этом пишет Ленин и в этой статье: «Толстой отразил накопившую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротавление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании»¹⁰.

Однобоко понятый русский классик, как певец крестьянства, был искусственно притянут к революции и представлен символом революционного перерождения крестьянства как класса: «Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в *наш исторический грех толстовщины!*» (курсив наш. — М.П.)¹¹. Вот таким пассажем завершается статья теоретика русской революции В. И. Ульянова (Ленина), который, виртуозно владея революционной терминологией, раздвоил цельное мировоззрение Толстого-художника на «революционную» и «эволюционную» части, назвав последнюю «нашим историческим грехом толстовщины». Толстой нужен был социал-демократам и другим революционерам как знамя русского крестьянства.

Толстой был противником западных моделей развития России и настаивал на особом пути развития страны, этого, конечно, революционеры принять не могли. В журнале «Гражданин» еще в конце

1903 г. Толстой писал англичанину Лонгу следующее: «Образцы западных учреждений и реформ всегда были и будут гнойным нарывом на политическом теле России. Ваша всегдашняя ошибка заключается в том, что западные учреждения вам кажутся какой-то стереотипной моделью, по которой должны производиться всякие преобразования. Это и есть именно то самообольщение, которое лежит в основе войн и разбойнических нападений европейцев на иноплеменные народы. Россия нуждается в реформах, но это не восточные и не западные реформы, а просто меры, нужные народу, и притом именно русскому народу. Мнения, что так называемые реформы должны свершаться по западным шаблонам, являются результатом западного самомнения...

Ни на одно мгновение не допускаю, чтобы европейская политика более подходила к европейским народам, чем русская политика к России. Западная жизнь богаче русской во внешних проявлениях, политических, гражданских и художественных. Для такой жизни закон необходим; на Западе смотрят на закон как на венец и охрану существования; жизнь же русского народа экспансивна, и поэтому русские не считают закон за действующее начало...

Русские подчиняются им (законам), но не руководствуются ими. Народные массы, пренебрегая всякими внешними ограничениями, руководствуются в своей жизни совестью. Если я говорю, что русские руководятся в своей жизни совестью, то я не хочу сказать, что у нас меньше нищеты и преступлений, чем в Европе. Я хочу этим сказать только то, что совесть занимает у нас то место, которое на Западе принадлежит закону.

Признав, что между Россией и Европой нет ничего общего, нет основания производить опыты в России над западными реформами; *западная система не сумела обеспечить истинной нравственности на самом Западе, почему же она должна дать лучшие результаты в стране, для которой она предназначена не была?*

Я же могу лишь повторить, что для России, как и повсюду, единственным средством улучшения положения вещей является развитие совести и морального чувства населения» (курсив наш — М. П.)¹².

Безусловно, можно сделать вывод о том, что Л. Толстой, как мыслитель, видел путь России в самосовершенствовании как морально-нравственном, так и социально-политическом. Ему претили любые насильственные методы преобразования общественной жизни страны, в том числе и революционные. Но русским революционерам великий художник был нужен как проводник своих идей и представлений. Этим и воспользовался Ленин в данной своей статье.

Далее он в своих статьях также развивает обозначенные выше тезисы. И справедливости ради дает его творчеству очень высокую

оценку в некрологе: «Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»¹³.

Но тут же он переключается на идеологическую обработку читателя: «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот»¹⁴. Возвращаясь к тезису об изображении первой русской революции, он пишет: «Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»¹⁵, т.е. продолжает культивировать образ Толстого как критика «государства, церкви, частной поземельной собственности». Здесь он также применяет прием разделения в оценке мировоззрения писателя на «прошлое» и «настоящее», на «слабое» и «сильное». И перед читателем возникает идеологема такого рафинированного писателя-критика как «пощечины буржуазному либерализму».

Подобной стилистики в рассуждениях о мировоззрении Л. Толстого Ленин придерживался и в других своих статьях, продолжая стратегию приспособления взглядов писателя к теории и практике революционного движения в России: «Пессимизм, непротивленство, апелляция к “Духу” есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй “переворотился” и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* “укладывающийся” новый строй, *какие* общественные силы и как именно его “укладывают”, какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам “ломки”»¹⁶. С этих позиций Ленин дает своеобразную оценку толстовству, пристегивая его к новому революционному мировоззрению: «Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует

ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов»¹⁷.

Итак, Ленин намеренно превращал Л. Толстого в рупор «крестьянской буржуазной революции» из агитационно-пропагандистских соображений, а не истины ради.

¹ *Ульянов (Ленин) В. И.* Лев Толстой как зеркало русской революции // Пролетарий. 11 (24) сентября 1908. № 35.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Цит. по: *Черняев Н. И.* Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. С. 300–301.

¹³ *Ульянов (Ленин) В. И.* Л. Н. Толстой (некролог) // Социал-демократ. 16 (29) ноября 1910. № 18.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Ульянов (Ленин) В. И. (В. Ильин)* Л. Н. Толстой и его эпоха // Звезда. 22 января (4 февраля) 1911. № 6.

¹⁷ Там же.

**Материалы
научно-фондовой конференции
2017 г.**

**Proceedings
of the Museums and Collections
Conference
2017**

О. А. АЛФЕРОВА
O. A. ALFEROVA

Журнал Люси Маллори
«Передовая мысль мира»
в яснополянской библиотеке
(по материалам личной библиотеки Л.Н. Толстого)

Lucy Mallory's magazine
The World's Advance Thought
in the library at Yasnaya Polyana
(on the basis of Leo Tolstoy's personal library)

Аннотация

Статья посвящена уточнению источников «Круга чтения», составленного Л.Н. Толстым в 1904–1906 гг. В ней приведены примеры помет Л.Н. Толстого на страницах американского журнала «Передовая мысль мира». Годы издания журнала были для Толстого временем отбора изречений мудрецов для сборников: «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни». Одним из источников таких изречений стал американский журнал «Передовая мысль мира», издателем которого была Люси Маллори.

Abstract

The article is devoted to definition of the sources of *A Calendar of Wisdom*, compiled by Leo Tolstoy in 1904–1906. There are cited some examples of Tolstoy's marginal notes on the pages of an American magazine *The World's Advance Thought*. The years of publishing of the magazine were the time when Leo Tolstoy selected sage sayings for his collections: *Wise Thoughts for Every Day*, *A Calendar of Wisdom*, *For Every Day*, *Path of Life*. American magazine *The World's Advance Thought* edited by Lucy Aaron Mallory was one of the sources of these compilations.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Круг чтения», Люси Маллори, американский журнал «Передовая мысль мира», русская литература, американская литература, библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

Keywords: Leo Tolstoy, «A Calendar of Wisdom», Lucy Mallory, American magazine «The World's Advance Thought», Russian literature, American literature, Leo Tolstoy's library at Yasnaya Polyana.

В мемориальной библиотеке Л. Н. Толстого хранятся уникальные библиографические редкости, многие из них сложно найти даже в крупнейших библиотеках России и мира. На страницах большинства этих изданий можно обнаружить пометы Л. Н. Толстого.

В своей статье о яснополянском книжном собрании С. М. Брейтбург пишет о важности изучения помет в книгах из библиотек знаменитых писателей: «Личная библиотека выдающегося деятеля, писателя в частности, — бесценная библиографическая реликвия и неповторимый источник для изучения его жизни и творчества. <...> исключительно ценны маргиналии, которые писатели нередко оставляют на страницах принадлежащих им книг <...> по внутреннему их значению маргинальные начертания должны быть приравнены к автографам; ибо сквозь них словно видишь писателя, склонившегося с карандашом или пером в руке над книгой и воспринимающего заключенные в ней факты, идеи, образы сочувственно или, наоборот, критически, либо даже вовсе отвергающего их»¹.

Д. П. Маковицкий утверждал: «Библиотека Ясной Поляны составляет целым миром. Что кто напишет в духе Л.Н., присылает»².

Рассуждая о первых составителях яснополянской библиотеки, Г. В. Алексеева сообщает: «С.Л. Толстой, а за ним и Н. Н. Гусев вполне обоснованно предполагали, что среди книг Н.С. Волконского (деда Л.Н.) могли быть и книги его отца С.Ф. Волконского. <...> Но то книжное собрание количеством 500–600 томов, которое Л.Н. получил в наследство вместе со своей усадьбой, было в основном собрано его дедом, матерью и отцом»³. Г. В. Алексеева приводит историю начала описания библиотеки Л. Н. Толстого: «Собрание книг и журналов Волконских-Толстых к концу 1880-х годов увеличилось до такой степени, что размещалось уже не в двух шкафах, а в тринадцати. Привести библиотеку в порядок было поручено учителю детей Толстого А. М. Новикову (выпускнику математического факультета, впоследствии окончившему медицинский факультет и ставшему профессором медицины)»⁴.

А. М. Новиков так вспоминал о своей работе по описанию библиотеки: «Книг было много, 13 шкапов, и книг самых разнообразных: и исторических, и религиозных, и беллетристических, много книг на древнееврейском и греческом языках. <...> И все эти книги были свалены без описи, без всякого порядка, в 13 шкапах. Я не мог от-

нести равнодушно к участи такого культурного богатства и засел за составление каталога и за расстановку книг»⁵.

Вернувшись зимой 1889 г. из своего заграничного путешествия, старшая дочь писателя Т. Л. Толстая включилась в работу учителя своих младших братьев над библиотечным каталогом. Этот каталог лег в основу описи библиотеки, сделанной С. А. Толстой. Жена писателя в 1908 г. составляет тематический каталог книг яснополянской библиотеки на русском, французском, английском и немецком языках.

А. Е. Грузинский первым занялся научным описанием библиотеки Ясной Поляны. В статье, опубликованной в «Толстовском ежегоднике» за 1912 г., ученый говорит о пометах Л. Н. Толстого на страницах некоторых книг А. П. Чехова, М. Горького и Л. Андреева и высказывает пожелание, чтобы книги с пометами Л. Н. Толстого, хранящиеся в его личной библиотеке, были описаны исследователями в первую очередь⁶.

В том же сборнике вышла и статья старшего сына писателя Сергея Львовича «Л. Н. Толстой о поэзии Ф. И. Тютчева»⁷, в которой речь шла о пометах Толстого у стихотворений Тютчева.

В. Ф. Булгаков вслед за А. Е. Грузинским продолжил научное описание яснополянской библиотеки. В своей статье, опубликованной в «Толстовском ежегоднике» за 1913 г., он сообщает о начале своего многолетнего труда по описанию библиотеки Л. Н. Толстого⁸.

В своих мемуарах В. Ф. Булгаков вспоминает: «... предполагал пробыть в Ясной Поляне каких-нибудь 4–5 месяцев, а вместо этого задержался в ней <...> чуть ли не на четыре года: именно, с декабря 1912 по август 1916 года включительно. Строго рабочего времени моего, с ежедневным корпеньем за столом минимум по семь-восемь часов, было не более и не менее, как *два с половиной года*»⁹. В. Ф. Булгаков составляет пять рукописных томов каталогов, которыми исследователи библиотеки Л. Н. Толстого пользуются и теперь.

По возвращении из эмиграции В. Ф. Булгаков продолжил работу по научному описанию библиотеки: под его редакцией вышли тома печатного каталога книг на русском языке. В предисловии к первому тому каталога отмечено: «Многочисленные надписи, отчеркивания и подчеркивания, собственноручно сделанные Л. Н. Толстым в книгах, придают им особую ценность. Они позволяют до известной степени судить о круге его интересов, об отношении к отдельным писателям и их произведениям, об оценке тех или иных явлений, событий, фактов»¹⁰.

В 1937 г. в Сборнике толстовского музея появляются статьи Н. Н. Гусева¹¹ и А. Петрова¹² с описанием помет Л. Н. Толстого.

Изучение книг с пометами Л. Н. Толстого продолжается и в наши дни. Сотрудники музея-усадьбы «Ясная Поляна» Г. В. Алексеева¹³, Е. В. Белоусова¹⁴, А. Н. Полосина¹⁵, О. В. Гладун¹⁶ рассказывают о своих изысканиях в статьях.

В статье, написанной в связи с подготовкой каталога книг яснополянской библиотеки на иностранных языках, Г. В. Алексеева утверждает: «Характер помет на книгах иностранных авторов прежде всего говорит о целенаправленном процессе чтения Толстого, о некотором прагматизме этого процесса в последние десятилетия жизни писателя»¹⁷. В это время Л. Н. Толстой искал изречения для собрания мудрых мыслей. Г. В. Алексеева отмечает, что писатель выделял понравившиеся ему изречения не только характерными для себя способами (отчеркивал, подчеркивал, зачеркивал, ставил на полях «NB», знаки вопроса, писал на полях отдельные слова и фразы, делал загибы, иногда двойные, верхних и нижних уголков страниц), но и обводил фрагменты выделенных изречений, вносил правки в их текст, часто нумеровал отчеркнутые отрывки.

Одним из уникальных изданий яснополянской библиотеки, ставшим источником мудрых мыслей, является американский журнал «The World's Advance Thought and The Universal Republic»¹⁸ («Передовая мысль мира и всеобщая республика»).

В. Ф. Булгаков об этом журнале сообщал следующее: «Много отметок Толстого в американском журнале «The World's Advance Thought and Universal Republic», издающемся писательницей Люси Маллори, многие мысли которой включены Толстым в «Круг чтения»¹⁹.

В статье Г. В. Алексеевой, посвященной подготовке к изданию четвертого тома каталога яснополянской библиотеки с описанием периодических изданий на иностранных языках, перечислены многие сохранившиеся в библиотеке Л. Н. Толстого иностранные газеты и журналы, в том числе и журнал «Передовая мысль мира»²⁰.

Люси Маллори сама занималась сочинением статей для своего журнала, подбором произведений других авторов для публикаций, редактированием и изданием²¹. Об этом Люси Маллори сама сообщала Л. Н. Толстому: «В течение первого года издания журнала мне оказывал поддержку Н. N. Maquire (Г. Н. Маквайр), но вот уже около семи лет я работаю одна. Набор, верстка, правка, рассылка и т. д. — все это лежит на мне, поэтому журнал частенько запаздывает»²².

Журнал издавался в США в городе Портленд штата Орегон с 1886 по 1918 г. ежемесячно, но некоторые номера журнала выпускались не каждый месяц, а раз в два месяца.

В яснополянской библиотеке хранится 74 выпуска периодического издания «Передовая мысль мира»: 5 газет (выпуски газет за ноябрь и декабрь 1888 г. и за январь, февраль, апрель 1889 г.) и 69 журналов (выпуски с 1892 по 1910 г.).

Не все находящиеся в яснополянской библиотеке выпуски журнала Люси Маллори сохранились полностью, в некоторых не хватает

листов: например, в выпуске журнала за январь 1908 г. отсутствует лист со страницами 9–10; в выпуске журнала за октябрь 1909 г. нет листа со страницами 43–44; а в выпуске журнала за март 1909 г. отсутствует лист со страницами 165–166, причем на обложке этого выпуска Д. П. Маковицкий отметил: «В этом номере [вероятно] на стр. 165 или 166 была отметка Л.Н-ча. Кто-то вырвал. Д.М.» (примечательно, что сначала было написано слово «вероятно», а потом вычеркнуто, что свидетельствует о высокой степени уверенности Д. П. Маковицкого).

Далеко не во всех выпусках журнала Люси Маллори есть пометы Л. Н. Толстого; некоторые номера, возможно, были просмотрены писателем, но содержащиеся в них мысли не привлекли его внимания. В большинстве выпусков пометы Толстого все же имеются.

Однако не все характерные для писателя виды помет присутствуют на страницах журнала «Передовая мысль мира», в основном это отчеркивания черным карандашом на полях, хотя попадаются и отдельные замечания, дающие большее представление о впечатлениях писателя.

На обложках некоторых выпусков журнала Люси Маллори есть надпись «Отметки Л.Н-ча», оставленная, предположительно, В. Ф. Булгаковым. В статье о характере толстовских помет на книгах личной библиотеки писателя О. В. Гладун отмечает: «Иногда на обложках или титульных листах некоторых изданий встречаются уточняющие надписи: «Отметки Л.Н-ча» — рукой тех людей, кто был рядом с Толстым: Д. П. Маковицкого, В. Ф. Булгакова и др.»²³.

Далее хотелось бы представить приблизительную классификацию помет Л. Н. Толстого в выпусках журнала «Передовая мысль мира» и некоторые примеры к каждому виду помет, а также перевод приведенных примеров на русский язык.

1. *Отчеркивания на полях черным карандашом* (таких помет на страницах журнала большинство).

Например, на стр. 165 выпуска журнала за февраль 1905 г. (КП-1812/578) в разделе «Ключевые мысли» («Key thoughts») черным карандашом отчеркнуто несколько изречений.

1) Отчеркивание на полях двумя чертами черным карандашом рядом с изречением: «Though I have the Wisdom of God, I cannot give it to you unless you can and will receive it»; «Хотя я обладаю мудростью Бога, я не могу передать ее вам, если вы не способны и не хотите принять ее».

2) Отчеркивание на полях черным карандашом и «NB» рядом с изречением: «You cannot get more of Truth until you live the truth you know. This is spiritual unfoldment».

Это изречение было включено в «Круг чтения» на 12 марта: «Только когда исполнишь ту истину, которую знаешь, откроется тебе новая ис-

тина» (Юб. Т. 41, с. 165). В «Круг чтения» не вошла только последняя фраза: «This is spiritual unfoldment» («Это духовное развитие»).

2. Слова, написанные на полях черным карандашом.

Например, на первой после обложки странице выпуска журнала за ноябрь 1904 г. (КП-1812/1092) на полях против изречения написано карандашом рукой Л. Н. Толстого: «Оценка друга», и то же самое — рядом чернилами, предположительно, рукой Д. П. Маковицкого.

«Appreciate your manifold blessings. You would think the common, fresh air a breeze blown from paradise if you were condemned to be down in the “stoke hole” of a transatlantic steamer for five or six days; you would consider the use of your hands a great blessing if they had been tied to your sides for a month; a crust of bread and a gallon of water would be nectar and ambrosia to you if you had been lost in the desert for several days and without food or drink. Bad experiences often make us appreciate the common, everyday blessings that we take as a matter of course»; «Цените дарованное вам обилие благ. Струя чистого воздуха показалась бы вам дыханием рая, если бы вас пять или шесть дней продержали в котельной трансатлантического парохода; вы сочли бы великим счастьем возможность делать что-то своими руками, если бы они в течение месяца были притянуты к вашим бокам; корка хлеба и кувшин воды стали бы для вас нектаром и амброзией, если бы вы несколько дней проблуждали в пустыне без пищи и питья. Тяжелые испытания часто заставляют нас оценить простые, обыденные блага, которые мы принимаем как само собой разумеющиеся».

3. Отчеркивания на полях фиолетовым карандашом.

Например, на полях страницы 181 выпуска журнала за декабрь 1907 г. (КП-1812/1098) в разделе «Ключевые мысли» («Key thoughts») фиолетовым карандашом отчеркнуто несколько изречений.

1) В этом случае присутствует не только отчеркивание на полях рядом с изречением, но и подчеркивание нескольких слов в самом изречении фиолетовым карандашом, причем последнее предложение не выделено (это не выделенное предложение дано ниже курсивом): «As long as one thinks more of his food, clothes, property, etc., than he does of his spiritual nature, he is an Atheist. “Knowing God” is knowing his Real Self — spirit and spiritual truth. God is Spirit and Truth. *As long as men live the mere animal life of the senses, they antagonize the Kingdom of the Spirit and are “at enmity with God”*»; «Если человек больше думает о пище, одежде, собственности и т.п., чем о своей духовной природе, он — атеист. “Постичь Бога” — значит, постичь его истинную сущность — дух и духовную истину. Бог есть дух и истина. *Пока люди живут чисто животной, чувственной жизнью, они противостоят Царству Духа и “враждебны Богу”*».

2) Отчеркивание на полях фиолетовым карандашом: «The truth that sets you free is the realization of the consciousness of your spiritual nature — in which all truth is involved»; «Освобождающая вас истина — это осознание своей духовной сущности, в которой вся истина заключена».

4. *Нехарактерные для Л. Н. Толстого пометы на страницах журнала.*

На страницах журнала также можно обнаружить пометы в виде диагональных линий синим или красным карандашом в начале и в конце выделяемых текстов (как правило, не кратких изречений, а целых главков). Эти пометы секретарь писателя В. Ф. Булгаков в своем рукописном каталоге книг и периодических изданий яснополянской библиотеки описывает как нехарактерные для Л. Н. Толстого. Причем секретарь писателя демонстрирует разную степень уверенности в случаях с подобными пометами.

Так, например, в описании выпусков журнала за март и июнь 1904 г. В. Ф. Булгаков сообщает: «В 4^м и 5^м №№ — отметки светло-коричн. кар., скорее не Л.Н-ча»²⁴. В выпуске журнала за март 1904 г. выделена главка «The spiritual springtime» («Духовная весна»), а в выпуске за июнь 1904 г. — главка «Evolution of the universal soul» («Эволюция универсальной души»); в обеих разъясняются понятия спиритизма, и для самого Толстого они, вероятно, не представляли особенного интереса, учитывая отношение писателя к спиритическому учению.

Люси Маллори была последовательницей спиритического учения. В одном из писем, адресованных американке, Л. Н. Толстой выразил свое отношение к статьям в ее журнале, посвященным спиритизму: «Дорогой друг и сестра, я очень рад, что вашим хорошим письмом поставлен в прямые сношения с вами. Хотя я не могу согласиться с вашей верой в медиумов и оккультизм, я все же высоко ценю ваше нравственное учение и всегда с большим интересом читаю ваш журнал, за который сердечно благодарю. Я нахожу в нем истинно здоровую духовную пищу и высоко ценю вашу деятельность» (Юб. Т. 75, с. 159).

Напротив, в описании выпуска журнала за ноябрь 1905 г. В. Ф. Булгаков категорично утверждает: «На 67^н стр. заключены в скобки синим кар. — безусловно не Л.Н-чем, — послед. 15 стр. левого столбца»²⁵. Примечательно, что помимо категоричного «безусловно», В. Ф. Булгаков еще и подчеркивает отрицательную частицу «не» в описании данной пометы, что свидетельствует о высокой степени уверенности бывшего секретаря Л. Н. Толстого в том, что ее оставил на странице журнале не сам писатель.

Данная помета выделяет небольшую главу про «Общение душ». В каждом выпуске журнала «Передовая мысль мира» на второй странице обложки печаталось расписание «Soul communion» («Общения душ»): по замыслу Люси Маллори, если 27 числа каждого месяца все

последователи спиритического учения будут думать об одном и том же в одно и то же время, то это «общение душ» послужит осуществлению их общих замыслов. О своем неприятии этих «таблиц» Л. Н. Толстой сообщал в дневнике: «Читал W<orld> Advance Thought. Много риторики; а нужно дело. Не Soul communion нужно 27 числа, а во всякое число нужно сходитьсь в одном, в исполнении учения Хр<иста>, в непризнании Церкви, Государ<ства>, Собственности» (Юб. Т. 50, с. 85).

Кому принадлежат подобные пометы, нехарактерные для самого Л. Н. Толстого, еще предстоит выяснить.

На основании работы с выпусками журнала Люси Маллори, хранящимися в яснополянской библиотеке, были установлены источники всех 75 изречений²⁶ в «Круге чтения», подписанных — «Люси Маллори» или «Передовая мысль мира», т.е. именем самой издательницы или названием ее журнала. В поиске текстов-источников огромную помощь оказал список соотношений заимствований из журнала «Передовая мысль мира» и их переводов в «Круге чтения», составленный А. Н. Николюкиным на основании рукописных подготовительных материалов к изданию сборника²⁷.

Изречения, отмеченные Л. Н. Толстым на страницах журнала Люси Маллори, вошли не только в «Круг чтения», но и в сборники мудрых мыслей, составлявшиеся позже, — «На каждый день» (16 изречений из журнала «Передовая мысль мира») и «Путь жизни» (5 изречений из журнала Люси Маллори); причем в обоих последних сборниках повторяются те изречения, которые уже были напечатаны в «Круге чтения».

В письмах к С. К. Силуянову, рабочему уральского завода, написанных в апреле 1908 г., Л. Н. Толстой утверждал: «Все заповеди заложены в сердце каждого человека, а мудрецы всех времен, святые люди всех людей выражали их, и наше дело отыскивать эти великие истины, помогающие нам жить по воле Божьей и самим уяснять их себе в своем сердце и исполнять их» (Юб. Т. 78, с. 118); «Я держусь только одного главного учения о любви, которое я встречаю везде, во всех сочинениях мудрых людей с самой глубокой древности, среди язычников так же, как и среди евреев и христиан. Это же учение есть у индусов, у браминов, у конфуцианцев, у таосистов. Советовал бы вам заглянуть в книгу, составленную мною, называемую Круг Чтения, т.е. изречения и мысли мудрых и святых людей на каждый день. Может быть, эта книга понравится вам, очень рад бы был» (Там же, с. 127).

¹ Брейтбург С. М. Книжное собрание Льва Толстого в Ясной Поляне // Книга. Исследования и материалы. Сборник V. М., 1961. С. 103–104.

² *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904—1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 4. М., 1979. С. 221.

³ *Алексеева Г. В.* Из истории яснополянской библиотеки (научно-библиографическое описание книг на иностранных языках) // Источники по истории русской усадебной культуры. М., 1997. С. 104.

⁴ *Алексеева Г. В.* Там же. С. 110.

⁵ *Новиков А. М.* Зима 1889—1890 годов в Ясной Поляне (Картины яснополянской жизни в 1890-х годах) // Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник (собрал и редактировал Н. Н. Гусев). М.; Л., 1928. С. 207.

⁶ *Грузинский А. Е.* Яснополянская библиотека // Толстовский ежегодник. 1912 г. Издание Общества Толстовского Музея в Петербурге и Толстовского Общества в Москве. М., 1912. С. 133—142.

⁷ *Толстой С. Л.* Л. Н. Толстой о поэзии Ф. И. Тютчева // Толстовский ежегодник. 1912 г. С. 143—148.

⁸ *Булгаков В. Ф.* Отчет по описанию библиотеки Л. Н. Толстого, находящейся в Ясной Поляне // Толстовский ежегодник. 1913 г. М., 1914. С. 67—72.

⁹ *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь: Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого. М., 2012. С. 368—369.

¹⁰ Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. Книги на русском языке. Т. 1. Ч. 1 (А—Л). М., 1972. С. 10.

¹¹ *Гусев Н. Н.* Пометки Л. Н. Толстого на «Гетевском календаре» // Сборник государственного толстовского музея. М., 1937. С. 148—161.

¹² *Петров А.* Пометки Л. Н. Толстого на книгах Яснополянской библиотеки // Сборник... С. 298—349.

¹³ *Алексеева Г. В.* Толстовские маргиналии на книгах из иностранного отдела личной библиотеки Л. Н. Толстого // Толстой и о Толстом. Вып. 4. Материалы к комментариям. М., 2010. С. 209—231.

¹⁴ *Белоусова Е. В.* «Жития святых» в прочтении Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник — 2000. Тула, 2000. С. 308—320.

¹⁵ *Полосина А. Н.* Пометы Л. Н. Толстого в книгах Руссо и Дидро (по материалам яснополянской библиотеки) // Толстой и о Толстом. С. 232—247.

¹⁶ *Гладун О. В.* Характер толстовских помет: «золотой фонд» яснополянской библиотеки // Международная научно-практическая конференция «Библиотеки, музеи: основные направления взаимодействия и сотрудничества». Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Тула, 2016. С. 79—92.

¹⁷ *Алексеева Г. В.* Толстовские маргиналии... С. 210.

¹⁸ См.: *Алексеева Г. В.* Яснополянская библиотека Л. Н. Толстого: из опыта подготовки к изданию тома 4 — «Периодические издания на иностранных языках» // Международная научно-практическая конференция... С. 93—103.

¹⁹ *Булгаков В. Ф.* Отчет по описанию библиотеки Л. Н. Толстого... С. 70.

²⁰ *Алексеева Г. В.* Яснополянская библиотека Л. Н. Толстого... С. 93—103.

²¹ *Алексеева Г. В.* Мэллори Люси // Лев Толстой и его современники: энциклопедия / под ред. Н. И. Бурнашевой. М., 2008. С. 252.

²² Л. Н. Толстой и Люси А. Маллори // Л. Н. Толстой и США: Переписка. М., 2004. С. 329.

²³ *Гладун О. В.* Характер толстовских помет... С. 86.

²⁴ Каталог В. Ф. Булгакова «Яснополянская библиотека Л. Н. Толстого. Научно-библиографическое описание, произведенное Вал. Ф. Булгаковым в 1912–1916 гг.»: Рукопись: Ч. 4. Журналы на иностранных языках. С. 127.

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ Американский исследователь Марша Сильберман в своей статье, написанной в процессе работы над диссертацией «Толстой и Америка: исследование взаимовлияния», сравнивает взгляды Л. Н. Толстого и Люси Маллори на вопросы жизни и смерти на примере изречений американки, вошедших в «Круг чтения», и произведений Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и «О жизни»; исследователь отмечает, что Толстой цитировал мысли из журнала Люси Маллори 95 раз. См.: Использование Толстым моралистических произведений Люси Мэллори в «Круге чтения» // Лев Толстой и мировая литература. Вып. 9. Материалы VII Международной научной конференции. Ясная Поляна 10–15 августа 2010 г. Тула, 2012. С. 247–256.

²⁷ *Николюкин А. Н.* Американские источники // *Толстой Л. Н.* Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении / сост., вступ. ст. А. Н. Николюкина: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 350–351.

Л. В. МИЛЯКОВА
L. V. MILYAKOVA

К вопросу атрибуции дарственных надписей на книгах личной библиотеки Л. Н. Толстого

On the issue of attribution of gift inscriptions on the books of Leo Tolstoy's personal library

Аннотация

В статье рассказывается о книгах и страницах корректурных оттисков с дарственными надписями, хранящихся в библиотеке Л.Н. Толстого в Ясной поляне, о работе по атрибуции этих надписей, многие из которых анонимны, о недавних находках и открытиях, проливающих дополнительный свет на окружение и обстоятельства жизни Толстого, о загадках, которые пока остаются неразгаданными.

Abstract

The article tells about the books and pages of printer's proofs with gift inscriptions in Leo Tolstoy's library in Yasnaya Polyana, about the work done to attribute this inscriptions which are often anonymous, about the recent findings and discoveries that deepen our knowledge of Tolstoy's milieu and life circumstances, about the puzzles which are to be solved.

Ключевые слова: Яснополянская библиотека Л.Н. Толстого, дарственные надписи, окружение Толстого, работа по атрибуции.

Keywords: Tolstoy's library in Yasnaya Polyana, gift inscriptions, Tolstoy's milieu, attributive work.

Самый многочисленный фонд в доме-музее Толстого — это библиотека. Ее пополнению способствовали многочисленные современники Толстого: представители многих профессий и наук, те, кто из разных уголков России и многих стран присылал в Ясную Поляну свои произведения, переводы, издания. Имена одних известны до сих пор, другие — давно забыты. Но память о тех, кто в своих дарственных надписях на посланных Толстому книгах выражал ему свое уважение, преклонение, радость жить с ним в одно время и тех, кто порицал

его, хранит библиотека писателя. Коллекция книг с дарственными надписями русского отдела библиотеки насчитывает более тысячи предметов. Каждый из них напоминает историю взаимоотношения Толстого с дарителем, напоминает о некоторых маленьких эпизодах великой жизни Толстого.

При составлении коллекции книг с дарственными надписями русского отдела библиотеки представилась возможность, во-первых, установить имена авторов и дарителей некоторых книг, тех, которые как в карточный каталог книг русской части библиотеки, так и в печатный каталог были занесены по их заглавию.

Речь пойдет о подарках писателя, поэта, публициста, военного юриста, коллекционера, общественного деятеля Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927).

Общение Толстого с Жиркевичем началось в 1887 г. с завязавшейся между ними по инициативе Жиркевича переписки. В мае 1890 г. Жиркевич писал Толстому: «Года 3 как я печатаю мои стихотворения в разных толстых журналах под разными буквами. Теперь я выпустил в свет под фамилией Нивин мою поэму — “Картинки детства”, поэму отчасти автобиографическую. <...> Как начинающий автор прошу Ваших указаний на недостатки этой поэмы и Вашего о ней мнения»¹. В следующем письме Жиркевич, беспокоясь, как бы книга с его дарственной надписью не пропала, уточнял, что послал ее на московский адрес Толстого, и спрашивал, есть ли, по мнению Толстого, у него талант. В качестве отступления хочется сказать, что с подобными просьбами обращались к Толстому многие начинающие авторы и в письмах, и в дарственных надписях на посылавшихся ему книгах. В ответ на это Толстой писал: «Я получил вашу книжку <...> Совет мой тот, чтобы вы оставили литературные занятия, в особенности в такой неестественной форме, как стихотворная. <...> Писать надо только тогда, когда чувствуешь в себе совершенно новое, важное содержание, ясное для себя, но непонятное людям, и когда потребность выразить это содержание не дает покоя» (Юб. Т. 65, с. 120). Книга в библиотеке Толстого не сохранилась.

Личное знакомство Толстого с Жиркевичем состоялось в декабре 1890 г. в Ясной Поляне. Об этом С. А. Толстая в своем дневнике записала 19 декабря: «Сегодня встала поздно, ночь не спала, вышла в залу, там офицер Жиркевич, молодой, аккуратный, приехал познакомиться с Левочкой, сам пишет стихи и прозу»². На следующий день сам Толстой записал в дневнике: «Вчера приезжал Жиркевич. Добрый юноша» (Юб. Т. 51, с. 114). После этого визита Жиркевич неоднократно бывал в Ясной Поляне.

В сентябре 1899 г. Толстой получил от него в дар несколько страниц, вырезанных из книги «Рассказы. 1892–1899 гг.» (СПб., 1900) с текстом

рассказа «В госпитале (*Отрывок из дневника*)». На шмуцтитule дарственная надпись: «*Глубокоуважаемому гр. Льву Николаевичу Толстому — от любящего его автора — А. В. Жиркевича — на добрую память. г. Вильна. 8 Сент. 1899 года*». Не получив никакого ответа Толстого, Жиркевич писал ему 29 января 1900 г.: «Дорогой, глубоко почитаемый Лев Николаевич! <...> Давно послал я Вам мой рассказ “В госпитале”, вырвав его из книги “Рассказы”. Прочли ли его, и понравился ли он Вам?». Ответил ли Толстой на его вопрос, неизвестно. Читал ли Толстой этот рассказ, также неизвестно. Упоминаний этого произведения в рукописном наследии писателя не найдено. Хотя на вырванных страницах сведений об авторе нет, в 1930-е гг. составителями карточного каталога яснополянской библиотеки авторство было установлено по фамилии в дарственной надписи. В доме Толстого в совершенно другом шкафу находится еще один экземпляр этого рассказа с дарственной надписью на шмуцтитule: «*Глубокоуважаемой Графине Софии Андреевне Толстой — от благодарного за теплое участие — автор. Г. Смоленск. 3 декабря 1903 г.*». В библиотеке Толстого есть несколько журнальных оттисков без сведений об авторе напечатанного произведения. Как правило, если помощники Толстого знали, кто является автором, они вписывали его фамилию над заглавием. В данном случае они этого не сделали. Не был установлен автор ни при составлении карточного каталога книг русского отдела, ни в печатном каталоге. При описании этого экземпляра мы вспомнили, что рассказ с таким заглавием уже встречался. Сопоставление дарственных надписей на обоих экземплярах показало, что сделаны они рукой одного человека — А. В. Жиркевича.

Отправляя рассказ «В госпитале» С. А. Толстой, Жиркевич писал ей: «Смоленск. 3 декабря 1903 г. Глубокоуважаемая графиня Софья Андреевна! Все еще нахожусь под обаятельным впечатлением пребывания моего в “Ясной”, бесед с Вами и Вашей чуткой отзывчивой на чужое страдание душой... Посылаю Вам один мой рассказ “В госпитале”, вырезав его из книги моих рассказов. Быть может, Вы прочтете его без скуки?!»³. В этом же письме Жиркевича читаем: «Будьте добры, передайте дорогому Льву Николаевичу мой другой рассказ и письмо, в него вложенное. Знаю, что ему не до чтения. Но он спрашивал меня о моих литературных работах. И я посылаю то, что, как мне кажется, должно заинтересовать его»⁴.

Толстому Жиркевич писал: «Вы спрашивали меня о моей литературной деятельности. И <...> позволяю себе обеспокоить Вас прилагаемым рассказом на тему из тюремной жизни, мне столь близкую (как и Вам)»⁵. Не сразу было установлено, о каком рассказе шла речь в письме. Определение автора произошло при сканировании дарственной надписи на шмуцтитule оттиска с текстом пока еще анонимного рассказа «У стен тюрьмы»: «*Сердечно — любимому Льву Николаевичу*

Толстому от автора. г. Смоленск. 3 декабря 1903 г.». И почерк, и сама надпись породили догадку, что автор этого рассказа — А. В. Жиркевич. Сличение надписей на всех трех его подарках подтвердило предположение. Именно об этом рассказе писал автор Толстому, полагая, что его тема «близка» ему.

В библиотеке хранится еще одно сочинение без указания сведений об авторе с анонимной дарственной надписью на с. 1: *«Льву Николаевичу Толстому с любовью и глубоким уважением подносят свой первый труд авторы»*. Это сочинение называется «Жизнь: пьеса в четырех действиях»⁶. В упомянутых выше каталогах, составлявшихся в 30 и 70-е гг. прошлого века, оно числится под заглавием. В колонтитуле указан печатный орган — журнал «Артист». Обращение к этому журналу в фондах РГБ позволило установить, что авторами рассказа являются Сергеенко Петр Алексеевич и Потапенко Игнатий Николаевич. В дарственной надписи сказано, что это сочинение является их первым совместным трудом.

Осталось выяснить, чьей рукой была сделана надпись. В библиотеке Толстого есть только одна книга Потапенко, но без дарственной надписи, и книги, подаренные П. А. Сергеенко.

Первая — это всем хорошо знакомая книга самого П. А. Сергеенко «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой» (М.: Типо-литогр. т-ва Кушнерева и К^о, 1898). На передней крышке переплета золотом курсивом вытиснена дарственная надпись: *«Дорогому учителю Л. Н. Толстому. П. Сергеенко»*.

Вторая книга — «Международный Толстовский альманах. О Толстом» (Изд. 2. М., 1909), с дарственной надписью автора С. А. Толстой.

И третья книга — это «Пословицы русского народа» В. И. Даля (Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. I. 2-е изд., без перемен. СПб., М.: Изд. Книгопродавца О. М. Вольфа, 1879), с пространной дарственной надписью П. А. Сергеенко на форзаце, раскрывающей историю дарения: *«Не откажите, пожалуйста, дорогой Лев Николаевич, принять от меня на добрую память этот сборник русских пословиц. Вы как-то сказали, что у Вас ничего нет Даля. Между тем едва ли еще найдется у нас другая книга, которая бы изображала с такой яркостью, правдивостью и всесторонностью личность русского народа, как этот сборник. В данном случае Даль имел бы больше прав, чем Пушкин, сказать, что к его памятнику “не зарастет народная тропа”. Пословицы расположены удачно — по их смыслу, и во II-м томе есть указатель, по которому легко найти любую пословицу. Примите эти книги как знак любви, которая греет меня, когда я думаю о вас. П. Сергеенко. Ст. Луховицы М—К. 1897. Окт. 9»*. Сличение дарственных надписей на этой книге с дарственной надписью на оттиске из журнала «Артист» с текстом драмы «Жизнь» убедило, что последний был подарен Сергеенко.

Некоторые авторы публиковали свои работы, не называя свои полные имена, скрывая их за инициалами. В качестве примера обратимся к книге, автор которой обозначен как Н. В.: «Григорий Григорьевич Новицкий в воспоминаниях старого ученика» (М., 1903). И в своей дарственной надписи на обложке — «Графу Льву Николаевичу Толстому» — автор не пожелал раскрыть своего инкогнито.

Обращение к словарю псевдонимов результатов не дало. В итоге поисков удалось установить, что Григорий Григорьевич Новицкий (1830—1902) был учителем в пансионе Романа Ивановича Циммермана в Москве. В 1850-е гг. учеником пансиона был Высотский Николай Григорьевич (1846—1919), ставший позднее педагогом-историком. По окончании пансиона он учился на историко-филологическом факультете Московского университета, преподавал историю в Лазаревском институте восточных языков, был директором последовательно Ярославской, Тульской и Московской гимназий. Есть предположение, что именно он написал книгу о своем учителе и послал ее Толстому со скромной дарственной надписью, скрывшись за инициалами Н. В.

Работа над составлением коллекции позволила вспомнить немало незаслуженно забытых имен. В библиотеке Толстого хранится книга, присланная издателем А. Е. Беляевым: «Л. Н. Толстой. Монография Андреевича» (Издание А. Е. Беляева. СПб., 1905). На шмуцтителе: «Льву Николаевичу Толстому от издателя. 18—VIII—05».

Маковицкий записал 23 августа 1905 г.: «Л. Н. сегодня получил книгу Андреевича “Толстой”. Собраны статьи Андреевича о нем; хороши его беседы с Л. Н-чем. Андреевич — псевдоним»⁷.

Несколько слов об авторе и его монографии. Андреевич (наст. имя Соловьев Евгений Андреевич; 1863—1905) — писатель, критик, историк литературы. Автор биографий многих русских и зарубежных писателей и ученых — Гончарова, Герцена, Достоевского, Тургенева, изданных Ф. Ф. Павленковым в серии «Жизнь замечательных людей». В 1894 г. в той же серии была издана книга Е. А. Соловьева «Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк», которую можно считать самой первой русской биографией Толстого, если не считать коротенькой биографии, написанной С. А. Толстой для томика сочинений Толстого, вышедшего в серии «Русская библиотека» в 1878 г. Рассказ о жизни и творчестве Толстого Соловьев довел до начала 1890-х гг., т. е. того времени, когда книга и создавалась. Когда и каким образом она попала в Ясную Поляну, не установлено. Но нет сомнения в том, что Толстой читал ее, хотя его устных или письменных высказываний о ней не найдено. Эта книга полностью разрезана, обложка утрачена, страницы загрязнены, на уголках следы надломов, характерных для помет Толстого. На нескольких страницах

отчеркивание строк на полях карандашом, возможно Толстого. Все это свидетельство того, что в свое время этой книгой в Ясной Поляне пользовались довольно активно, т.к. это самая первая русская биография Толстого. Книга переиздавалась в 1897 и 1902 гг.

В 1905 г. Соловьев Е. А. переработал свой труд, добавил несколько глав, рассказ о своем визите в Ясную Поляну в 1903 г. В качестве приложения включил в нее «Определение Св. Синода от 20–22 февраля 1901 г. о графе Л. Н. Толстом» и впервые в России полный текст «Ответа на определение Синода...» Толстого. Издана эта монография была уже после смерти автора под псевдонимом Андреевич издателем Беляевым и прислана им Толстому с дарственной надписью на титульном листе. Книга также полностью разрезана. Правда к этому времени, к 1905 г., на русский язык была переведена биография Толстого, написанная Левенфельдом в 1892 г.

Некоторые дарственные надписи интересны в том плане, что в них дарители напоминают Толстому о своей встрече с ним. Как правило, имена этих людей не упоминаются ни в летописи жизни и творчества писателя, ни в его рукописном наследии, ни в воспоминаниях людей его окружения.

К числу таковых относится книга: Инок Вячеслава (Чеха) «Слово во время (По поводу австрийской экспроприации—аннексии Боснии и Герцеговины)» (СПб.: Типо-литогр. т-ва «Свет», 1909). На титульном листе: *«Христос Воскресе! Его Сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому на добрую память и воспоминание “о прекрасном дне” в Ясной Поляне в 1901 г. от Автора. С. Петерб. 1909 г. 29 Мрт. адрес: Воскресенский монастырь, ст. Любань Н. Ж. Д.»*

Автор и даритель книги инок Вячеслав (Чех) (в миру Маршалек Владимир; 1845–?) — первоначально католический миссионер. В 1870 г. перешел в православие, в 1898 г. был пострижен в монахи с именем Вячеслав в Воскресенский монастырь Новгородской епархии. Еще в мирской жизни получил специальность инженера. Будучи монахом, как специалист был послан в ноябре 1900 г. на север Персии, где находилась Урмийская духовная миссия, основанная для распространения православия среди местного мусульманского населения. В Урмии осуществлялось возведение первого православного храма, и отец Вячеслав при постройках считался незаменимым. Синодальным определением в конце августа 1901 г. возвращен в свой монастырь⁸.

Сведений о том, каким образом в 1901 г. инок Вячеслав оказался, если верить его дарственной надписи, в Ясной Поляне, в литературе о Толстом не найдено. Что касается самого автора брошюры, то он память о своем визите, об этом для него «прекрасном дне» в Ясной Поляне, надолго сохранил и напомнил о нем Толстому в 1909 г. и спустя более 100 лет — нам.

В библиотеке есть еще один подарок Толстому Маршалека. Это брошюра неизвестного автора «Чешское торжество православия. К 30-летию воссоединения с Православной церковью первой группы чехов. (1 окт. 1870—1 окт. 1900)» (Издание Воскресенской обители. 1901 г.) На с. 2 обложки дарственная надпись: *«Его Сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому от почитателя Вашего поэтического таланта убежденного чешского патриота и православного монаха миссионера о. Вячеслава Маршалека. Макарьевская пустынь близ ст. Любани Н. Ж. Д.»*.

Еще одно интересное напоминание о событии в жизни Толстых и Ясной Поляны находим в дарственной надписи на книге немецкого пастора, профессора Симона Феодора, «Психология Апостола Павла», переведенной с немецкого епископом Георгием (М.: Унив. тип., 1907) и подаренной Толстому неким Николаем Хрущовым.

На с. 2 обложки дарственная надпись: *«Гр. Льву Николаевичу Толстому. Более пятнадцати лет тому назад, вследствие пожара в Казначеевке (18 Сент.) в поздний вечер, ныне покойная жена моя Анастасия Игнатъевна Хрущова осталась в поле с своей компаньонкой (экипаж тоже сгорел). Ваши семейные приехали на пожар и взяли мою жену с М-ше Detraz в Ясную Поляну, приютивши их на ночь. В память этого, Граф Лев Николаевич, примите этот малый дар великого содержания от молящегося за Вас — Да придете Вы в разуме — Любви — Истине. Николай Хрущов. 24 Мая 1908 г.»*.

Сведений о Николае Хрущове и событии, о котором рассказано в дарственной надписи, не найдено в рукописях ни Толстого, ни С. А. Толстой, ни людей их окружения

Работа с коллекцией книг с дарственными надписями позволила расширить наши представления о предметах, подаренных Толстому Султановым Арсланом Али — мусульманским просветителем, религиозным, общественным и государственным деятелем, имамом, издателем и редактором первой мусульманской газеты в России.

Султанов посетил Ясную Поляну в начале 1899 г. В газете «Волжский Вестник» от 28 февраля 1899 г. он рассказал об этом посещении, о том, что подарил Толстому кумысный ковш, изготовленный башкирскими мастерами. Этот ковш до сих пор находится в кабинете писателя, о нем упоминается в экскурсиях. Но помимо ковша память о Султанове хранят три подаренные им книги разных авторов:

*Баязитов А.*⁹ «Ислам и прогресс» (СПб.: Тип. А. Суворина, 1898). На обложке: *«Глубокоуважаемому и дорогому просветителю человечества Графу Льву Николаевичу Толстому от его почитателя башкирца Арслан Али Султанова. 1899 г. г. Уфа»*.

*Девлет-Кильдеев А. А.*¹⁰ «Магомет как пророк» (СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1881). На титульном листе: *«Глубокоуважаемому великому про-*

светителю Льву Николаевичу Толстому от его почитателя мусульманина башкирца Арслан Али Султанова. 1899 года, 27 апреля. г. Уфа».

Уже сами названия книг дают представление о тематике беседы Толстого с гостем. Так часто бывало, что некоторые его посетители присылали книги, соответствующие их беседам с Толстым, как бы продолжая свой разговор, свои споры с ним.

Ремезов Н. В.¹¹ «Очерки из жизни дикой Башкирии: быть в сказочной стране» (2-е изд., испр. и доп. М.: Типо-литогр. Высоч. утвержд. т-ва И. Н. Кушнерова и К^о, 1889). На титульном листе: «Глубокоуважаемому графу Льву Николаевичу Толстому от одного из его почитателей башкирца Арслан Али Мухамедьярова Султанова. 1898 года, 25-го июля. г. Уфа». Разрезана частично. На обложке надпись: «Арслан Али Султанов, 16 мая 1898 г.» К сожалению, смысл этой последней надписи пока непонятен.

Сведений о чтении Толстым этих книг не найдено.

В предметных каталогах книг они представлены по фамилиям авторов, в доме писателя они находятся в разных шкафах, и только дарственные надписи объединили их именем дарителя, одного из почитателей Толстого.

¹ Жиркевич А. В. Встречи с Толстым: Дневники. Письма. Тула, 2009. С. 485.

² Толстая С. А. Дневники: в 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 133.

³ Жиркевич А. В. Встречи с Толстым. С. 573–574.

⁴ Там же. С. 574.

⁵ Там же.

⁶ «Жизнь: пьеса в четырех действиях» // Артист. 1894. № 58. С. 1–29.

⁷ Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. М., 1979. С. 383.

⁸ На Востоке с древних домусульманских времен остались вкрапленными в мусульманские страны несториане — армяне, сирийцы и айсоры — потомки древних ассирийцев, исповедовавших христианство. В XIX в. на севере Персии, в городе Урмия, находилась большая группа айсоров (около 80 тыс. чел.). Туда в 1897 г. была направлена православная миссия из России и началась работа среди мусульман по внедрению православия. В результате в православие перешло примерно 20 тыс. чел.

⁹ Баязитов Атаула (1847–1911) — богослов, общественный деятель, публицист, с 1871 г. имам, переводчик при Министерстве иностранных дел, издатель первой в России татарской газеты «Нур» («Свет»).

¹⁰ Девлет-Кильдеев А. А. — собиратель народных песен, сотрудник газеты «Уфимские губернские ведомости».

¹¹ Ремезов Н. В. (1855–1915) — писатель и публицист.

В. А. ЛЕЩЕВА
V. A. LESHCHEVA

**Коллекция графических работ А.В. Николаева
в фондах Государственного музея
Л.Н. Толстого**

**Graphic works of A. V. Nikolayev in the collection
of the State Leo Tolstoy Museum**

Аннотация

В статье идет речь об истории пополнения фондов живописи и графики Государственного музея Л.Н. Толстого работами известного советского художника-графика А.В. Николаева. Это иллюстрации к роману Л.Н. Толстого «Война и мир», которые объединяются в серии: работы, выполненные с помощью туши и пера, так называемый «матиссовский» цикл и «кинематографический» вариант; а также рисунки и эскизы к роману «Анна Каренина».

Abstract

The article deals with the history of acquisition of works of the famous Soviet graphic artist A.V. Nikolaev into collection of paintings and graphics of the State Leo Tolstoy Museum. These are illustrations of the Tolstoy's novel *War and Peace* that can be combined in series: works in pen and ink, the so called «Matisse» cycle, «cinematic» version as well as drawings and sketches illustrating the novel *Anna Karenina*.

Ключевые слова: А.В. Николаев, Л.Н. Толстой, «Война и мир», «Анна Каренина», графика, иллюстрация.

Keywords: A.V. Nikolaev, Leo Tolstoy, «War and Peace», «Anna Karenina», graphic art, illustration.

А. В. Николаев — известный художник-график, наибольшее признание получивший после создания серии иллюстраций к роману Л. Н. Толстого «Война и мир». За все время, прошедшее со дня создания романа, нет и не было художника, который столько времени и сил уделил бы этому произведению и с таким совершенством, полнотой

и виртуозностью осуществил бы свой замысел. Целый ряд художников, среди которых М. С. Башилов, П. М. Боклевский, Л. О. Пастернак, А. П. Аpsит, Д. Н. Кардовский, И. Д. Архипов, В. А. Серов, В. Г. Бехтеев, создали галерею образов романа «Война и мир», но лишь работы А. В. Николаева оказались наиболее реалистичными и правдоподобными, эмоционально глубокими и насыщенными. Тридцать лет ушло на изучение тонкостей художественной манеры писателя, иллюстрирование романа, вся жизнь — на обдумывание его содержания.

С сюжетом романа А. В. Николаев познакомился в пятилетнем возрасте благодаря Марии Александровне Пивоваровой, в молодости преподававшей в Смоленской гимназии, а в старости оказавшейся нищенкой, жившей по соседству с семьей художника в коммунальной квартире в Протопоповском переулке. Она страстно любила «Войну и мир», почти наизусть читала мальчику страницы романа. Первая иллюстрация, созданная юным художником, была посвящена эпизоду, произведшему на него наибольшее впечатление: вступлению Пьера Безухова в масонскую ложу.

Николаев закончил школу в 1941 г., но из-за болезни, в отличие от сверстников, сразу на фронт не попал. Только в 1942 г., будучи уже студентом Московского училища живописи, 19-летний юноша был призван в ряды Красной армии и направлен в Великоустюгское военное училище в артиллерийско-минометный дивизион. В 21 год, в звании лейтенанта, он был уже начальником разведки полка.

И где бы ни оказывался будущий художник: на учениях ли, под огнем ли противника, ему непроизвольно вспоминались описания аналогичных ситуаций у Л. Н. Толстого. По собственному признанию А. В. Николаева, «поручик артиллерии Толстой стал для меня как бы и товарищем, и учителем, и, можно сказать, моим собственным двойником»¹. Символичен эпизод, произошедший с А. В. Николаевым во время боев на Карельском перешейке, в Финляндии: солдаты нашли и подарили своему командиру изодранный альбом «Граф Лев Толстой. Великий писатель земли русской. В портретах, гравюрах, живописи, скульптуре, карикатурах и т.д.», изданный в 1903 г. товариществом М. О. Вольфа. Этот альбом он всюду возил с собой и никогда с ним не расставался.

После войны, в 1947 г., А. В. Николаев поступил во ВГИК на художественный факультет, который закончил с отличием. Художник не остался работать в сфере киноискусства, а получив «свободный диплом», начал сотрудничать с «Государственным издательством художественной литературы» — «Гослитиздатом». В 1954 г. он был принят кандидатом в члены Московского союза художников, в 1957 г. сделался его членом.

Еще на последних курсах института Николаев, начал, параллельно с обязательными учебными работами, рисовать иллюстрации к «Войне и миру»: основное внимание уделялось им эмоционально-эстетической стороне конкретных эпизодов. Художник искал ту основу изобразительного уровня романа, на которой в дальнейшем будет строиться композиционное и колористическое решение всего художественного ряда. Он занимался анализом композиции и системы образов героев, изучал текст, выявлял портретные и психологические особенности главных действующих лиц, собирал иконографический и литературный материал по эпохе романа, делал наброски предметов интерьера, костюмов, обмундирования. Художник искал образы персонажей среди окружающих людей, изучал пластику лиц и фигур, возможности моделировки цветом. В результате иллюстратор создал 142 подготовительных эскиза в легкой, сдержанной манере, без детальной проработки. Часть этих иллюстраций была закуплена Государственным музеем Л. Н. Толстого в 1959—1962 гг. *Первыми* в фонды музея поступили портреты главных героев романа («Наташа у окна», «Князь Андрей Болконский», «Пьер Безухов») и изображения ключевых, так называемых «узловых» сцен («Кутузов под Бородиным», «Переход через Энс», «Отступление французской армии по Смоленской дороге»), выполненные графиком в 1959—1960 гг. в технике гуаши. В это же время были приобретены многочисленные иллюстрации к рассказам Л. Н. Толстого «Лозина», «Солдаткино житье», «Охота пуще неволи», «Старик сажал яблони», «Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом», а также эскиз обложки к «Детским рассказам».

Начиная с 1981 г., фонды живописи и графики музея пополнялись монохромными иллюстрациями, созданными на бумаге с помощью пера и туши в 1968—1969 гг. (101 рисунок). Критик Л. А. Аннинский назвал черно-белый вариант иллюстраций «серией графических рисунков, выполненных в виртуозной и строгой манере, близкой к Бенуа и русским графикам начала века»², решенной в «медальонном ключе»: «собственно рисунок как бы замкнут в самом себе четко обозначенным линейным контуром или абрисом. Тонкая свободная линия обегает объем формы, а густое черное пятно-доминанта — акцентирует эмоциональный “удар” должной силы»³.

Действительно, подобная манера письма прослеживается во многих работах А. В. Николаева этого периода: и в портретах княжны Марьи, Пьера Безухова, императора Александра I, Долохова, и в динамичных сценах Тарутинского и Бородинского сражений, встречи Наташей подвод с ранеными, отступления французов и др.

В 1970-е гг. иллюстрации Николаева к «Войне и миру» неоднократно публиковались как в изданиях романа, так и в виде наборов художественных открыток. В отделе книжных фондов музея есть и серия

таких открыток, и такие издания, выпускавшиеся «Художественной литературой».

Иллюстратор имел прочные творческие связи с музеем Л. Н. Толстого, лично приносил работы, участвовал в их обсуждении.

За период с 2005 г. коллекция А. В. Николаева обогатилась рисунками и набросками из так называемой «матиссовской» серии, которая датирована шестидесятью годами, периодом особого интереса художника к возможностям цвета в живописи.

Работа над «матиссовским» циклом иллюстраций была ключевым, наиболее значимым этапом в художественных поисках графика. В то время он увлекся «теорией цвета» и ставил перед собой вопрос, каким образом цвет может влиять на психику человека. Снова и снова перечитывая страницы романа, художник особое внимание уделял, к примеру, таким эпизодам, раскрывающим характер героев:

«Эти ночные посещения Наташи, совершавшиеся до возвращения графа из клуба, были одним из любимейших наслаждений матери и дочери.

— О чем же нынче? А мне нужно тебе сказать...

Наташа закрыла рукою рот матери.

— О Борисе... Я знаю, — сказала она серьезно, — я затем и пришла... Не говорите, я знаю. Нет, скажите! — Она отпустила руку. — Скажите, мама. Он мил? <...> — Мама, а он очень влюблен? Как на ваши глаза? В вас были так влюблены? И очень мил, очень, очень мил! Только не совсем в моем вкусе — он *узкий такой, как часы столовые*... Вы не понимаете?... *Узкий*, знаете, *серый, светлый*... <...> Безухов — тот *синий, темно-синий с красным*, и он *четвероугольный*. <...> он франмасон, я узнала. Он славный, *темно-синий с красным*, как вам растолковать...» (Юб. Т. 10, с. 192–194; курсив наш — В.Л.). Эти необычные *цветовые* характеристики, данные героям Наташей Ростовой, вызывали у художника ассоциацию с красными рыбками в синем аквариуме Анри Матисса.

Николаев вспомнил своего учителя Антона Николаевича Чиркова, который советовал ученику обратить внимание на художественные течения XIX–XX веков, в частности на импрессионизм и фовизм, а главное, на лидера течения фовистов Матисса, с его обобщенным колоритом и активным противопоставлением колористических плоскостей. Так у графика появилась идея создать иллюстрации к «Войне и миру» «в духе Матисса». Важно отметить, что Николаев не собирался «копировать» манеру Матисса, французский художник стал для него «как бы отправной точкой в решении поставленной проблемы влияния цвета на эмоциональное состояние человека по каналам его индивидуального подсознательного уровня»⁴. Позже он признавался, что в параллель с литературным текстом «рассчитывал на создание особого эмоционально-эстетического ряда, воздействующего на чи-

тателя-зрителя исключительно средствами колористического уровня самих иллюстраций»⁵. Художник искал свой путь «исключительно эмпирическим путем, иногда эмоционально находя нужное решение, иногда же не зная, какой цвет подобрать»⁶. Так, «Салон Анны Павловны Шерер» предстает в цветовой гамме «застойного болота», где среди тусклых зелено-серых оттенков ярко выделяется белое пятно кавалерийского мундира князя Андрея; «Первый бал Наташи Ростовой» решен в романтических девичьих тонах: девочки в воздушных розовых платьях поднимаются по светлой мраморной лестнице, устланной красным ковром; «Гренадеры на Бородине» отличаются резкими, четкими цветовыми пятнами: лица кирпичного цвета, кроваво-красные воротники и угольно-черные мундиры и кивера, синее небо, белые клубы пушечного дыма. Но к началу 1962 г. Николаев пришел к выводу, что насыщенные по колориту «матиссовские» иллюстрации тяготеют к формальной декоративности, что мешает психологической наполненности характеров. Более того, художник почувствовал, что необходимо отойти от эстетики знаменитого фовиста, поскольку и манера, и весь цветовой строй не согласуется не только с эпохой 1812 г., но и с писателем Толстым. Его новой «путеводной звездой» стало творчество А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере. По словам Николаева, «предстояла трудная задача поиска степени допустимого сочетания эмоционального напряжения колорита, графической четкости собственно архитектоники композиционного решения в созвучии с семантической логикой нравственно-философских проблем, составляющих особый уровень или план на страницах великого романа...»⁷.

После 2014 г. коллекция пополнилась иллюстрациями в ином стиле. Поскольку «матиссовский» способ письма был отринут Николаевым, на смену ему пришел «кинематографический». Благодаря урокам по режиссуре, монтажу и композиции кадра, полученным во ВГИКе у С. М. Эйзенштейна и Э. К. Тиссэ, перед художником открылась перспектива «изобразительного ряда иллюстраций как бы связанных между собой непрерывной линией сюжетной перспективы». Согласно этой идее, каждый «тематический узел» должен был содержать «сложный экспликационный ритм рисунков — полосных, трехчетвертных, полуполосных, оборочных по вертикали или горизонтали и, наконец, на развороте страниц печатного текста»⁸. Наряду с тематическим решением композиций, Николаевым задумывалось сложное цветовое решение всей серии в целом. Следует добавить, что в результате этой работы графику было предложено издать книгу в «Гослитиздате». Но этого не произошло, в 1970 г. в свет вышел двухтомник с графическими черно-белыми вариантами иллюстраций.

В 2015 г. в фонды музея поступили шесть иллюстраций А. В. Николаева к другому роману Л. Н. Толстого — «Анне Карениной». Известно,

что это произведение обладает несравненной культурной ценностью, входит в золотой фонд русской классики XIX века. Иллюстрации же к нему имеют большую научную значимость, поскольку являются *уникальной* частицей цельного, но нереализованного художественного замысла. Обращение художника в 1970-х гг. к роману «Анна Каренина», по всей видимости, было продиктовано желанием проиллюстрировать его в полном объеме⁹. Шесть работ — «Каренин», «Левин на исповеди», «Левин на охоте», «Анна и Вронский», «Вронский и Фру-Фру» и «Левин на охоте» — явились своеобразным зачином этого плана, который в силу ряда обстоятельств не был осуществлен. Особого внимания заслуживают «Каренин», «Левин на исповеди» и «Анна и Вронский»: в этих рисунках уже на стадии поиска образов прослеживается попытка выявить психологические черты героев, сделать их максимально читаемыми с помощью линии и светотеневой моделировки. Этот момент особенно ценен в произведениях книжной графики, которые *всегда* дополняют текст, являясь, вместе с тем, замкнутой художественной системой. Стоит отметить, что работы А. В. Николаева в составе фондов музея дополнили уже собранную коллекцию образов романа, созданных А. В. Ванецианом, Б. А. Дехтеревым, А. Н. Самохваловым, К. И. Рудаковым, О. Г. Верейским, Н. А. Тырсой, К. Н. Голицыным, В. Д. Медведевым.

В 2016–2017-х гг. к коллекции были приобщены как остатки «матиссовской» серии («Расстрел поджигателей», «Прием Пьера в масонскую ложу»), листы макета к изданию («Пьер и Рамбаль»), наброски фигур военных с авторскими пометами, вариантами цветных иллюстраций к изданиям, так и наиболее значимые эскизы к образам главных героев («Наташа после смерти князя Андрея», «Князь Андрей по дороге из Отрадного»). Большую ценность представляют проработки одних и тех же сцен романа в разных техниках и в разном цветовом решении (варианты иллюстраций к уже хранящейся в фондах музея сцене «Девочки Ростовы после приезда Николая»). Иллюстрация под названием «Батарея Тушина» — один из вариантов работы, хранящейся в Музее-панораме «Бородинская битва». Она воспроизводилась на комплекте открыток (изд-во «Изобразительное искусство», 1981 г.) и в изданиях «Войны и мира» с иллюстрациями А. В. Николаева (серия «Школьная библиотека»). Интересны листы, где художник, работая над образом, указывал психологические характеристики героев: «тупое самодовольство», «чопорная надменность» («Вера Ростова и Берг принимают гостей»). Особое внимание стоит уделить эскизу фигуры императора Александра I: он создан в 1963 г., в период интереса художника к возможностям цвета. Но если «матиссовская» серия полностью выполнена в гуаши, то эта работа — в сангине, что отражает поиск автором наилучшей, с точки зрения передачи характера персонажа, художе-

ственной техники. Примечательна авторская подпись по нижнему краю с указанием одного из прототипов монаршего образа: «Рисунок с Саши Павловского для фигуры Имп. Ал. I».

Также в коллекции появились подготовительные эскизы к завершённым иллюстрациям, значительная часть которых уже хранится в фондах музея Л. Н. Толстого. Проработанные эскизы выполнены пером и тушью и дают возможность проследить этапы творческого процесса. Так, художник создает целую галерею образов и типов эпохи 1812 г., ищет наиболее точные динамические решения.

Стоит добавить, что после смерти художника в 2013 г. правопреемником стал его ученик А. И. Верстов, который в последнее время и передавал в музей графические работы А. В. Николаева.

Итак, формирование коллекции иллюстраций художника началось в начале 1960-х, продолжалось на протяжении сорока лет, к концу 2010-х еще не закончено, хотя основные графические работы уже собраны. Значительные по объему, богатые по содержанию материалы можно использовать в качестве основы для исследования истории иллюстрирования романа «Война и мир» в русской книжной графике, в качестве дидактического и наглядного материала в тематических и театрализованных экскурсиях, проводимых в музее педагогами и экскурсоводами.

¹ *Николаев А. В.* Творческая автобиография художника Николаева Андрея Владимировича, написанная специально для отдела фондов Государственного литературного музея Л. Н. Толстого. URL: <http://www.1812panorama.ru/virtual/avtobio-nik.html> (дата обращения: 21.01.2017).

² *Аннинский Л.* // Набор открыток «Война и мир». Иллюстрации А. В. Николаева. М., 1974. Вып. 1. С. 1

³ Там же.

⁴ *Николаев А. В.* «Война и мир» моей жизни // Рукопись из собрания А. И. Верстова.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Сведения получены от А. И. Верстова.

Т. В. КОМАРОВА
T. V. KOMAROVA

**Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»
Мемориальная фотография рассказывает...
Leo Tolstoy Museum-Estate «Yasnaya Polyana»
Memorial photography tells a story...**

Аннотация

В статье рассказывается о судьбе племянницы Л. Н. Толстого Е. С. Денисенко, о ее жизни в семье Толстых, о ее свадьбе в их доме в Хамовническом переулке, об отношениях ее мужа с Толстым, о ее роли в сохранении дома писателя в Ясной Поляне.

Abstract

The subject of this article is the fate of Tolstoy's niece E. S. Denisenko. It tells of her life in Tolstoy's family, of her wedding party in their estate in Khamovniki, of relations of her husband with Tolstoy, of her role in the preservation of Tolstoy's house in Yasnaya Polyana.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Е. С. Денисенко, Ясная Поляна.

Keywords: Leo Tolstoy, E. S. Denisenko, Yasnaya Polyana.

В яснополянском Доме-музее Л. Н. Толстого хранится фотография Льва Николаевича Толстого и его племянницы Елены Сергеевны Толстой, в замужестве Денисенко, инв. № 4400, размером 4,7×3,5 см в металлической рамке на подставке. Эта фотография сделана в один из приездов в Ясную Поляну Елены Сергеевны, часто гостившей у своего дяди и крестной матери Софьи Андреевны. Софья Андреевна бережно сохранила эту фотографию, которая сегодня обращает нас к отдельным фактам биографии Елены Сергеевны, связанным с семьей Л. Н. Толстого и музеем в Ясной Поляне. «Каждое время, — писала Елена Сергеевна позже, — проведенное около Льва Николаевича, оставило на меня свое влияние и очень помогло мне в дальнейшей жизни»¹. Родившаяся в Женеве 21 сентября 1863 г., Елена Сергеевна

до 1880 г. жила далеко от Ясной Поляны, Мария Николаевна поручила свою дочь воспитательнице, оставив ее за границей. Из личного дела Елены Сергеевны, хранящегося в архиве музея в Ясной Поляне, известно, что в 1874–1876 гг. в Гейдельберге (Германия) Елена Сергеевна изучала немецкий и английский языки. В 1876–1880 гг. в Лозанне (Швейцария) училась на Высших курсах иностранных языков. В 1880 г. Мария Николаевна привезла Елену Сергеевну в Россию. Сергей Львович Толстой писал: «...она стала жить вместе с матерью, и тетя Маша представляла ее знакомым как свою воспитанницу, хотя все знали, что она ее дочь. <...> Одно время она служила гувернанткой дочери известного музыкального издателя П. Юргенсона и подружилась с его семьей»².

Елену Сергеевну любили в семье Л. Н. Толстого. Два раза, когда для Льва Николаевича выписывали кумысников, Софья Андреевна приглашала в Ясную Поляну и Елену Сергеевну, которая была «худая и малокровна». Под влиянием Толстого она сделалась вегетарианкой. «...Я впоследствии и почти всю свою жизнь была под влиянием Льва Николаевича, — писала Елена Сергеевна. — Он мне очень помог жить и найти смысл жизни <...>. В 1893 году я вышла замуж. Когда Лев Николаевич узнал, что я невеста, он написал мне письмо. Свадьба моя была в Москве, у них в доме в Хамовническом переулке. Софья Андреевна, которая моя крестная мать, принимала горячее участие в устройстве моей свадьбы; был прекрасный обед в 3 часа дня, моя мать, сестры и все мои друзья присутствовали, а Лев Николаевич сам посадил меня в карету с такими словами: “Знаешь, Леночка, я верю, что браки совершаются на небесах. Когда смотрю на тебя и на твоего жениха, вы очень подходите друг другу, и думаю, что вы будете счастливы”. И так и было, 23 года я была вполне счастлива. Лев Николаевич, видно, это чувствовал и предсказал»³. Муж Елены Сергеевны Иван Васильевич Денисенко имел чин тайного советника, был судебным деятелем. Происходил из семьи таганрогского помещика Денисенко Василия Зиновьевича (1818–31.10.1883, Таганрог), который был одним из первых таганрогских городских врачей, действительным статским советником, первым председателем Общества врачей, состоял врачом при богоугодных заведениях, пользовался большим уважением среди жителей города Таганрога. С заботой и теплом Лев Николаевич писал Елене Сергеевне во время болезни Ивана Васильевича острым ревматизмом, когда он лежал без движения в постели с сентября 1894 г. по апрель 1895 г.: «...всякая болезнь имеет свое течение и <...> надо терпеливо переносить, терпеливо ожидать, стараясь от нетерпения не повредить себе. Очень трудно это, но все-таки, я думаю, легче переносить всякое горе и всякое страдание, когда принимаешь его

как должное и нужное. Помогай вам Бог, милые друзья. Надеюсь, что ты, Леночка, будешь извещать нас и дашь нам хорошие известия» (Юб. Т. 67, с. 230).

При жизни писателя Елена Сергеевна часто со своими детьми Таней и Онисимом гостила в Ясной Поляне, куда в 1920 г. переехала жить. Но этому ее постоянному пристанищу предшествовали годы жизни с мужем по долгу его службы сначала в Воронеже, где в 1894 г. Иван Васильевич занимал должность председателя Воронежского окружного суда, затем в Новочеркасске, где он был председателем гражданского департамента Новочеркасской судебной палаты. К ним держал свой путь Лев Николаевич Толстой, покинувший в октябре 1910 г. Ясную Поляну. После смерти мужа в 1916 г. Елена Сергеевна с детьми переехала в Таганрог в один из домов Ивана Васильевича, который он ей оставил по завещанию. Научный сотрудник Таганрогского историко-краеведческого музея Алла Августовна Цымбал записала рассказ об этом периоде жизни Елены Сергеевны ее крестницы Нины Владимировны Погребцовой. Елена Сергеевна после установления в 1920 г. в Таганроге советской власти была арестована, и ее «отправили в Сибирь и уже буквально с поезда сняли на одной из станций, чтобы отвезти в Ясную Поляну». И последние двадцать лет жизни Елена Сергеевна посвятила сохранению яснополянского дома писателя и его усадьбы, преподавала в яснополянской школе. Воспоминания одного из ее учеников были записаны учителем истории яснополянской школы Марией Константиновной Кукульской в 1960-е гг.

«К тому времени, когда я впервые ее увидел, ей было уже за шестьдесят. Жила она в угловой комнате второго этажа «большого дома» в бывшей спальне Софьи Андреевны, рядом с комнатой Татьяны Андреевны. Была она ниже ростом, чем ее соседка, годы согнули ее спину. Седые волосы собраны на затылке в небольшой пучок. С небольшой горбинкой нос огибает дужка пенсне, которое часто спадает с него и повисает на черном шелковом шнурке, закрепленном у воротничка кофточки. Серые выпуклые глаза таят в себе что-то толстовское. Пожалуй, они-то одни и выдают ее происхождение. Она получила европейское воспитание, прекрасно владела французским и немецким языками, хорошо играла на фортепьяно и рисовала. Как и Татьяна Андреевна, она говорила с сильным французским прононсом, причем это было выражено у нее еще резче. Отличал ее от соседки и более низкий голос. Во внешнем облике ей присуща была некоторая чопорность классной дамы и, пожалуй, холодность. Но на самом деле это была заботливая, очень любящая мать и бабушка, а также прекрасная наставница-воспитательница, которой многие из нас обязаны и первым

приобщением к классической музыке, и умением видеть прекрасное в природе, в лицах людей, и не только видеть, но и изобразить самим. Жила она одиноко, но каждый год на лето уезжала к кому-то из детей в город Сухуми. Так было и на этот раз.

Она только возвратилась с юга, и в один из августовских вечеров пригласила нас, мальчишек из интерната, в зал большого дома, усадила на ковер, расстеленный на полу, а сама села за рояль и заиграла. Для меня это была первая встреча с фортепьяно, серьезной классической музыкой. Она играла Бетховена, Шопена, играла много. <...> Приближалось начало учебного года. Вот первое сентября, сегодня будет урок немецкого языка. <...> Из окон нашего класса было хорошо видно, как Елена Сергеевна вышла из усадьбы, медленной поступью старой женщины поднялась на “Кабакцкую гору”, вошла в школу “Американку”⁴, а затем в наш класс. <...>

Особенно же мне полюбились уроки рисования, которые также вела она. <...> В ее комнате мы слышали имена знаменитых художников и композиторов, а главное, довольно быстро постигали элементарные приемы техники живописи, которые впоследствии мне очень помогли в работе и в жизни, а одного из моих товарищей, наиболее способного из нас, Александра Приставко, привели в архитектурный институт. <...> Атмосфера творчества, царившая в Ясной Поляне при жизни Льва Николаевича, в известной мере сохранилась и в последующие годы. Музыка, живопись, сочинительство всегда встречали там поддержку и понимание. Роль Елены Сергеевны в этом не была последней». Далее из этих воспоминаний мы узнаем, что в 1929 г. Елена Сергеевна уже не работала в школе. Она продолжала жить в Ясной Поляне и была хранителем дома Л. Н. Толстого. Елизавета Валериановна Оболенская писала Елене Сергеевне из Сходни 10 марта 1932 г.: «Ты все-таки им полезна, я скажу, почти необходима, языки и потом, кто из чужих будет так смотреть за музеем, как ты; ты уж такой Цербер, не столько по обязанности, сколько по чувству. А если так, как ты пишешь, — жалованье 130 руб. и комната — что же лучше»⁵. И вновь 20 июня 1932 г.: «Мне очень грустно было с тобой прощаться. В этот день было много чужого народу, — и я не смогла выразить тебе, как хотела, и свою любовь, и радость свидания, и грусть расставания. У меня остались в памяти твои печальные и ласковые глаза, которыми ты смотрела на меня, когда прощались. Кто знает! Может быть, еще и увидимся...»⁶

В письме от 30 декабря 1932 г. Елизавета Валериановна просит Елену Сергеевну пересмотреть дневники и уничтожить некоторые места о Марии Николаевне, предполагая, что после их смерти толстоведы, «как коршуны», набросятся на дневники Елены Сергеевны⁷.

19 августа 1934 г. Елизавета Валериановна вновь писала Елизавете Сергеевне: «...очень радуюсь, что ты получила пенсию, и хочу написать тебе с просьбой сообщить мне, как ты этого добилась. Хочу попытаться счастье и для себя»⁸. 22 сентября 1934 г. Елизавета Валериановна из Сходни поздравляла Елену Сергеевну с днем рождения и писала: «Меня беспокоят твои обмороки и головокружения. <... > ты все-таки утомляешься с цветами и много бегаешь по лестницам...»⁹ Живя в Ясной Поляне, Елена Сергеевна, знавшая несколько иностранных языков, составила каталог книг яснополянской библиотеки на иностранных языках. В Доме-музее писателя хранятся четыре тома составленного Еленой Сергеевной и написанного ее рукой каталога. На странице 2 форзаца имеются записи в каждом томе, сделанные рукой В. Ф. Булгакова: «А. Каталог французских книг», «Б. Каталог английских книг», «В. Каталог книг на иностранных языках: немецком, итальянском, испанском, португальском, датском, шведском, норвежском, финском, голландском, польском, литовском, латышском, чешском, словацком, хорватском, древнегреческом, латинском, украинском, еврейском (с параллельным русским текстом) и китайском». В отдельном томе «Журналы на иностранных языках». В 1928 г. Елена Сергеевна написала текст экскурсии по дому Л. Н. Толстого на английском языке, который хранится в Отделе рукописей ГМТ¹⁰.

В яснополянской комнате Софьи Андреевны сохранились две живописные работы Елены Сергеевны: «Аллея в парке»¹¹ и «Любимая скамейка Толстого»¹², записанные в Инвентарную книгу как работы неизвестного автора; но Николай Павлович Пузин сообщил, что они принадлежат кисти Елены Сергеевны. В 1880–1884 гг. Елена Сергеевна обучалась в Москве в Строгановской школе и училище живописи и ваяния. На этих ее работах запечатлены любимые Львом Николаевичем Толстым уголки Ясной Поляны, в одном из которых она сфотографирована со Львом Николаевичем. Елена Сергеевна скончалась в доме Толстого 16 марта 1940 г. и была похоронена на семейном кладбище Толстых около Свято-Никольского храма в Кочаках рядом со своим крестным отцом Сергеем Николаевичем Толстым.

¹ Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве (ОР ГМТ). КП 9400; Инв. 43689. Л. 4.

² Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975. С. 286.

³ ОР ГМТ. КП 9400. Инв. 43689. Л. 2–3.

⁴ Так в Ясной Поляне в народе называли школу, одноэтажную, деревянную, построенную на пожертвованные американской еврейской организации «Джойт» 10 тысяч долларов. Эта школа стояла на месте существующей

ныне гимназии имени Л. Н. Толстого, построенной по инициативе А. Л. Толстой к столетию писателя.

⁵ ОР ГМТ. КП 21279. Инв. 33.

⁶ ОР ГМТ. КП 21279. Инв. 35.

⁷ ОР ГМТ. КП 21279. Инв. 41.

⁸ ОР ГМТ. КП 21279. Инв. 45.

⁹ ОР ГМТ. КП 21279. Инв. 48.

¹⁰ ОР ГМТ. Ф. 54. КП 20551/12. Инв. 68987.

¹¹ Инв. 4746, картон, масло; разм.: 23,5×16,0 см.

¹² Инв. 4746, картон, масло; разм.: 23,5×16,0 см.

Д. А. ПЕТРОВА
D. A. PETROVA

**История комплектования и судьба коллекций
Государственной Третьяковской галереи
в первые годы советской власти**
**The history of acquisition and retaining
of the State Tretyakov Gallery collections
in the early years of the Soviet regime**

Аннотация

В статье рассматривается история комплектования коллекций Государственной Третьяковской галереи в первые годы после Октябрьской революции.

Abstract

The article examines the ways of adding to the State Tretyakov Gallery collections in the first years after the October Revolution.

Ключевые слова: комплектование, Государственный музейный фонд, Государственная Третьяковская галерея, национализация, древнерусская живопись, собирательство, частное собрание.

Keywords: acquisition, State Museums Fund, State Tretyakov Gallery, nationalization, Old Russian painting, collecting, private collection.

Музейную коллекцию стоит рассматривать как специфический сегмент истории искусства. Процесс формирования коллекций отражает этапы развития искусства в целом, моду, личные предпочтения владельцев собраний, а в советский период — государственную конъюнктуру.

Идея создания художественного музея, в котором бы показывалось национальное искусство в его исторической эволюции и в контексте общеевропейского искусства, возникла только в начале XX века, и толчком к этому послужила, как ни странно, Октябрьская революция.

К началу XX века музей уже начал восприниматься не только как хранилище, но и как научно-исследовательское учреждение, главной целью которого стало изучение и научная разработка коллекции. Музейные коллекции должны были укрупняться, строиться в хронологической и типологической последовательности.

Революция 1917 г. не сразу изменила облик Третьяковской галереи, которая была национализирована в 1918 г. В это непростое время И. Э. Грабарю пришлось совмещать функции научного руководителя и снабженца¹.

Пополнение коллекции шло тогда в основном за счет расформирования частных собраний и через Государственный музейный фонд.

Увлечение коллекционированием обычно объясняют ростом национального самосознания после Отечественной войны 1812 г., а также расцветом русской художественной культуры. Интерес к памятникам старины подогревался и государственной политикой, в частности, Манифестом 17 октября 1905 г. о свободе вероисповедания, давшим толчок активному собиранию произведений древнерусского искусства, в том числе и старообрядческих икон. Частное коллекционирование получило широкое распространение в первой половине XIX века. Им занимались не только в столице и крупных городах, но и в провинции, причем представители самых разных слоев общества. Ко второй половине XIX в. происходит переосмысление иконописи — ее начинают рассматривать как неотъемлемую часть национального искусства. Постепенно иконы становятся объектом коллекционирования. Из крупных собирателей древнерусской живописи можно выделить В. М. Васнецова, С. П. Рябушинского, И. С. Остроухова. Илья Семенович Остроухов, а вслед за ним и другие, не просто собирали, но и репродуцировали свои коллекции. Благодаря им древнерусское искусство становится национальным достоянием, частью светской художественной культуры.

Восстановить полный список частных коллекций сейчас довольно трудно. Отследить передвижение произведений возможно только в период деятельности Государственного музейного фонда, и то лишь до 1929 г., когда его хранилища закрываются, а произведения, не попавшие в музеи, передаются «Антиквариату» Наркомвнешторга. Государственный музейный фонд возник в 1918 г. как хранилище предметов музейного значения, вывозимых из дворцов, усадеб и частных квартир. В 1919 г. на I Всероссийской конференции по делам музеев Осип Михайлович Брик сделал доклад, одним из основных положений которого был тезис о едином государственном фонде. «Ценность коллекции, — писал Брик, — определяется организационным принципом, положенным в ее основу». «Надо выяснить, что представляет собой

каждая коллекция и поскольку организующая ее идея имеет право на существование. Объявляя принцип единого фонда, мы возлагаем на каждого хранителя обязанность *доказывать* (курсив наш — Д.П.), что его коллекции должны быть сохранены»². Брик предлагал создать особый орган, которому поручено было бы изучать коллекции и решать, сберегать их или расформировывать. Всем случайным, бытовым, любительским и тому подобным коллекциям в праве на неприкосновенность отказывалось. «Итак, государственный музейный фонд должен быть декретирован как принцип, причем каждое отдельное собрание должно доказывать свое право на сохранение»³.

И. Э. Грабарь в сотрудничестве с А. В. Луначарским создал Всероссийскую Коллегию, а затем Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Первоначальной задачей отдела стало создание Национального музейного фонда, благодаря которому можно было перегруппировать собрания российских музеев и дополнить, руководствуясь хронологией, коллекции уже существующие. Грабарь часто отмечал хаотичность российских музеев, а Н. Г. Машковцев говорил о том, что в России существует три непреложных факта: 1 — готовые музеи, 2 — Национальный музейный фонд и 3 — пустая Россия⁴. Именно Национальный музейный фонд, как государственный орган, должен был выровнять эту ситуацию, покрыть страну густой сетью музеев. «Музейный фонд, — по словам Грабаря, — это центральный регулирующий аппарат, обеспечивающий равномерное музейное питание. Музейный фонд должен вмещать не только <то>, что мы теперь собираем, но и то, что уже собрано»⁵.

Все предметы, попадавшие в музейный фонд, проходили экспертизу и заносились в инвентарные книги. В дальнейшем произведения из хранилищ фонда распределялись между музеями. Расформирование той или иной личной коллекции можно рассматривать в контексте государственной культурной политики тех времен, которая брала под контроль все перемещения предметов искусства. Художественные сокровища, в том числе и древнерусские иконы, вывозились из особняков, частных домов и квартир под предлогом сохранения национального достояния. На базе этих собраний, после их распределения, создавались новые, уже государственные, коллекции⁶. В 1918 г. было издано два декрета, в число авторов которых входил и Игорь Эммануилович Грабарь: «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов художественного и исторического значения», по которому запрещалось вывозить коллекции и отдельные предметы за границу без разрешения Наркомпроса; и декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ или учреждений», который стал, по сути, первой сту-

пению государственной регистрации и учета памятников, имеющих художественное значение. В Третьяковской галерее И. Э. Грабарем была проведена обширная работа по составлению полного научного описания коллекции, инвентаризации, обмеру, что позволило уточнить авторство и дату создания некоторых произведений.

Первым национализированным дворцом стал Зимний, а первым национализированным музеем — Третьяковка. В 1924 г. Третьяковская галерея становится музеем живописи XVIII—XIX веков, а все предметы древнерусского искусства решено было передать в Государственный исторический музей. Через Государственный музейный фонд в исторический музей попали коллекции П. С. Рябушинского, А. П. Бахрушина, А. В. Морозова и многих других собирателей. В 1930-е гг. большая часть этой коллекции была передана обратно в Третьяковскую галерею. Многие коллекционеры шли на сотрудничество с советской властью и продолжали работать в музеях. И. С. Остроухов стал пожизненным хранителем (эта должность была закреплена за ним до конца жизни) Музея иконописи, открытого в особняке Третьякова в 1918 г. После его смерти в 1929 г. музей был закрыт, а коллекция вошла в состав Третьяковской галереи⁷.

Произведения из личных собраний поступали в галерею, минуя музейный фонд. После 1918 г. из частных коллекций в галерею пришли полотна М. А. Врубеля (в том числе и знаменитая картина «Демон сидящий»), В. А. Серова, В. Э. Борисова-Мусатова⁸.

Через музейный фонд галерея получила произведения художников XVIII века, вывезенные из усадеб князей Куракиных, Барятинских, Голицыных, Шереметьевых, Бутурлиных⁹.

Сразу после революции формируется собрание живописи первой половины XX века. Пополнение коллекции проходило под руководством Народного комиссариата по просвещению, и в галерею поступили произведения из Музея живописной культуры, расформированного к 1929 г. В основном это были работы художников левых направлений (К. Малевич, И. Ключ, А. Родченко).

В первые годы советской власти активно пополнялась коллекция графики. У истоков собрания графики XX века в Третьяковской галерее стоял А. В. Бакушинский, который первым осознал ценность рисунка как самостоятельного жанра. Большинство произведений приобреталось непосредственно у авторов, а также комплектование происходило за счет расформирования частных коллекций и собраний небольших музеев и, конечно, через Государственный музейный фонд. Из него в отдел поступили работы В. В. Кандинского, П. П. Кончаловского, А. М. Родченко и многих других. В 1929 г. в состав коллекции были включены предметы из расформированного Музея живописной

культуры. Также одним из крупных поступлений была коллекция произведений В. Н. Чекрыгина, переданная в галерею вдовой художника в 1923 г.

После 1930-х гг. собрание пополнялось путем государственных закупок и отбора произведений с выставок. В это время искусство авангарда и импрессионизма стало опальным, коллекция расширялась в основном за счет работ в стиле социалистического реализма, что позволило собрать наиболее полную коллекцию русского реалистического искусства.

¹ В 1913 г. И. Э. Грабарь становится попечителем Третьяковской галереи, а с 1918 г. — ее директором.

² Цит. по: Авангардная музеология / под ред. А. Жилиева. М., 2015. С. 253.

³ Цит по: Указ. соч. С. 254—255.

⁴ См.: Третьяковские чтения. 2009: материалы отчетной науч. конференции / под ред. Л. И. Иовлевой. М., 2010. С. 231—232.

⁵ Цит по: Третьяковские чтения. С. 232.

⁶ См.: Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен. М., 2010. С. 131—132.

⁷ Как ни странно, но до 1917 г. коллекция древнерусской живописи в галерее не пополнялась. В своем завещании (1896 г.) П. М. Третьяков передал собрание иконописи галерее. На тот момент коллекция насчитывала 62 иконы.

⁸ Учетная опись Третьяковской галереи.

⁹ Там же.

Ю. В. ПРОКОПЧУК
YU. V. PROKOPCHUK

**Материалы о духовном монизме
в фонде Н. Н. Гусева (Отдел рукописей ГМТ)**

**Materials on spiritual monism
in the N. Gusev Collection
(Manuscript department
of the State Leo Tolstoy Museum)**

Аннотация

Статья посвящена изучению архивных документов, касающихся деятельности философа П. П. Николаева и его последователей в до-революционные и советские годы. Многие материалы по данной теме, впервые введенные автором публикации в научный оборот, хранятся в архиве секретаря Л. Толстого Н. Н. Гусева, который долгие годы был одним из главных оппонентов Николаева по религиозным вопросам.

Abstract

The article is devoted to the study of archival documents related to the activities of the philosopher P. Nikolaev and his followers in the pre-revolutionary and Soviet epochs. Many materials on this topic, introduced by the author of the publication into scientific use, are retained in the archive of Leo Tolstoy's secretary N. Gusev who was one of the main opponents of Nikolaev on religious questions for a long time.

Ключевые слова: философия Л. Н. Толстого, толстовство, история и идеология толстовского движения, духовный монизм, творчество П. П. Николаева, толстовцы и духовные монисты, отдел рукописей ГМТ.

Keywords: The philosophy of Leo Tolstoy, tolstoyism, history and ideology of the Tolstoy movement, spiritual monism, works of P. Nikolaev, tolstoyans and spiritual monists, Manuscript department of the State Leo Tolstoy Museum.

Изучая духовно-монистическую философию П. П. Николаева (1873–1928), необходимо принимать во внимание, что мыслитель

состоял в переписке не только с Толстым, но и со многими друзьями, единомышленниками писателя. Вполне естественно, что в отделе рукописей ГМТ в самых разных фондах хранится немало документов по этой теме.

Много материалов, имеющих отношение к духовному монизму, содержит фонд секретаря и биографа Л. Н. Толстого Николая Николаевича Гусева. Секретарь Толстого был заочно знаком с Николаевым, читал его работы, в 1920-е гг. он был одним из главных оппонентов Петра Петровича по философским вопросам. Переписка этих мыслителей весьма содержательна, некоторые письма П. П. Николаева к Гусеву имеют огромный объем и представляют собой философско-полемические трактаты¹, в которых обсуждались вопросы, касающиеся толстовского мировоззрения и духовного монизма. В архиве Н. Н. Гусева сохранилась также его переписка с Н. В. Троицким и С. М. Поповым — последователями Николаева, которые вели большую работу по пропаганде духовного монизма и полемизировали с «ортодоксальными» толстовцами. Иногда споры между ними заходили слишком далеко. Любопытно, что одно из писем Н. В. Троицкого сохранилось в архиве Н. Н. Гусева в разорванном виде. Судя по всему, 43-летний директор Толстовского музея, прочитав о том, что его мировоззрение не сформировалось, в сердцах разорвал письмо оппонента².

Целый ряд документов в архиве Н. Н. Гусева связан с деятельностью Московского вегетарианского общества, бюллетени которого содержали информацию в том числе и о духовно-монистической философии П. П. Николаева.

Отношение Гусева к духовному монизму претерпело существенную эволюцию. Известно, что в 1916 г. бывший секретарь Толстого высоко оценивал основной труд Николаева — книгу «Понятие о Боге как совершенной основе жизни». Тогда он писал Николаеву во Францию: «Думаю и не сомневаюсь, что интерес к Вашей книге будет расти по мере роста в людях сознания необходимости религиозного отношения к жизни и что ей предстоит занять свое место в числе самых выдающихся произведений философской мысли»³.

В январе 1917 г. Николаев получил еще одно сочувственное письмо от Гусева и процитировал его в письме к П. И. Бирюкову. Гусев писал Николаеву: «Последние дни, читая Вашу книгу, я испытывал то же сознание, что и раньше: что до сих пор ни одна книга религиозно-философского содержания не давала мне такого полного удовлетворения, как Ваша. Относительно всего, что я прочел, я не имею ни одного возражения, не только в главном, в основах, но и в частности; а я читатель внимательный и ко всему читаемому отношусь с совершенно свободным критически настроенным умом»⁴.

Но в 1920-е гг., когда последователи Николаева С. М. Попов и Н. В. Троицкий развернули активную пропаганду философских взглядов Николаева среди участников толстовского движения, Гусев стал открыто выступать против духовного монизма. После смерти Николаева он назвал точную дату начала разногласий с духовными монистами в письме к Троицкому: «Я считаю труд покойного П. П. Николаева “Понятие о Боге как совершенной основе жизни” очень ценным, но считаю, что с 1923 г. он сам вступил в противоречие с этим трудом тем, что стал утверждать, что религиозные истины, для того чтобы оказывать влияние на людей, должны быть “доказаны” путем рассуждения. Об этом он много и много раз писал в своих письмах; еще более усердно об этом писали его последователи»⁵. 1923-й год упоминается в письме отнюдь не случайно, известно, что именно тогда активизировал свою деятельность С. М. Попов и начал активной проповедовать духовный монизм Троицкий, распространяя письма Николаева. Если мы рассмотрим отношение Толстого к религиозным истинам и подтверждающей их работе разума, то увидим гармоничное сочетание этих двух подходов. Именно этого гармоничного сочетания и не хватало двум дискутирующим сторонам — толстовцам и духовным монистам. Обе стороны апеллировали к толстовскому наследию, обе находили в нем подтверждающие свою точку зрения цитаты и высказывания, при этом каждая сторона знала об аргументах стороны противоположной, но упорно делала акцент на своих.

В том же письме Гусев утверждал, что, по мнению Николаева, основное свойство человека — способность рассуждать, а нравственная сторона не является самостоятельным началом⁶. На самом деле Николаев нигде не писал о том, что нравственность *зависит* от разумных доказательств, он не отрицал, что стремление к добру вложено в душу так же, как и способность рассуждения. По Николаеву, «доказательства», которые он приводил в своих книгах, должны были убедить тех, кто сомневается в религиозных истинах, имеет слабое религиозное чувство. Но он не отрицал, что есть немало религиозных личностей, которым доказательства не нужны.

В ходе полемики Гусев высказал мнение, что Николаев, который доказывал, что нельзя называть Бога Отцом и Хозяином, отошел от христианской традиции. Объективно рассуждая, тут тоже можно констатировать факт совпадения Николаева и Толстого. Религиозный антропоморфизм, стремление наделять Бога человеческими чертами постоянно подвергалось критике со стороны Толстого, и от придания исключительного значения христианству Толстой, полагавший, что религиозная истина получила отражение в самых разных религиозных традициях, в последние годы также отошел.

Итак, Гусев в полемике с Николаевым утверждал, что религиозные истины апеллируют и к разуму, и к чувству, поэтому применяемые философом исключительно рассудочные «доказательства» не совсем уместны. Но Николаев и сам подчеркивал, что он «далек от мыслей создавать рассудочную религию»; говорил, что «в основе религии всегда лежит инстинктивное чувство, которое иногда ясно, а иногда смутно говорит людям, что в глубине их души проявляется жизнь Совершенная, объединяющая их с жизнью других существ, и что жизнь эта не разрушается, несмотря на видимое ими разрушение “тела”»⁷. Николаев считал, что люди не нуждались бы ни в каких доказательствах религиозных истин, если бы у них было сильным религиозное чувство, но поскольку у многих это чувство ослаблено, доказательства им нужны. Философ прямо выразил ту мысль, что Гусев, если для него подтверждения религиозных истин не нужно, стоит на «высокой ступени религиозного сознания»⁸.

Любопытно, что Гусев стремился и мировоззрение Толстого перетолковать так, чтобы можно было успешней возражать Николаеву. В ноябре 1927 г. Николай Николаевич выступил в МВО с речью «Толстой как философ», в которой утверждал, что Толстой не рационалист, а чистейшей воды мистик⁹. В этом тоже была скрытая полемика с трудами Николаева — убежденного рационалиста в вопросах познания. Как заметил Николаев в письме к Троицкому от 11 января 1928 г., «понятно, что Гусев, отодвинув работу Разума на второй план, неизбежно должен был зарпортоваться и впасть в мистику»¹⁰, которая чужда толстовским построениям.

20 апреля 1926 г. Николаев написал Гусеву очень большое письмо¹¹, напоминающее философско-полемический трактат, в котором он, как и ранее, отстаивал роль разума в укреплении религиозного чувства, приводил толстовские цитаты, подтверждающие эти мысли, обращал внимание на слабость аргументации Гусева. По мнению Николаева, бесполезно закреплять метафизические воззрения Толстого как нечто законченное и незыблемое. У Толстого были противоречия, они объясняются искренностью и непосредственностью Толстого-мыслителя, для которого истина была выше кажущейся философской безупречности. Поэтому, как полагал Николаев, бессмысленно идеализировать толстовские метафизические воззрения, необходимо идти дальше, вперед¹².

Ответное письмо директор Толстовского музея послал во Францию 21 декабря того же года¹³. Как и прежде, Гусев настаивал на несовершенстве того представления о разуме, которое имелось у Николаева. Поскольку Петр Петрович везде писал о необходимости доказывать религиозные истины, Гусев сближал николаевское понимание разума с умом и приводил немало толстовских цитат об ограниченности ума.

Безусловно, Гусева, как и многих других толстовцев, смущало желание Николаева «доказывать» религиозные истины, но тут надо принимать во внимание, что Петр Петрович никогда не абсолютизировал эти доказательства, не пытался перевести их в «сакральную» плоскость и представить в виде некоей новой религии, учения.

Духовные мнисты, почти все принадлежавшие к толстовскому движению, смогли в 1920-е гг. вести пропаганду своих идей в МВО — толстовском центре в Москве. Сохранившийся в фонде МВО «дневник бесед, лекций, общих собраний, концертов, вечеров» позволяет судить о насыщенной деятельности последователей Николаева. Так, в течение только 1925 г. в стенах МВО состоялись три «беседы» Н. В. Троицкого и Н. Н. Гусева о духовном монизме, они привлекали большое внимание публики. Эти беседы в общей сложности посетило 279 человек¹⁴. Сам Гусев неоднократно выступал на вечерах в МВО, его доклады неизменно вызывали интерес. Например, на беседе «В чем мое расхождение с П. П. Николаевым», состоявшейся 4 декабря 1926 г., присутствовали 133 человека¹⁵.

После смерти Николаева общение толстовцев и духовных мнистов не закончилось. Продолжал переписываться с Гусевым Попов. В письме, адресованном бывшему секретарю Толстого 13 января 1929 г., есть такие слова: «очень был рад, что Вы в самом главном, основном согласны со мной. Чисто духовное понимание, а не дуализм, для меня самое главное — основное. И если и Вы разделяете не дуализм, а духовное понимание, то у нас общее основное»¹⁶. На следующий день Попов вновь написал Гусеву: «Вспоминая дорогого Петра Петровича Николаева, мне как-то особенно захотелось написать Вам. Петр Петрович умер и не может сейчас переписываться с Вами. Но я с радостью желал бы продолжать переписываться с Вами в направлении переписки Вашей с П. П.»¹⁷.

Видимо, обстоятельной переписки у Гусева с Поповым не получилось, зато другой мнист, Троицкий, неоднократно писал письма бывшему секретарю Толстого. Так, в письме от 2 июля 1930 г. Троицкий отмечал, что «Толстой положительно относился к идее изучения философии и писал, что для решения религиозных вопросов это очень важно», что в области спиритуалистической философии последовательно работала «одна и та же душа (Кант-Шопенгауэр-Николаев)»¹⁸. В ответном письме от 27 июля того же года Гусев выразил несогласие с мыслью Троицкого, подчеркнув главное, с его точки зрения, различие между Николаевым и известными философами: оно в том, что Николаев хочет все доказать, а Кант и Шопенгауэр принимают недоказуемые основы, «у Канта это особенно видно в понимании того, что он называет категорическим императивом»¹⁹. В ответ на это Троицкий 2 октября 1930 г. уточнял свою мысль: «Кант и Шопенгауэр

велики на своем месте, Николаев же велик на своем, как последний философ, сделавший в области философии то, что не было до него сделано и что надо кому-нибудь сделать»²⁰. Думается, что по глубине, оригинальности, глобальной постановке основных философских проблем Николаев должен занимать весьма значительное место в истории философской мысли.

Последнее по времени написания письмо Троицкого Гусеву, от 26 августа 1933 г., было адресовано сразу нескольким друзьям Толстого (кроме Гусева, адресаты — Чертков и Горбунов-Посадов)²¹. Троицкий еще раз пытался привлечь внимание толстовцев к книгам Николаева, однако успехом его намерение не увенчалось.

В 1920-е — 1930-е гг. Н. Н. Гусев работал над комментариями к Полному собранию сочинений Л. Н. Толстого, в связи с чем вступал в переписку со многими посетителями, адресатами и корреспондентами Льва Николаевича. Среди них был двоюродный брат П. П. Николаева Петр Леонидович Успенский. В переписке Н. Н. Гусева с Успенским — посетителем Толстого, разделявшим некоторые толстовские взгляды — были затронуты вопросы, касавшиеся философии Николаева. Успенский не согласился с Гусевым в оценке трудов своего двоюродного брата, подчеркнул их важность, в том числе для тех, кто разделяет толстовские, по сути своей, взгляды. Не одобряя полемику между толстовцами и духовными монистами, Успенский писал: «Отрешаясь, насколько могу, всецело от личных симпатий, я убежден, что Л. Н. и сегодня несколько не изменил бы своего взгляда на сущность книги (Николаева — Ю. П.), но, вероятно, нашел бы, как и я, что П. П. с одной стороны, а вы с другой грешили излишней односторонностью и напрасно тратили время, силы, а главное — уменьшили взаимную любовь»²².

Говоря об идейной полемике, которая велась, в основном, между Николаевым и Гусевым в переписке, а также между Троицким и Гусевым в устной полемике, мы должны понимать, что речь идет не только о частных философских мнениях, которые высказывали последователи Толстого, но и о разных формах восприятия толстовского учения, о разном понимании толстовства и путей его — как идеологии — развития. Документы из фонда Н. Н. Гусева удачно дополняют хранящиеся в других московских и петербургских архивах документы, позволяющие воссоздать полную картину интеллектуальной жизни советских толстовцев в 1920-е гг.

¹ См., например, письмо от 20 апреля 1926 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (Гусев Н. Н.). Оп. 1. Ед. хр. 2993. Оно же сохранилось в машинописном виде: Архив «Мемориала». Ф. Лобачева-Ювченко. 1-й короб, папка «Попов». С. 91—116.

- ² См.: *Троицкий Н. В.* Письмо П. П. Николаеву от 25 декабря 1925 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1а. Ед. хр. 3337/1.
- ³ *Гусев Н. Н.* Письмо П. П. Николаеву от 6 марта 1916 г. // ГАРФ. Ф. 6812 (*Николаев П. П.*). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5.
- ⁴ *Николаев П. П.* Письмо П. И. Бирюкову от 17/30 января 1917 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1а. Ед. хр. № 2993/1. Л. 3–3 об.
- ⁵ *Гусев Н. Н.* Письмо Н. В. Троицкому(?) от 3 июня 1928 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1. Ед. хр. 890. Л. 1.
- ⁶ Там же. Л. 1–2.
- ⁷ *Николаев П. П.* Письмо Н. Н. Гусеву от 6 июня 1924 г. // ОР РГБ. Ф. 358 (*Рубакин Н. А.*). Карт. 258. Ед. хр. 5. Л. 65.
- ⁸ Там же. Л. 66.
- ⁹ См.: Бюллетени МВО, 1927–1929 гг. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 3. Ед. хр. 332.
- ¹⁰ *Николаев П. П.* Письмо Н. В. Троицкому от 11 января 1928 г. // НИА ГМИР. Ф. 7 (*Дудченко М. С.*). Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 7.
- ¹¹ *Николаев П. П.* Письмо Н. Н. Гусеву от 20 апреля 1926 г. // Архив «Мемориала». Ф. Лобачева-Ювченко. 1-й короб, папка «Попов». С. 91–116.
- ¹² Там же. С. 110.
- ¹³ *Гусев Н. Н.* Письмо П. П. Николаеву от 21 декабря 1926 г. // НИА ГМИР. Ф. 7 (*Дудченко М. С.*). Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 1–1 об.
- ¹⁴ Московское вегетарианское общество. Дневник бесед, лекций, общих собраний, концертов, вечеров 1 января 1925 г. — 24 февраля 1929 г. // НИА ГМИР. Ф. 34 (МВО). Оп. 1. Ед. хр. 13.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Попов С. М.* Письма Н. Н. Гусеву 1929 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1. Ед. хр. 3096/1.
- ¹⁷ Там же. Ед. хр. 3096/2.
- ¹⁸ *Троицкий Н. В.* Письмо Н. Н. Гусеву от 2 июля 1930 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1а. Ед. хр. 3337/2.
- ¹⁹ *Гусева Н. Н.* Копия письма Н. В. Троицкому от 27 июля 1930 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1а. Ед. хр. 3337/3. Л. 2.
- ²⁰ *Троицкий Н. В.* Письмо Н. Н. Гусеву от 2 октября 1930 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1а. Ед. хр. 3337/3. Л. 1.
- ²¹ *Троицкий Н. В.* Письмо Н. Н. Гусеву от 26 августа 1933 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1а. Ед. хр. 3337/6.
- ²² *Успенский П. Л.* Письмо Н. Н. Гусеву от 1 апреля 1931 г. // ОР ГМТ. Ф. 15 (*Гусев Н. Н.*). Оп. 1а. Ед. хр. 3365/2. Л. 1.

Т. М. ОСИПОВА
T. M. OSIPOVA

Переплетение судеб
(по материалам архива семьи Бенеvских конца
XIX — начала XX века)

Entwinement of Fates
(on the basis of the archives of the family Benevsky)

Аннотация

Архив семьи Бенеvских (порядка 1,5 тыс. ед. хранения) рубежа XIX–XX вв., обработанный в хронологическом порядке, дал возможность автору составить достаточно полное представление о быте, общественной деятельности и семейных отношениях известных в свое время личностей.

Abstract

The archives of the family Benevsky (circa 1500 items) that embrace the period of the turn of the 20th century, organized chronologically, enabled the author to form a clear enough view of everyday life, social activities and family relations of the persons who were well known at the time.

Ключевые слова: *община, школа, письма, семьи.*

Keywords: *community, school, letters, families.*

В начале 2000-х гг. в Государственный музей Л. Н. Толстого (ГМТ, ул. Пречистенка) был передан мною архив семьи Бенеvских, а также книга, написанная мною о И. А. Бенеvском (1880–1922), основателе архива. В основу архива вошли письма из семейной переписки, письма друзей, личные документы, дневники, статьи и другие материалы. Следует отметить, что многие годы после смерти И. А. Бенеvского хранителями архива были его дочери, старшей из которых была моя мама — Нина Ивановна Горбунова-Посадова (1913–1983), урожденная Бенеvская. С конца 1970-х гг. именно она начала официальную передачу в ГМТ подлинных документов, оставляя в архиве их копию.

В личной переписке и в сохранных документах обнаружилось немало сведений о других семьях, таких как *Иващенко, Шлиттеры,*

Ярошенко, Савинковы, Беневские, Кобелевы, Саранчевы, Терещенко, Успенские, находившихся между собой либо в родственных связях, либо в близких дружественных отношениях. Почти все они были из военной среды, сходились прежде всего по службе, а затем и по родству. Мне удалось составить родословную семей Иващенко и Беневских, в которую вошли все вышеуказанные фамилии.

Из родословной семьи Иващенко

Глава семьи, отец — Виктор Алексеевич *Иващенко*, его жена — Елена Петровна (урожденная Шлиттер). Ее брат — Николай Петрович Шлиттер, женатый на Елизавете Платоновне (урожденной Степановой).

Дети супругов Иващенко:

- Нина — замужем за Аркадием Семеновичем Беневским;
- Алексей — женат на Марии Николаевне (урожденной Терещенко);
- Софья — замужем за А. М. Саранчевым;
- Эвелина — замужем за А. П. Кобелевым.

Из родословной семьи Ярошенко

Елизавета Платоновна Шлиттер после гибели мужа вышла замуж за В. А. Ярошенко, брата художника Н. А. Ярошенко и С. А. Савинковой (урожденной Ярошенко). Через Е. П. Ярошенко установилась тесная (почти родственная) связь Беневских с семьями Ярошенко и Чертковых.

Глава семьи, отец — Александр Михайлович *Ярошенко*, его жена — Любовь Васильевна (урожденная Мищенко).

Дети семьи Савинковых — Александр и Борис. Женой Бориса впоследствии стала Вера Глебовна, дочь Г. И. Успенского.

Архив начинается с писем Елизаветы Платоновны к Нине Викторовне (начало 1870-х гг.). Обе двадцатилетние девушки были выпускницами Бестужевских курсов. К сожалению, писем Нины Викторовны к Елизавете Платоновне в архиве нет. Но по письмам самой Елизаветы Платоновны выстраивается объемная картина характеров и взаимоотношений в семье Иващенко и Беневских.

Первые письма Е. П. Ярошенко полны самых нежных чувств к Нине Викторовне и сопереживания с ней, ибо к тому времени Лиза, овдовевшая в 1877 г., уехала из семьи к друзьям за границу. В этих письмах она подробно писала своей подруге Нине о том, что происходило в семье Иващенко, в которой она жила и давала уроки младшему брату Нины — Николаю. Примерно в начале 1880-х гг. Лиза обвенчалась с Василием Александровичем Ярошенко.

Дети Аркадия Семеновича и Нины Викторовны Беневских — Михаил, Иван и Мария, а также сын Софьи Александровны (урожденной Ярошенко) и Виктора Михайловича Савинковых — Борис, почти

каждое лето проводили в имении супругов Ярошенко в с. Степановке (Павлищеве Боре) Калужской губернии. О пребывании их в этом месте написано в воспоминаниях М. С. Волошиной (жены художника М. Волошина), бывшей в те времена воспитанницей Елизаветы Платоновны. Там-то все они и стали именовать себя «кузенами». Именно отсюда пошла почти что родственная связь семей Иващенко, Бенеvских и Ярошенко, продержавшаяся многие годы.

Существуют три портрета Е. П. Ярошенко, написанные художником Николаем Александровичем Ярошенко: первый — этюдный к картине «Курсистка», второй — «Дама с кошкой» и последний портрет, на котором она изображена уже в весьма зрелом возрасте.

Супруги Ярошенко стали крестными внучек Н. В. Бенеvской: Елизавета Платоновна — моей мамы, а ее муж В. Н. Ярошенко — крестным моей тети Елизаветы Ивановны Бенеvской.

Только в последнее время мне удалось через Интернет найти информацию обо всех членах вышеназванных семей, а поначалу фамилии «выплывали» из семейной переписки Иващенко и Бенеvских.

Так, например, очень много писем Виктора Алексеевича Иващенко, адресованных своим внукам Ивану и Марии Бенеvским, детям Нины Викторовны и Аркадия Семеновича. Его письма полны юмора, наставлений и подробностей о событиях, происходивших в жизни его большой семьи.

Нина Викторовна получала подробные письма от брата — Алексея Викторовича и сестры — Эвелины Викторовны (в письмах ее именовали тетей Милей). Они писали о том, кто и где находится, чем занимается, какие состоялись браки, о внуках (третьем поколении Иващенко). Так, например, дети Софьи Викторовны Саранчевой (урожденной Иващенко) в письмах фигурируют как «саранчата», в других семьях есть такие имена как Леля, Мия, Яя и другие, которые мне приходилось «расшифровывать», располагая сведениями только из семейной переписки. Есть письма от Вильгельмины Семеновны Бенеvской («тети Вилли») — сестры Аркадия Семеновича Бенеvского, но они в основном посвящены ее личной жизни — жизни «старой девы», часто навещавшей своего брата, его детей и даже его внуков.

Почерпнутые из писем сведения дополнялись семейными фотографиями, не только портретными, но и бытовыми, что дало мне возможность познакомиться с моими «героями» и визуально. Однако в архиве не было фотографии Елизаветы Платоновны Ярошенко. Но я знала, что портрет крестной моей мамы находится в Калужском художественном музее, куда был передан из имения Павлищев Бор после 1917 г., когда его владельцы уже жили в Италии, а имение было национализировано и затем за многие годы запустения практически

разрушено. Посетив Калугу, я воочию «познакомилась» с Елизаветой Платоновной. Тогда же завязался контакт с сотрудниками музея Н. А. Ярошенко в г. Кисловодске, которые и сообщили мне о родстве Ярошенко и Савиновых, а также поделились фотографиями имения Павлищев Бор и виллы супругов Ярошенко в городе Бордигера (Италия), куда они уехали летом 1916 г., не предполагая своего невозвращения в Россию, оставив доверенности на управление своей недвижимостью в Москве и в Калужской губернии Ивану Аркадьевичу Беневскому — моему деду, отцу сестер Беневских.

Общины

Большое место в архиве Беневских занимают документы, касающиеся общинной деятельности И. А. Беневского.

Иван Аркадьевич, окончив в 1902 г. агрономический факультет Галльского университета (Германия), возвратился в Россию и решил заняться общинной деятельностью. По рекомендации Е. И. Попова он посетил уже существовавшие тогда общины, организованные по своим, принятыми общинниками, правилам совместного проживания и трудовой сельскохозяйственной деятельности. Так в архиве появляются новые имена: семья Чертковых, семья Булыгиных, семья Дудченко, Скороходов, Ниненберг и многие другие. Тогда же произошло знакомство с Л. Н. Толстым, а затем возникла и переписка с ним. В 1907 г. в издательстве «Посредник» вышла брошюра И. А. Беневского «Христианская община и земледелие» с приложением к ней «Устава общины». В дальнейшем через это издательство, главным редактором которого был И. И. Горбунов-Посадов, Иван Аркадьевич опубликовал несколько своих статей, а также дневник о путешествии с ходоками в район Семиречья, которое он предпринял с целью нахождения новых участков для вновь создаваемых общин (журнал «Маяк»). По документам архива мною было установлено, что И. А. Беневским было организовано пять общин, в жизни которых он и сам принимал деятельное участие. Каждая община утверждала свой устав (в архиве их порядка трех, один из которых редактировал отец Ивана Аркадьевича — А. С. Беневский). Сохранилась довольно обширная переписка И. А. Беневского с членами общин, а также их личные анкеты, составленные в произвольной форме, в которых обосновывалось желание того или иного лица жить и работать в общине.

Детские общинные трудовые школы

При каждой общине создавались детские трудовые сельскохозяйственные школы. В архиве есть статьи, посвященные их деятельности. Авторами этих статей были как сами общинники, так и приглашаемые

учителя. Нередко в школах учительствовал и сам Иван Аркадьевич. В одной из последних общин под г. Ржевом Воронежской губернии (Ржевская община), организованной на земле, взятой в аренду у матери В. Г. Черткова, Иван Аркадьевич познакомился со своей будущей женой Анной Исидоровной Федоровской, которая учительствовала в той общине. В своем дневнике, тоже сохранившемся в архиве Беневских, она подробно рассказывает об учительстве в общине, о жизни семей общинников, характерах и взаимоотношениях детей. Особое место в дневнике отведено описанию редких приездов в общину Ивана Аркадьевича.

По общему решению Ивана Аркадьевича и Анны Исидоровны ими были усыновлены четверо детей-сирот. Обвенчались они в Москве и первое время жили в доме, принадлежавшем Е. П. Ярошенко. Там же у них родились дочери — Нина и Лиза. А после смерти А. С. Беневского в 1915 г. они всей семьей переехали в имение Беневских близ с. Дубровка Брянской губернии. Имение было передано в собственность Крестьянского земельного банка, а в собственности Беневских остались только дом и небольшой приусадебный участок. В Дубровку переехала и семья Анны Исидоровны: ее родители и две сестры. Все вместе они организовали артель (с 1917 г. периодически менявшую свое название: то артель, то коммуна, то советское сельхозхозяйство), при артели создали школу для своих и местных детей. К этому времени родилась их третья дочь — Вера. В 1916–1917 гг. И. А. Беневский нес альтернативную военную службу в Боголюбовском госпитале. По возвращении в Дубровку распоряжением Наркома по образованию был назначен инспектором детских школ и учреждений ряда губерний. Кроме того, его утвердили инспектором по сельскому хозяйству Брянской губернии. В 1921 г. в семье Беневских родилась дочь Софья.

В 1922 г. Иван Аркадьевич, возвращаясь в товарном вагоне (очень спешил домой) из очередной командировки, заразился сыпным тифом. От него заразилась и жена. Оба вскоре скончались, оставив сиротами как своих, так и усыновленных детей. Опекунство над всеми детьми было оформлено на сестру А. И. Беневской — Евдокию Исидоровну Федоровскую. По ходатайству И. И. Горбунова-Посадова, а через него и Н. К. Крупской, налоговые отчисления с сирот Беневских отменили.

После смерти Ивана Аркадьевича его архив продолжал пополняться письмами к Е. И. Федоровской от родственников Беневских, в основном от Марии Аркадьевны Степанок (урожденной Беневской, сестры Ивана Аркадьевича) и Эмили Викторовны Кобелевой (урожденной Ивашенко).

В начале 1930-х гг. старшие дочери Беневских — Нина и Лиза, выпускницы Дубровской сельской школы, уехали в Москву и поступили сначала в техникумы (медицинский и энергетический), а после их окончания в соответствующие институты. В 1934 г. Нина Ивановна вышла замуж за Михаила Ивановича Горбунова-Посадова, и весь архив Беневских переехал в семью Горбуновых-Посадовых. О дальнейшей судьбе архива я уже рассказала.

Я подготовила электронную версию всех архивных документов, расшифровывая их и дополняя взятыми из книг (особенно из «Яснополянских записок» Д. Маковицкого) и из Интернета сведениями. Переданные мною в музей оцифрованные материалы были снабжены специальной программой-рубрикатором, позволяющей в работе с архивом обходиться без сносок и мгновенно находить любую нужную информацию. В дальнейшем мне бы хотелось написать и книгу под тем же названием, что и эта статья.

М. П. КУЗЫБАЕВА
M. P. KUZUBAYEVA

**Литературное творчество врачей
в XX столетии**
*(по материалам музеев истории
медицины в России)*

**Literary creativity of doctors
in the 20th century**
*(on the basis of the materials in the museums
of medical history in Russia)*

Аннотация

Вклад отечественных врачей в развитие литературы неоспорим. Литературное творчество медиков, живших в XX веке, так же как и живущих ныне, известно мало. Розова К.А. и Пиккель М.В. — лишь два автора, чья медицинская деятельность шла параллельно с занятиями литературой. Наследие этих врачей-литераторов представляет большой интерес для любой аудитории, бережно хранится в собраниях музеев истории медицины.

Abstract

The contribution of our homeland doctors to the development of literature is undeniable. Literary work of physicians who lived in the 20th century, as well as of those who live now, is not known enough. Rozova K.A. and Pikkell M.V. are only two authors whose medical activities went in parallel with their literature studies. The heritage of these doctors-writers is of great interest to any audience, and is carefully stored in the museums of medical history.

Ключевые слова: *Литературное творчество, медицинская деятельность, переводы, наследие врачей-литераторов в музейных коллекциях.*

Keywords: *Literary work, medical work, translation, heritage of medical writers in the museum collections.*

Затруднительно представить себе полную картину развития отечественной литературы без наследия писателей, первой специальностью которых была медицина. В многочисленных музеях медицинского профиля, которые существуют в Российской Федерации, сохранились документы и прижизненные издания многих из них, равно как и предметы медицинской практики, которыми они пользовались. К великому сожалению, осознанным формированием таких «смешанных», как бы мы сейчас определили, собраний никогда не занимались ни музейные работники, ни научно-педагогический корпус медицинских вузов, где они хранятся в настоящее время. О многих врачах и медицинских сестрах XX века, чье литературное творчество позволяет считать их писателями, по-прежнему известно крайне мало и в очень узких кругах специалистов. Целью данной статьи и является привлечение внимания исследователей к данной теме, а музейных сотрудников — к поиску материалов о врачах-литераторах ушедшего века и современности.

Первая героиня, о которой я хочу напомнить как о литераторе и редакторе — Ксения Алексеевна Розова (1901–2001). Ксения выросла в благочестивой семье, отец ее был протодиаконом в храме Благовещения на Бережках. Из-за этого девушку 12 лет не принимали в медицинский институт. За это время она успешно закончила четырехгодичную фельдшерско-акушерскую школу Г. Л. Рогинского, работала медицинской сестрой в Центральной транспортной больнице, два года проучилась на Высших государственных литературных курсах. Наконец, в 31 год, Ксения стала студенткой 1-го Московского медицинского института (1-й ММИ). Она закончила его в 1938 г. и была оставлена на кафедре истории медицины в качестве первой аспирантки, защитила кандидатскую диссертацию. Много лет Ксения Алексеевна проработала в Государственном издательстве медицинской литературы (Медгизе), была редактором знаменитого труда причисленного к лику святых архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «Гнойная хирургия». Именно в период сбора сведений о деятельности в Москве прославленного хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого, изучая учетно-хранительские документы в Музее истории медицины 1-го Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова, я обнаружила документы и фото, связанные с К. А. Розовой. В 1943 г. Валентин Феликсович сообщил своему куратору К. А. Розовой, что работает над трактатом «Дух, душа (и) тело». Работа над ним продолжалась и в период его пребывания в Тамбове с февраля 1944 г. и после отъезда из Тамбовской епархии весной 1946-го. Этот труд святителя Луки был издан в Сыктывкаре только в 1993 г., в Симферополе — в 1995-м, в Москве — в 1997-м.

Неудивительно, что промысл Божий свел вместе этих неординарных людей, соединил в совместной издательской работе, обогатил духовно. «Между медицинскими и литературными склонностями существует взаимосвязь. Думаю, происходит это потому, что центром внимания врача и писателя является человек. А правильное понимание человека возможно только при целостном его рассмотрении — в духовном и физическом, материальном отношениях», — таково одно из важных напутствий Ксении Алексеевны как врачам, так и литераторам.

Высшие государственные литературные курсы, где К. А. Розова проучилась два года, оставили заметный след, подарив общение со знаменитым пушкинистом М. А. Цявловским. Одна из ее работ «Вступительные экзамены в Царскосельский лицей Александра Пушкина» написана в конце жизни в форме небольшого эссе.

Много сил отдала Ксения Алексеевна Издательскому отделу Московской Патриархии, участвовала в издании первой Библии в советское время. Ее решение принять постриг было осознанным. Она постриглась под именем Серафимы и последние пять лет жизни провела в богадельне при храме Всех Святых Ново-Алексеевского монастыря, выпускала православные календари-святцы.

Насколько значителен вклад матушки Серафимы (в миру — К. А. Розовой) в отечественную литературу, мне сложно определить. А вот ее редакторская работа без сомнения заслуживает высокой оценки.

Еще одна малоизвестная сегодня поэтесса и переводчица, по основной профессии врач-педиатр, Мария-Дагмара Владимировна Пиккель (1911–2008) большую часть своей жизни жила и работала в Архангельске, где закончила в суровые военные годы Архангельский государственный медицинский институт (АГМИ), а впоследствии возглавила кафедру детских болезней (1965). Ее персональный фонд сохраняется в настоящее время в научных фондах Северного государственного медицинского университета (СГМУ) и доступен исследователям.

Отец Марии Владимировны, Владимир Эрнестович, закончил в Петербурге Военно-медицинскую академию и служил полковым врачом в гатчинском Кирасирском полку. Шефом этого полка была императрица Мария Федоровна (датское имя — Дагмар) — мать последнего царя Николая II. Отсюда второе имя Марии Владимировны — Дагмара, поскольку императрица была ее крестной матерью (как, возможно, и всех детей офицеров Кирасирского полка). На долю Марии Владимировны и членов ее семьи выпало множество тяжелейших испытаний, о чем она написала в своих «Воспоминаниях». Остановлюсь лишь на некоторых. В семь лет маленькая Мария осталась сиротой — умерла мать, заботу о ней взяла на себя старшая сестра Надя. Репрессии 30-х гг. не обошли их семью. В 1928 г. были арестованы и сосланы в Соловецкие лагеря

отец и Надин муж. Надя с тремя детьми и Мария перебрались в Ящеру, в деревню к тетушкам. После освобождения отец уже не мог вернуться в Гатчину и с большим трудом нашел работу в небольшой районной больнице ст. Локня Калининской области. Здесь началась настоящая медицинская практика Марии Владимировны. Она приехала к отцу и начала работать сначала регистратором, а затем медицинской сестрой. Отец передал ей опыт работы с больными, научил готовить лекарства и микстуры (с тщательным взвешиванием всех компонентов на аптекарских весах). Приехавший в больницу опытный хирург предложил ей выполнять функции операционной сестры. «Работа в больнице меня очень увлекла, я любила своих больных и выхаживала их по совести», — написала позднее Мария Владимировна¹.

Поступить в институт и даже на рабфак «лишенке» (лишена избирательных прав как дочь бывшего офицера царской армии — врага народа) без каких-либо документов об образовании (даже начальном, полученном дома) было практически невозможно. Но на рабфак ее приняли и после проверки знаний перевели сразу на 3-й курс. Через год, в 1938 г., Мария Владимировна, успешно сдав экзамены, стала студенткой АГМИ и, возможно, сталкивалась в лабораториях или на иных вузовских мероприятиях с будущим кардиохирургом, академиком АН УССР Николаем Михайловичем Амосовым, кибернетиком, литератором, учившимся в это время там же. Затем в суровые военные годы молодой врач М. В. Пиккель все силы отдавала спасению вывезенных из блокадного Ленинграда детей. Затем — напряженные годы борьбы с распространением инфекционных заболеваний (менингита, туберкулеза). Подготовка и защита кандидатской и докторской диссертаций. Повседневная работа со студентами, врачами, консультации не оставляли времени на творчество. М. В. Пиккель вырастила и воспитала 26 человек: 6 детей (племянники), 6 внуков, 14 правнуков. Почти все разъехались, создали новые семьи. Но все, что заложено Марией Владимировной: высокая духовность, жизнелюбие, трудолюбие, целеустремленность и доброта, перешло и в новые семьи. В 1978 г. — выход на пенсию. С 1980 по 1988 г. она еще продолжала работать профессором-консультантом педиатрической клиники.

После выхода на пенсию начался новый — творческий этап жизни Марии Владимировны. Любовь к поэзии, которую она пронесла через всю жизнь, перешла в увлечение поэтическими переводами. С детства профессор владела несколькими языками — немецким, французским и английским, свободно читала книги на этих языках. А на склоне лет, изучив литературу по теории перевода, она начала переводить поэзию зарубежных авторов. С помощью друзей ей удалось выпустить свои первые лирические сборники: «Отражения», «Искры»,

«Ручей жизни». Была ли случайна встреча профессора М. В. Пиккель с поэзией Райнера Марии Рильке, но она стала для нее еще одним «знаком» судьбы. «Чем дольше живешь, тем больше потерь выпадает на твою долю. Кажется, что уже нет сил пережить все это, но, если Господь еще не призывает тебя к себе, значит, считает, что твои дела на земле не закончены и дает тебе силы завершить их. Наверное, подаренная мне судьбой встреча с поэзией Рильке, ее глубочайшая духовность и через нее мой возврат к вере, дали мне силы жить дальше и продолжать главное на склоне моих лет дело — переводы его стихов», — пишет она².

Погружение в его поэзию и философию вернули ей духовную связь с Богом, веру, когда-то утраченную в силу тяжелых жизненных обстоятельств. Завязались духовные связи с почитателями и переводчиками его поэзии. Вышли ее сборники переводов Рильке «Дуинские элегии», «Часослов». Итогом этого творческого периода стало двуязычное издание: «Избранная лирика» Райнера Марии Рильке, которое не увидело бы свет без помощи друзей, без многолетнего титанического совместного труда. Весь набор, в том числе и оригинальных текстов, выполнял Борис Михайлович Егоров — директор Архангельского литературного музея. Его трудами осуществлялась и печать этого сборника. Книга нашла своих читателей и в России, и за рубежом. Ее приобрел в президентскую библиотеку В. В. Путин.

О трудностях работы над переводом Мария Владимировна написала так: «Много лет у меня лежал перевод одного стихотворения Рильке, несравненного для меня ни с кем, гениального поэта начала XX века. Он не получался из-за длительного освоения глубинных особенностей Рильке, а также из-за технических сложностей перевода его стихов. Перевод сложился только сейчас»³. Вот он:

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

К нам тянутся связи от древних веков,
От мира болотных огней.
Встречаю здесь бабок двоюродных вновь,
И стал мне отныне ясней
Фамильный характер их, вижу — он мой
Ничья его власть не убьет:
Тот порыв, тот разрыв, поворот и полет —
Не освоит такого другой.
И я тоже там, где дорог уже нет,
В том чаду, обойденном другим.
Часто вижу себя: сам я — гаснущий свет
Под веком своим.

Мария Владимировна и сама писала стихи, прозу. До настоящего времени мало что издано. Формат статьи не дает возможности привести здесь все ее наследие, но вот одно из стихотворений⁴:

А.Д. САХАРОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5)

О, человек без страха и упрека,
 За истину всегда ведущий бой!
 Глушит слова шум грязного потока,
 Не слышит мир негромкий голос твой.
 Кто знает, победишь ли ты дракона,
 Иль мертвой хваткой он тебя убьет —
 Но жизнь твоя, став строчкою закона
 О совести, в сердца людей войдет.
 Лжи — океан, а правды — остров малый,
 Но луч ее с того клочка земли
 Ты шлешь сквозь ночь, чтоб истина сияла
 И путь нашли в тумане корабли.
 Суд времени не все с земли сметает,
 Он оставляет чудеса на ней.
 Твой подвиг чудом маяка сияет
 И будет вечным на земле людей.

1989 г.

В фондах Музея истории СМГУ хранятся небольшие листки с четверостишиями, написанными рукой М. В. Пиккель, обнаруженные совсем недавно на кафедре детских болезней, которую она когда-то возглавляла. Поиск и сбор материалов о ее литературном творчестве и переводческой деятельности пока не завершен. Возможны новые находки.

В 2001 г. Мария Владимировна Пиккель была удостоена звания «Почетный гражданин города Архангельска». В последние годы жизни она работала над «Воспоминаниями», охватывающими всю трудную и трагическую эпоху в жизни семьи и страны. «Воспоминания» она посвятила и оставила своим детям, ученикам, потомкам. Мария Владимировна Пиккель скончалась 14 января 2008 г. на 97-м году жизни.

Схожие судьбы двух сверстниц и ровесниц XX века. Обе были преданы медицине и литературе, которые тесно переплелись в их судьбах и стали смыслом жизни обеих героинь. Хорошо, что в научных фондах медицинских музеев Москвы и Архангельска сохранились материалы о матушке Серафиме и профессоре М. В. Пиккель, сумевших продолжить в меру своих сил и таланта литературное творчество врачей-писателей XIX века в суровых реалиях века XX! Наступивший

век XXI привнес в нашу жизнь усовершенствования и техническое обновление во многих областях деятельности. Однако потребность говорить о вечных человеческих ценностях языком прозы и поэзии была и есть у многих представителей медицинского сословия, на что должны обратить серьезное внимание сотрудники как медицинских, так и литературных музеев при пополнении своих фондов.

¹ Рукопись автобиографии профессора М. В. Пиккель. Архив Музея истории СМГУ.

² Мое святое ремесло (к 100-летию со дня рождения Марии Владимировны Пиккель) / авт.-сост. Л. А. Зубов, А. В. Андреева. Архангельск, 2011. С. 17.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Там же. С. 30–31.

Е. В. СМИРНОВА
E. V. SMIRNOVA

**Изобразительные материалы Центрального
музея Великой Отечественной войны**
К вопросу формирования и изучения коллекции
Collection of drawings and prints
in the Central Museum of the Great Patriotic War
On the issue of acquisition and studying

Аннотация

В статье рассматривается опыт систематизации и структурирования коллекции изобразительных материалов Центрального музея Великой Отечественной войны в течение 30 лет с момента его основания. Внимание акцентируется на систематическом и тематическом методах, которые позволили отразить творчество военных художников и способствовали формированию коллекции, представляющей все этапы и события Великой Отечественной войны.

Abstract

The article deals with the thirty years' experience of systematization and structuring of the collection of drawings and prints in the Central Museum of the Great Patriotic War. The attention is focused on systematic and thematic methods which allowed to reflect the creative activities of war artists and to form a collection, representing all periods and events of the Great Patriotic War (World War II).

Ключевые слова: период Великой Отечественной войны, изобразительные материалы Центрального музея Великой Отечественной войны, работы художников Студии имени М.Б. Грекова.

Keywords: the period of the Great Patriotic War, collection of drawings and prints in the Central Museum of the Great Patriotic War, works by the artists of the Art Studio named after M.B. Grekov.

Центральный музей Великой Отечественной войны был создан в 1986 г., а свою экспозицию смог предъявить посетителям только в 1995-м, когда состоялось торжественное открытие здания музея. Его образованию предшествовала научная концепция, разработанная Центральным музеем революции совместно с Институтом военной истории Министерства обороны СССР. Согласно этой концепции, музей был определен как «головной для всех музеев военно-исторического профиля в системе Министерства культуры СССР». Специфика экспозиционной и выставочной работы исторического музея состоит в показе документов, кино-фото материалов, оружия, предметов быта — всего того, что мы называем свидетельством эпохи. Но не следует забывать о том, что произведения искусства — тоже важный документ эпохи.

Особенности и состав всякого музейного собрания связаны непосредственным образом с историей его формирования. Комплектование художественных фондов музея началось задолго до открытия экспозиции, с конца 1980-х гг. Первым поступлением стал дар коллекционера ленинградца-блокадника Николая Петровича Кошелева. В него входили художественные и текстовые плакаты, фотогазеты, художественные открытки — всего 124 единицы хранения. Уже в конце 1987 г. часть предметов экспонировалась на первой выставке музея — «Графика и книга военных лет». Дар положил начало ленинградской коллекции, которую планомерно собирала научный сотрудник Тамара Леонтьевна Дьяченко. В результате в музее интересно представлен ленинградский художественный плакат, есть лучшие экземпляры «Боевого карандаша», отражено творчество мастеров блокадного города В. Слыщенко, К. Рудакова, Л. Голубовского, художников Ленинградского фронта, принимавших участие в боевых операциях, П. Луганского, А. Харшака, С. Боима, Н. Куликова.

Расширили уже сложившийся большой ленинградский цикл приобретения из коллекции ученого, музейного и общественного деятеля Петра Евгеньевича Корнилова: литографии А. Пахомова, М. Платунова, Н. Пильщикова, гравюра П. Шиллинговского.

Активное участие в формировании коллекции будущей галереи сыграла политика самого государства. В приказе Министерства культуры СССР музею предписывалось осуществить в течение 1986—1989 гг. комплектование фондов музея экспонатами. Первое поступление из ВХПО им. Вучетича включало в себя военные работы художников Д. Пяткина, И. Константинова, Л. Резницкого, И. Ильина, Л. Соيفертиса, Л. Ройтера, С. Годыны, Н. Осенева, П. Баранова, В. Бибилова, Б. Ефимова, Н. Жукова, Б. Преображенского. Конец 1980 — начало 2000-х гг. — период регулярных поступлений живописных и графических произведений из государственных организаций: ВХПО им. Вучетича — РОСИЗО, СХ СССР, Студии им. Грекова.

Источником поступлений также стали развернутые в залах музея персональные выставки художников. Так в фондах музея появились работы М. Кугача, И. Хайрулинова, П. Рыженко, И. Клейнера, Б. Ненского, Е. Горячева.

Активная работа по просмотру и отбору происходила в мастерских. Уже с 1987 г. стали осуществляться первые закупки у авторов и их наследников.

В музее сформировались достаточно обширные графические комплексы С. Урановой, Н. Обрыньбы, П. Кирпичева, А. Кокорина, П. Мальцева. Их собрания, поступившие из государственных учреждений и организаций, расширились путем приобретений у членов семей.

В 2015 г. музей приобрел пять живописных полотен и пять станковых акварелей заслуженного художника России А. Жабского. В 1980–1990 гг. художник обращается к теме «Дети войны», отражая ее в разных сюжетах (около 15)¹ и разрабатывая в живописи и графике. На протяжении двадцати лет замысел реализуется в цикле произведений, решенных в едином стилистическом ключе. Приобретенные работы вместе с пятью картинами художника на ту же тему, переданными музею РОСИЗО в 1993 г., составляют почти всю серию «Дети войны», что дает возможность оценить ее как целостное явление.

Музей собрал большую коллекцию живописных парадных портретов видных военачальников Великой Отечественной войны, а также Героев Советского Союза. В 2003 г. была произведена закупка работ у художника В. Шилова. В 2010 г. для реализации проекта по созданию портретной галереи полководцев Великой Отечественной войны собрание расширили живописными работами, созданными по заказу музея в Студии им. Грекова. Свои произведения, посвященные участникам Великой Отечественной войны, неоднократно передавали студенты, выпускники и преподаватели Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

Большую роль в росте фонда изобразительных материалов играет широкая общественная помощь, т.е. дары музею. Для музея ценен каждый мемориальный предмет.

Событием большой важности стал дар в 2003 г. Дмитрия Андреевича Крылова, включающий в себя графические работы П. Крылова, созданные им самостоятельно. Это позволило существенно изменить уже имеющуюся коллекцию оригинальных агитационных плакатов, антифашистских карикатур, Окон ТАСС и зарисовок с Нюрнбергского процесса Кукрыниксов.

Поступившие в 2015 г. от Анны Павловны Шаховой работы художников Студии им. Грекова — В. Арлашина, Р. Горелова, В. Житенева, А. Кокорина, Ф. Усыпенко пополнили комплексы авторов. Графические

листы В. Гаврилова, К. Гогиберидзе, И. Евстигнеева, Я. Иванисова, А. Интезарова, А. Курзаева, В. Победина, Ф. Сачко, В. Савенкова, Г. Черенщикова, Г. Храпака расширили рамки коллекции. Хочется отметить уникальные рисунки Карла Гогиберидзе, выполненные им в районе Сухиничей. Первый организованный выезд коллектива на передовую был на Западный фронт в 16-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Художники разъехались по полкам и дивизиям. Наброски карандашом, этюды создавались непосредственно с натуры. 20 апреля 1942 г. при налете вражеской авиации талантливый молодой художник погиб. Гогиберидзе был посмертно награжден медалью «За боевые заслуги», и это была первая в Великую Отечественную войну награда военных художников.

Художественный фонд Центрального музея Великой Отечественной войны остается открытым и продолжает пополняться. Сейчас — это ценная коллекция военной графики, книжная и станковая графика, в живописи сложился интересный круг авторов послевоенного периода.

* * *

В настоящий момент в художественном собрании достаточно полно представлено творчество мастеров, работавших в годы войны. Тематическое и жанровое многообразие их произведений образно отражает и позволяет воссоздать общую историческую картину эпохи.

Ценностью собранного изобразительного материала периода 1941—1945 гг., будь то законченная композиция или самая беглая зарисовка, бесспорно, является то, что работы выполнены в годы войны очевидцами и участниками событий, в них присутствует авторский взгляд, с разной степенью объективности фиксирующий происходящее.

Имеющаяся в собрании станковая живопись периода 1941—1945 гг. — это сюжетно-тематические картины А. Пластова, С. Отрошенко, С. Адливанкина, жанровый групповой портрет Н. Обрыньбы, написанный им в партизанской бригаде Дубова, портрет генерал-полковника медицинской службы Смирнова, выполненный П. Котовым.

Характеризуя в целом представленный в нашей коллекции бесконечно разнообразный, богатейший по сюжетам, запечатленным образам, содержанию этюдный материал, следует прежде всего обратить внимание на его достоверность. Небольшие по размеру полотна отличает точная фиксация факта, внимание к характерным деталям облика людей. Примером могут служить портретные зарисовки живописца С. Лагутина, воевавшего в составе 2-го Прибалтийского фронта. И. Лукомский, В. Дмитриевский, Л. Резницкий, Е. Комаров в своих этюдных портретах следовали утвердившейся композиционной схеме: погрудное изображение модели крупным планом, тщательная прори-

совка одежды, головного убора, знаков различия, наград. Героико-романтический образ создал в портрете партизанки художник М. Ещенко. Тамара Лисициан готовила в Москве бойцов для работы в тылу врага. В 1942 г. была заброшена в Белоруссию, при высадке попала в плен, смогла совершить побег. Зимой в 1944 г. во время командировки в Москву на трамвайной остановке познакомилась с художником, который уговорил ее позировать. Только через 35 лет портрет стал собственностью Т. Лисициан, а в 2010 г. поступил к нам на музейное хранение.

Блокноты П. Васильева, П. Кирпичева, В. Бибикина, Е. Комарова, В. Арлашина носят характер дневниковых записей, в них зарисовки и заметки чередуются, дополняют друг друга. На страницах путевых альбомов с большой наблюдательностью запечатлены люди, обстановка, события. Для рисования выбирались сцены военно-фронтальной жизни, люди оказавшиеся рядом. Задушевные жанровые зарисовки посвящает своему другу художнику И. Струнникову на страницах своей записной книжки П. Кирпичев. Именно из блокнота Кирпичева «Тамань. Малая земля» удалось получить информацию об участии Струнникова в захвате плацдарма под Новороссийском.

Собрание постоянно пополняется работами непрофессиональных авторов, мастеров народного творчества. Каждый набросок, сделанный с натуры, имеет особое значение.

Большой корпус работ в художественной коллекции музея относится к послевоенному периоду. Включение их в собрание дает представление о развитии отечественного искусства с конца 1940-х гг. по настоящее время.

К лучшим работам принадлежит графическая серия Л. Соифертиса «Годы войны», рассказывающая о бытовой стороне войны.

В разные годы из РОСИЗО в музей поступили картины братьев Ткачевых. К теме войны в своем творчестве художники обращаются только в 1955 г., исторические картины нашего собрания принадлежат периоду 1980-х — 1990-х гг.

В нашей коллекции представлено творчество художников — непосредственных участников и свидетелей событий Великой Отечественной войны. Документальность лежит в основе произведений П. Кривоногова, Д. Налбандяна, Э. Браговского, Н. Соломина, А. Бубнова, О. Еремеева, Б. Угарова, П. Блока, А. Белых.

Реалистическая летопись мужества в нашем собрании — это прежде всего произведения В. Токарева. Е. Данилевского, Н. Бута, Н. Бурейченко.

Характерные черты послевоенной эпохи отражены в работах В. Сидорова, М. Кугача, Б. Щербакова.

При включении произведений искусства в музейный фонд с ними начинается работа по изучению, подробному описанию, атрибуции, научному документированию, составлению и публикации каталогов. В ходе означенной работы с материалами искусства накапливается новая важная информация об изображаемых событиях и людях, о самих художниках.

Очень ценны сведения, содержащиеся в описях к акту: отталкиваясь от них, можно начинать исследование. Так стала известна легенда создания первого самостоятельного живописного произведения С. Отрошенко «Митинг в освобожденном городе». Картина написана непосредственно при освобождении города Гомеля. Холстом художнику послужили две солдатские простыни, сшитые вдоль по длине; шов виден на обороте картины. Несмотря на нелегкий путь по фронтовым дорогам, картина уцелела и была передана музею вдовой художника в 1995 г.

Первым ориентиром в атрибуции становятся авторские подписи и надписи. Во время войны С. Телингатер был художником и техническим редактором газет 2-го Белорусского фронта. Одна из его портретных зарисовок называется «Малышева А. А.»; на ее обороте стоит пометка о публикации². Этот натурный портрет был напечатан в газете 49-й армии «За Советскую Родину» от 12 марта 1942 г. Сопроводительная надпись к портрету — «Анастасия Малышева еще молода. Ей — восемнадцать лет. После настоятельных просьб ее направили на передовые позиции. Презируя опасность, комсомолка Малышева под огнем противника самоотверженно спасала раненых бойцов и командиров. За время пребывания на фронте она вынесла с поля боя 83 раненых с их оружием. Слава смелой советской девушке!»

Таким способом, сопоставляя подписи на рисунках, находя их публикации в печатных изданиях, удалось получить информацию и о других героях рисованных портретов, находящихся в собрании музея. Это позволяет уже говорить о них не как об абстрактных образах войны, а как о достоверных реальных людях.

Мы стараемся проследить в тесной взаимосвязи историю создания работы и факты биографии автора и портретируемого. Таким способом велась работа с портретом штурмана из экипажа летчика Александра Молодчего (художник С. Годына). Было установлено имя портретируемого в ходе изучения биографии Молодчего. На лицевой стороне рисунка стоит авторская дата и надпись: «Монино, 1942 г. Штурман из экипажа трижды Героя Советского Союза Молодчего». Данных сведений было достаточно, чтобы однозначно установить имя изображенного на портрете — Героя Советского Союза Куликова Сергея Ивановича.

В 1988 г. из ВХПО им. Вучетича в музей были переданы работы Виктора Цигалья. Он в 1943 г. в Свердловске вступил в Десятый гвардейский добровольческий танковый корпус. Для многотиражной газеты художник рисовал портреты отличившихся бойцов и командиров, делал иллюстрации к очеркам. Из 115 портретов³ художника, выполненных по указанию командования, в нашей коллекции находятся 46. В результате изучения материалов, касающихся Уральско-Львовского танкового корпуса, стали известны факты боевого пути А. Н. Додонова, Ф. П. Суркова, А. П. Марченко, В. А. Маркова, В. Д. Фокина, М. Г. Фомичева⁴.

Источниками уникальных сведений являются мемуарная литература, записи художников. Из опубликованных воспоминаний⁵ Екатерины Зерновой стало известно, что этюдные портреты тружеников тыла из нашей коллекции созданы в эвакуации в с. Боровое Акмолинской области в 1942 г. В декабре 1941 г. Елена Афанасьева была направлена Союзом художников в госпиталь. В ее беглых рисунках из серии «Эвакогоспиталь № 290» модели не позируют: раненые играют в шахматы, перебирают струны гитары, смеется санитарка, присевшая на край табурета. В своих дневниках художница описывает повседневную жизнь госпиталя, задачей которого является восстановление здоровья раненых. Из ее записей удалось узнать замысел и историю создания нескольких рисунков из нашей коллекции.

Публикации работ из художественного собрания музея очень редки. Однако в ходе изучения выставочной деятельности ветеранов Великой Отечественной войны⁶ было установлено, что портрет художника Ф. Антонова «Иван Голубин» (1942) — это этюд к картине «Три Ивана». Картина была создана в 1942 г. и является одним из первых удачных групповых портретов в советской живописи.

По каталогам персональных выставок, монографиям датированы некоторые произведения. На основании информации, полученной из справочников выставочной деятельности, была проведена закупка графических работ С. Хинского.

Атрибуционную работу требуется проводить для уточнения авторства, места и времени создания не подписных произведений. В 2015 г. из семьи портретируемого поступил живописный портрет генерал-полковника авиации Рыбальченко Степана Дмитриевича. По словам дочери, Аллы Степановны, он принадлежит кисти Н. Пильщикова, но поскольку надписи и подписи на работе отсутствуют, она может значиться только как приписанная художнику. Живописная работа была оформлена на постоянное хранение со слов дарителя со следующими данными: «Пильщиков Н. И. Портрет генерал-полковника авиации С. Д. Рыбальченко. 1945?».

Достоверность даты устанавливали посредством анализа изображенных на портрете наград и наградных листов, опубликованных на сайте «Подвиг народа». На данный момент произведение можно датировать как выполненное не ранее 1945—1950 гг. Следующим шагом должен стать запрос в архив, что даст возможность уточнить интервал времени. К вопросу атрибуции авторства. Как следует из биографических источников, С. Д. Рыбальченко 20 ноября 1942 г. назначен командующим 13-й воздушной армии. Н. Пильшиков во время Великой Отечественной войны был боевым летчиком, сражался в 13-й воздушной армии на Ленинградском фронте. В его наградном листе от 31 ноября 1944 г. записано: «За период Отечественной войны сделал более 300 рисунков, портретов и композиций с летчиками Ленинградского фронта». С большой долей вероятности можно предположить, что автором исследуемого портрета является Н. Пильшиков. Наше собрание позволяет провести стилистическое исследование. Есть возможность провести сравнительный искусствоведческий анализ портретных набросков автора, которые он делал после боевых вылетов, и послевоенного живописного портрета.

В коллекции изобразительных материалов хранится работа Р. Френца «Партизанские тропы», переданная из РОСИЗО по приказу МК РФ в 2000 г. На лицевой стороне холста стоит подпись автора, на обороте надпись: Френц Р. Р. «Партизанские тропы». Художник был участником гражданской войны, в годы Великой Отечественной войны находился вместе с ИЖСА в Самарканде. Часть опубликованных произведений автора посвящена партизанам гражданской войны. Необходимо было установить, к какому времени относится произведение из нашего собрания. По изображенному на нем оружию типа ППШ и маскхалату на мужской фигуре оно датировано как выполненное в 1940—1950-е гг. и определяется как посвященное партизанскому движению в годы Великой Отечественной войны.

Итогом работы по собиранию и научной обработке художественной коллекции стало составление каталога произведений изобразительного искусства Центрального музея Великой Отечественной войны. В процессе формирования данного собрания определились три категории значимости произведений, т.е. обозначилась ценностная шкала принимаемых на хранение предметов. К первой, бесспорно, принадлежат произведения, созданные в годы войны, ко второй — работы разных лет и разной тематики, выполненные ветеранами Великой Отечественной войны, а к третьей — послевоенные и современные произведения художников, посвященные событиям Второй мировой войны. Именно эти три аспекта лежат в основе структуры каталога. Предлагаемая концепция упорядоченности отражает возможности,

которые предоставляет конкретное музейное собрание для историко-хронологического прочтения накопленного материала. Положенный в основу формирования художественной коллекции принцип первичной классификации по видам искусства предопределил основные разделы каталога: живопись, графика, скульптура. В настоящее время к изданию подготовлен I-й том каталога. Следует отметить, что подготовленные к публикации работы ранее не репродуцировались, не публиковались в каталогах и альбомах и по-настоящему еще мало оценены.

¹ Муратов А. М. Серия А. А. Жабского «Дети войны. 1943 год» // Война, беда, мечта и юность: материалы международной научной конференции [Санкт-Петербург. 2015 год]. М., 2015.

² На обороте листа слева внизу авторская надпись синими чернилами: «редакция газеты “За Советскую родину”, худ. С. Телингатер». Печаталось в «Комсомольской правде» в Москве.

³ См.: Московские художники в годы Великой Отечественной войны: Воспоминания. Письма. Статьи. Сборник // сост. В. А. Юматов; отв. ред. и авт. предисл. П. К. Суздаев. М., 1981. С. 291.

⁴ См.: Добровольцы Урала: очерки, воспоминания // сост. Я. Л. Резник. Свердловск, 1980.

⁵ См.: *Зернова Е. С.* Воспоминания монументалиста. М., 1985.

⁶ См.: Каталог выставки «40 лет Великой Победы. МОСХ». М., 1985.

А. Н. ДАНИЛОВ
A. N. DANILOV

**Сад как элемент индивидуального
и общественного престижа**
**A garden as an element
of individual and social prestige**

Аннотация

Статья посвящена усадьбе Л.Н. Толстого в Хамовниках и, в частности, ее саду, который после открытия в ней музея писателя стал не просто усадебным, но и мемориальным. В статье рассказывается о том, почему Толстой остановил свой выбор именно на этом имении, дается очерк истории садово-паркового искусства в России, прослеживаются корни старинного русского слова «усадьба».

Abstract

The article is devoted to the estate of Leo Tolstoy in Khamovniki and to its garden in particular which after the opening of the Tolstoy museum became not just a garden, but also a memorial one. The article tells about the reason why Tolstoy chose this estate, gives a sketch of the history of the landscape art in Russia, goes to the roots of the old Russian word «usad'ba» («estate»).

Ключевые слова: усадьба, сад, ландшафт, престиж, «гений места».

Keywords: estate, garden, landscape, prestige, «genius of place».

Многовековая история садового и паркового искусства подтверждает тот факт, что человек всегда стремился «творить сад» именно как место отдохновения, восторга, красоты. «Остатки рая на земле»¹ служили умиротворению человеческой души.

Таков сад и в усадьбе Льва Николаевича Толстого в Хамовниках. Тут присутствие «гения места» благословило практически всё — и старинный дом постройки 1805 г., и сад, который после открытия музея стал не просто усадебным, но и мемориальным. И даже окрестные дома, окружающие усадьбу Льва Николаевича, с огромным удовольствием

используют имя Толстого в коммерческих интересах. Но об этом — особо, а пока войдем в жилище Толстых в бывшем Долгохамовническом переулке, под номером 21 (ныне — улица Льва Толстого). Иронично, впрочем: Лев Толстой, оказывается, жил на улице своего имени!

ДОМ ТОЛСТОГО КАК ГОРОДСКАЯ МОСКОВСКАЯ УСАДЬБА

Усадьба Льва Толстого — это как раз усадьба «гения места», правда, таковой она стала не сразу. Сменив множество хозяев, усадьба в 1882 г. перешла к Толстым.

Усадьба — старинное русское слово, пришедшее к нам от наших владетельных пращуров. Они хотели своих слуг как-то укоренить, «усадить» около себя и давали им землю — усад. Вот откуда ведет свое происхождение слово «усадьба».

Толстой всегда любил природу, поэтому он очень не хотел надолго отрываться от Ясной Поляны, где лесов и полей было более 155 гектаров. В Хамовниках — всего гектар старинного сада с насыпным холмом-горкой, но его не сразу обнаружил Лев Николаевич, когда задумал купить дом и участок в Москве для своей семьи. Причина покупки до банальности проста: дела литературные звали в столицу, да и детей нужно было учить и за старшим сыном присматривать — студенческая жизнь мало ли куда заведет...

Почему взгляд Толстого остановился на Хамовниках? Потому что в этой местности тогда еще сохранялись сады, огороды и островки пригородных когда-то усадеб. Все тут напоминало Ясную Поляну. Участок и дом принадлежали в те годы коллежскому секретарю Ивану Арнауту, а сама усадьба была частью некогда еще большей по размерам усадьбы князя Мещерского.

И конечно, вспомним еще раз общеизвестное: из-за сада купил Толстой Хамовники. Он приехал вечером смотреть дом вместе со старшей дочерью Татьяной Львовной. Хозяин посетовал: «Вы же ничего не увидите, Лев Николаевич». Но Толстой отмахнулся? «Не надо дом, я вижу сад»².

Что можно сказать о саде? Сад равен трем четвертям гектара, есть аллеи — старинная липовая, есть кленовая, у сторожки растет береза, которая увековечена для нас, потомков, в юном виде. На снимке 1898 г. Толстой сфотографирован верхом на Тарпане, а на заднем плане — березка. Юная, всего метра четыре в высоту, но стройная, а сейчас сгорбилась под воздействием и возраста, и неблагоприятных городских условий. Раньше Москва была более экологична!

В саду вместе с мемориальной березой 8 мемориальных и старых деревьев. Две липы доживают свой третий век. И все деревья,

естественно, больны. Они, как люди (впрочем, почему, как люди, — деревья живут дольше), но все-таки «как люди», потому что и их сроку приходит конец, и они подвластны всяким хворям, которые, как и против людей, совершенствуются в своем зловредстве и против деревьев.

Лечить сад непросто и дорого, потому что технологии хоть и усложняются, но не столь совершенны, как матушка-природа. И все-таки бороться за сад нужно, ибо, если мы остановимся на какой-то ступени, мы рискуем «обвалить садовую флору» на несколько ступеней вниз, ведь, сколько бы ни говорили о том, что городская среда стала экологичнее и здоровее, для деревьев она таковой не стала.

Так же ездят автомобили, их все больше, хоть и двигатели теперь не те, что в начале XX века, но количество-то машин увеличилось, поэтому пресс и на людей, и на растительность, и на животный мир только усилился. Вот так и Хамовники, городская усадьба русского типа, которой владел Лев Толстой, сопротивляется, насколько можно, сотрудники стараются облегчить жизнь растений, но ситуация «50 на 50». И результат в перспективе не берется предсказать ни один специалист. Вердикт их: храните, пока... пока они еще живут. Впрочем, итог все равно будет один — деревья в конце концов погибнут, ну, не на наших глазах, так на глазах следующих поколений. Хотя уже нескольким растительным смертям мы были свидетелями.

Но сохранится ли музей? — Конечно! Сохранится ли мемориальный сад? — Несомненно, но, скорее всего, без мемориальной составляющей, потому что «мемориальность растительного сообщества» — состояние временное. Ну, а сам сад вокруг музея будет существовать очень долго, если не вечно, потому что — и это главное! — он был у Толстых (не так важно, что в XXI или в XXII, XXIII веках уже не будет деревьев, видевших Толстых). Сад сам по себе является мерилom престижа, а не обременением. Многие ли музеи в стране могут похвастаться тем, что имеют сады, да еще мемориальные?

Усадебная культура, в частности, в отношении к садово-ландшафтному искусству, в России менялась век от века. Это вызвано было не только эстетическими постулатами эпох, но и политическими причинами. Поместное хозяйство шло в ногу с экономическим прогрессом эпохи. Сильно менялась и культура в усадьбах с 1860-х гг. Перемены были столь значительны, что это заметили и исследователи. Один из них — И. Н. Врангель, вообще заявил, что старой усадебной культуре подписан смертный приговор, усадьба умерла³.

Однако прогнозы не всегда сбываются. Как ни странно, темпы экономического развития, урбанизация, сверхбыстрый ритм человеческой жизни XX и особенно XXI века привели к тому, что человека все сильнее тянет к истокам, к неспешной жизни, к занятиям на земле,

где садоводство — одна из ведущих составляющих. Нынче мы видим и примеры возрождения настоящих усадеб — в Середникове, в Плесе, укрепляются и возникают как бы из временного небытия монастырские сады. Так что разговоры об угасании усадебной культуры сильно преувеличены. Ныне наступает ее поздний ренессанс. Культура жизни в усадьбах, конечно, видоизменилась в наше время, но в ней осталась ее синтетичность, включающая в себя хозяйство, садоводство, цветоводство и ландшафтную директорию, а также оранжерейное дело и воспроизводство утраченной лесной флоры и биотопов.

Нынче некоторые дачи — зеленые уголки отдыха, свойственные только России и некоторым бывшим советским республикам, — тоже можно отнести к усадьбам как по размеру территории, так и по стилю жизни. Словом, усадьба и усадебные сады и парки живут и побеждают, потому что в основе своей они заключают трепетную человеческую душу, способную превратить самую невыгодную сельскую, да и городскую тоже пустошь в райский сад.

Это видно по отдельным примерам, которые множатся в России год от года. Ну, а музеи, обладающие обширной садово-парковой территорией (неважно — мемориальной или не мемориальной), да и частные владения в XXI веке уже рассматривают окружающий жилые и рабочие здания сад как серьезный статусный элемент, как благодать божественную, а отнюдь не как обременительную собственность.

Сад приоткрывает нам свои тайны, а мы наслаждаемся его живописностью, как в свое время друг Толстого Афанасий Фет, увидевший сад таким:

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней...

¹ Так говорил святой о. Иоанн Кронштадтский.

² О Хамовниках Толстому в Ясную Поляну писал К. А. Иславин, дядя Софьи Андреевны Толстой 22 июня 1882 г.: «Я опять любовался садом: роз больше, чем в садах Гафиза; клубники и крыжовника — бездна. Яблонь дерев с десять, вишен будет штук 30; 2–3 сливы, много кустов малины и даже несколько барбариса. Вода — тут же, чуть ли не лучше Мытищинской. А воздух, а тишина! И это посреди столичного столпотворения. Нельзя не купить...» // Цит. по: *Булгаков В.* Дом Льва Николаевича Толстого в Хамовниках. М., 1928. С. 29.

³ См.: *Полякова М. А.* Русская усадебная культура как историко-культурный феномен // Музеи Москвы и музеология XX века: тез. науч. конф. 25–26 ноября 1997 г. М., 1997. С. 61–64.

**Материалы
научно-практической
конференции
по музейной педагогике
2017 г.**

**Proceedings
of the Scientific-Practical
Conference on the Museum
Pedagogics
2017**

Е. В. БОЙЦОВА
E. V. BOYTSOVA

**«Живой, растущий человек»
(Л. Н. Толстой о И. Е. Репине)**
**«A lively, upgrowing man»
(Leo Tolstoy on Ilya Repin)**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия музея с творческой молодежной средой, опыт проведения пленэров. Встреча с Толстым — всегда событие в жизни художника. Могут ли молодые художники получить творческий импульс, соприкасаясь с наследием писателя? Важны ли сегодня для них вопросы: что такое искусство, каковы его цели и задачи, как эти задачи связаны с жизнью общества?

Abstract

The article deals with the issues of interaction between the museum and creative youths, the experience of an open-air work. The meeting with Tolstoy is always a big event in the life of an artist. Can a contact with the writer's heritage become a creative impulse for young artists? Are they bothered today by such questions as: what is art, what are its goals and tasks and how this tasks are bound with the life of society?

Ключевые слова: Толстой, Репин, Ге, Нестеров, пленэр, студенты, живопись, интервью, творческий рост, взаимодействие.

Keywords: Tolstoy, Repin, Ge, Nesterov, open-air work, students, painting, interview, creative advance, interaction.

«Это было в 1893 году. Был чудесный, яркий весенний день перед Пасхой, на Страстной неделе. В залах Училища живописи, ваяния и зодчества устраивалась очередная выставка передвижников. <...> В блузе, заложив ладони за ремень кушака, своей особой походкой, точно скользя <...> Толстой словно неся, приподняв голову и слегка подаваясь вперед верхней частью туловища. Быстро, бодро и легко шел он — выражая собой одно устремление вперед»¹.

Таким появление Толстого на художественной выставке запомнил Л. О. Пастернак, написавший позже прекрасный портрет Толстого, в работе над которым художник опирался именно на это свое первое впечатление от облика писателя. «Я видел вспышки и блеск молнии, я видел грозу с рокотавшими за тучами заглушенными раскатами грома. Этого Толстого я старался изобразить потом на моем портрете в профиль, на фоне бурного неба»².

Совсем другая интонация у Константина Коровина: «Надоело в Москве. Надоело все: и театры, и умные картины передвижников, и то, что сказал Толстой»³.

Обе эти реплики передают ощущение времени, которое можно назвать временем Толстого. Читая их, понимаешь глубину, мощь присутствия Толстого в этом времени, плотность его воздействия на эпоху. Конечно, художники чувствовали это особенно остро. На очень многих из них Толстой оказал огромное влияние и творческой энергией, и высотой духовной жизни, и страстностью социального протеста, и силой таланта и интеллекта. Личное общение с Толстым давало художникам мощный творческий импульс.

Мир русских художников тоже очень интересовал Толстого. Наблюдая его, писатель проникал в психологию художественного творчества. Интерес этот был взаимным. Вот как об этом пишет И. Н. Крамской во время работы над портретом писателя: «А граф Толстой, которого я писал, интересный человек, даже удивительный. Я провел с ним несколько дней и, признаюсь, был все время в возбужденном состоянии даже. На гения смахивает»⁴. В романе «Анна Каренина» Толстой опирался на свое впечатление от встреч с Крамским, создавая образ художника Михайлова. Это заметил еще И. Е. Репин в письме к В. В. Стасову от 12 апреля 1878 г.: «А знаете ли, ведь его Михайлов страх как похож на Крамского, не правда ли?»⁵

Репин и Толстой познакомились в Москве в 1880 г. Их дружеские отношения продолжались почти 30 лет. В книге «Далекое — близкое» И. Е. Репин вспоминал: «Для меня духовная атмосфера Льва Николаевича всегда была обуревающей, захватывающей»⁶. Встреча с Толстым — всегда событие в жизни художника. Яснее всего это видно, когда мы вспоминаем о судьбе Н. Н. Ге. Тяжелый творческий кризис, который переживал художник, разочаровавшийся в искусстве и оставивший живопись, после встречи с Толстым был преодолен. Н. Н. Ге, получив мощный духовный импульс, вновь начал работать, сумев сказать настоящему новое слово в искусстве. «Вот уже месяц, как вас не вижу, но ни одного дня не проходит, не думая с вами»⁷.

Это, пожалуй, самые яркие примеры, самые звонкие имена. Круг художников, лично знакомых с Толстым, необыкновенно широк. Мастерские многих он посещал, бывал на Передвижных выставках,

в Третьяковской галерее, в Училище живописи, ваяния и зодчества, где училась его старшая дочь Т. Л. Толстая. Кто-то из художников приходил в гости к Толстому в Хамовники, кто-то приезжал в Ясную Поляну. Можно говорить о встречах Толстого с Перовым и Мясоедовым, Ярошенко и Савицким, Поленовым и Прянишниковым, Похитоновым и Касаткиным, Дубовским и Орловым, Суриковым и Васнецовым, Маковским и Серовым, Борисовым-Мусатовым и Нерадовским, Моравовым и Мешковым. Даже самое беглое перечисление имен говорит о широте этого круга.

Общение художников с Толстым пробуждало в них стремление глубже осознать смысл того дела, которому они посвятили жизнь, определить место своего творчества в обществе, уяснить нравственные категории, которыми должен руководствоваться художник. «Поощрение от такого человека — очень ценная вещь, сразу чувствуешь, что ты в самом деле на ногах стоишь, словом, ты полезный человек»⁸. Огромное воздействие на художественную среду оказал трактат Толстого «Что такое искусство?» (Журнал «Вопросы философии и психологии 1897—1898 гг.», который Э. Г. Бабаев назвал «неевклидовой геометрией искусства»).

Нестеров, работая над образами для картины «На Руси», объяснял свое внимание к Толстому в письме к А. А. Турыгину: «Еду я потому, что мне Толстой нужен»⁹. «В Толстом я нашел того нового, сильного духом человека, которого я инстинктивно ишу после каждой большой работы»¹⁰.

Нам показалось, что Толстой нужен и современным молодым художникам, прежде всего, студентам. Долгое время музей предлагал студенческой аудитории только традиционный набор экскурсий и лекций. В музейных залах студентов можно было встретить не так часто. Мы решили начать работу со студентами московских художественных вузов. Нам показалось, что такая работа привлечет в музей студенческую аудиторию, сможет многое дать как музею, так и молодым художникам.

Наблюдая процессы, происходящие в современном искусстве, приходишь к выводу, что, как правило, вопрос формы превалирует над содержанием. Художественные высказывания смелы, но часто автору просто нечего сказать. Это можно объяснить унификацией, стереотипностью мышления, характерной для молодежной среды, испытывающей мощное воздействие средств массовой информации, социальных сетей. Безусловно, виновата в этом и некоторая рафинированность жизни молодежи, когда нет необычных обстоятельств, серьезных испытаний, в которых приобретает личный человеческий опыт, действительно способный перейти в опыт творческий, стать художественным высказыванием. В искусстве нового времени стало меньше глубины, сосредоточенности, чувства нравственной ответ-

ственности. «Все художники настоящие только потому художники, что им есть что писать...»¹¹. Музей обладает большими потенциальными возможностями воздействия на молодежную художественную среду.

Мы решили найти точки соприкосновения, определяющие взаимный интерес молодых художников и музея, и пришли к выводу, что стоит начать с проведения пленэров, то есть именно с творческой работы. Решено было каждый пленэр посвящать какой-либо теме, связанной с творческими поисками Л. Н. Толстого и окружавших его художников.

Первый пленэр назывался «Лето в Хамовниках». Чтобы собрать аудиторию, мы обратились РАЖВиЗ Ильи Глазунова. Затем к этой работе присоединились студенты МГАХИ имени В. И. Сурикова, учащиеся ВГиКа, Художественного училища памяти 1905 года (МГАХУ), Московской художественно-промышленной академии имени Строганова, Университета дизайна и технологий имени А. Н. Косыгина, студенты Театрально-музыкального колледжа имени Галины Вишневской, Университета печати имени Ивана Федорова.

Конечно, в самом начале работы была экскурсия по Хамовникам. Студенты узнали и о духовных и творческих исканиях Толстого, и о тех художниках, которые бывали в стенах дома Толстого. Было решено на каждом пленэре говорить о каком-либо художнике, входящем в круг общения писателя, подробнее, полнее. Первый пленэр был посвящен Н. Н. Ге. После рассказа о художнике, об истории его взаимоотношений с Л. Н. Толстым, о том круге идей, которые их волновали, началась самостоятельная творческая работа студентов. Они выбирали место, писали. Виден был неподдельный интерес к дому Толстого. В процессе работы мы брали у художников интервью, стараясь так строить вопросы, чтобы ребята оставались в русле тех серьезных тем, которые были затронуты на экскурсии. Их вниманию были предложены вопросы, ответы на которые помогли бы дополнить полученные на экскурсии знания. Кроме того, нам хотелось узнать больше о самих художниках, услышать их искренние ответы на вопросы, среди которых были следующие:

— Говорят, что в доме Толстого часы не просто отсчитывают время, а спрашивают: «Кто ты? Что ты?» Как бы вы ответили на этот вопрос?

— Толстой говорил, что лучшее состояние души — не быть, но чувствовать себя виноватым. Как вам кажется, какое состояние души для художника самое плодотворное?

— Любимая поговорка Толстого: «Делай что должно, и пусть будет что будет». Есть ли у вас какой-либо девиз, которым вы руководствуетесь?

— Есть ли сила в этике ненасилия?

— Как вы думаете, человек делает работу или работа делает человека?

— Интересно ли вам продолжить работу в жанре литературного пейзажа?

— Одно из определений счастья у Толстого — честный труд и преодоленное препятствие. А как бы вы определили, что такое счастье?

— О чем бы вы хотели спросить Толстого, если бы у вас была такая возможность?

— В ранней молодости Толстой начал вести дневник, который назвал «Правила жизни». А есть ли у вас правила жизни?

— Творчество для Толстого — это отчасти форма обретения бессмертия. А что такое творчество для вас?

— Страстное желание молодого Толстого — найти цель жизни, цель общую и полезную. А вы ставите перед собой какие-нибудь цели?

— Одним из главных критериев подлинного искусства Толстой считал заразительность. А что для вас в искусстве главное?

— Нестеров считал, что Толстого от России «отставить невозможно». Вы согласны с ним?

— Один из трактатов Толстого называется «Путь жизни». Как вам кажется, существует ли именно путь, осмысленное движение человеческой жизни или жизнь — это сцепление случайностей? Зависит ли судьба человека от его усилий, прежде всего, нравственных?

— Толстой любил повторять слова одного из крестьянских проповедников: «Все в тебе, и все в любви». Как вы понимаете эти слова?

— Толстой считал, что ничто не может так улучшить художественное произведение, как вымарки. А для вас творческий процесс — это собирание найденного материала воедино или отсекание всего лишнего?

— Толстой работал ежедневно. Как вы считаете, ежедневный труд необходим художнику?

— Толстой писал, что нет величия там, где нет простоты, добра и правды. А для вас в чем состоит величие, что отличает великое произведение?

— Как вам кажется, зарывать свой талант в землю — грех? Существует ли нравственная ответственность художника перед своим талантом?

— «Много знаний разных — но одно важнее и достовернее всех — знание того, как жить». Это мнение Толстого. А для вас какое знание является самым важным?

— Свой день Толстой делил на четыре упряжки: тяжелый физический труд, труд умственный, ремесленный, труд любовного общения с людьми. Делится ли ваш день на важные и обязательные составляющие? Какая из «упряжек» Толстого вам кажется самой главной?

— Что вы думаете по поводу идей Толстого, связанных с вегетарианством, опрощением?

— Как вы считаете, существует ли нравственная ответственность художника перед народом?

— Как вы думаете, художника должны волновать социальные вопросы? Должен ли он участвовать в решении социальных проблем, или сфера приложения его сил — только искусство?

— Обогащает ли художника участие в общей работе, или художник должен быть одинок?

Готовя вопросы, мы не были уверены: будут ли студенты на них отвечать искренне, станут ли они вообще участвовать в интервью. Страхи оказались напрасными. Мы получили очень интересные ответы. Работа с вопросами и ответами стала частью единого творческого процесса.

По завершении пленэра здесь же, в Хамовниках, была проведена выставка. Очень легкая, импровизационная. Картины расставили прямо на скамьях и стульях в саду. По итогам выставки был проведен конкурс, отметивший лучшие работы. Оговаривая условия пленэра и выставки, мы предупредили, что главный принцип их проведения — принцип свободы, который так был дорог Толстому — педагогу. Писать можно было используя любой материал, в любом формате. Было решено предложить для конкурса несколько номинаций, чтобы отметить как можно больше работ:

- Образ дома.
- Образ сада.
- Глазами хранителя.
- Глазами музейного посетителя.
- Глазами художника.
- Глазами искусствоведа.

Лучшие работы выбирали художники — члены жюри, хранители усадьбы, посетители, пришедшие в этот день в Хамовники, студенты-искусствоведы. Совместная работа молодых художников и искусствоведов нам тоже показалась важной и интересной. Мы пригласили в Хамовники студентов кафедры искусствоведения МГУ. Они смотрели и на процесс работы, и на результат, выступали на конкурсе, представляя выбранные ими лучшие работы. Оказалось, что такое сотрудничество одинаково важно и интересно как для художников, так и для искусствоведов. И те, и другие смогли выполнить самостоятельные творческие работы, познакомились с усадьбой Л. Н. Толстого, смогли почувствовать и передать ее своеобразную красоту, осознали, что музей — зона их успешности. На пленэре произошло знакомство студентов разных художественных вузов, продолжившееся дальнейшим творческим общением, была преодолена их взаимная настороженность.

Следующий пленэр был проведен спустя несколько месяцев. Он назывался «Осенний день в Хамовниках». Этот день был посвящен И. Е. Репину, истории его взаимоотношений с Л. Н. Толстым. «Мне хотелось его слушать и слушать без конца, расспросить его обо всем. И он не был скуп, спасибо ему, он говорил много, сердечно и увле-

кательно. Ах, все бы, что он говорил, я желал бы записать золотыми словами на мраморных скрижалях и читать эти заповеди поутру и перед сном...»¹².

Л. Н. Толстой посетил мастерскую Репина в Москве 7 октября 1880 г. «Я все еще под влиянием вашего посещения. Много работы задали вы голове моей. <...> Теперь, на свободе, раздумывая о каждом вашем слове, мне все более выясняется настоящая дорога художника, я начинаю предчувствовать интересную и широкую перспективу»¹³.

Репину принадлежит не только множество изображений Л. Н. Толстого. Художник был и иллюстратором произведений писателя. Нам показалось возможным сделать так, чтобы тональность осенним этюдам в Хамовниках задавал текст Толстого. Мы предложили студентам литературную игру. Они наудачу выбирали одну из подобранных нами цитат. Мы просили прочесть текст, прислушаться к его звучанию, его тональности и попытаться написать работу, тонально созвучную тексту Толстого. Самый лучший результат был у того, кому достался отрывок из «Семейного счастья»: «Перед вечером погода разгулялась. И после дождей, начавшихся летом, прояснился первый холодный и блестящий осенний вечер. Все было мокро, холодно, светло, и в саду в первый раз замечался осенний простор, пестрота и оголенность. На небе было ясно, холодно и бледно».

По итогам этого пленэра выставка проходила уже в стенах Государственного музея Л. Н. Толстого на Пречистенке. Для многих участников такой выставочный опыт был первым. Наша выставка стала своеобразной деловой обучающей игрой. Этикетаж, аннотации, афиши, названия работ, развеска. Чему-то учились мы, чему-то студенты. В результате выставка удалась и была поддержана музеем, нашими фондами. Несколько студенческих работ были приобретены музеем. Студенты получили справки и об участии в выставке, и о том, что их работы приобретены музеем. Некоторые из этих работ уже принимали участие в выставочных проектах музея.

Следующий наш шаг — пленэр, по итогам которого состоялась выставка «Московские адреса Л. Н. Толстого». Мы составили список домов, связанных с биографией Л. Н. Толстого и его героев. Тема Москвы в жизни и творчестве Л. Н. Толстого оказалась широкой и потрясающе интересной. Студенты сами выбирали из предложенного списка то здание, которое хотели бы написать, и шли работать в удобное для них время, в свободном режиме. В этом списке был и дом Ростовых на Поварской, и дом Марьи Дмитриевны Ахросимовой (Офросимовой) в Чистом переулке, откуда Анатолий Курагин пытался увезти Наташу, и Погодинская изба, и храм Христа Спасителя, и дом Волконского на Воздвиженке, и Новодевичий монастырь, и дом Щербачева на Плющихе, ставший первым московским адресом Л. Н. Толстого, и дом

Щербацких в Хлебном переулке, и дом А. К. Разумовского, и особняк на Пятницкой, 12, и церковь Успения на Могильцах, и дом в Сивцевом Вражке, где Толстой родился как писатель. Выставка по итогам этого пленэра много дала не только художникам, но и нам, сотрудникам музея. В процессе подготовки материала мы познакомились с новой информацией, увидели воочию дома, связанные с Толстым, попытались понять предпочтения писателя, ответить на вопрос, почему для своего героя он выбирает тот или иной адрес. Возникло ощущение, что вот они эти дома, рядом. Они живут, они помнят, в них звучат голоса толстовских героев, голоса родных, друзей, гостей писателя. Появились идеи новых маршрутов пешеходных экскурсий, связанных с московскими адресами Толстого. Выставка получилась очень теплой, близкой каждому москвичу. Мы решили на ней провести несколько встреч. Одна из них была посвящена концерту группы студентов МГАХУ памяти 1905 г. Оказалось, что ребята сами пишут песни: и тексты, и музыку. Концерт получился самобытным, общении дружеским и искренним.

Следующий наш проект — пленэр в Ясной Поляне. Нас замечательно встретили коллеги, и мы все три дня говорили и о Толстом, и о его общении с Нестеровым и Крамским, которые приезжали сюда. «Иное было в Ясной Поляне, там все клочкотало около Льва Толстого — он собой, своим духовным богатством, великим своим талантом, помимо воли, одарял всех, кто соприкасался с ним»¹⁴.

Хотелось, чтобы художники увидели и попытались передать тот образ усадьбы, образ дома Толстого, который есть и в «Метели», и в «Семейном счастье», и в «Детстве», и в письмах и дневниках писателя, и в воспоминаниях о нем.

Ясная Поляна — земля обетованная для всей русской культуры, место силы для каждого человека, дорожающего русским словом. Таинственные токи Ясной Поляны питали талант Толстого, помогая ему расти и набирать силу. Чувствовалось, что после этого пленэра произошел некоторый качественный скачок и в творческих работах молодых художников. Был очевиден рост каждого участника. По отношению к каждому из них можно было повторить слова Толстого о Репине: «Был Репин, написал хороший портрет. Я его еще больше полюбил. Живой, растущий человек и приближается к тому свету, куда все идет, и мы грешные»¹⁵.

Выставка по итогам пленэра «Три дня в Ясной Поляне» была приурочена к «Ночи искусств». Эти выставки тоже теперь стали музейной традицией.

Сейчас мы готовим выставку, посвященную дому на Пречистенке, в котором расположен музей Л. Н. Толстого. Этот дом, необыкновенно гармоничный, соразмерный, — шедевр московского ампира, 200 лет назад построенный архитектором Афанасием Григорьевым. Выставка

так и будет называться: «Шедевр московского ампира». Подготовительные пленэры уже прошли. Студенты писали и интерьеры дома, и его фасады, работали внутри и снаружи. Будем надеяться, что выставка получится и станет частью проекта, посвященного нашему дому, его юбилею, в котором будут принимать участие молодые художники, краеведы, архитекторы, искусствоведы, историки. Живое творческое общение со студенческой молодежью продолжится.

¹ Цит. по: *Пастернак Л. О.* Записи разных лет // Л. Н. Толстой и художники. М., 1978. С. 269.

² Цит. по: *Указ соч.* С. 269—270.

³ *Коровин К.* Человек со змеей. М., 1990. С. 459.

⁴ *Крамской И. Н.* Письмо И. Е. Репину от 23 февраля 1874 г. // И. Е. Репин и И. Н. Крамской. Переписка. М.; Л., 1949. С. 71.

⁵ *Репин И. Е.* Письмо В. В. Стасову // И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка: в 3 т. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 29.

⁶ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 479.

⁷ *Ге Н. Н.* Письмо Л. Н. Толстому от 28 февраля 1884 г. // Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка. М.; Л., 1930. С. 59.

⁸ *Дубовской Н. Н.* Письмо А. М. Васнецову от 11 апреля 1895 г. Цит. по: Л. Н. Толстой и художники. С. 125.

⁹ *Нестеров М. В.* Письмо А. А. Турыгину от 30 июля 1906 г. // *Нестеров М. В.* Из писем. Л., 1968. С. 176.

¹⁰ *Нестеров М. В.* Из книги «Давние дни» // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 131.

¹¹ *Толстой Л. Н.* Письмо Н. Н. Ге от 14 мая 1887 г. Юб. Т. 64. С. 45.

¹² *Репин И. Е.* Письмо В. В. Стасову от 8 октября 1880 г. // И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. С. 53.

¹³ *Репин И. Е.* Письмо Л. Н. Толстому от 14 октября 1880 г. // И. Е. Репин и Л. Н. Толстой. Переписка. М., 1949. Т. 1. С. 9.

¹⁴ *Нестеров М. В.* Из книги «Давние дни». С. 136.

¹⁵ *Толстой Л. Н.* Письмо Н. Н. Ге от 5 октября 1887 г. Юб. Т. 64. С. 99.

Б. В. АБАЛАЕВА
B. V. ABALAYEVA

**Образовательные программы
Российского этнографического музея
От запроса к предложению**

**Educational programs of the Russian Museum
of Ethnography
From the request to the offer**

Аннотация

Темой статьи является образовательная деятельность Российского этнографического музея. Подчеркивается, что перед современным российским обществом стоят сейчас задачи, коррелирующие с профилем этнографического музея – это гармонизация межэтнических отношений, взаимодействие и сосуществование традиционных культур. Перечисляются и характеризуются проекты последнего времени, реализуемые при партнерском участии государственных институций.

Abstract

The topic of the article is the educational activity of the Russian Museum of Ethnography. It is emphasized that contemporary Russian society faces now the tasks that correlate with the profile of ethnographic museum – harmonization of interethnic relations, interaction and coexistence of traditional cultures. The recent museum projects realized in cooperation with government institutions are cited and characterized.

Ключевые слова: *Российский этнографический музей, образовательные программы, русский язык, экологическая среда, религиозная культура, фольклор, Л.Н. Толстой.*

Keywords: *Russian Museum of Ethnography, educational programs, Russian language, ecological environment, religious culture, folklore, Leo Tolstoy.*

Российский этнографический музей (РЭМ) занимает особое место в культурно-образовательном пространстве страны. Эта особенность

исторически обоснована и отмечена самим фактом строительства в 1914 г. здания музея близ главной магистрали имперской столицы. Могущество государства российского здесь представлено уникальной культурой более чем 150 народов.

Сегодня музей позиционируется как общенациональная сокровищница этнографических памятников, позволяющая представить любую этническую культуру России в актуальном аспекте: экологическом, гражданско-историческом, кросс-культурном, конкретно- и обще-этнографическом и т.д.

Перед современным российским обществом стоят сейчас задачи, коррелирующие с профилем этнографического музея — это гармонизация межэтнических отношений; воспитание национального самосознания, подлинного российского патриотизма; консолидация нации вокруг общечеловеческих ценностей; минимизация конфликта между цивилизацией и экологией; взаимодействие и сосуществование традиционных культур.

Воспитательная, образовательная, просветительская миссия музея осуществляется через экспозиционный ресурс и лекционные программы. Успешность таких программ напрямую связана с пониманием ожиданий общества, умением привлечь заинтересованных партнеров к их созданию.

Темой моего доклада будет образовательная деятельность музея как части единой культурно-образовательной среды. Речь пойдет о проектах последнего времени, реализуемых при партнерском участии государственных институций.

Концепция образовательных программ музея строится на включении музея в единую образовательную среду, общепедагогический процесс, в котором учащиеся имеют возможность подтверждать, пополнять и углублять знания, полученные в процессе обучения. От государства поступил запрос на специальные программы — в частности, патриотического воспитания граждан. Патриотизм в традиционной культуре ассоциируется с любовью к родине, родной природе, дому, фольклору, декоративно-прикладному творчеству. Все это и послужило отправной точкой наших поисков.

Коррективы в новые проекты музея, адресованные школьникам, были внесены требованиями Федерального Государственного образовательного стандарта (ФГОС).

Аудитория современных школьников имеет свою специфику восприятия: оно неполно без динамики действия, разнообразия и яркости зрительных ощущений, звуковых эмоциональных впечатлений. Все это задало вектор нашей работе при создании новых программ.

Основной контингент наших посетителей — школьники. По тенденции последних лет ученики выпускных классов больше заняты

подготовкой к ЕГЭ, поступлению в вузы, и их число в музейных залах сократилось. Это подвело нас к необходимости расширения формата «Урок в музее». Экскурсионные программы стали формироваться в циклы абонементов, призванные закреплять и дополнять школьные знания. В случаях, когда тематика выходит за пределы специализации музея, мы привлекаем к сотрудничеству партнеров соответствующего профиля.

Это видно на примере запущенного в 2015 г. совместного проекта Российского этнографического музея, Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» (ГМП «Исаакиевский собор») и Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена) — «Россия: истоки и грани культуры». Разработанная в рамках данного проекта абонементная программа состоит из трех частей:

1. Абонемент Российского этнографического музея — 3 экскурсии, знакомящие школьников с традиционной культурой в историческом и кросс-культурном контексте. Этнокультурное пространство России представлено экспозициями, посвященными Северо-Западному региону, восточным славянам и русскому народу. Школьникам рассказывают об основах хозяйствования, природно-климатических условиях, культурных контактах с соседними народами, основных занятиях, традиционной еде, духовном аспекте.

2. Абонемент ГМП «Исаакиевский собор» — 3 экскурсии, проводимые сектором музейной педагогики ГМП «Исаакиевский собор» в трех музеях Санкт-Петербурга — Спас на Крови, Сампсониевский собор и Исаакиевский собор. Здесь школьники знакомятся с миром духовной культуры русского народа, спецификой храмового строительства имперской столицы.

3. Завершающая олимпиада и конференция учащихся, разработанная специалистами РГПУ им. А. И. Герцена.

Проект рассчитан на учащихся старших классов и носит метапредметный характер, дополняя школьную программу по истории отечества, обществоведению, географии, петербурговедению и другим предметам. Например, учебная программа по русскому языку рассматривает слово в контексте традиционной культуры, разъясняет историзмы и архаизмы, прослеживает этимологию слов, на отдельных примерах показывает, как развивается живая русская речь. В обстановочной сцене «Расплетение девичьей косы» на экспозиции «Народы Северо-Запада» приводится фрагмент романа Александра Варламова и Александра Цыганова «Красный сарафан»:

Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косынку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пушай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

Эта сцена, подкрепленная текстом романса, позволяет наглядно продемонстрировать школьникам, каким был свадебный ритуал наших предков, о чем говорит символика свадебного обряда и костюма, символика красного цвета. Раскрывается смысл выражения «опростоволоситься», объясняется, почему радостное, на взгляд современного человека, событие преподносится как печальное. Подобные сюжеты побуждают расширять полученные в школе знания, в занимательной форме знакомят с историей своего народа.

Сквозной мотив абонемента — экологическая среда, ведь природа давала пищу и кров нашим предкам и определяла их сознание. Иллюстрация этому — предметный мир традиционной культуры, например, разнообразие форм и материалов утвари и посуды: керамической, деревянной, металлической — и прекрасное знание физических свойств природных материалов. Так, при изготовлении деревянной посуды учитывалась порода и часть дерева — дубовые бочки использовались для консервирования, берестяные короба для хранения ягод, грибов. Ушаты, бочонки, бочки, кадки, пестери — все это имело свое назначение и место в крестьянском хозяйстве. Бережное отношение к кормилице-природе впитывалось с молоком матери и прочно входило в сознание. Экскурсовод привлекает внимание школьников к нарушениям равновесия человек-природа в современном мире, побуждая их задуматься над последствиями таких явлений.

С октября 2015 по март 2017 г. участниками данного проекта стали ученики 14-ти классов из 19-ти петербургских школ (сборные команды от школ). Победители олимпиады получили поощрения и бонусы при поступлении в РГПУ им. А. И. Герцена.

Экологическое направление получило развитие в рамках подготовки к году экологии в России. Среди новых проектов музея, приуроченных к этому событию, — абонемента из 4 экскурсий для учащихся средней и старшей школы: «Экологическое сознание в традиционной культуре». В 2016–2017 учебному году его посетило 12 классов петербургских школ.

Абонемента рассказывает о влиянии природно-климатических условий на жизнь человека и культуру народа. Хронологические рамки экспозиции — XIX–XX века — позволяют анализировать проблему

экологии во временном контексте, сопоставлять с современностью, выявлять тенденции в процессе освоения природы человеком. Отбор экспозиционного материала способствует пониманию культурных и духовных ценностей народа, связанных с отношением к природе, с приверженностью к здоровому и экологически целесообразному образу жизни. Темы абонементов:

1. Природа и климат Восточно-Европейской равнины в жизнеобеспечении русских земледельцев.

2. Природный ландшафт Северо-Запада и основные занятия населения.

3. Природный ландшафт и основные занятия народов Кавказа.

4. Основные и вспомогательные занятия городского и сельского населения Средней Азии и Казахстана.

Исследование территории расселения конкретного народа, природно-климатической специфики местности выявляет ее влияние на жизнеобеспечение и культуру народа. Важно то, что, опираясь на наглядные примеры, мы поднимаем проблему состояния окружающей среды, растительного и животного мира в последние 150 лет, анализируем влияние деятельности человека на природу и окружающий мир, экосистему.

Все мы знаем, какую острую полемику в обществе вызвал курс «Основы мировых религиозных культур и светской этики» (ОМРКСЭ). Музей не остался в стороне от проблемы, ведь в основе любой народной культуры лежит духовная традиция. Самые простые предметы домашнего быта в традиционной культуре наделены, помимо утилитарных, еще и сакральными свойствами. Например, глиняный горшок для хранения и приготовления пищи использовался в ряде дохристианских обрядов, и более того, эти обряды продолжали соседствовать с уже христианским мировоззрением. Религиозный синкретизм присутствует в любой монотеистической духовной традиции.

Приступая к разработке абонементов по ОМРКСЭ в 2015 г., научно-методический отдел музея исходил из того, что школьников нужно познакомить с универсальным опытом, объединяющим разные мировоззрения. Абонемент включает пять тем:

1. «Архаичные верования и культы» (экспозиции «Народы Сибири и Дальнего Востока. XIX–XX вв.», «Народы Поволжья и Приуралья. XIX–XX вв.»). Происходит знакомство с культовыми предметами, атрибутами магических обрядов, амулетами. Рассматриваются понятия: магия, анимизм, тотемизм, шаманизм, политеизм.

2. «Основы христианства» (экспозиции «Народы Северо-Запада России и Прибалтики. XVIII–XX вв.», «Русские. XIX–XX вв.»). Школьники знакомятся с общими положениями христианского мировоззрения, разнообразием христианской традиции в России — католицизмом,

протестантизмом, православием. Рассматриваются взаимодействие духовной и материальной сторон крестьянской жизни, христианский храм, церковные праздники, обряды, народное православие.

3. «Основы иудаизма» (экспозиция «История и культура евреев в России. XVIII—XX вв.»). Раскрываются следующие темы: возникновение иудаизма — исторический и социокультурный аспект; священные книги иудаизма, культовые сооружения и предметы культа; локальное разнообразие традиционной культуры евреев — Средняя Азия (бухарские евреи), Кавказ (кавказские евреи, таты), Восточная Европа (ашкеназы); праздники и обряды еврейского народа.

4. «Основы ислама» (экспозиции «Народы Южного Кавказа. XIX—XX вв.», «Народы Средней Азии и Казахстана. XIX—XX вв.»). Школьники узнают о социокультурном аспекте возникновения ислама; локальном разнообразии традиций в рамках единой духовной основы, о священной книге мусульман, главных праздниках и обрядах, искусстве в религиозной культуре.

5. «Основы буддизма» (экспозиция «Народы Сибири и Дальнего Востока. XIX—XX вв.»). Делается обзор общих положений буддизма. На материалах этнографии бурят раскрываются темы: возникновение основных течений буддизма, дацан, значение ламы в жизни верующих. Учащиеся узнают об индивидуальных духовных практиках верующих, о буддистских праздниках и духовно-нравственных ценностях буддизма.

С 2015 г. абонемент посетило 24 класса.

Проблеме межрелигиозного согласия близка тема межэтнической толерантности. Парад суверенитетов бывших союзных республик СССР поделил общество на «своих» и «чужих». В каждой семье обсуждалась необходимость консолидации вокруг общих ценностей, культурной идентичности. Маркером такой культурной идентичности является общая историческая судьба, территория проживания, культурное пространство, духовная традиция. Манипулируя молодежью, нечистоплотные политики могут использовать процессы консолидации для решения своих деструктивных политических задач.

Ответом музея на подобный запрос стали специальные проекты. Абонемент из 3 экскурсий «Потомки древних славян» базируется на школьной программе по обществознанию, истории, географии, Россия в мире и освещает следующие темы:

1. «Потомки древних славян». Дается понятие об общности и различиях в традиционной культуре, о том, чем они обоснованы, как складывались в контексте исторического развития и культурных связей, единой духовной основы.

2. «Народы Северо-Запада России». В ходе экскурсии рассматриваются общность и различия природно-климатических условий

Северо-Западного региона в историческом и культурном контексте, традиции различных направлений христианства.

3. «Традиционная культура русского народа». В центре экскурсии — православие как основа культуры, разнообразие природно-климатических условий и система хозяйствования, промыслы и ремесла, жилище, праздничная обрядовая жизнь, костюм, факторы, способствовавшие культурному многообразию и консолидирующая роль православия.

Особое место в ряду программ для школьников заняло направление, связанное с воспитанием межэтнической толерантности. В нашем городе проживают представители разных национальностей, и гармонизация межэтнических отношений просто необходима для имиджа Санкт-Петербурга как крупного мультикультурного и поликонфессионального европейского города.

Катализатором процесса послужило принятие городской программы «Толерантность»¹, когда в музей за помощью начали обращаться школьные педагоги. Откликаясь на этот запрос, мы пришли к созданию совместной программы с Комитетом по молодежной политике администрации Петроградского района. Был разработан цикл экскурсий, лекций и практических занятий по традиционной культуре народов России. Каждую экскурсию предваряла тематическая лекция научных сотрудников, проводились фольклорные театрализованные представления, завершились мероприятия конференцией учащихся.

Этот проект, задействовавший 420 школьников из 8 школ Петроградского района, стал для музея началом большой городской программы, инициированной Комитетами по внешним связям и образованию Санкт-Петербурга.

В рамках городской программы «Толерантность» музей разработал проект: «Познаем народы России и мира — познаем себя». За 2010/11 учебный год участниками стали 126 школ — 3425 семиклассников. Несмотря на окончание действия программы (2010–2015 гг.), осталось много желающих ее посетить, в 2016/17 учебном году было продано 178 абонементов, приняло участие 5360 школьников.

Программа состоит из пяти тематических блоков, построенных по принципу общности этнографических групп и историко-этнографической специфики России: «Славяне Восточной Европы»; «Потомки древних финнов»; «Народы Сибири и Дальнего Востока»; «Народы Кавказа»; «Народы Средней Азии». Экскурсии дополнены мастер-классами по традиционным ремеслам, народными играми, фольклором. По отзывам учителей, школьники с желанием посещали занятия абонемента, ожидания разработчиков оправдались — знакомство с «чужой», часто неожиданно интересной и своеобразной культурой способствовало мировоззренческой зрелости, пониманию ценности своей и чужой культуры.

Хочется особо отметить потенциал сотрудничества с культурно-досуговыми и образовательными учреждениями города. Здесь школьники в свободное время реализуют свои творческие возможности, разнообразные интересы, в том числе и связанные с традиционной культурой. Желание углубиться в тематику, поделиться своими достижениями стало основой совместных проектов. Музей начал привлекать учреждения дополнительного образования и культуры к своим временным выставкам.

Показательным примером здесь может быть выставка «Глазами Гоголя. Этнографические впечатления и литературный текст», приуроченная к 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Для того чтобы вовлечь в это музейное событие максимальное число участников, мы решили организовать фестиваль, формат которого допускает разнообразные формы творчества.

В результате городские учреждения дополнительного образования Петербурга устроили в музее 3 выставки. Самой масштабной оказалась городская выставка детского рисунка и декоративно-прикладного творчества. За право выставить свои работы боролись 29 студий из 17 учреждений дополнительного образования Санкт-Петербурга. Всего было выставлено в музее 127 работ финалистов конкурса. Взрослые участники, преподаватели и учащиеся Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (СПб АППО), сделали выставку и мастер-классы «Традиционная украинская кукла».

Специальные концертные программы подготовили студенты кафедры русской народной песни Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. В их фольклорных концертах (6 концертов) исполнены шедровки, хороводные, игровые, лирические и плясовые песни России и Украины.

Фольклорные коллективы города, связанные с украинской культурой, подготовили и исполнили свои программы, в которые входили: танцы, игры, гадания, колядки, песни русского и малороссийского казачества, хоровое пение, инсценировки обрядов, рождественских гуляний, описанных в произведениях Гоголя, а также театрализованное представление «Зимние праздники Украины».

Участники фестиваля и их гости — друзья, одноклассники, семьи — смогли прикоснуться к миру гоголевских героев, воочию увидеть своеобразие культуры украинского народа, способствуя пониманию творчества Гоголя и украинской культуры. Фестиваль оказался масштабным событием для города — было проведено 25 мероприятий, которые посетило более 2300 человек.

Образовательная деятельность музея привела нас к сотрудничеству с кафедрой культурологического и филологического образования

СПб АППО. Коллеги совместно с литературными музеями Санкт-Петербурга с 2016 г. организовали новый культурно-образовательный проект «Литературный багаж», направленный на повышение читательской грамотности школьников. В основе проекта — изучение литературного текста, расширение его пространства с помощью музейных занятий.

В практике музея уже были экскурсии, вдохновленные литературной тематикой — произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Но нам представляется, что музею, связанному с народной культурой, изначально было назначено обратиться к творчеству Льва Николаевича Толстого. Сегодня, пусть и с вековым опозданием, мы отдаем дань памяти великому русскому писателю, мыслителю, просветителю и народному любимцу Льву Толстому.

Архитектурной доминантой, центром композиции музейного здания является Мраморный зал. Главный его акцент — фриз, проходящий по периметру всего зала, выполненный в технике горельефа. Авторы — скульпторы М. Я. Харламов (1870–1930) и В. С. Богатырев (1871–1941). В теме фриза выражается суть музея — этническое многообразие России. Его скульптурная композиция состоит из 183 фигур, представляющих сцены из крестьянской жизни народов России.

Открывается скульптурный ряд сценой из жизни русского народа «Проводы рекрута в армию», в центре сцены — образ Льва Толстого, словно иллюстрация к очерку «Песни на деревне».

Уникальность этого сюжета, созданного более 100 лет назад, в том, что авторы проявили гражданскую смелость, изобразив писателя — народного кумира, невзирая на нелюбовь к нему официальной власти и церкви. Конечно, без воли архитектора, автора проекта здания, здесь бы не обошлось. Василий Федорович Свиньин не без основания симпатизировал Толстому. Будучи сам выходцем из крестьян, он понимал цену писательской солидарности со своим народом.

Неподдельная любовь к простому крестьянину была взаимной — народ считал Толстого своим заступником, называл батюшкой. Одним из главных героев его произведений был народ. Литературное наследие Толстого представляет собой еще и бесценный этнографический материал, поэтому личность писателя отнюдь не безразлична музею, представляющему народную культуру.

Задуманный нами цикл интерактивных экскурсий «Крестьянский мир глазами графа Льва Толстого» построен в согласии с требованиями программы ФГОС по литературе/истории и адресован трем возрастным категориям школьников: ученикам младшей, средней и старшей школы. В центре каждой экскурсии — предметы крестьянского быта, которые мог видеть, использовать или описывал Лев Николаевич.

В первой экскурсии цикла, рассчитанной на младших школьников, используются тексты «Азбуки», «Книг для чтения», а также басни, притчи, пословицы и поговорки из уст Толстого, его арифметические задания, дети знакомятся с русскими счетами.

В экскурсию включены иллюстративные материалы, на которых Лев Николаевич запечатлен художниками-современниками, — репродукции картин И. Е. Репина, И. Н. Крамского, Г. Г. Мясоедова. Детям предоставляется возможность увидеть давно вышедшие из обихода предметы крестьянского быта и соотнести их с изображениями в книгах художников-иллюстраторов Толстого. Документальным сопровождением экскурсии являются исторические фотографии.

Сейчас идет подготовка экскурсий из цикла «Крестьянский мир глазами графа Льва Толстого» для средней и старшей школы. Однако, чтобы лучше понимать ожидания учителей и школьников, хотелось бы привлечь к сотрудничеству педагогов.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о проблемах. Работа над новыми программами показывает, что учреждения системы образования и культуры, которые решают во многом общие проблемы, явно не хватает взаимодействия. Опыт Российского этнографического музея, описанный выше, подтверждает, насколько продуктивно такое сотрудничество. Над этим стоит подумать.

¹ «Программа гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011–2015 гг.» (программа «Толерантность»).

Е. В. КУРЧАКОВА, И. В. МАРТЫНЕНКО
E. V. KURCHAKOVA, I. V. MARTYNYENKO

**«Софья Андреевна приглашает почитать»
(интерактивная семейная программа
в Музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»)**

**«Sofia Andreevna invites to read»
(interactive family program at the Leo Tolstoy
Museum-Estate «Yasnaya Polyana»)**

Аннотация

В рамках интерактивной программы «Софья Андреевна приглашает...» Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» проводит тематическую экскурсию и занятие «Софья Андреевна приглашает почитать». Программа имеет целью пробудить интерес к семейным традициям и рассчитана в первую очередь на посетителей, приезжающих в музей с детьми. Соприкасаясь с книгами XIX века, семьи приобщаются к культуре домашнего чтения, которая включает чтение как таковое, иллюстрирование, пение, литературные настольные игры и т.д.

Abstract

Within the interactive program «Sofia Andreevna invites...» the Leo Tolstoy Museum-Estate «Yasnaya Polyana» offers a project «Sofia Andreevna invites to read» which includes a themed tour and a learning activity. This program is aimed at visitors who come to the museum with children, and its main goal is to raise their interest on family values. While coming in touch with 19th century books they get acquainted with the culture of home reading which consisted of reading itself, illustrating, singing, playing literary board games etc.

Ключевые слова: *Софья Андреевна Толстая, Музей-усадьба «Ясная Поляна», мемориальная библиотека Л.Н. Толстого, литературное лото, семейное чтение, тематическая экскурсия.*

Keywords: *Sofia Andreevna Tolstaya, Museum-Estate «Yasnaya Polyana», memorial Leo Tolstoy library, literary lotto, family reading, themed tour.*

Современная семья остро нуждается в осмысленном досуге. Многие желают провести время не только весело, но и с пользой. Учитывая заинтересованность современных посетителей в семейном познавательном туризме, музей-усадьба «Ясная Поляна» предлагает интерактивную программу «Софья Андреевна приглашает...». В 2009 г. этот проект выиграл Президентский грант в конкурсе семейных программ. Создатель и координатор программы — ведущий научный сотрудник экскурсионно-методического отдела Королева Анна Григорьевна.

Программа «Софья Андреевна приглашает...» рассчитана на несколько дней. Она состоит из нескольких частей и позволяет посетителям выбрать занятия с учетом интересов всех участников.

Часть программы — экскурсия по дому Толстого с посещением комнаты Софьи Андреевны, которая не входит в маршрут стандартной экскурсии. Такая экскурсия называется «Любимый дом» и имеет целью познакомить с культурой семьи, традициями, заложенными хозяйкой дома еще в молодости, «семейной мыслью», которая соединяла и направляла супругов в течение долгих лет, которую так любил Лев Николаевич и воспел в романе «Анна Каренина».

Помимо экскурсии по мемориальному дому посетителям предлагаются: конная экскурсия в экипаже, игра в крокет, урок по рукоделию, интерактивное занятие по детскому чтению в семье Толстых — «Софья Андреевна приглашает почитать», основой которого служат фонды «Ясной Поляны» и, прежде всего, мемориальная библиотека Дома Толстого, имеющая огромный образовательный и воспитательный потенциал.

Целевая аудитория занятия — дети с родителями. Практика показала, что наиболее восприимчивы к нему школьники среднего и старшего возраста.

Основная задача занятия — повышение у детей мотивации к чтению. Кроме того, оно способствует сплочению семьи, содействует эстетическому, художественному и культурному воспитанию детей, развивает навыки работы с книгой, пробуждает интерес к изучению иностранных языков.

Содержательное наполнение занятия варьируется в зависимости от состава группы, индивидуально-возрастных особенностей участников и их интересов.

Рассказывается о существовавшей в доме Толстых традиции семейного чтения, сейчас повсеместно забытой, когда после дневных трудов семья собиралась в зале и при свете керосиновой лампы под уютным абажуром Толстой или кто-нибудь из домашних читал вслух рассказы Чехова, Горького, Куприна. Произведения вышеперечисленных авторов входят в школьную программу по литературе, поэтому детям

предлагается почитать вслух рассказы из сборника «Куколки-скелетцы», написанные С. А. Толстой и объединенные одной идеей — добра, сострадательной и милосердной любви к ближнему. Выразительный и простой стиль повествования идеально подходит для детей начальной школы. В 2014 г. издательский дом «Ясная Поляна» выпустил репринтное издание «Куколок-скелетцев» ограниченным тиражом. Эти книги используются на занятии.

Особый упор делается на непосредственное общение детей с книгой XIX века. К сожалению, невозможно дать в руки участникам программы подлинные книги из дома Толстого, но музей нашел выход из этой ситуации. Анализ состава мемориальной библиотеки Ясной Поляны позволил выделить книги для детей, служившие самым разнообразным целям — от обучения до развлечения. Отделом комплектования немемориальных фондов были приобретены 10 книг, идентичных тем, которыми пользовались дети писателя. С этими книгами и работают посетители музея. Отдельное внимание уделяется созданию атмосферы приобщения к чему-то особому и важному — детям выдаются специальные белые хлопчатобумажные перчатки, им дается возможность осмотреть книгу, полистать ее, почитать (если она на знакомом им языке). Ребенка просят рассказать о книге, которая ему досталась, с опорой на вопросы: приятно ли держать ее в руках, на каком языке она написана, для кого она написана, про что она, интересна она или полезна? Ребенок выполняет эти задания не один, а в паре со взрослым, который направляет его и подсказывает.

Во время занятия речь ведется о том, что в дворянской семье знакомство с книгой происходило очень рано. Детям часто дарили книги уже на первый день рождения, когда ребенок еще и читать не умел, но уже к 5 годам многие дворянские дети читали самостоятельно. На книгах оставались дарственные надписи. Рассказ сопровождается показом наглядного материала.

Рассматривая книги, участники узнают об истории развития книжного дела в России и об издателях, специализирующихся на выпуске детской литературы. При этом есть возможность непосредственного знакомства со структурой книги. Ведь детская книга XIX века — это зачастую произведение искусства: золоченый обрез, тиснение, обложки из замши и бархата. Не лишней бывает и информация про бережное отношение к книгам. Детские книги быстрее, чем взрослые, приходили в ветхое состояние, но их не выбрасывали, а реставрировали все вместе под руководством матери или гувернантки.

Для подростков акценты расставляются немного по-другому. Для чтения вслух им предлагаются выдержки из воспоминаний старших детей Л. Н. Толстого Татьяны Львовны и Ильи Львовича. Чтение сопро-

воздается показом фотографий мемориальных книг, о которых идет речь. Презентация, посвященная становлению детской литературы в викторианской Англии, плавно перетекает в разговор об изучении иностранных языков. Особый интерес у подростков вызывает готический шрифт, на котором печатались немецкоязычные книги.

Для программы был разработан аналог литературного лото, в которое традиционно играли в семье Софьи Андреевны и Льва Николаевича Толстых. В фондах музея хранится литературное лото А. Г. Снарского. Оно состоит из 60 избранных стихотворений русских поэтов, которые даны в хронологическом порядке. Поэты, произведения которых включены в лото: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Языков, Хомяков, Туманский, Никитин, Тютчев, А. Толстой, Курочкин, Некрасов, Фет, Плещеев, Майков, Полонский. Итого 13 больших карт и 60 маленьких. Основные правила игры: играющие получали большие карты. Ведущий читал вслух начала стихотворений, напечатанные на маленьких карточках, вынимая их наугад. Остальные играющие следили: у кого оказывалось окончание того же стихотворения, тот должен прочитать его вслух и закрыть карточкой соответствующего номера. Необходимо было определить автора и название произведения. В доме Л. Н. Толстого игру в литературное лото часто соединяли с игрой в фанты. Кто не узнал, чье стихотворение читается, должен выполнить задание, которое назначил ведущий: разгадать загадку или шараду, спеть песню, рассказать сказку или небылицу и т.д. Выигрывал тот, кто раньше всех накрывал свою карту.

Адаптированный для занятия аналог мемориального лото не полностью дублирует оригинал, но дает представление о том, как в него играли. Разработчиками использованы произведения авторов, наиболее известных подросткам по школьной программе.

В итоге участники программы «Софья Андреевна приглашает почитать» могут ответить для себя на три главных вопроса:

1. Что читать детям / с детьми?
2. Как читать?
3. Для чего читать?

Ответом на первый вопрос станет наглядный пример того, как можно отбирать книги для детского чтения в конкретной семье. Ответ на второй вопрос — возрождение традиции семейных чтений с последующим обсуждением прочитанного. Ответ на третий — осознание родителями и детьми, что чтение не только повышает грамотность, но формирует идеалы, расширяет кругозор, обогащает внутренний мир человека.

Особенность программы «Софья Андреевна приглашает почитать» в том, что при ее создании мы опирались исключительно на мемориальные вещи и книги. Мемориальные предметы всегда обладают

эсклюзивной привлекательностью, а еще они способны сделать прошлое достоянием современной культуры, частью личного опыта и переживаний каждого, в том числе и ребенка. Культурный опыт лучше всего усваивается в семье, потому что именно семейные отношения характеризуются особой душевной теплотой и эмоциональной наполненностью. Важнейшая задача нашей программы — повышение роли семьи. Как считал и сам Л. Н. Толстой, семья — это общество в миниатюре, человек формируется в семье, семья характеризует человека, в семье закладываются все важнейшие основы нравственности человека. И чтобы воспитать в ребенке читателя, взрослый должен сам проявить интерес к книге, и хоть на какое-то время попытаться вернуться в «счастливую, невозвратимую пору детства».

Л. Ю. РОМАНЬЧЕВА
L.YU. ROMANCHEVA

**Интерактивные занятия по русской классике
в залах Государственного музея
Л. Н. Толстого (ГМТ): традиции и инновации**
**Interactive excursions into the Russian classics
at the State Leo Tolstoy Museum:
traditions and innovations**

Аннотация

Статья посвящена актуальной теме в музейной педагогике: интерактивным занятиям со школьниками по литературным произведениям. В статье обозначена сверхзадача таких занятий: пробуждение у подростка интереса к классической литературе. Рассмотрен вопрос о соотношении данных форм работы с принципами толстовской педагогики. Автор анализирует накопленный в ГМТ опыт проведения театрализованных занятий с детьми среднего и старшего школьного возраста и делает вывод об их эффективности в качестве современной формы изучения русской классики в литературном музее.

Abstract

The paper deals with the actual subject of the museum pedagogy: interactive excursions into the world of Russian literature for schoolchildren. It accents the attention on the most important goal of such activity: to develop children's interest in Russian classics. These excursions are considered to be in close correlation with Tolstoy's pedagogical ideas. The author analyzes the rich experience of theatricalized communication with teenagers in Leo Tolstoy museum and comes to conclusion, that it is a very effective form of teaching Russian classics in a literary museum.

Ключевые слова: музейная педагогика, интерактивное занятие, сотрудничество взрослых и детей, актуальность русской классики, активизация обучения, педагогика Л.Н. Толстого.

Keywords: *museum pedagogy, interactive excursions, cooperation between adults and children, topicality of Russian classics, actuation of education, Tolstoy's pedagogy.*

Государственный литературный музей Л. Н. Толстого на протяжении многих лет использует в своей работе со школьной аудиторией такие формы как: театрализованное занятие, интерактивная экскурсия на экспозиции (в залах старинного ампириного особняка Лопухиных). Такие занятия с детьми очень популярны сейчас в музейной педагогике и полностью себя оправдали. Как доказало время, театрализованные, игровые занятия по произведениям, изучаемым в рамках школьной программы, пользуются успехом у посетителей. Можно смело сказать, что именно интерактивные занятия выигрывают конкуренцию с традиционным жанром экскурсии по литературному музею для детей дошкольного и школьного возраста. В последнее время заметно возросла роль музеев в культурной жизни общества. Расширяется экскурсионная, выставочная деятельность, также появляются новые формы работы в области музейной педагогики. Педагоги ГМТ принимают активное участие в учебно-педагогической работе со школьниками, разрабатывая новые образовательные программы в рамках школьного курса.

В вопросе воспитания подрастающего поколения в начале XXI века, как и раньше, первейшее место принадлежит искусству слова — литературе. Именно художественное слово сильнее всего воздействует на душу человека: и взрослого, и ребенка. Литературный музей Л. Н. Толстого находится в очень выгодном положении, так как именно здесь музейная педагогика является наиболее органичной формой работы с детьми: ведь Лев Толстой писал не только для взрослых, но и для детей, сам был талантливым педагогом, разработал свою педагогическую систему гуманистического воспитания ребенка. В нашей работе мы, конечно же, ориентируемся на толстовские педагогические идеи и принципы. Толстой писал, что искусство передает людям чувства, а люди «заражаются этими чувствами и переживают их» (Юб. Т. 42, с. 307), художник «общается чувством со всеми людьми не только настоящего, но и будущего» (Юб. Т. 42, с. 308).

Отдел музейной педагогики ГМТ работает со всеми возрастными группами детей: от дошкольников до учащихся 11 классов, применяя на практике новые образовательные технологии. Мне хотелось бы остановиться на театрализованных занятиях для среднего и старшего школьного возраста. Школьники среднего и старшего звена меньше, чем младшие классы, охвачены такими формами работы, как театрализация, игровой метод. Между тем в этом возрасте происходят важнейшие процессы становления личности, выработки «совокупности мнений, чувств и планов относительно себя»¹, идет формирование когнитивных

способностей, нравственных ориентиров. И психологические открытия Толстого, который прекрасно «изучил человека в самом себе», могут оказать неоценимую поддержку современным подросткам. Как отмечают психологи, именно в отроческие годы происходит самая активная социализация ребенка в группе его сверстников, и жанр выступления перед ровесниками, проявление себя в детском коллективе в необычной роли немало помогает в деле социальной адаптации.

С другой стороны, происходит процесс воспитания культуры поведения и общения на примере разыгрываемых эпизодов из жизни представителей дворянской культуры, а также дети учатся относиться с уважением к творчеству друг друга, нередко на занятиях происходит неожиданное раскрытие чьих-то творческих способностей, талантов.

Цикл интерактивных программ по русской классике для детей этого возраста включает в себя занятия по повестям Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», рассказам «Кавказский пленник», «После бала», роману «Война и мир», «Повестям Белкина» А. С. Пушкина. Начинаются такие занятия, как правило, с экскурсии в залах музея и показа тематической части экспозиции; вторая половина занятия — интерактивная. Мы обращаемся к тексту произведения, читаем и разыгрываем сцены из него, при этом используются костюмы, музыкальное сопровождение и обязательно появляется соведущая (как правило, в стилизованном костюме), исполняющая роль какого-то персонажа из этого произведения (например, «матушки» Жилина в занятии по рассказу «Кавказский пленник» или мисс Жаксон из рассказа Пушкина «Барышня-крестьянка»). Таким образом, можно сказать, что занятие является сочетанием экскурсии на экспозиции, театрализованного действия и традиционного урока-беседы в музее по литературному произведению. Педагогика свободы, которую практиковал Толстой в яснополянской школе, исходила из идеи *сотрудничества* взрослых и детей в процессе познания жизни и создавала условия для развития самостоятельности, раскрытия индивидуальности каждого ребенка. Толстой писал, что взрослый, воспитатель лучше всего воздействует на ребенка «заразительностью примера» и даже, что «воспитание детей сводится к доброму примеру» (Юб. Т. 42, с. 381). На интерактивных (или, можно сказать, коммуникативных) занятиях в нашем музее мы вместе с детьми совершаем увлекательные путешествия по страницам русской классики, вновь и вновь переживая эмоционально насыщенные эпизоды из произведений Толстого, Пушкина, Лермонтова. Наши занятия ориентированы на диалог, коммуникацию между ведущими и посетителями, автором произведения и читателем. Как известно, только знание, пропущенное через себя, свою душу, оставляет в ней глубокий эмоциональный след и способно изменить человека.

В ходе занятия-беседы мы обязательно стараемся актуализировать проблематику произведения, обращаемся к современным реалиям жизни детей. Ведь, по мнению Толстого, «единственный метод образования есть опыт» (Юб. Т. 8, с. 25) и «всякое учение должно быть только ответом на вопрос, возбужденный жизнью» (Юб. Т. 8, с. 13). Наша цель — приблизить героев Толстого к нынешним школьникам, показать, что их проблемы очень похожи на те, что были у подростков 150 лет назад, а произведения Толстого написаны и о нас и могут помочь нам в сложных ситуациях. Тем самым мы еще раз пытаемся ответить на сакраментальный вопрос: «А зачем вообще читать классику?» Мы убеждаемся, что Николеньке Иртеньеву, герою автобиографической трилогии Толстого, жившему в середине XIX века, так же непросто давалось взросление, как и нашим детям, и мальчик из дворянской семьи с точки зрения своего внутреннего, духовного мира становится ближе и понятнее школьникам XXI века. На занятии по повести «Отрочество» мы пытаемся в игровой театрализованной форме разобраться в тяжелейших психологических проблемах подросткового возраста, переживаемых Николенькой Иртеньевым, чуть не решившимся на самоубийство, и подсказываем современным детям, как им вести себя в случае возникновения в их жизни драматических ситуаций. На примере героя Толстого мы показываем подросткам, что недопустимо уходить в себя, окончательно разрывая психологические связи с окружающими, а перевоплощаясь в героев повести «Отрочество», дети еще раз убеждаются в единстве нашей культуры, богатстве духовных традиций русской литературы, способной дать ответ и на самые современные вопросы.

Думается, что поход в музей на интерактивное занятие после изучения произведения в школе — это продолжение урока литературы, но в более приятной, праздничной, необычной для детей форме, а также пример сотрудничества музея и школы в образовательно-воспитательной работе. На наших занятиях дети имеют возможность раскрыть себя в неформальной, внешкольной обстановке, так «работает» еще один толстовский педагогический принцип — *активизация* обучения, отход от механического усвоения знаний. Молодой человек должен научиться самостоятельности, получать радость от творчества — вот что ставил Толстой во главу угла, говоря о процессе активизации обучения. И конечно же, сам разговор о нравственных смыслах, психологических коллизиях носит философский оттенок (что весьма актуально для подросткового возраста, времени становления личностной идентичности, поиска своего места в мире). Жанр свободной беседы с учениками на самые сложные темы — также излюбленный толстовский метод, и здесь особое значение имеет умение музейного педагога задавать вопросы, стимулирующие познавательную деятельность. В музейной

практике беседа занимает все большее место, часто используется такая форма экскурсии, как экскурсия-диалог, а на интерактивном занятии по литературному произведению она особенно актуальна. В конце занятия обязательно задаются обобщающие вопросы, закрепляющие основное содержание разговора. При этом важно приоткрыть перед ребенком определенную перспективу, оставив что-то недосказанным, отметив, например, что в творчестве Толстого есть еще много и других произведений на ту же тему.

Разрабатывая занятия по произведениям из школьной программы, наши музейные педагоги стараются преподнести материал в неожиданном, новом аспекте, например, предлагая для сравнения далекие, на первый взгляд, по тематике произведения. Так, музейные педагоги ГМТ в последнее время подготовили занятие под названием «Любовь и честь» для 8–9 кл. (по рассказу Л. Н. Толстого «После бала» и циклу рассказов А. С. Пушкина «Повести Белкина»), где речь идет о таких понятиях, как честь, совесть, достоинство человека в понимании Толстого и Пушкина, а также занятие «Герой дворянской эпохи», где мы говорим о главных героях романов «Война и мир», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», их поисках смысла жизни, своего предназначения. Эти занятия также предполагают театрализованные сценки с участием детей, беседу о проблематике произведений, экскурсию по залам литературного музея Л. Н. Толстого.

Приход в любой литературный музей, посвященный писателю, — это всегда еще одна встреча с личностью, биографией яркого человека, прикосновение к его жизни, обладающей притягательной силой, огромным воспитательным потенциалом. Поэтому сама личность Толстого, факты его жизни наряду с произведениями писателя — в центре нашего внимания. Можно согласиться со сторонниками биографического метода изучения литературы, что личность выдающегося деятеля культуры способна воздействовать на ученика не меньше, чем само художественное произведение. В определенном смысле личность писателя и есть самое интересное для нас, ведь художественное произведение является тоже проекцией личности автора, выраженной в поэтической форме. Мы стараемся отбирать такие факты, эпизоды из жизни писателя, которые раскрывали бы необыкновенную личность Толстого, вызвали эмоциональный отклик у подростков и служили нравственно-воспитательной задаче.

Мы хорошо осознаем, что имеем дело с совершенно новым поколением детей, уже сроднившимся с Интернетом, виртуальной реальностью, у них во многом иное, чем наше, мировосприятие, они меньше нацелены на вдумчивое чтение, неторопливое осмысление прочитанного. И наши занятия учат этому, помогают по-новому открыть для себя текст из школьной программы, испытать радость от так называемого

«медленного чтения» и разыгрывания наиболее интересных эпизодов. Как известно, цель образования — это не только получение знаний, информации. Толстой считал, что воспитание чувств, эмоциональной сферы — это первейшая задача. Нам важно не забывать мысль Толстого, что «воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем» (Юб. Т. 67, с. 63). Интерактивные, театрализованные занятия лучше всего воздействуют на эмоциональную сферу ребенка, и, разыгрывая сценки из психологических романов Толстого, дети учатся прежде всего передавать чувство и анализировать его. Как установили психологи, эмоционально окрашенный факт лучше запоминается, усваивается, чем нейтральный. Мы стремимся, чтобы дети научились не только «талантливо мыслить», но и «талантливо чувствовать», по выражению Л. С. Выготского. Отбирая эпизоды для интерактивных сенок, наши музейные педагоги стараются остановиться на тех, которые имеют важную эмоционально-воспитательную составляющую. Современные дети не страдают от недостатка информации, Интернет всегда у них под рукой, но культуру чувств лучше всего прививать на примере русской классики и в залах старинного особняка, где сама атмосфера этому способствует. Музейная среда, подлинные предметы передают колорит ушедших эпох и выполняют функцию поддержания эмоциональной связи с прошлым, а воскрешение жизни прошлых поколений посредством театрализованных сенок делает этот эмоциональный контакт по-настоящему личным.

Таким образом, музейная педагогика служит задаче сохранения культурных традиций, поддерживает связь поколений. Кстати, сама форма театрализованных занятий очень напоминает трогательные домашние спектакли, столь популярные в XIX веке в дворянских семьях. И все же нашей сверхзадачей остается — приблизить искусство художественного слова, литературное произведение к современному школьнику, заинтересовать и привлечь детей к чтению русской литературы. И самым лучшим способом достичь этого является наша собственная «зараженность» творчеством Толстого, любовь к которому мы и стараемся передать на интерактивных театрализованных занятиях.

¹ Кле М. Психология подростка. М., 1991. С. 133.

Е. Г. ШЕСТАКОВА, Э. Н. АНАНЬЕВА
E. G. SHESTAKOVA, E. N. ANANYEVA

**Ручные поделки Софьи Андреевны Толстой
в экспозиции Музея-усадьбы Л. Н. Толстого
«Хамовники» — «живой» источник воспитания
любви к искусству рукоделия**

**Sophia Andreyevna Tolstaya's hand-made works
in the exposition of the Leo Tolstoy
Museum-Estate «Khamovniki» is «an alive» source
of upbringing of love to the art of needlework**

Аннотация

В статье рассказывается об экспонируемых в Музее-усадьбе «Хамовники» предметах быта, являющихся ручной работой графини Толстой. Особый интерес представляет история и воспроизведение вязаного одеяла Л. Н. Толстого. В усадьбе сложилась красивая традиция: наряжать елку вязаными игрушками, выполненными по эскизам узоров С. А. Толстой, для продолжения традиции усадебного рукоделия XIX века в XXI веке.

Abstract

The article examines the household items exhibited in the Leo Tolstoy Museum-Estate «Khamovniki» which were made by Countess Tolstaya. Of particular interest is the history and reproduction of Leo Tolstoy's knitted blanket. There has been developed a beautiful tradition of decorating the museum Christmas tree by toys, knitted after Sophia Andreyevna Tolstaya's sketches of patterns, to continue the tradition of the 19th century manor needlework in the 21st century.

Ключевые слова: вышивка, традиция, тунисское вязание, усадебное рукоделие.

Keywords: embroidery, tradition, tunisian crochet, manor needlework.

Когда переступаешь порог московского дома Толстых, то с удовольствием замечаешь, что почти в каждой из комнат тебя окружают

предметы домашнего рукоделия. Благодаря этим вещам, созданным в XIX веке руками Софьи Андреевны Толстой, дом наполняется живым и неповторимым дыханием семейной жизни.

Софья Андреевна Толстая владела разными видами рукоделия: она умела кроить и шить, вязать крючком и спицами, вышивать.

В ее записной книжке за 1880-е гг. отражена ее любовь к рукоделию: «Люблю что-нибудь творить — хотя бы шить». С. А. Толстая выработала для себя определенные правила: «Чтобы не сломиться под тяжестью бремени обыденной жизни — нужно быть чем-нибудь увлеченным».

Гости музея видят в доме Толстых мягкие подушки с вышивкой, ножную скамеечку, затянутую черным атласом с вышитыми на ней цветами, целых четыре вязаных одеяла, да еще одно стеганое — из лоскутков — на кровати самой Софьи Андреевны. Вешалка на стене в спальне — дубовая, с застекленной рамкой в средней части, в которую вставлен фрагмент ручной вышивки крестом с изображением корзины стилизованных роз. Диаметр этой вышивки — чуть больше 8 сантиметров: такая малость, но столько здесь изящества и тепла! Большую Гостиную украшает настенный ковер со сплошной орнаментальной ручной вышивкой простым крестом, выполненный С. А. Толстой разноцветными шерстяными нитками. Ковер очень большой: его размер — 262 × 196 см! Это работа не одного года...

На кровати Л. Н. Толстого, в Спальной комнате, хранится одеяло из цветной шерсти, связанное вручную Софьей Андреевной в технике тунисского вязания и вышитое вручную крестом (размер: 204 × 165 см). Одеяло состоит из горизонтальных полос, которые вывязывались отдельно, а затем связывались вместе встык. Полос бордового цвета — три, бежевого — три, зеленого цвета — пять. Полосы соединены между собой шерстью тех же тонов. Бордовые и бежевые полосы по всей длине вышиты рисунком «меандр». По центру зеленых полос, тоже по всей длине, проходит бордовая полоса, вышитая простым крестом, по обеим сторонам которой разбросаны одиночные крестики. Края одеяла завершаются двумя тонкими бежевыми и красными полосками.

В большой исследовательской и очень познавательно-интересной работе С. И. Лякишевой «Русское усадебное рукоделие: NOBILIS культура», изданной Музеем-усадьбой Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» в 2015 г., описан процесс сотворения одеял Софьей Андреевной Толстой: «...культура изготовления одеял, стеганых или вязаных, существовала не столько для изготовления практических вещей, сколько для выражения любви и уважения к человеку, которому оно было подарено... Для вышивки поверх готового вязаного полотна Софья Андреевна выбрала особенный знак, историю которого знала безупречно: мотив меандра — «bordure à la grecque». У разных народов он пользовался по-

пулярностью... В меандровой ленте издревле заложен магический смысл отражения течения человеческой жизни. Меандр символизировал вечность: стареющее существо, сменяемое молодым, становится тем самым бессмертным; старая сущность сжимается, а новая разворачивается. Есть второй смысл этой общеизвестной символики — переплетенные линии (двучастные знаки), срастаясь, переходят в общую сюжетную канву (одночастные знаки), символизируя гармонию. Единения двух противоположных начал — женского чувственного и мужского разумного» (с. 188–189).

В мемориальном московском доме Музея-усадьбы Л. Н. Толстого одеяло долгие годы находилось в открытом хранении, в Спальной комнате, на кровати Л. Н. Толстого. Музей давно хотел иметь точную копию такого одеяла, чтобы на долгие годы сохранить оригинал: меняя подлинник и копию, можно продлить время хранения и жизни одеяла Льва Николаевича Толстого. Такая копия была создана необыкновенно творческим человеком, большим мастером своего дела — Эллой Николаевной Ананьевой. Работа над воспроизведением одеяла графа Толстого требовала точного подбора шерстяных ниток оригинальных цветовых оттенков, определенной плотности вязания для заданного размера подлинника, и конечно же, каждая петелька была связана с любовью к творению ручного вязания Софьи Андреевны Толстой.

9 сентября 1908 г. Софья Андреевна писала в своем дневнике: «Когда вечером Лев Николаевич ложился спать и я, по обыкновению, затыкала ему за спину теплое, мною вязаное одеяло, он мне сказал: “Как хорошо! как все хорошо!”»

А 10 июля 1910 г. она оставила трогательную запись: «Завернувшись в одеяло, связанное мною ему, с греческим узором, старенький, грустный, он лежал лицом к стене, и безумная жалость и нежность проснулись в моей душе, и я просила его простить меня, целовала знакомую и милую ладонь его руки, и лед растаял. Опять мы оба плакали, и я наконец увидела и почувствовала его любовь. Я молила Бога, чтоб он помог нам дожить мирно и по-прежнему счастливо последние годы нашей жизни».

Вот такие воспоминания хранит одеяло, связанное С. А. Толстой. Мы точно не знаем, о каком одеяле идет речь в ее воспоминаниях, так как было связано два похожих одеяла для усадьбы в Ясной Поляне и дома в Хамовниках. Нам приятно читать эти строки и переживать те чувства, которые испытывала Софья Андреевна, укрывая Льва Николаевича перед сном, чувствуя его любовь к ней.

В усадьбе Л. Н. Толстого «Хамовники» сложилась красивая традиция: наряжать елку вязаными игрушками, сделанными по эскизам узоров графини Толстой. Появилась эта традиция в 2014 г. после проведения

выставки «Узоры жизни Софьи Толстой», на которой были представлены подлинные экспонаты, выполненные руками жены писателя.

Софья Андреевна Толстая вспоминает в своем дневнике о Рождестве 1890 г., что с утра у всех праздничное настроение и весь день она провозилась с елкой. Большинство игрушек на елку в доме Толстых делали своими руками: золотили грецкие орехи, наряжали кукол-скелетцев. Скелетцами называли деревянных небольших кукол, которых дети одевали во всевозможные костюмы.

«Первого, самого хорошенького скелетца одели ангелом. Пышная, белая кисейная рубашечка, на голове венчик из золотой бумаги, а за деревянной спинкой два кисейных, натянутых на тонкий каркас, крылышка». (С. А. Толстая. Куколки-скелетцы. *Святочный рассказ*).

Вязаные игрушки на современной елке в московской усадьбе Толстых выполнены детьми вместе со своим педагогом. На практике принцип включения учащихся в активный познавательный процесс в пространстве музея воплощается в заявленном девизе детских музеев и специализированных экспозиций для детей — «знание через руки». Главный методический принцип музейной педагогики совпадает с главным принципом ценностного освоения действительности — ценностям нельзя научить, ценности необходимо пережить, увидеть. Особенно большое значение имеет возможность сделать что-то своими руками, что-то материальное, связанное с темой экскурсии или музея, то, что можно потом взять с собой. Это совершенно иной, очень важный для ребенка уровень осмысления ситуации. Сделать что-то самому.

25 декабря 2017 г. ученицы студии «Дизайн ручного трикотажа» школы № 810 вместе со своим учителем технологии Эллой Николаевной Ананьевой нарядили новогоднюю елку в зале хамовнического дома. Специально для музея они связали игрушки по мотивам ручных работ С. А. Толстой. За несколько лет коллекция игрушек пополнилась новыми экземплярами. К 2018 г. появились варежки, шар из квадратиков, вышитый крестиком, и конечно же, собачка — символ наступающего года. В игрушечных изделиях использованы только шерстяные нитки цветовой гаммы одеял графини Толстой и мотивы ее вышивки.

Э. Н. Ананьева, учитель технологии школы № 810, член Международной ассоциации «Союз дизайнеров», делится своими впечатлениями: «Всякий раз при посещении музея охватывает чувство радости, когда перед тобой — подлинная обстановка дома Толстого, где, как ни в одном другом музее, можно увидеть традиции рукоделия XIX века. В то время все умели шить, вязать, вышивать, своими руками создавать уют в доме. И было бы замечательно, чтобы работы Софьи Андреевны вошли в учебники по технологии для девочек, а посещение музея для каждой

девочки стало примером и источником вдохновения для продолжения традиций усадебного рукоделия культуры быта XIX века в XXI веке».

Подлинные ручные работы графини Толстой — живой источник воспитания любви к искусству рукоделия. На примере работ Софьи Андреевны можно изучать шитье, вышивку крестом и вязание крючком. К сожалению, в наших учебниках по технологии нет образчиков рукоделия известных женщин, хранящихся в музеях.

Несмотря на большое многообразие различных курсов и мастер-классов, создание клуба любителей рукоделия Софьи Толстой позволило бы сохранить культуру русского усадебного рукоделия и помогло бы восстановить утраченные традиции, когда в каждой семье мама учила своих дочерей шить, вязать и вышивать.

М. В. АНДРЕЕВА
M. V. ANDREEVA

Политехнический музей. Открытые фонды

The Polytechnic Museum. Open Collections

Аннотация

В статье идет речь о реализуемом в Политехническом музее проекте Открытых фондов. Богатейшие коллекции музея перемещены в особую экономическую зону – Технополис «Москва». Это дает шанс представить собрание целиком и расширяет возможности приобщения молодых людей к истории науки и техники. В музее запущено множество учебно-образовательных и культурно-досуговых программ, которые позволили увеличить посещаемость Открытых фондов в 2 раза.

Abstract

The article deals with the project of the Open Collections realized in the Polytechnic Museum. The massive museum corpus is transferred to the special economic zone – Technopolis Moscow. It allows to present it in full scope and widens the possibilities of young people's familiarization with the history of science and techniques. There are a lot of educational and cultural programs which have allowed to double attendance of the Open Collections.

Ключевые слова: *Политехнический музей, Технополис «Москва», Открытые фонды, экскурсии, школьники, семьи, учебно-образовательные программы, культурно-досуговые программы.*

Keywords: *Polytechnic Museum, Open Collections, excursions, schoolchildren, families, educational programs, cultural programs.*

Политехнический музей — один из старейших технических музеев мира. Начиная с 1872 г. пережил несколько этапов формирования и один глобальный транзит в 2013 г. из исторического здания на Новой площади.

Богатейшие фонды — более 230 тыс. предметов, документирующих историю науки и техники, переместились в новый российский центр

инновационного развития — Технополис «Москва». С 2015 г. реализуется идея проекта превращения закрытого хранилища в открытые фонды. С позиции публичного интереса проект Открытых фондов уникален:

1. Проникновение «в святая святых» музея и возможность увидеть собрание целиком в его полном разнообразии, в том числе предметы, которые никогда не экспонировались. Политех — первый в Москве музей, открывший доступ в хранилище и удивляющий «масштабностью».

2. Открытие новых возможностей приобщения к истории науки и техники, получение новых знаний, изучение специфики хранилищского дела.

В фондах выделено 2 зоны: 1-я зона — стеллажного хранения (на открытых стеллажах подобраны линейки музейных предметов из разных коллекций); и 2-я зона — открытого хранения крупногабаритных предметов, размещенных по тематическим направлениям. Есть и смотровая площадка, с которой открываются все фонды. С помощью телескопа можно рассмотреть детали отдельных музейных предметов. Рядом находится конференц-зал.

Посещение фондов организовано в формате экскурсий только по предварительной регистрации. Основной категорией посетителей являются школьники, в выходные дни — семьи. А также гостями часто становятся коллекционеры, сотрудники музеев и посетители самого Технополиса. Всю тематику разнообразных просветительских мероприятий можно разделить на 3 направления:

1) Встречи с хранителями

Основная форма проведения программ — различные тематические экскурсии, которые проводят хранители коллекций. Из первых рук экскурсанты узнают, как формировалось собрание музея, узнают удивительные истории из жизни экспонатов.

2) Школа + музей = объемные и живые знания

Музей традиционно сотрудничает со школами. Экскурсии в Открытых фондах легко встраиваются в школьную программу, дополняя и обогащая ее. Они служат не только образовательным, но и воспитательным целям, формируют интеллект, расширяют кругозор, развивают способность делать самостоятельные выводы и обобщения, помогают лучше понимать события. Любой учащийся надежнее всего запоминает и глубже понимает то, что видел своими глазами, а не просто знает со слов учителя.

Девиз программ: «Школа + музей = объемные и живые знания». Тематика охватывает различные преподаваемые в школе предметы: от природоведения и окружающего мира до химии, физики и информатики — и адресована различным категориям посетителей. Напри-

мер, «по физике» можно увидеть модели паровых машин и паровых турбин на занятии-экскурсии «Тепловые явления в технике», провести опыты со световыми лучами на занятии «Поведение светового луча. Элементы геометрической оптики»; «по окружающему миру» узнать о причинах тех или иных погодных явлений на экскурсии «Погода и мы» и многое другое.

По этому направлению насчитывается около 20 тем.

Преимущества этого направления тематики:

1. Синтез форм музейных коммуникаций, например, занятия-экскурсии, лекции-демонстрации.
2. Использование интерактивных методов:
 - а) Действия с предметами. Вовлечение в активную практическую деятельность.
 - б) Использование «Листков активности» — дидактического материала, содержащего различного вида задания.

3) Обзорная экскурсия и специальные программы

Культурно-досуговые программы: каникулярные, в том числе летние — в рамках программы Департамента культуры г. Москвы для городских лагерей «Московская смена»; разработанные к определенным событиям и датам (например, «Космическая викторина: 108 минут»); межмузейные.

Музей связан с различными институтами культуры и образования: осуществляется сотрудничество по направлениям: *музей-школа, музей-ВУЗ*: на базе фондового собрания проводятся семинары для студентов ВШЭ (прикладная культурология).

Еще одно направление публичной деятельности — проведение выставок. Предметы в хранилище находятся в постоянном движении: музей участвует во многих выставках, экспонаты уезжают и возвращаются. А также каждый месяц в самих фондах проводятся сменные выставки «Музейный календарь-2017», посвященные самым ярким юбилейным датам года в области техники. История изобретения первого телефона и электрической свечи Яблочкова, запуск первого спутника, начало работы Останкинской телебашни и многое другое, кратко и емко — в фондохранилище музея. У любого посетителя есть шанс выиграть подарочный сертификат на бесплатное занятие на другой площадке музея (пав. № 26, ВДНХ). Чтобы попытаться счастья, нужно ответить письменно на несколько вопросов в конкурсе, указать свои контактные данные и опустить заполненную анкету в специальный почтовый ящик на выставке. В конце каждого месяца случайным образом выбираются победители.

Со времени запуска тематики учебно-образовательных и культурно-досуговых программ посещаемость в Открытых фондах возросла в 2 раза. Это объясняется несколькими причинами:

1. Публику привлекает близость к подлиннику, возможность «неформального» общения с артефактом, получение более глубокой, детальной информации;

2. Для кого-то психологически очень важно проникнуть туда, «куда не всех пускают»;

3. Богатая тематика, насчитывающая 40 программ.

В целом можно отметить, что в Политехническом музее применяются практически все известные на данный момент формы музейных коммуникаций и методы музейной педагогики. Сочетание разнообразных методов в одном мероприятии с привлечением богатейшего музейного материала усиливает эффект воздействия на посетителя, пробуждает его любопытство, развивает воображение, интерес к отраслям знания, которым посвящен музей. Но эффективная практическая работа охватывает не все категории посетителей. Поэтому в Открытых фондах намечены направления развития новых просветительских программ. Необходимо:

1. Расширить аудиторию: охватить группу посетителей, которые нуждаются в нестандартных форматах коммуникаций, — студенты, а также посетители с ограниченными возможностями. На сегодняшний день темы берутся из основной тематики, а методика проведения адаптируется для нужной категории посетителей.

2. Привлечь профессиональную целевую группу: коллекционеров, экспертов, занятых атрибуцией, в связи с тем, что в музее хранится множество технических устройств и предметов, назначение которых не определяется хранителями и кураторами коллекций. Для этого необходимо создание формата новой публичной коммуникации музейно-исследовательской хранительской деятельности.

Сделать образовательный, познавательный и развлекательный процесс, основанный на музейно-педагогических принципах и методах, востребованным для посетителей — трудная задача, которая решается в настоящее время в музее.

Е. А. ВАСИЛЬЕВА
E. A. VASILYEVA

**Настольные игры в современной музейной
практике**

***Проекты Государственного музея истории
Санкт-Петербурга (ГМИ СПб)***

Table games in contemporary museum practice
***Projects of the State Museum of the History
of St. Petersburg***

Аннотация

Автор делится опытом сотрудников ГМИ СПб по разработке литературных, исторических и краеведческих настольных игр, призванных знакомить детей с собраниями музеев и поддерживать работу детских программ. Высказывается мнение, что настольные игры, в связке с экскурсиями-квестами, могут стать для детей одним из самых увлекательных путеводителей по музею. Подробно рассказывается о том, как в музее шла работа над созданием первой такой игры.

Abstract

The author shares the staff's of the State Museum of the History of St. Petersburg experience in the elaboration of regional research, literary and historic table games, which are aimed to acquaint children with museum collections and support the work of children programs. An opinion is expressed that the table games, along with the excursions-quests, can become one of the most captivating museum guides for children. An account is given of how the first of such games was created.

Ключевые слова: *Государственный музей истории Санкт-Петербурга, музейные настольные игры, детские путеводители по музею.*

Keywords: *Museum of the History of St. Petersburg, Museum table games, museum guides for children.*

За последние годы в России большую популярность приобрели настольные игры. Разнообразие подобной продукции поражает: можно найти игры на любой вкус — стратегии, варгеймы, логические, карточные, корпоративные и многие другие. Однако, как показали недавние исследования, проведенные петербургскими журналистами, есть в этой области и мало разработанный сегмент. Это, прежде всего, литературные, исторические и краеведческие игры¹. Между тем наличие таких игр может стать одним из самых привлекательных для детей моментов при знакомстве с музеем. Особенно хорошо действует связка — экскурсия-квест плюс настольная игра, когда путешествие по музею, выстроенное в занимательной форме, получает свое продолжение в домашней «настолке».

Для того чтобы эта связка работала, недостаточно просто выпустить какой-то продукт, пусть и очень хорошего качества, ему необходимо сопровождение — презентации, мастер-классы, игровые занятия. Важно также, чтобы музейные игры могли продаваться не только на территории самого музея, но и в других магазинах города, а также в специализированных игровых магазинах. В частности, игры ГМИ СПб можно найти в Доме книги, сети магазинов игр GaGa.ru и интернет-магазинах, а также на книжных ярмарках в Москве и Петербурге². Благодаря этому связь музей—игра двунаправленна: люди часто сначала покупают игру и уже после знакомства с ней приходят в музей, чтобы увидеть все изученное «вживую».

Таким образом, одним из самых эффективных можно назвать комплексный подход к работе с детской аудиторией в музее, т.е. должна быть продумана и запущена линейка издательской продукции и мероприятий, которые позволяют привлечь и заинтересовать юных посетителей музейными экспозициями как во время их посещения, так и после. Все компоненты должны коррелировать по информативному наполнению и дополнять друг друга, воздействуя на ребенка как вместе, так и по отдельности.

Следуя этому принципу, ГМИ СПб с 2012 г. разрабатывает издательскую продукцию, которая призвана познакомить детей с собраниями музея и поддержать работу детских программ. В частности, за это время мы выпустили два многосоставных проекта. Первый связан с филиалом ГМИ СПб Музей Кирова (буклет «Каменноостровский проспект» и настольная игра «Большое путешествие на Каменный остров по воде и по суше»). Второй посвящен непосредственно Петропавловской крепости. В него вошли настольная игра «Большая прогулка по Петропавловской крепости и Заячьему острову» и «Викторина. Крепость на Заячьем острове», а также в разработке находится уличная квест-игра по крепости. Во втором проекте мы постарались

максимально реализовать комплексный принцип. Выпуск игр был приурочен к открытию выставки «Заячий остров» в сентябре 2017 г., дополнительно была подготовлена линейка продукции сувенирного плана. Параллельно Центром музейной педагогики были разработаны маршрутные листы по выставке и по крепости.

Более подробно хотелось бы остановиться на настольных играх-квестах, созданных в рамках этих проектов.

Важное преимущество музейных игр — возможность иллюстрировать их подлинными изобразительными материалами, что мы и постарались максимально использовать. Таким образом, мы делаем информацию наглядной, и она намного лучше усваивается благодаря правильно подобранному иллюстративному ряду.

Обдумывая первый проект, мы полагались только на себя. Нам предстояло определиться с тем, какой мы хотим видеть музейную игру; из аналогов были только простые игры-бродилки по городу с вопросами. За основу взяли хорошо всем известный «Гусек»: бросаешь кубик, передвигаешь фишку по ячейкам. В эту схему надо было уложить музейные тексты, чтобы игра имела образовательную ценность.

Создавая настольные игры, мы стремились учитывать современные высокие оформительские стандарты, обусловленные большой конкуренцией на рынке игр. При обилии красиво оформленных и хорошо изданных игр, необходимо большое внимание уделять качеству материалов и оформлению, так как это сильно влияет на потребительский спрос.

Мы хотели максимально использовать экспонаты музея, лишь обрамляя их рисунками художника. Поэтому для игрового поля были взяты реальные карты XIX века, на которые укладывался выбранный маршрут. Уже в процессе работы, проигрывая простой вариант с детьми, мы пришли к удачному, на наш взгляд, решению — разделить довольно большие тексты, подготовленные научными сотрудниками музея, на ответ и справку, что давало возможность варьировать ход игры. Например, *вопрос*: «На углах бастионов есть небольшие башенки. Как они называются и для чего предназначались?». *Ответ*: «Это турели — угловые дозорные башенки-будки для часовых (от французского “*tourelle*” — башенка)». *Историческая справка*: «В царствование Анны Иоанновны для улучшения охраны крепости, наряду с другими усовершенствованиями, по проекту Б.-Х. фон Миниха по углам бастионов были возведены 13 пятигранных дозорных будок для часовых. Их высота составляла чуть больше двух метров, каждая имела по четыре прямоугольных окна и вход. Во времена Екатерины II, когда южный фасад крепости был облицован гранитом, на выходящих к Неве бастионах

пятигранные турели заменили круглыми, с куполками и круглыми оконцами в стенах. Шесть из них сохранились до наших дней».

Для того чтобы важная историческая справка не осталась непрочитанной, была придумана дополнительная стимуляция — введены монеты разных эпох. В правилах появился пункт: прочитавший историческую справку получает вознаграждение — монету, которая пригодится ему в игре. Этот прием хорошо сочетается с делением текста на части (за один ход можно получить две монеты — за правильный ответ и за прочитанную вслух справку). Монеты действуют безоговорочно — по статистике ни один игрок не отказался от прочтения справки.

Еще одна «хитрость» — карточки «Случайности» и «Викторина»: они не только добавляют элемент приключения, но и несут смысловую нагрузку. Например, вы можете встретить сурового городского, который потребует у вас документы (–1 ход), или «конфетницу», у которой придется купить карамельку (минус одна монетка). Впрочем, неожиданности не всегда будут досадными, и можно найти потерянный кем-то гривенник, который всегда пригодится в дороге.

Следующее изобретение — фишки «транспорт», которые, заключая в себе информацию (на чем передвигались по городу в ту или иную эпоху), придают еще и атмосферность игре. Основания фишек сделаны с двойной вырубкой, куда можно поставить дополнительное изображение — извозчик, лодка, автомобиль.

Важен и отбор материала — факты должны быть занимательно изложены, возможно и с элементом шутки (из текстов карточек игрок узнает, кто такие «быки» на Неве и «моржи» на пляже Петропавловской крепости), используется и литературная основа. Чем разнообразнее будет материал, тем оживленнее игра, т.к. монотонное перечисление дат и фамилий архитекторов утомляет, и участники игры могут быстро потерять к ней интерес. Необходимо соблюсти баланс информативности и развлекательности.

Игры, выпущенные издательским отделом ГМИ СПб, рассчитаны на семейную и школьную аудиторию. Играть можно с детьми разных возрастов, однородность команды не обязательна. Маленькие участники могут также продвигаться по полю, бросая кубик, используя транспорт и открывая небольшие карточки со «случайностями», не читая вопросов больших карточек, на которые им еще трудно будет ответить.

Еще один важный момент, который нельзя упускать при подготовке игр, — обязательное сертифицирование. Каждая игра должна получить сертификат соответствия.

Итак, анализируя опыт издательского отдела ГМИ СПб в этой области, можно сформулировать основные факторы успешности музейной игры:

1. *Оформление.* При обилии игр на рынке и высоком качестве такого рода продукции этот аспект исключительно важен. Выдержанная стилистика оформления: даже фишки мы делаем авторские, соответствующие игровому пространству, а не используем готовый продукт.

2. *Сбалансированное содержание.* Тексты должны быть информативны, но не перегружены мелкими подробностями.

3. *Интересная, достаточно сложная механика.* В играх ГМИ СПб механику усложняют встречи, монеты, транспорт и медали.

4. *Широкий возрастной диапазон игроков.*

5. *Реализация.* Нельзя недооценивать важный момент — жизнь игры после получения тиража. Необходимы презентации, игротеки, продажа в крупных сетевых магазинах.

¹ В сентябре 2017 г. в музее-квартире Н. А. Некрасова был проведен семинар «Современная настольная историко-журналистская и литературная игра: разработка концепции», где были озвучены результаты изучения рынка игр и потребительского спроса в этом игровом сегменте.

² См. описание одной из игр на сайтах продавцов: <https://gaga.ru/game/stone-island/>; <https://www.ozon.ru/context/detail/id/31788134/>.

Г. В. ВЕЛИКОВСКАЯ
G. V. VELIKOVSKAYA

**Музейные формы работы с подростками
на туристско-краеведческих слетах**
**The museum forms of work with teenagers
during the Tourist and Regional Research rallies**

Аннотация

Статья посвящена включению музейных форм работы в традиционные туристско-краеведческие слеты школьников. В ней описываются система, порядок и методика подготовки краеведческой экскурсии по территории незнакомого населенного пункта. Дается анализ успешности этой формы работы. Вторая часть статьи посвящена вопросам атрибуции предметов музейного значения, проводимой в полевых условиях слета.

Abstract

The article is devoted to museum methods of activity as part of schoolchildren's traditional Tourist and Regional Research rallies. It describes the system, procedure and methodology of preparing of a local-lore excursion in the area of an unfamiliar settlement, analyses the benefits of this kind of activity. The second part of the article is dedicated to the attribution of museum-worthy objects accomplished in field conditions.

Ключевые слова: туристско-краеведческие слеты, краеведческая экскурсия, атрибуция.

Keywords: Tourist and Regional Research rallies, local-lore excursion, attribution.

Всероссийские мероприятия, проводимые Федеральным центром детского и юношеского туризма и краеведения (ФЦДЮТиК), в которых специалисты Государственного литературного музея принимают участие, — являют собой пример долговременного и благотворного сотрудничества учреждения культуры с организацией дополнительного образования¹. Это Всероссийские литературные праздники, слеты актива школьных музеев, слеты поисковых отрядов, Всероссийское

краеведческое движение учащихся «Отечество», Всероссийские слеты юных туристов-краеведов, конкурсы школьных музеев и юных экскурсоводов. В 2018 г. отмечается столетие дополнительного образования (внешкольной работы) — создание первого экскурсионного бюро для школьников².

На Всероссийских слетах юных туристов-краеведов (историков, этнографов, экологов) детский отдых наполнен всевозможными соревнованиями, обязательными (зачетными) и дополнительными необязательными конкурсами. Обязательными конкурсами, по которым команды получают зачеты и в итоге разыгрывается первенство, являются следующие конкурсы.

Для гуманитарного направления: Представление команд. Полевая конференция. Краеведческий контрольно-туристский маршрут (третий этап — атрибуция предметов музейного значения). Разработка историко-краеведческой экскурсии. Описание краеведческого объекта. Обычай, обряды моего народа. Знатоки-краеведы. Туристские навыки и быт.

Для экологов: Представление команд. Полевая конференция. Экологический контрольно-туристский маршрут (ЭКТМ). Разработка экологической тропы. Описание экологического объекта. Экологическое мини-исследование. Знатоки-краеведы. Туристские навыки и быт.

Дополнительные конкурсы (по выбору команд): Конкурс краеведческой газеты. Конкурс экологического плаката. Конкурс «Природа и фантазия». Конкурс «Город мастеров». Конкурс фотографий. Конкурс «Представление и описание народной игры». Конкурс «Представление народной кухни». Конкурс «Спортивное ориентирование». Конкурс «Лабиринт» (спортивное ориентирование). В основном, это все творческие конкурсы.

Перечисление конкурсов дает яркую картину разнообразия форм работы, используемых на выездных мероприятиях.

Мы представим систему близких нам музейных конкурсов — *разработку историко-краеведческой экскурсии и атрибуцию предметов музейного значения.*

Из истории вопроса. Разработка историко-краеведческой экскурсии проходила по одному краеведческому объекту, как правило — по храму или иному архитектурному сооружению. Причем заранее давались четкие ссылки на литературу, в которой есть описание объекта. Работа команд (а их от 15 до 20) заключалась в переписывании и чтении сухого книжного текста. В этом случае приходилось оценивать в большей степени умение отобрать наиболее важные сведения и скомпоновать готовый материал. Во время представления такой «экскурсии» жюри вынуждено было двадцать раз выслушать одну и ту же информацию, изложенную одними и теми же фразами.

На слете под Елабугой (2009 г., 100 участников от 14 до 17 лет) мы предложили иную форму работы, используя уже сложившийся регламент.

Работа делится на три этапа. Первый (четыре часа) — команда в составе шести человек самостоятельно изучает отведенный полигон по предоставленной им схеме (часть села, города, поселения). Проходит сбор материала: проводятся беседы и опросы местных жителей, делается фотофиксация и зарисовки, если есть возможность — изучается исторический материал в местном или школьном краеведческом музее. Предметом изучения и наблюдения могут быть культовые и исторические здания, жилые дома разного времени постройки, промышленные предприятия, памятники, скульптуры, спортивные сооружения и многое другое, что очень неожиданно может заметить детский глаз.

Второй этап проходит на территории полевого лагеря (два часа). Здесь проводится камеральная обработка материала: материал систематизируется и оформляется (для представления), составляется топографическая схема и технологическая карта маршрута (методическая разработка экскурсии).

Третий этап (десять минут) — это представление экскурсии, которое проводится в этот же день.

На предварительных занятиях с командами мы рассказывали, как выбрать и сформулировать тему, как построить свою работу методически, каким содержанием надо наполнить графы технологической карты, как подготовить топографическую карту, какие бывают топографические знаки. Проводились мастер-классы по экскурсионному рассказу, где обращалось внимание на специальные экскурсионные приемы, на обязательную связь рассказа и показа, на логику рассказа, связность текста. Подготовка к конкурсу была очень напряженной.

Мы рекомендуем написать текст экскурсии, который не обязательно использовать. Но иногда сильно уставшие и разволновавшиеся ребята комкают свое выступление, теряются. Тогда на помощь приходит записанный текст.

При таком подходе все экскурсии получаются разными по тематике, по интерпретации собранного материала, нет однообразия в изложении одних и тех же сведений.

Вся работа команд проходит без участия руководителей делегации.

Важным моментом этой работы является свобода выбора объектов показа: какие и сколько — решает команда. Ребятам предоставлена возможность максимально их разнообразить. За десять минут выступления оптимальное число объектов, о которых можно успеть рассказать, — пять-шесть, минимальное — три.

Ребятам рекомендуется выбирать небольшие локальные темы. Опасность больших тем, таких как «История поселка», состоит в невозмож-

ности собрать достаточный по объему материал для раскрытия темы и недостатке времени, чтобы его изложить. Это будут разрозненные фрагменты. Лучше уж сразу и тему сформулировать на основе какого-либо фрагмента, части истории. Например: «Сердце Елабуги — деятельность купцов Стахеевых» (с. Хворостянка, Самарская область), «Исторический центр уездной Елабуги» (Дуванский район, Республика Башкирия), «Православный уголок Елабуги» (Мытищи, Московская область), «Елабуга двадцатого века» (Пенза).

Самостоятельный выбор темы дает возможность использовать уже имеющиеся у команды знания. Так, одна из команд на полевой конференции провела работу по исследованию различных видов заборов. Эту тему и выбрали ребята для изучения совсем других деревенских заборов на слете под Ярославлем, где им очень пригодился полученный раньше опыт.

Название экскурсии должно не только отражать ее содержание, но и быть привлекательным. Иногда наблюдательность ребят и умение вычлнить необычное поражает. Насколько музыкально звучат такие названия: «Елабуга в фасадах купеческих домов» (Ростов Великий, Ярославская область), «Волшебный ажур на улицах Елабуги» (с. Мокеевское, Ярославская область), «Живая история» (Республика Марий Эл), «Зеркало истории города Елабуги» (Дубна, Московская область).

Если есть возможность, то очень важно заблаговременно провести максимальное знакомство с местом, где будет проходить работа. И не столько для того, чтобы запомнили, что здесь находится и чем богат край, сколько для того, чтобы прочувствовали, полюбили, удивились, полюбовались самым интересным, прониклись аурой места.

В замечательном городе Елабуга к началу конкурса ребята уже были знакомы и с историческими местами города, восхитились панорамой окрестностей с древнего Городища, посетили Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Дом-музей художника И. И. Шишкина, Музей-усадьбу Надежды Дуровой, Мемориальный комплекс Марины Цветаевой, поклонились памяти Цветаевой на Петропавловском кладбище. Осмотрели музеи старого университета. Город всем очень понравился. И самостоятельная работа над экскурсией стала продолжением ранее начатого знакомства.

Далеко не всегда мероприятие проводится в таком богатом историей и памятными местами районе. В этом случае большую роль играет общий культурный уровень участников, умение разглядеть и вычлнить в обыденной обстановке деревни или районного городка объекты, могущие стать предметом показа и рассказа, суметь собрать материал и увлекательно рассказать о них. Все школьники справляются с поставленными задачами.

Последний слет проводился в национальном парке «Смоленское Поозерье». Разработка краеведческого маршрута проходила на двух улицах деревни Баклановской, где расположены интересные объекты: рунированная колокольня двухколокольной церкви начала XIX века, не занесенная в реестр памятников культуры Смоленской области; памятник погибшим воинам, сооруженный в 50-е гг. XX века; старые и новые дома деревни, построенные на местах разрушений в годы войны; своеобразная планировка деревенской усадьбы (по красной линии стоят хозяйственные постройки, а главный дом в глубине двора); остатки парка помещицкой усадьбы XIX века; здание почты начала XX века. Ребята обратили внимание на стоящую в отдалении полуразрушенную ферму, на бывшую школу, на маленькую выразительную инсталляцию «памяти войны» около деревенской усадьбы (на камне каска и часы со следами «крови»).

Разработаны были два направления: история деревни и память войны. Была выбрана очень конкретная тема, выявляющая особенности планировки усадеб села и причину потери старой традиции: «Усадьбы села Баклановское» (Ярославская область, с. Мокеевское). Звучали и общеисторические темы, которые опирались порой на одни и те же объекты показа, но рассмотренные в оригинальном ракурсе:

«Село в Российской глубинке» (Брянская обл.).

«Бакланово: “от рассвета до заката”» (Республика Удмуртия, Увинский район).

«Бакланово: след в веках» (Республика Башкортостан, Белорецк).

«Маленький край. О чем он может рассказать?» (Псковская область, пос. Кунья).

«Прошлое и настоящее села Бакланово» (Смоленская область).

«Село Баклановское — часть Смоленского Поозерья. Прошлое и настоящее» (Московская область, г. Дубна).

«Вчера и сегодня» (Смоленская область).

Военная тема:

«По военным тропкам» (Ярославская область, г. Ростов).

«Боевая память Баклановского» (Московская область, г. Мытищи).

«Война и мир» (Ярославская область, г. Ростов).

Школьники очень старались максимально разнообразить свои экскурсии. Так, на представлении экскурсии появился пазл — разрезанный рисунок несуществующего «панского дома», вырезанная из картона и раскрашенная каска заменила объемный предмет, который можно «взять в руки», а на этапах экскурсии «находили» письма с фрагментом стихотворения К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», с исторической справкой о разрушенной церкви, с рассказом, в честь чего была сделана инсталляция с каской и часами, с пронзительным текстом от имени партизан: «*Я партизан. Но я не один. Нас*

было много. Мы боролись как могли. Потом нам поставили несколько памятных знаков, рады, что помните...»

В разработке экскурсий участвовало 84 школьника в возрасте от 12 до 17 лет. Почти все ребята пытались дать объяснение красивому названию деревни Баклановской (три варианта), изложить историю деревни (три версии), историю разрушения церкви (три версии). В нашем случае несовпадение этих версий не играет существенной роли (от разных людей получали разные сведения, не имеющие документального подтверждения). Важен другой момент — материал собран, добыт, усвоен самостоятельно. В этой деревне они увидели, осмыслили и зафиксировали следы разрушений, оставленных не только войной, но и событиями времен перестройки. И все ребята испытали потрясение от бесед со старожилами — свидетелями войны или их потомками.

Несмотря на то, что это самый сложный интеллектуальный конкурс, для участников слета он остается любимым.

Оглядываясь назад, думаю, как эту нагрузку — разработку экскурсии — выдержали ребята? Как сумели справиться с таким сложным заданием, будучи совершенно неподготовленными? Что двигало ими? Почему они так воодушевленно беседовали с жителями района, так увлеченно выбирали объекты для изучения, так страстно спорили, обрабатывая собранные материалы?

— Потому что они мотивированы. Это соревнования, в которых надо одержать победу.

— Потому что конкурс предполагает максимальную самостоятельность и свободу в выборе путей и решении поставленных задач.

— Потому что здесь можно быть самим собой и от твоей активности и умения, от твоих знаний зависит общий успех.

— Потому что они работают в команде, и каждому найдется свое дело.

— С точки зрения современного педагогического процесса — потому что это деятельность.

Подготовка экскурсии — это всегда исследование, в котором используются следующие методы: эмпирический (наблюдение, описание, анкетирование, опрос, фотофиксация, видеофиксация и т.д.), экспериментальный (в данном случае, практический), теоретический (формулировка темы, составление плана и маршрута экскурсии, подготовка методического материала).

Другой формой исследования является для ребят атрибуция предметов музейного значения. Она базируется на наблюдательности, жизненном опыте, умении делать выводы, кратко и четко их формулировать.

Атрибуция практикуется нами давно в рамках всероссийской Олимпиады школьников по краеведению в стационарных условиях Москвы.

А на слете на одной из полян располагается наша выездная музейная лаборатория. Командам предлагается внимательно рассмотреть три предмета и записать в «Паспорт предмета музейного значения» результаты наблюдений.

В задачу исследователя входит внимательное визуальное изучение предмета и его описание по предложенным параметрам. Здесь главное — проявление наблюдательности и ее вербализация. Должны быть соблюдены определенные правила описания. Оно не может включать эмоциональную оценку, вводные слова. Описание должно быть кратким, четким, емким.

Перед началом работы, ввиду того, что на нее отводится очень мало времени (всего 10 минут — на слете), надо предупредить ребят о необходимости прочитать сразу все графы и понять, что куда записывать.

Предлагаются следующие параметры описания:

1. *Наименование* всегда начинается с имени существительного: нож перочинный, ручка перьевая, игрушка на елку.

2. *Время изготовления* определяется по стилистическим характеристикам, которые в какой-то мере уже знакомы детям. Это может быть растительный орнамент с красивыми плавными линиями, характерный для эпохи модерна начала XX века. Чернильница-непроливайка — символ школы середины XX века, ее функция понятна почти всем участникам, хотя ее специфического названия ребята не знают. Иногда на предмете стоит дата изготовления или цена изделия. С дарственными и памятными надписями надо быть осторожным, поскольку в них фиксируется дата какого-то события, а не изготовления предмета.

3. *Место изготовления* определяется по особенностям национальных рисунков, цветовых соотношений, форм, сюжетов (египетские рисунки, испанская коррида, русские обереги), по характеру ремесленной росписи (Гжель, Жостово, Хлудово, Каргополь). На сувенирных предметах, как правило, стоит наименование местности: «Париж» на платочках, «Сочи» на изделиях из ракушек, «Рим» на брелоках.

4. *Размер*. Объемный материал измеряется тремя показателями: длина, ширина, глубина. Плоскостной материал (фото, картина, документ, карта) — измеряется двумя показателями, где сначала дается вертикальное измерение, потом горизонтальное. Обязательно в такой последовательности! Это мировой стандарт. Для округлых предметов указывается диаметр. Предметы сложной конфигурации измеряют по частям.

5. *Описание* представляет особую сложность, потому что сюда следует занести только те сведения, которые не войдут в другие графы. Максимально четко надо записать название предмета, как выглядит предмет, что изображено на нем, из скольких частей он состоит, какие

есть надписи, штампы, клейма. Надо сделать как бы словесную фотографию, по которой предмет будет узнаваемым.

6. *Материал и техника изготовления*, то есть из чего и как выполнен этот предмет. Сведения записываются в именительном падеже через запятую — металл, ткань, бумага, дерево, бисер. Знание техники изготовления базируется на жизненном опыте участников. Для металла это может быть литье, штамповка, ковка и т.д. Для тканых изделий — шитье, вышивка, роспись и т.д. Для дерева — инкрустация, резьба, выжигание, роспись и т.д. Для керамики — обжиг, роспись и т.д.

7. *Сохранность* бывает полная и неполная. Она расписывается также в именительном падеже перечислением: царапины, замины, утраты, сколы, отсутствие части предмета, следы чернил, карандаша и т.д.

Здесь приводятся примеры заполнения граф наиболее часто встречающимися терминами. Для изучения ребятам могут предлагаться самые разнообразные предметы, не исключая неброскую сувенирную продукцию.

Просто старые вещи детям ни о чем не говорят. У них нет чувства ностальгии по предметам, как у старшего поколения. Номерок из гардероба середины XX века, старый свисток, чайник не так интересуют ребят, как вещь-тайна. Желательно, чтобы был какой-то секрет, что-то не совсем понятное. Например, нож для разрезания бумаги, кольцо для салфетки, ножницы для снятия нагара со свечи, спичечница, перочистка; для этнографов — маслобойка и другие предметы крестьянского обихода.

Желание узнать назначение непонятого предмета присутствует у всех. И пока это желание есть, его надо развивать, отталкиваясь от вещей, расширяя представление о быте и культуре, о мире в целом. Так, ребята заключают, что нож для разрезания бумаги предназначен для одного — вскрытия конвертов. Самое время им рассказать, что в самом начале XX века, сто лет назад, без такого ножа нельзя было прочитать книгу, ибо книги издавались неразрезанными. Напомнить, что в мемориальных музеях великих людей, связанных по роду деятельности с книгой, обязательно на письменном столе должен лежать такой нож.

Работа с предметами в последние годы приобретает все большее распространение не только в рамках музейной деятельности. В ИЖЛТ (Институт журналистики и литературного творчества, Москва) студенты получили такое задание: подготовить для выступления на радио репортаж на полторы минуты по предоставленному им предмету. Предметы были не очень выразительные: морская ракушка, фрагмент фарфоровой статуэтки, нательный крест, вязаная салфетка.

Долгие годы видя ребят за этой работой, я вынужден констатировать, что вместе со старыми предметами уходит и культура их восприятия. Потому и важно научить смотреть и видеть, исследовать и делать вы-

воды, наблюдать и давать характеристику определенным качествам музейных предметов.

Экскурсия является музейной формой работы, в нашем случае — это серьезная игра во взрослое мероприятие: найти, собрать, подготовить документы, презентовать. Повзрослевшие дети любят театрализацию, всегда готовы себя показать, но главная составляющая успеха — предельная самостоятельность самовыражения и мотивация участников.

Атрибуция предметов музейного значения — также музейная форма работы — прямо апеллирует к главному свойству детского характера — любознательности.

Предложенные формы работы можно использовать на региональных массовых мероприятиях, на выездных и стационарных мероприятиях, как самостоятельные конкурсы, как элемент целого (конкурс экскурсоводов в ФЦДЮТиК, краеведческие Олимпиады).

Разнообразие форм, богатство содержания, методическая разработанность интеллектуальных соревнований и творческих конкурсов на выездных мероприятиях Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения дает право говорить о развитии одного из направлений образовательного туризма как об инструменте реализации ФГОС.

¹ Будучи сотрудником ГЛМ уже 45 лет, я имею удовольствие 40 из них тесно работать с системой дополнительного образования.

² См.: *Константинов Ю. С.* История детского туризма. М., 2018.

Е. Б. ГЕЦЕЛЕВА
E. B. GETSELEVA

**Коллекция серебряных музыкальных
инструментов — боевых наград русской армии
из фондов Российского национального музея
музыки: история и современность**

**Collection of silver musical instruments —
military rewards of the Russian army within the
corpus of the Russian National Museum of Music:
history and nowadays**

Аннотация

В статье идет речь о замечательной коллекции серебряных музыкальных инструментов первой трети XIX века, поступивших в Российский национальный музей музыки из разных воинских частей. Рассказывается о том, как и когда возникла традиция награждать полки трубами, в чье царствование они приобрели статус регалий, кем они изготавливались. Говорится о концертах, где эти инструменты вновь обретают голос.

Abstract

The article tells about the remarkable collection of silver musical instruments of the first third of the 19th century, which came to the Russian National Museum of Music from different military units. It relates of how and when the tradition to award regiments with trumpets began, in whose reign they won the status of regalia, by whom they were made. The concerts are mentioned, where this instruments gain back their voice.

Ключевые слова: *Российский национальный музей музыки, серебряные музыкальные инструменты, военные награды, регалии, концерты.*

Keywords: *Russian National Museum of Music, silver musical instruments, military rewards, regalia, concerts.*

В Российском национальном музее музыки хранится замечательная коллекция серебряных музыкальных инструментов — боевых наград

русской армии. Основой этой коллекции являются сорок три духовых инструмента (тридцать шесть труб, два тромбона, три басовых трубы, сигнальный рожок и саксгорн-альт), которыми были награждены воинские части за мужество и героизм, проявленные в сражениях первой трети XIX века. Вместе с литаврой они составляют ценнейшее собрание, объединенное общей историей.

С древних времен трубы являются неизменным атрибутом военных действий и армейских ритуалов. Трубачи всегда участвовали в битвах и торжественных шествиях. Упоминаются трубы в самом знаменитом русском литературном памятнике — «Слове о полку Игореве» и других древних летописях.

Натуральные трубы (в отличие от хроматических, появившихся в XIX веке) не были предназначены для исполнения виртуозных мелодий и потому использовались главным образом как сигнальные инструменты. В русской армии был ряд сигналов, исполняемых на трубах, — «подъем», «сбор», «общая тревога», «отбой» и т. д.

В допетровские времена духовых оркестров в современном понимании еще не существовало, вместо них были «сыгрыши» — ансамбли из нескольких музыкантов.

Петр I (1682—1725) провел военную реформу, создав армию современного типа. При этом он не обошел своим вниманием и военные оркестры, которые во времена его царствования стали неотъемлемой частью полков.

При Анне Иоанновне (1730—1740) «привилегированным» полкам (преимущественно кирасирским) стали жаловать серебряные трубы, хотя еще не в качестве регалий. Вместе с тем в эти годы произошло первое награждение трубами за отвагу, проявленную в бою, — речь идет о батальоне лейб-гвардии Измайловского полка за взятие крепости Очаков в ходе Русско-турецкой войны.

Впервые трубы были вручены как знак отличия в царствование Елизаветы Петровны (1741—1761) — по одной на батальон тем полкам, которые участвовали 28 сентября 1760 г. во взятии Берлина.

5 февраля 1798 г., во время царствования Павла I (1796—1801), вышло важное распоряжение, согласно которому серебряные трубы и литавры приобрели статус регалий. В этом приказе говорилось: «...повелевается гг. инспекторам от кавалерии, дабы наблюдали, чтобы во всех полках, где таковые литавры и трубы есть, почитать их регалиями»¹.

В 1816 г., при Александре I (1801—1825), была точно установлена форма труб: для кавалерии — прямая, а для пехоты — выгнутая.

Трубы подразделялись на серебряные и георгиевские (орден Св. Георгия был учрежден Екатериной II 26 ноября 1769 г.). На георгиевских

трубах было изображение георгиевского креста. Первым — за подвиг при Шенграбене 4 ноября 1805 г. — был награжден георгиевскими трубами 6-й егерский полк.

Количество труб за отличие определялось по штатному числу трубачей в полку. Обычно пехотные полки получали по две трубы, кавалерийские — по числу эскадронов (на каждый по три). С 1813 г. кавалерийским полкам жаловались 19 труб, с 1816 г. — 22. Эти двадцать две трубы составляли «хор», они были в разных тонах: 14 труб — in D и C, 6 труб in G (их высота при необходимости менялась при помощи дополнительных крон), кроме того один бас-тромбон и одна басовая труба.

Заготовлением труб занималось комиссариатское ведомство, обращавшееся напрямую к частным мастерам. В начале XIX века упоминаются «мастера серебряных дел» Костылев и Поммо². После предварительного торга мастеру давались соответствующие инструкции, он определял необходимое количество серебра, и ему делался заказ с указанием цены и сроков выполнения. Серебро выделялось мастеру, либо он сам должен был его достать. На каждую трубу уходило от 800 грамм до полутора килограмм. В дело шло серебро 84-й пробы (что соответствует современной 875-й пробе), комиссариат приобретал его у Монетного двора. Серебряные кисти на Георгиевской ленте изготавливались фабрикой офицерских вещей. Для приемки труб собиралась своего рода «комиссия», состоящая из особых «цеховых» — представителей ремесленной управы, и только с их одобрения трубы принимались от мастера. С 1817 г. порядок заготовки труб изменился, что вызвало значительную задержку в получении полками инструментов.

Отечественная война 1812 г. и последовавшие за ней военные действия 1813–1814 гг. вызвали волну массового героизма, который был отмечен многочисленными наградами, в том числе коллективными.

Надписи, выгравированные на трубах, позволяют судить о времени, когда они были изготовлены. Причем здесь возможны два варианта: на инструменте обозначалась либо дата сражения или военной кампании, в ходе которой тот или иной полк заслужил награду («За храбрость противу неприятеля при Фер-Шампеноазе 13го марта 1814го года» или «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года»), либо дата приказа о награждении («2го Украинского казачьего полка 30го августа 1814 года» или «Сибирского уланского полка 3го марта 1816 года»). В последних двух примерах на трубах указан также полк, удостоившийся регалий. В других случаях об этом можно судить по документам, сохранившимся с тех времен.

На двух георгиевских трубах из музейной коллекции выгравировано: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812го года». В документах можно обнаружить приказ от 13 апреля 1813 г.³, в котором перечисляются полки, награжденные георгиевскими трубами с такой надписью (четыре кирасирских и два гусарских — каждому по 19 труб). На одной из двух труб указан адресат — «Астраханскому полку», стало быть, мы можем предполагать, что речь идет об Астраханском кирасирском полке. Особую доблесть воины полка проявили в Бородинском сражении, во время боя за Семеновский овраг.

Девять инструментов из коллекции принадлежали Украинским казачьим полкам — четыре 2-му и пять 3-му. На них стоит число 30 августа 1814 г., это дата приказа, согласно которому «в воздаяние отличных подвигов, оказанных в минувшую кампанию»⁴, 1-й, 2-й и 3-й Украинские казачьи полки были награждены серебряными трубами.

В 3-м Украинском казачьем полку начинал свою службу выдающийся русский композитор, автор знаменитого «Соловья» и других прекрасных сочинений в разных жанрах, Александр Александрович Алябьев.

В то же время в 3-м Украинском казачьем полку служил и другой известный музыкант — виолончелист, меценат и музыкальный деятель Матвей Виельгорский.

В упомянутом приказе от 30 августа 1814 г. говорится также о том, что девятнадцать георгиевских труб были пожалованы лейб-гвардии Драгунскому полку за сражение при Фер-Шампенуазе⁵. Речь идет о сражении в местечке Фер-Шампенуаз во время Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Одиннадцать из этих инструментов хранятся в фондах музея: шесть труб, басовая труба и басовый тромбон представлены на постоянной экспозиции и три трубы находятся в хранилище.

Еще десять инструментов были пожалованы Сибирскому уланскому полку (девять труб и один тромбон, переделанный в контрабасовую трубу, с надписью: «Сибирского уланского полка 3го марта 1816 года»).

Несколько труб связаны с польским восстанием 1830–1831 гг., на них стоит надпись: «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года».

Серебряные музыкальные инструменты были переданы в Музей музыки с военно-дирижерского факультета Московской консерватории (сейчас Институт военных дирижеров) в 1965 г. Это было большое поступление, включающее и другие духовые и ударные инструменты, а также принадлежности к ним — всего порядка ста шестидесяти предметов. На военно-дирижерский факультет эти инструменты поступили в свою очередь из Санкт-Петербургского артиллерийского

музея. В настоящее время серебряные инструменты — боевые награды русской армии хранятся также в Государственном историческом музее, Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (современное название артиллерийского музея).

Инструменты, составляющие серебряную коллекцию, были изготовлены в первой половине XIX века, приблизительно в те годы, которые указаны на самих инструментах или вскоре после этого. Орнамент на накладках раструба и мундштучных трубках позволяет предположить, что это изделия одного мастера или одной мастерской. Определить, где именно они были изготовлены, нам пока не удалось. Не сохранилось никаких документов, а клейма не указывают имя мастера. Возможно, инструменты были сделаны в России, более вероятно — в Австрии или Саксонии. На многих стоит 84-я проба и выбит герб Санкт-Петербурга.

Собранные в одну группу инструменты ранее находились в разных воинских частях и использовались, а также наверняка переделывались в соответствии с нуждами конкретных оркестров. К числу таких переделок можно отнести тромбон с неподвижной, припаянной кулисой, и саксгорн альт. Как известно, Адольф Сакс впервые представил семейство саксгорнов в 1842 г. Инструмент коллекции выглядит более современным. Он имеет никелированное покрытие. Скорее всего, за основу был взят французский саксгорн конца XIX века и к нему припаян раструб от наградной бас-трубы или тромбона, на что указывает шов, видимый внутри раструба, соединительная гайка на раструб в этом месте и фрагмент крепления явно не от этой конструкции.

Два инструмента определенно были изготовлены за пределами России. Труба мастера Габлера из Берлина, предположительно, датируется первой половиной XIX века. К сожалению, инструмент сохранился не полностью. До передачи в музей труба находилась в Эрмитаже, в собрании комнат Николая I. Накладка позолочена и украшена искусной гравировкой. Центром является изображение имперского орла, развернутых знамен, литавры и орудия. Остальная часть накладки и корпус трубы украшены растительным орнаментом. Он гораздо более изысканный, чем орнаменты армейских труб, которые мы рассматривали. Можно предположить, что инструмент был изготовлен по заказу царя или его окружения.

Необычайно изящный инструмент венского мастера Антона Кёрнера изготовлен в Вене в 1759 г. Это замечательный образец трубы *clagino*, пришедшей к нам из XVII века. Таких инструментов было изготовлено четыре. Трубы предназначались Первому кадетскому корпусу, о чем сохранился документ⁶. Все гайки, соединяющие трубки,

сделаны с помощью ювелирного литья. На раструбе припаян накладной знак Первого кадетского корпуса в виде геральдического щита, изображающего корону и двуглавого орла. Инструмент украшен также гравировкой на военную тематику — щиты, пушки, доспехи т.д.

Было бы упущением не упомянуть несколько басовых духовых инструментов серебряной коллекции. В экспозиции представлены две басовые трубы и два тромбона. У тромбонов кулиса жестко закреплена, что делает их подобием басовых труб. Все эти инструменты также относятся к наградным и имеют на раструбе надписи, о которых мы упоминали.

В коллекции находится также серебряная литавра, изготовленная в Саксонии в XIX веке (скорее всего, во второй половине) фирмой G. JUL WUNDERLICH PAUKENFABRIK, о чем свидетельствует соответствующее клеймо у обода. Корпус инструмента украшен накладным саксонским гербом, подстроечные винты выполнены в виде корон, а крепежи к ним — в виде мифических птиц.

На постоянной экспозиции «Музыкальные инструменты народов мира» в Музее музыки серебряной коллекции отведена отдельная витрина. Там представлены двадцать три наиболее интересных инструмента, флейта и два военных барабана. Остальные инструменты находятся в хранилище, однако и они время от времени бывают востребованы.

Так, осенью 1992 г. в Германии, в городе Бад-Зекинген, во всемирно известном Музее трубы, по инициативе его директора Эдварда Тарра состоялась выставка, где были представлены пятнадцать инструментов из нашего собрания. Тарр — энтузиаст исторического исполнительства, автор книги «East meets West. The Russian trumpet tradition from the time of Peter the Great to the October revolution» (Pendragon Press, 2003) об истории исполнительства на трубе в России — чрезвычайно высоко оценивает музейную серебряную коллекцию.

В другом выставочном проекте — «1813: Нидерланды освобождены Россией» в рамках «Года России в Нидерландах и Нидерландов в России» в музее Geelvinck Hinlopen Huis (Амстердам, Нидерланды) в 2013–2014 гг. участвовали две трубы из коллекции.

В декабре 1999 г. уже в самом Музее музыки состоялся концерт на серебряных трубах. Задача музыкантов была не из легких — заставить зазвучать давно молчавшие инструменты, да еще весьма непривычные (натуральные трубы малоупотребительных ныне строев). С этим прекрасно справился преподаватель факультета военных дирижеров Московской консерватории Ахат Самадов со своими учениками. Концерт превратился в настоящий праздник с фанфарами в фойе, звуками труб

из разных точек зала, демонстрацией элементов сигнальной службы русской армии XIX века и историческими костюмами.

В сезоне 2010–2011 гг. в рамках абонеента «Гром победы, раздавайся» (автор проекта, дирижер и лектор — художественный руководитель и главный дирижер Центрального концертного образцового оркестра военно-морского флота имени Н. А. Римского-Корсакова, заслуженный артист России, капитан 1 ранга Алексей Карabanов) серебряные трубы из коллекции вновь обрели голос. К ним присоединились и трофейные французские барабаны, относящиеся к той же эпохе. Они были специально отреставрированы к этому событию.

¹ Цит. по: *Николаев Н. Г.* Исторический очерк о регалиях и отличиях русской армии. Т. II. СПб., 1899. С. 204–205.

² См.: Там же. С. 76.

³ См.: Там же. С. 82.

⁴ Казачьи войска. Справочная книжка Императорской главной квартиры / под ред. В. К. Шенка. СПб., 1912. С. 19.

⁵ См.: *Николаев Н. Г.* Указ. соч. С. 85.

⁶ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3034. Л. 144–144 об.

Е. Б. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
E. B. DOBROVOLSKAYA

«Для общей пользы...»
Гуманистические традиции
Императорского Царскосельского Лицея
в воспитательной и образовательной
деятельности мемориального Музея-Лицея

«For the benefit of all...»
Humanistic traditions of the Imperial
Tsarskoye Selo Lyceum
in educational work
of the Memorial Museum-Lyceum

Аннотация

В статье рассказывается о музейно-образовательных программах Музея-Лицея, который по праву можно назвать центром воспитания юношества в городе Пушкине. Автор цитирует мудрые высказывания директоров и преподавателей Царскосельского Лицея и показывает, что в основе музейно-педагогической работы со школьниками в Музее-Лицее лежат лицейские методы преподавания: стремление развить самостоятельность мышления, пробудить творческий дар ученика.

Abstract

The article tells about the museum and educational programs of the Museum-Lyceum that can rightly be called the center of youth education in Pushkin. The author quotes the wise sayings of the directors and teachers of the Tsarskoye Selo Lyceum and shows that the basis of museum and pedagogical work in the Museum-Lyceum are Lyceum teaching methods: the desire to develop independent thinking, to awaken the creative gift of each student.

Ключевые слова: музейная педагогика, Музей-Лицей, лицейские методы преподавания, радость творчества, погружение в историю, воспитание гармоничной личности.

Keywords: *museum pedagogics, Museum-Lyceum, Lyceum teaching methods, joy of creativity, immersion in history, creation of a harmonious personality.*

«Для общей пользы» — таков девиз Императорского Царскосельского Лицея. Мудрые основатели этого учебного заведения считали, что «главное правило доброй методы или способа учения состоит в том, чтоб не затемнять ум детей пространными изъяснениями, но возбуждать собственное его действие»¹. Согласно лицейскому девизу — в воспитании гармоничной личности мыслящего человека, патриота Отечества видят свою миссию музейные педагоги ВМП.

Всероссийский музей А. С. Пушкина — один из ведущих литературных музеев страны. Экскурсии — важная часть его многообразной деятельности. И при этом один из его филиалов, Музей-Лицей, можно с полным правом назвать центром воспитания юношества в нашем городе. Занятия по абонементам, литературные праздники, краеведческие игры, подготовка юных экскурсоводов, детская программа Лицейского фестиваля «Царскосельская осень» — все то, чем заслуженно гордится музей.

Образовательная деятельность. В историю педагогики вошли слова первого директора Лицея В. Ф. Малиновского: «Главное — раскрыть в детях мысленность...»². Руководствуясь этим заветом, сотрудники ВМП считают своей музейно-педагогической задачей расширение кругозора школьников, формирование интереса к русской словесности и истории нашего Отечества.

В основе каждого занятия с детьми лежат лицейские методы преподавания:

— «...не упустить из виду ничего, клонящегося к образованию ума и способностей»³.

— «...озарять, обогащать верными познаниями умы юношей, развивая их до самостоятельности»⁴.

— «...не питать пространными толкованиями, но возбуждать способности вопросами, назначая лучшие источники чтения»⁵.

— «...заставлять воспитанников выучивать некоторые избранные места, особливо из стихотворцев»⁶.

— выбирать для беседы с воспитанниками такие темы, которые ведут «к насаждению добродетелей и любви к Отечеству в юных сердцах»⁷.

На протяжении двух десятилетий в музее проводятся занятия по абонементам: «Пушкинский Лицей», «Наш Пушкин» (для учащихся 3–4 классов), «О, милые друзья» (для учащихся 5–6 классов), «Беседы в Пушкинском музее» (для учащихся 7–9 классов), «Читая Пушкина» (для учащихся 8–9 классов). В каждом абонементе — шесть тем; встречи

со школьниками проходят один раз в месяц. Число участников ежегодно — около 400 человек.

Приведем в качестве примера темы абонемента «Пушкинский Лицей»:

1. «Особенный Лицей».
2. Учебные классы.
3. Лицейская библиотека.
4. Будни и праздники Лицея.
5. Лицейское творчество.
6. «Моя студенческая келья».

Каждое занятие предполагает общение с детьми в лекционном зале и на музейной экспозиции, а также творческие задания. В Большом парадном зале, где два столетия назад читал, стоя в двух шагах от великого Державина, «Воспоминания в Царском Селе» юный Александр Пушкин, теперь читают строки этого стихотворения наши ученики.

В лицейской библиотеке школьники рассматривают книги, изданные в начале XIX столетия, слушают знакомые строки из басен И. А. Крылова или стихотворений В. А. Жуковского и открывают новые для себя имена Гомера и Апулея, Мольера и Вольтера. По окончании занятия предлагается домашнее задание «для тех, кому захочется» — нарисовать шкаф, заполненный книгами, надписать на корешках и титульных листах изображенных книг запомнившиеся названия произведений и имена писателей.

На занятии «Лицейское творчество» школьники рассматривают созданные воспитанниками рукописные журналы и делают первые шаги в мир литературной и издательской деятельности. Философский словарь Вильгельма Кюхельбекера побуждает задуматься о значении таких слов, как «жестокость», «любовь», «свобода», и найти свое определение этих понятий.

В учебном классе, где на стене висит карта России XVIII века и стоят амфитеатром такие же, как прежде, парты, дети не просто слушают рассказ о курсе наук, изучавшемся в Лицее, они получают те же задания, что предлагались лицеистам: описать стихами розу или восход солнца. Название домашней творческой работы всегда предполагает игру воображения: «Мой портрет», «19 октября в жизни Пушкина и моей», «Из дневника А. Пушкина. 8 января 1815 года». Все творческие работы мы обязательно обсуждаем, а лучшие из них публикуются в различных изданиях (сборник «Царскосельская осень», альманах «Пушкинский музеум» и др.).

Нужно отметить, что систематические занятия по музейным абонементам привлекают, в основном, педагогов и родителей учеников младших классов. Для учащихся средней школы и старших классов

организуются тематические встречи-беседы: «Гроза 12 года», «Детство и юность будущих декабристов», «Поэты пушкинской поры» и др.

Все программы, которые Музей-Лицей предлагает учебным заведениям, строятся с учетом возраста и подготовки детей. Ученики младших классов могут стать участниками праздника «Первая встреча с музеем», школьники пятых-седьмых классов — интерактивного занятия «Лицейский экзамен», старшеклассники — музейной практики.

Общение с детьми предполагает игровые методы, поэтому для школьников разного возраста в музее разработано немало литературных викторин по пушкинским произведениям: «Что за прелесть эти сказки!», «Чудо искусства» (по повести Пушкина «Капитанская дочка»), «По страницам романа “Евгений Онегин”», «Пушкинский Петербург» и др.

Одна из востребованных форм музейной работы последних лет — литературно-краеведческие игры: «Вокруг Лицея», «Державин в Царском Селе», «Карамзин в Царском Селе», «Прекрасный Царскосельский сад» и музейно-литературные турниры: «Поэзии чудесный гений...» (В. А. Жуковский), «Последний летописец» (Н. М. Карамзин), «Лицея нашего семья». Место проведения «игр» — историческая часть города Пушкина, парки. «Турниры» проводятся на экспозициях мемориального Музея-Лицея и мемориального Музея-дачи А. С. Пушкина. К участию приглашаются команды школ (8—10 человек), возраст детей определяется темой «игры». Подготовка проходит в течение месяца и предполагает экскурсии и консультации сотрудников музея, а также самостоятельную работу школьников с литературой.

Особо выделим музейные программы, адресованные преподавателям. Учителя приглашаются на цикл лекций «Наставникам за благо воздадим...» и на тематическую экскурсию «Лицей как общественно-педагогический эксперимент». На встречах с учителями сотрудники музея неизменно подчеркивают такой важный аспект: для педагогической системы императорского Царскосельского Лицея всегда была важна нравственная составляющая образовательного процесса.

Воспитательная деятельность. Продолжим уже процитированную выше фразу В. Ф. Малиновского: «...раскрывши мысленность, приучать к различию добра и зла»⁸. В речи, которую Василий Федорович подготовил для выступления на церемонии открытия Лицея, он подчеркнул, что лицейские наставники, его единомышленники, «со всем тщанием и безупречностью оживлены образованием нравов и разума»⁹. А один из них — Александр Петрович Куницын, преподаватель нравственных и политических наук, выступая в тот же день перед высокими гостями и юными воспитанниками, сформулировал задачу лицейского воспитания в нескольких словах: «истинное образование ума и сердца». Об-

разование и воспитание в лицейской педагогике неразрывно связаны. Именно так происходит и сегодня в Музее-Лицее.

Музейные педагоги видят свою задачу не только в просвещении — столь же значимым является и развитие эмоциональной сферы ребенка. Утолить «духовный голод», раскрыть творческий потенциал личности помогают встречи юных поэтов «Благослови, ликующая муза!», презентации детских литературных сборников, а также литературно-музыкальные тематические вечера («Друзья души моей...», «Своей судьбой гордился мы...», «Удивительный Александр Сергеевич» и др.)

Композиция каждого вечера рождается в тесном контакте с педагогами, с учетом выбора школьниками тех или иных полюбившихся произведений. Число участников может быть разным: от 20 до 60 человек, причем среди слушателей часто оказываются родители, члены семей и друзья, что создает особо теплую атмосферу. Выступления детей органично вплетаются в рассказ музейного сотрудника, литературная композиция рождается на глазах у всех при общем участии, что делает ее неповторимой. Одна из наиболее ярких по эмоциональному воздействию композиция «Четыре зимы А. С. Пушкина (1815, 1825, 1831 и 1837 гг.)».

Среди тематических вечеров последнего времени назовем: «Выше судьбы человек...» (к 220-летию В. К. Кюхельбекера), «Прекрасен наш союз!» (к 200-летию первого лицейского выпуска).

Литературный вечер «Выше судьбы человек...» подарил нам всем возможность послушать стихи В. К. Кюхельбекера, которые не изучаются в школе, от ранних, еще порой нескладных и тяжеловесных, до стихов последних лет, написанных в Сибири, — произведений настоящего трагического поэта. Школьники подошли к подготовке выступлений творчески, они выучили и стихи, посвященные Кюхельбекеру другими поэтами: А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом, А. М. Городничкиным. Музейные педагоги рассказали участникам встречи о жизненном пути лицейского Кюхли, показали и прокомментировали карикатуры, созданные на него товарищами по классу, прочитали фрагменты из «Дневника», который он вел, находясь в заточении. Вечер получился на удивление светлым — состоялась та встреча, о которой когда-то мечтал поэт:

Забудут заблужденья человека,
Но вспомнят чистый глас певца,
И отзовутся на него сердца
И дев, и юношей иного века.

Центральным событием юбилейного вечера «Прекрасен наш союз!» стало театрализованное представление «Лицейский календарь», в котором были воссозданы сцены из жизни воспитанников, начиная

со дня открытия 19 октября 1811 г. и заканчивая днем выпуска 9 июня 1817 г. В этой композиции жизнь Лицея была представлена от лица его выпускников. В роли Александра Пушкина, Ивана Пущина, Антона Дельвига и их друзей выступили сегодняшние школьники, участники разных творческих объединений. Звучали стихи лицейских поэтов и «национальные» песни, были разыграны сцены, в основе которых лежали «Записки» Ивана Пущина, прочитаны строки из писем учеников первого курса. В завершении хор мальчиков и юношей «Царскосельский» Дворца творчества юных города Пушкина исполнил гимн «Шесть лет» (слова А. А. Дельвига, музыка Л. В. Теппера де Фергюсона). Этот музейный праздник стал не только вечером добрых воспоминаний, он был обращен в будущее: все его участники и гости смогли почувствовать, что здесь, в лицейских стенах, и двести лет спустя продолжается насыщенная яркими переживаниями детская жизнь.

Задачей Императорского Царскосельского Лицея было воспитать истинного гражданина, не случайно в Уставе подчеркивалась необходимость «особенно останавливать внимание на деяниях великих людей»¹⁰. Юношеству необходимы примеры для подражания. Поэтому одной из форм работы сотрудников музея является подготовка программ, посвященных событиям и героям отечественной истории.

Детская программа международного Лицейского фестиваля «Царскосельская осень» проводится во Всероссийском музее А. С. Пушкина с 1996 г. Это поистине педагогический процесс, растянувшийся на два десятилетия. Он позволяет объединить вокруг музея учителей-подвижников и познакомить друг с другом одаренных школьников, помогает каждому участнику испытать радость творчества и сопереживания, ощутить сопричастность большому и светлому торжеству — Дню Лицея. В фестивальных конкурсах и вечерах ежегодно принимают участие около 30 учебных заведений и досуговых центров, более 400 школьников и педагогов. И это число ежегодно растет. Каждый год фестиваль посвящен той или иной значимой для страны дате или знаковому событию. Он представляет собой целый ряд конкурсов и творческих встреч, литературных и музыкальных вечеров, тематических краеведческих игр и музейных турниров, а также включает такие мероприятия, как праздник для первоклассников «Первая встреча с Музеем-Лицеем» и «День юного экскурсовода».

В 2016 г. детский фестиваль был посвящен 250-летию Н. М. Карамзина, в 2017 г. — 200-летию первого лицейского выпуска. В программу «Царскосельской осени-2017» были включены конкурс чтецов «Читаем стихи лицейских поэтов» и четыре музейно-литературных турнира: «Воспитанный суровой Минервой...» (В. Д. Вольховский), «Счастливцев с первых дней...» (А. М. Горчаков), «Неугомонный рыцарь» (В. К. Кюхельбекер) и «Чудо-человек» (И. И. Пущин). Школьникам нужно

было познакомиться с биографиями лицейстов, выучить пушкинские произведения, посвященные друзьям. Участники турниров должны были быть готовы прочесть стихи, ответить на вопросы, выполнить творческие задания и, что важно, свободно ориентироваться в экспозиции музея. На заключительном концерте «Лицея нашего семья» лучшие юные чтецы и команды-победители музейно-исторических турниров получили Дипломы, Грамоты и призы — значки с символикой Лицейского фестиваля.

По окончании фестивальной программы учителя по традиции оставляют организаторам письменные отзывы. Приведем несколько строк из письма педагогов школы № 407: «Для нас эти осенние творческие встречи с Лицеем и радостны, и ответственны. За многие годы фестиваль приобрел свою неповторимую особенность, стал важным событием в нашей жизни. Фестиваль этого года, посвященный 200-летию первого выпуска, завершен, а мы до сих пор находимся под впечатлением. Значимость этого события трудно переоценить — ведь мы царскоселы. Нигде более не ощущаешь себя таковыми, как в Лицее!». Такие благодарные признания дают музейным педагогам ВМП немалый творческий импульс для новых идей и свершений.

Погружение в историю, личностное постижение исторических событий — вот что происходит на встречах в Музее-Лицее, именно в этом их значение и, видимо, в этом причина востребованности подобных программ музея.

Воспитание у молодых людей исторической памяти, благородства чувств и помыслов остро необходимо нашему обществу. Начинать этот процесс нужно с раннего возраста. И роль музеев здесь трудно переоценить. Именно в музее ребенок может испытать удивительное чувство перемещения в иную эпоху, восхищения произведениями искусства и гордости за свое Отечество.

Более двух столетий назад был открыт Императорский Царскосельский Лицей, сто лет прошло со дня его последнего выпуска, но время не властно над святыми идеалами этой удивительной школы. И сегодня сохраняют свое высокое значение слова, сказанные много лет назад вторым директором Лицея Егором Антоновичем Энгельгардтом: «Доколе человек не умер, он должен иметь беспрестанно в виду великую цель: споспешествовать общему благу»¹¹. Этой значимой цели и должно быть посвящено служение сотрудников Музея.

¹ Цит. по: Михайлова Л. Б. «Дней Александровых прекрасное начало...». Пушкинский Лицей: наставники и питомцы. СПб., 1996. С. 37.

² Цит. по: Руденская М. П., Руденская С. Д. Пушкинский Лицей. Л., 1980. С. 14.

³ Цит. по: «...И в просвещении стать с веком наравне»: сб. научных трудов. СПб., 1992. С. 50.

⁴ Цит. по: Указ. соч. С. 52.

⁵ Михайлова Л. Б. «Дней Александровых прекрасное начало...». С. 24–25.

⁶ Цит. по: Указ. соч. С. 41.

⁷ Цит. по: «...И в просвещении стать с веком наравне». С. 50.

⁸ Цит. по: Руденская М. П., Руденская С. Д. Пушкинский Лицей. С. 14.

⁹ Цит. по: Михайлова Л. Б. «Вчера свершился первый подвиг мой — открытие Лицея...» (История одной архивной находки) // Пушкинский музей. Вып. 1. СПб., 1999. С. 93.

¹⁰ Цит. по: Михайлова Л. Б. «Дней Александровых прекрасное начало...». С. 40.

¹¹ Цит. по: Руденская М. П., Руденская С. Д. Пушкинский Лицей. С. 39.

Д. Г. ДОНСКОВ
D. G. DONSKOV

Конкурсы в музее как метод познания

Museum competition programs as a method of learning

Аннотация

Многие выставки в Государственном Дарвиновском музее сопровождаются конкурсными программами для посетителей, с целью полнее вовлечь их в просмотр экспонатов. Конкурсы бывают двух типов – интеллектуальные и творческие. Стратегия разработки заданий подчинена правилам: учет возрастных особенностей; связь со школьной программой; межпредметность; живость и лаконичность формулировок в вопросе.

Annotation

Exhibitions in the State Darwin Museum are often accompanied by competition programs for visitors. These programs are aimed to draw their full attention to the exhibits displayed. There are two types of competitions – intellectual and creative. The elaboration of tasks submits to the rules: due regard for the age-specific peculiarities; connection with the school program; interdisciplinary approach; liveliness, conciseness and clarity of question wording.

Ключевые слова: *Государственный Дарвиновский музей, музейная педагогика, конкурсные программы.*

Keywords: *State Darwin Museum, museum pedagogics, competition programs.*

Государственный Дарвиновский музей уже давно взял за правило все крупные выставки, а также выставки, подробно раскрывающие основную идею музея, обязательно сопровождать конкурсными программами для посетителей. Конкурсы позволяют полнее вовлечь посетителя в осмотр экспозиции. Сделать из пассивного наблюдателя активного участника познания.

Грамотно выстроенная конкурсная программа в игровой и непринужденной манере обращает внимание на самые ключевые моменты

выставки, на наиболее убедительные ее экспонаты. Выполняя задания, участник получает новые знания, переосмысливает старые, учится находить в море информации нужные ответы, сравнивать, анализировать, выделять существенное. Другими словами, он тренирует свои мыслительные навыки и радуется неожиданным открытиям.

Элемент соревновательности дополнительно мотивирует конкурсанта, так как он заранее знает, что в случае победы его ждет памятный приз.

Первые конкурсы в ГДМ были проведены в 1998 г. — всего два за год. Но теперь их бывает намного больше, до 20—22 в год. Число их участников учитывается с 2009 г. и в среднем составляет 750 человек в год.

Возрастной диапазон конкурсантов очень широк — от 3 до 90 лет, но возрастные группы сильно разнятся по численности. В 2000—2005 гг. самыми активными были дети 10—12 лет. Представителей других возрастов было несоизмеримо меньше. И это не удивительно, если учесть, что индустрия детских развлечений в те годы только формировалась после полного краха системы детского досуга в 1990-е гг. Ребята с огромным интересом воспринимали новую возможность активного участия в познавательной деятельности, которую предлагал музей.

Сейчас ситуация несколько изменилась. Основными потребителями конкурсных программ остались дети возраста 6—14 лет, но их число постепенно снижается. Игровые площадки торгово-развлекательных центров и развивающих клубов, мастер-классы досуговых центров и городков, квесты, интерактивные спектакли прочно заняли свое место в индустрии детского досуга. У многих есть похожие программы, включающие интерактивность и призы. Поэтому ребятам подобные мероприятия стали довольно привычны, даже где-то обыденны. Их интерес к музейным конкурсам естественным образом пошел на спад, хотя все еще остается высоким, и музейным работникам необходимо использовать этот ресурс, акцентируя внимание посетителей на главном отличии музейного конкурса от других — научности и достоверности знаний, которые получит участник. Также только музеи могут предложить новую и малоизвестную информацию из своей области, нестандартный взгляд на обычные факты, тогда как прочие развлекательные площадки способны только обыграть что-то уже хорошо известное, а потому не столь захватывающее.

Другие возрастные категории в настоящий момент не так многочисленны (меньше в 2—2,5 раза), но и забывать о них никак нельзя. Молодежная категория (15—29 лет) невелика, но достаточно постоянна, с чередованием незначительных всплесков и падений. И это понятно: подготовка к ЕГЭ, учеба в вузе, создание семьи не оставляют много времени на посещение музея. Дошкольная категория (3—5 лет) для ГДМ не нова, но как участник конкурсных программ невелика и мало

изучена. Дошкольники полностью зависят от взрослых, а родители не часто готовы проявлять дополнительную активность.

И только взрослая категория (30+ лет) демонстрирует плавный, но неуклонный рост. Взрослые посетители уже не хотят быть пассивными созерцателями витрин, они хотят активной познавательной деятельности, включенности в музейную жизнь. И что примечательно, не вместе с детьми, а самостоятельно. И совсем неожиданный итог: особенно оживленный интерес конкурсные программы вызывают у людей возраста 35–45 лет. Это, вероятно, можно объяснить тем, что их детство и юность пришлось на «перестройку» и 1990-е гг., когда школы редко выезжали в музеи, а внеклассная образовательная деятельность была сведена к минимуму. Поэтому вполне естественно их желание хоть ненадолго вернуться в детство и прочувствовать то, чего у них никогда не было.

На выставках проводятся конкурсы двух типов — интеллектуальные и творческие. Они представляют собой два разных способа общения с выставкой. Первый — в форме поиска ответов на вопросы, решения задач, ребусов, головоломок, сравнения объектов, размышлений. Второй позволяет проявить свое творческое начало. Обычно предлагается нарисовать картину, плакат, написать короткий рассказ.

В стратегии разработки конкурсных заданий заложены следующие правила: природосообразность, связь со школьной программой, межпредметность, разнообразие формулировок вопросов, лаконичность и наглядность формулировок, градация сложности, учет возрастных особенностей, наличие юмора.

Рассмотрим данные правила чуть подробнее.

Природосообразность означает, что задания должны соответствовать возрасту ребенка, не быть банальными, шаблонными, а потому неинтересными, и не содержать информации, которой участник заведомо не знает. Заметим, что природосообразность не надо путать со сложностью. Задания могут быть и легкими, и очень трудными, но этот интервал обязан находиться в пределах возможностей ребенка.

Связь со школьной программой желательна для актуализации полученных знаний в новых условиях. А наличие *межпредметных связей* очень важно, ведь мыслительные процессы лучше всего стимулируются тогда, когда нужно связать воедино несколько, казалось бы, разнородных фактов из разных сфер. Например, вопрос: «Зубр очень крупный зверь. Посчитайте, сколько он весит в кабанах, если вес кабана — 150 кг» — связывает биологию с математикой. А вопрос: «Если бы вы захотели приехать в Йеллоустонский национальный парк в год его создания, каким транспортом вы могли бы воспользоваться?» — заставляет вспомнить историю с привязкой к экологии.

Разнообразие формулировок заданий оживляет конкурс. Один и тот же вопрос можно задать несколькими способами, также как всегда можно найти несколько форм для ответа. Например, можно отгадать кроссворд, соединить стрелками картинки, разгадать ребус, обвести буквы, закрасить стрелку, отметить галочкой, обвести ответ в кружок, расставить что-либо в правильном порядке.

Лаконичность формулировок заданий украшает любой конкурс — никто не хочет читать долгий, запутанный текст. Краткости способствует *наглядность*, выраженная в замене длинных фраз картинками. Даже простенькая картинка привлекает внимание сильнее любого текста и дополнительно включает воображение.

Конкурсные задания необходимо разнообразить по сложности, соблюдать *градиацию*. Слишком простой конкурс не доставит удовольствия, так как не будет ощущения добытой победы. Слишком сложный — разочарует и понизит самооценку. Практика показывает, что целесообразно из 10 заданий сделать 4–5 легких, 3–4 средней сложности и 1–2 сложных. Легкие задания привлекут внимание, втянут человека в конкурс. Задания средней сложности заставят изучить экспозицию, вникнуть в суть представленных материалов. Сложные задания выявят победителя, так как их выполнит только самый настойчивый.

В определении *возрастных категорий* следует исходить из предполагаемого числа участников и здравого смысла, а также из многолетнего опыта педагогики. Рационально принять деление на две возрастные группы за минимальное, а за максимальное — на пять. Например, градация может быть следующей: 7–10, 11–14, 15+ или 3–5, 6–9, 10–14, 15–29, 30+.

Особого внимания заслуживают две категории: дошкольники и те, кому за 30. Основные проблемы с дошкольниками сводятся к тому, что они не умеют читать и слабо концентрируют внимание. Поэтому конкурсных заданий не может быть много, иначе их либо никто не выполнит в полном объеме, либо за детей почти все сделают родители. Неумение читать компенсируется тем, что задания дошкольники выполняют совместно с взрослыми. Вопросы, адресованные напрямую ребенку, должны содержать только иллюстративный материал.

Разработка вопросов для категории 30+ имеет свои сложности. Во-первых, трудно отделить ее от молодежной категории, а во-вторых, угадать специфику знаний и желаний этого возраста. Ориентация на школьное или вузовское образование тут не поможет. Люди 25 и 35 лет обладают примерно одинаковыми знаниями, но у них, все же, есть одно бесспорное отличие — жизненный опыт. На это и стоит опираться. Старшее поколение знает многих исторических персонажей и события не по учебникам, а из жизни. И это знание для них безусловно, оно всегда с ними, и наверняка им будет приятно не-

множко покопаться в своей памяти. Например, на одной из выставок на бланке заданий был изображен портрет Л. И. Брежнева, и вопрос формулировался следующим образом: «В годы его правления эти подвиды тигра еще жили на Земле. Укажите их». На самой выставке о товарище Брежневе даже не упоминалось, но участникам старше 35 лет и нет необходимости объяснять, кто это. А вот молодежь лет 20-ти, для которой данная личность — лишь параграф в учебнике, не обязательно справится с этим заданием. И уж тем более вопрос: «Из зерен какого злака выпекали продукт за 13 копеек?» — молодежи будет непонятен, хотя не затруднит аудиторию 30+.

И, безусловно, немного юмора не помешает. Юмор может быть заложен и в самом вопросе и в его обрамлении. Например, стандартный вопрос сопровождается смешной картинкой, иллюстрирующей неверный, но зато юмористический ответ. Такие забавные вкрапления в ткань программы настроят участника на положительную волну.

К оформлению бланка с заданиями стоит подойти со всей серьезностью, так как после его заполнения участником он становится документом, к которому, в случае недоразумений, могут апеллировать обе стороны. В шапке бланка необходимо указать: название музейного учреждения, название выставки и/или конкурса, возрастную категорию, особые условия, правила прохождения и прочие важные моменты. Таким образом, участник сразу будет видеть, на что он идет. В конце бланка резервируется место для данных об участнике, которые включают: ФИО, возраст, телефон, электронную почту. Эта информация важна не только для идентификации победителя, но и для статистического учета музейной аудитории.

Выше уже говорилось о включении в вопросник иллюстраций. Здесь еще раз укажем на важность этого момента и добавим, что рисунки могут и просто сопровождать задание исключительно с целью украсить текстовый бланк. Это особенно актуально для детей младшего возраста, любящих рассматривать книжки с картинками.

При проведении конкурса нельзя забывать о двух самых важных вещах: рекламе и инструкциях. Если пренебречь первым, никто не узнает о конкурсе, если проигнорировать второе — никто ничего не поймет. Поэтому информация о конкурсе должна располагаться на самом видном месте и быть максимально простой и краткой.

Подведение итогов конкурса — очень ответственный момент, так как организаторам нужно грамотно расставить участников по местам, чтобы не было претензий, и организовать закрытие конкурса. Без закрытия, без финальной точки, данное мероприятие «повиснет в воздухе» и вызовет ощущение незавершенности.

В ГДМ за многие годы отработана практика проведения праздничного закрытия конкурса. Разработана структура праздника, которая

в каждом новом случае немного видоизменяется. Данная структура включает следующие элементы: работу над ошибками, викторину для всех желающих, интерактивную игру, награждение победителей.

Рассказ о самых частых ошибках всегда вызывает интерес потому, что каждому участнику хочется знать, как же он ответил. И такой анализ помогает резко сократить число претензий к организаторам.

Цель викторины — это еще раз напомнить всем тему конкурса, а также создать положительную атмосферу на мероприятии. При этом желательно участие в викторине не только конкурсантов, но и всех, кто в данный момент присутствует в музее. Это способствует привлечению внимания посетителей к конкурсным программам. Увидев, как это увлекательно, интересно и весело, люди, возможно, захотят стать полноправными участниками данных проектов.

Интерактивные игры для детей и взрослых позволяют ввести в мероприятие элементы шоу, переключить внимание, снять напряжение, дают возможность детям подвигаться.

Награждение победителей является самой торжественной частью мероприятия. Звучат громкие и одобрительные аплодисменты, вручаются грамоты и памятные призы — это так приятно и ребенку, и взрослому получить одобрение и материальное поощрение за свой труд и знания, узнать, что он молодец!

Также в ГДМ действует программа «Любимый посетитель», в которую попадают те, кто участвовал в трех и более конкурсах за год. Быть победителем в данном случае необязательно. «Любимый посетитель» получает возможность ближе познакомиться с жизнью музея, реализовать собственные проекты под руководством ученых, посещать эксклюзивные экскурсии по выставкам и фондам музея и многое другое.

В заключение статьи еще раз заметим, что конкурсная программа на выставках ГДМ обширна и разнообразна, рассчитана на все категории посетителей от 3-х лет вне зависимости от подготовленности. А, как известно, узнавать что-то увлекательно, совершая личные маленькие открытия, активно постигая секреты природы, так здорово!

Н. А. КАЛУГИНА
N. A. KALUGINA

Музей и проектно-исследовательская деятельность школьников

The museum and the project-researching activities of schoolchildren

Аннотация

Учебный проект школьника является одной из форм самостоятельной работы и способом достижения высоких образовательных результатов путем исследования музейных коллекций. Помимо изучения теоретических вопросов, школьники разрабатывают и создают мультимедийные издания, макеты, выставки, изделия декоративно-прикладного характера, игры и учебные пособия, пишут сценарии, которые можно использовать в музейной практике, привлекая к работе автора проекта.

Abstract

The schoolchild's educational project is one of the forms of individual work and a way to achieve high educational results by exploring museum collections. In addition to the study of theoretical issues, schoolchildren develop and create multimedia publications, models, exhibitions, products of decorative and applied nature, games and textbooks, write scripts that can be used in museum practice involving the author of the project.

Ключевые слова: проектная деятельность, школьник, музейные коллекции, образовательные программы.

Keywords: project activities, schoolchild, museum collections, educational programs.

В постоянно меняющихся условиях жизни процесс взаимодействия музея и школы получает все новые и новые импульсы. Тем более что эти значимые социокультурные институты связаны общностью решаемых образовательных задач¹. Особенно остро проблема концептуальной эволюции² в современном конкурентном мире встает перед музеем, который своей деятельностью подпитывает учебный процесс

и вынужден оперативно реагировать на сиюминутные потребности и массовые увлечения публики³.

Кажется, что на протяжении сорока лет существования отечественной музейной педагогики все доступные способы взаимодействия с детской и подростковой аудиторией уже опробованы. Юные посетители приходят в музей за знаниями и впечатлениями. Ввиду чего у школьников, их учителей и родителей давно сложилось представление о музее как об образовательной среде односторонней направленности, когда функцию развлечения и просвещения берут на себя сотрудники-профессионалы. Современная молодежь, как и десять лет назад, приходит в музей за информацией, но не имеет возможности делиться ей с музейной аудиторией. А обратный процесс может быть не менее интересным, обоюдополезным, а главное, актуальным, учитывая требования Федерального Государственного образовательного стандарта (ФГОС) и последние тенденции общего образования.

Музей сегодня — это центр культурной и общественной жизни, среда для общения людей разного социального уровня и интеллекта, которая способствует объединению и духовному обогащению, место, а в некоторых случаях и продукт, коллективной деятельности.

Молодое активное поколение хочет быть вовлеченным в кипящую вокруг жизнь, и жизнь музея — не исключение. Своими оригинальными идеями они способны внести разнообразие в перечень музейных мероприятий и указать экспертам актуальные направления дальнейшего развития. И несмотря на то, что новые виды организации музейного досуга могут оказаться более сложными и времязатратными, возможность их реализации все же стоит рассмотреть. Речь идет о проектной деятельности, которая уже давно вышла за пределы школьного учреждения.

Если еще в начале XX века сплоченного взаимодействия музея и школы не удавалось достичь из-за недостатка искусствоведческих знаний у учителей, в 90-е гг. — ввиду их занятости и отсутствия поощрений за дополнительную работу, то сейчас эти препятствия преодолены. В наши дни проблемы творческого роста педагога и повышения качества его работы особенно актуальны. Современный учитель — это многопрофильный специалист, который стремится идти в ногу со временем. Во многих школах в перечне дисциплин дополнительного образования уверенно лидируют кружки художественной направленности, которыми руководят учителя-предметники. Школьная администрация ведет статистику по каждому педагогу, контролируя частоту прохождения специальных курсов и организации выездных мероприятий, что в свою очередь отражается на стимулирующей надбавке при оплате труда. Таким об-

разом, школьные преподаватели сами ищут новые платформы для собственной деятельности и внеурочных занятий своих учеников. При этом многим из них не хватает условий для личного развития и профессионального роста. Эти недостающие условия, ускоряющие процесс совершенствования, мог бы предоставить музей, теоретически способный мотивировать творчество педагогов.

Начальной и конечной целью учителя, стремящегося повысить качество своей работы, являются достижения его ученика. Педагоги курируют и координируют деятельность своих воспитанников, приобретая при этом новый опыт. Однако им подходят не все предлагаемые музеем формы работы со школьниками, особенно если учесть, что посещение курсовых лекций, клубов и студий организуют родители. Достаточно востребованные среди педагогов выездные занятия проводят не все музеи. Инициатива посещения экскурсий, уроков в музее и мастер-классов обычно исходит от классных руководителей. Количество выездов в год ограничено, при этом, как правило, один коллектив подростков не приходит в одно и то же культурное учреждение дважды. Мостиком, который поможет сократить путь школьника в музей, является проектная деятельность, способная органично дополнить и сделать разнообразнее жизнь музея и школы⁴.

Проектно-исследовательская деятельность является неотъемлемой составляющей образовательного процесса, формирующей необходимые ученику навыки самостоятельного мышления и принятия решений. Основой реализации проекта является ее направленность на результат. Поэтому зачастую в ходе школьных исследований возникает «продукт» не просто личной, а социальной значимости, который заслуживает быть представленным публике. Площадкой для этого может стать музей. Атмосфера музея, возможность личного общения с хранителями экспонатов и кураторами выставок создадут благоприятные условия для гармонизации личности и, прежде всего, для раскрытия исследовательских и творческих качеств будущего ученого.

Привлекая в свои стены школьников, музей установит неординарную связь с образовательными структурами, введет в обиход новые формы общения с посетителями, оживит экспозицию, а главное, предоставит ученикам среднего и старшего школьного возраста необходимую им возможность для самореализации, изменив их представления о музее как об учреждении закрытом для взаимодействия.

Одна из ведущих целей образовательной программы современного музея совпадает с целью учебного проектирования в школе, каковой является: переход от традиционных на неформальные формы обучения, ориентация на диалог и сотрудничество профессионалов и учащихся.

Способы неформального образования в музейной среде очень разнообразны, однако в настоящий момент детское самоуправление при проведении мероприятий допускается не часто. В числе оригинальных программ проект телеканала «Карусель» под названием «Мой музей» — искусство глазами детей. Это телевизионное интервью с ребенком, который от своего имени ведет мини-экскурсию по залу или рассказывает об экспонате избранного музея.

Новаторский формат нескудной работы с детьми и подростками предлагает Музей современного искусства PERMM⁵. В рамках действующих в музее программ «Чердак» и «За П-АРтой» молодежь знакомится с концепцией современного искусства, учится его понимать и доносить до массового зрителя. При этом каждая мастерская проекта «За П-АРтой» включает в себя мини-исследования и проектирование. Практикуются также и селфи-экскурсии, в которых в роли экскурсоводов выступают посетители музея.

Решение исследовательских задач лежит в основе программы «Университет детей», которая действует в Политехническом музее⁶. С 2006 г. в ГМИИ им. А. С. Пушкина открыт Центр эстетического воспитания детей и юношества «Мусейон», работающий с детьми от 5 до 18 лет, и «Клуб юных искусствоведов» (КЮИ)⁷. Поощряя инициативу подростков из КЮИ, музей в определенные дни приглашаем на мероприятия, которые проводят для посетителей сами школьники. Эта акция получила название «Я покажу тебе музей». Перед ее проведением подростки посещают серию занятий, позволяющих им чувствовать себя более уверенно при общении с публикой⁸.

Секция «Актуальные художественные процессы» студенческого клуба Эрмитариум в Санкт-Петербурге⁹ занимается переосмыслением практик современного искусства, поиском неординарных путей его изучения и пропаганды. Каждый студент секции чувствует себя вовлеченным в сложный креативный процесс, получая возможность раскрыть свой творческий потенциал в деле организации выставки, при написании сценария или съемке перформанса.

Государственный музей истории ГУЛАГа инициирует работу проектных команд, которые по результатам изучения музейных экспонатов организуют интересные мероприятия для сверстников и не только¹⁰.

Таким образом, некоторые успешные шаги к сотрудничеству музея с подростками уже сделаны. Очевидно, можно и нужно предоставлять молодежи больше свободы. Однако совершенно ясно, что «для восприятия и осмысления музейных материалов необходим определенный уровень подготовки»¹¹. В цитируемой статье А. А. Харитоновой под названием «Формирование музейной культуры у старших дошкольников» выделено три, на наш взгляд, важных компонента музейной

культуры: когнитивный, эмоциональный и, наконец, деятельный. Последний характеризуется стремлением учащихся к усвоению культуры поведения в музее, но, главное, раскрывает тягу к творчеству на основе музейных материалов и способствует самоутверждению в музейной среде. Именно эта тяга к знаниям и новым возможностям послужит подспорьем в деле установления новых партнерских отношений музейного сотрудника, педагога и ученика школы.

С течением времени интенсивность взаимодействия музея со школьниками разных возрастных групп меняется. Если в 80–90-е гг. XX века легче устанавливались контакты с детьми среднего и старшего школьного возраста, то в наше время наиболее освоенной частью музейной педагогики можно считать работу с учениками младшего и среднего школьного возраста. Причины отчуждения от музея старшеклассников очевидны: это их большой экскурсионный опыт, сильная занятость и, наконец, их противоречивое мировосприятие и критическое отношение к любой поступающей информации. При этом факт обязательного участия будущих выпускников в проектной деятельности, нацеленной на серьезный практический результат, подсказывает верный путь к налаживанию контакта с этой непростой аудиторией.

В течение всего периода обучения школьники, начиная с 5 класса, в обязательном порядке работают над проектом, а в 11 классе только по итогам защиты годового «индивидуального проекта» допускаются к сдаче экзаменов. По условиям защиты проект должен обладать научной новизной, иметь логичную доказательную базу (опираться на источники и литературу, на визуальное исследование объекта, на мнение специалистов) и претендовать на практическую ценность. И если воспитанники младшей школы только приобщаются к самостоятельной научной деятельности, то потенциал сегодняшних учеников средней и старшей школы достаточно велик, что сводит вероятность неудачного выступления перед аудиторией к минимуму. Современный школьник имеет доступ к самым разным ресурсам и умеет пользоваться сложными техническими устройствами, что значительно расширяет круг тем для освоения, повышает качество исследования и уровень результатов. Во многих школах сегодня успешно функционируют музеи и клубы при них, где учащиеся самостоятельно формируют и изучают коллекцию, то есть приобщаются к музейной работе.

Перед допуском к защите работы проходят несколько стадий внутришкольного контроля от рассмотрения тезисов до предзащиты с анализом иллюстративного и демонстрационного материала, просмотром презентаций и стендов. Текст работ, допущенных к конкурсу, проверяется на плагиат. Своего рода апробация: разного рода выступления, защита проекта перед компетентным жюри, подготовка творческих

гостиных на базе школ — гарантирует успех аналогичных выступлений с выездом в музей. При этом гости музея являются благодарной и заинтересованной аудиторией, изначально положительно настроенной на восприятие многообразной информации. А участие случайных посетителей в неожиданных для них мероприятиях послужит приятным бонусом при знакомстве с экспозицией.

Классификация школьных проектов основывается на разных подходах и принципах: по содержанию; по способам реализации; по методам работы; по количеству участников, задействованных в их создании и реализации. Чтобы понять, насколько они могли бы быть полезны музею, достаточно изучить программы школьных конференций и осмыслить содержание заявленных проектов: восстановление исторических событий; поиск или создание карт с указанием исчезнувших исторических местностей; работа с семейными коллекциями и архивами знаменитых предков; изучение способностей животных; выведение новых сортов и гибридов растений; создание предметов декоративно-прикладного и кулинарного искусства с демонстрацией своих достижений; разработка квестов, учебных пособий, путеводителей, развивающих игр; подготовка макетов печатных изданий; съемка костюмированных документальных и художественных фильмов. И все это остается в стенах школы. Единицы удачных и во многом новаторских находок попадают на конкурсы городского и международного уровня, куда направляется для очередного выступления юный исследователь. А они могли бы найти достойное применение. Апробация результатов проектной деятельности на базе музея способствует социализации детей и подростков в коллективе, формированию ответственного подхода к своей деятельности, но, главное, поможет реализовать важную психологическую потребность школьников среднего и старшего возраста — потребность в общении.

Использовать наработки школьников в музейной среде можно по-разному. Это расширение музейного сайта по тематическим разделам; демонстрация наработок на внутримузейных мероприятиях, в том числе для людей с ограниченными возможностями, инвалидов, детей-сирот; проведение мастер-классов, экскурсий, квест-маршрутов и мини-выставок. Мультимедиа продукция может транслироваться в виде проекций, на экранах и тачскринах и т.д.

Участие в имитационной игре позволит каждому творчески активному подростку почувствовать себя музейным педагогом и найти мучительно искомое практическое применение своему открытию. Сотрудники же отдела музейных программ обогатятся разнообразными свежими идеями. Кроме того, музеи, не опасаящиеся открыть свои коллекции школьникам, смогут быстрее изучить или систематизировать

свои фонды. Особенно это актуально для музеев, которые относятся к категориям малых или периферийных.

Распространение информации о проводимых мероприятиях, как представляется, может осуществляться через официальный сайт музея или сайт олимпиады «Музеи, парки, усадьбы»¹² (для музеев Москвы и Московской области), в которую на сегодняшний день вовлечены тысячи участников. Отбор вовлекаемых в деятельность музея кандидатов может осуществляться по месту проведения школьных конференций (многие школы в качестве экспертов жюри приглашают сторонних специалистов, в том числе музейных работников) или конференций, устраиваемых для школьников организациями культуры (школа № 1520 имени Капцовых при поддержке Государственного исторического музея: «Россия — мое Отечество» и «Москва — России дочь любима»)¹³. При этом доведение до школ информации о новых возможностях для учеников послужит своего рода рекламой музеям, особенно тем, которые остро нуждаются в посетителях.

Очевидно, что подготовка, а возможно и переработка проекта, приуроченного к конкретному событию, потребует дополнительного времени и некоторых усилий как со стороны учителя, так и со стороны музейного работника, который возьмется курировать подобную деятельность. Однако при благоприятном стечении обстоятельств и заинтересованности обеих сторон, единожды опробованное мероприятие может стать доброй традицией и ознаменует собой новый этап сотрудничества музея и школы.

¹ См.: *Абанкина Т.* Музей и школа: перспективы сотрудничества // Народное образование. 2014. Вып. 7. С. 199–206.

² *Именнова Л. С.* Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы: автореф. дис. ... док. кл. наук. М., 2011.

³ См.: *Соболева Е. С., Эпштейн М. З.* Эволюция концепции музеев в меняющемся мире // Вопросы музеологии. 2011. № 1. С. 8–19.

⁴ См.: *Косиди Т. Г.* Проектная деятельность в школе // Проектная и исследовательская деятельность в условиях реализации ФГОС: сб. материалов конференции. Северодвинск, 2016. С. 7.

⁵ Современное искусство — это не страшно. Пространства просветительских программ PERMM // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / сост. Н. Копелянская. М., 2015. Вып. 2. С. 172.

⁶ См.: *Рябухина Т. В.* Образовательные программы университета детей Политехнического музея // Музей XXI века: новые образовательные стратегии: Материалы международной конференции. СПб., 2017. С. 30–31.

⁷ См.: *Баканова И. В.* Инновационные комплексные музейные проекты // Музей XXI века... С. 14.

⁸ См.: Указ. соч. С. 15.

⁹ См.: *Зелинский Л. И.* Секция Студенческого клуба «Актуальные художественные процессы» // Музей XXI века... С. 257–259.

¹⁰ См.: *Андреев К.* Музей — пространство педагогическое // Про ДОД: Информационно-методический журнал. 2016. № 5. С. 21–24.

¹¹ *Харитонова А. А.* Формирование музейной культуры у старших дошкольников // Начальная школа плюс до и после. 2011. № 3. С. 74.

¹² <https://museum.olimpiada.ru/museums>

¹³ <http://sch1520.mskobr.ru>

С. А. КОЛОСОВА
S. A. KOLOSOVA

**Растем в музее
Циклы занятий
для родителей с детьми 3–5 лет
We are growing in museum
Cycles of excursions for parents with children
of 3–5 years old**

Аннотация

В статье идет речь о цикле занятий с маленькими детьми дошкольного возраста «Времена года», который разработан в Государственном Дарвиновском музее в рамках проекта «Дошкольная академия». Подробно разбирается занятие, посвященное зиме.

Abstract

The article tells of the cycle of excursions for little children of preschool age «Four Seasons» that was elaborated in the State Darwin Museum under the project «Preschool Academy». A detailed description of the winter excursion is given.

Ключевые слова: Государственный Дарвиновский музей, дети дошкольного возраста, «Дошкольная академия».

Keywords: State Darwin Museum, children of preschool age, «Preschool Academy».

С каждым годом в Государственный Дарвиновский музей (ГДМ) приходит все больше родителей с детьми младшего дошкольного возраста, которые хотели бы посещать наши развивающие занятия.

В ответ на запрос посетителей был разработан цикл занятий «Времена года» для родителей с детьми, состоящий из 8 занятий. Определенное время года изучается в течение двух занятий, продолжительность каждой встречи — 45 минут, и она включает в себя обязательное посещение экспозиции музея, разнообразные игры и работу с так-

тильным материалом. Приветствие и прощание на каждом занятии проходят всегда одинаково — это хоровод взрослых и детей под одну и ту же мелодию. Различаются только слова песенки: в начале они настраивают детей на работу, в конце готовят всех к расставанию с ведущим и друг с другом.

В процессе занятий дети и взрослые знакомятся с сезонными переменами в облике растений и животных, активно участвуют в исследовательском процессе при работе с натуральными коллекциями, играют в дидактические игры, мастерят своими руками, танцуют и играют под музыку.

Цикл занятий в первую очередь ориентирован на младший дошкольный возраст — 3—4 года. Это очень важный период в развитии ребенка. В этом возрасте ребенок довольно быстро все схватывает и, как губка, начинает впитывать знания об окружающем мире. Как и в более раннем возрасте, в 3—4 года преобладает воссоздающее воображение, поэтому цикл «Времена года» рассказывает о хорошо знакомых животных. Перед детьми всегда есть экспонаты, иллюстрации или тактильный материал, новая и более сложная информация вводится дозированно и постепенно, происходит постоянное закрепление нового материала.

Дошкольники этого возраста не способны длительное время удерживать свое внимание на каком-то одном предмете, поэтому занятия построены таким образом, чтобы дети постоянно переключались с одной деятельности на другую и не успевали устать от однообразия. Для малышей наилучшей формой обучения является игра, поэтому многие факты о животных ребенок узнает именно в игре. Например, на одном из занятий, посвященных зиме, дети узнают, как ходит лось или лиса по снегу, как выглядят их следы. Потом ребята изображают этих животных, повторяя их походку под веселую музыку. Большинство игр проходит под свою, специально подобранную мелодию, также дети закрепляют полученную информацию о времени года, повторяя движения и слова за ведущим под простую песенку.

Так, после беседы о том, что происходит зимой в природе, ребята «превращаются» в зайчиков и танцуют вместе с ведущим под песенку:

Много снега намело (*поднимаем руки вверх, тянемся*),
 Трудно бегать зайкам.
 Мы лопаточки возьмем (*делаем вид, что копаем*),
 Разгребем лужайки.
 А потом метлу возьмем (*идем по кругу и «метем»*),
 Разметем дорожки.
 Мы попрыгаем дружной (*прыгаем на месте, руки перед грудью*)
 И погреем ножки.
 Хлопай, хлопай веселей (*хлопаем в ладоши*),
 Мы согреем лапки,

Вот как весело танцуют (*кружимся на месте*)
Маленькие зайки.
Любят зайки поплясать (*выставляем ножки по очереди вперед*),
Выставляют ножки.
Вот как весело зайчатам (*прыгаем на месте, руки перед грудью*)
У зеленой елки!!!

Музыка очень важна, так как именно возраст 3—4 года считается наиболее благоприятным для закладывания музыкальных способностей. Танцы под музыку стимулируют зрительную координацию, моторное и эмоциональное развитие.

В том же «зимнем» занятии появляется перчаточная кукла заяц Белячок, с которой общаются и ведущий, и ребята. Эта кукла становится проводником в зимний лес и в сказку для детей и родителей, где Белячок ведет разговор с животными в экспозиции, постоянно напоминая всем главную загадку «зимней сказки»: кто разбудил бурого медведя? Животные в сказке разговаривают с зайцем по-человечески, но также дети слышат и их настоящие голоса. Элементы театрализации позволяют просто и красочно показать особенности поведения животных в определенное время года. Такой подход помогает ребенку запомнить факты из жизни лесных зверей и птиц, на которые он не обратил бы внимание при обычном рассказе ведущего.

На занятиях «Времена года» используются собранные специально коллекции гнезд птиц, заламинированные осенние и весенние листья, кора деревьев, плоды и семена, муляжи грибов, мех и чучела животных. Чучела сделаны и обработаны так, чтобы их можно было гладить и это было бы безопасно для маленьких детей. Развитие мелкой моторики рук хорошо стимулирует речевые зоны коры головного мозга, а также оказывает положительное влияние на внимание, мышление, зрительную и двигательную память. Кроме работы с коллекциями на некоторых занятиях предусмотрены несложные творческие мастер-классы по изготовлению поделок, что также развивает моторику, навыки работы с бумагой, карандашами, ножницами, активизирует воображение и фантазию ребенка.

Дидактические игры в цикле «Времена года» позволяют не только дать новую информацию, но и закрепить полученные знания. Также эти игры объединяют взрослого и ребенка при выборе и решении определенной задачи, что положительно сказывается на запоминании нового материала не только детьми, но и взрослыми. В конце каждого занятия выдается небольшое домашнее задание, которое требует участия взрослого и позволяет повторить и закрепить полученную информацию. Мы стараемся сделать присутствие на занятиях интересным для всех и объединить старших и младших участников для решения разных задач.

Полноправными членами занятий являются взрослые. Ведущий словесно поощряет и поддерживает их живое участие на всех этапах занятия, включая игры и танцы под музыку. Родители помогают ребенку во всем, подсказывают, если он чего-то не знает. Необходимо постоянно подчеркивать важность даже малейших достижений ребенка, чтобы он ощущал свою успешность и уверенность в себе.

Положительный результат этого начинания стал толчком для подготовки еще одного цикла занятий: «Что умеют животные», а также позволил сделать работу с дошкольниками более масштабной. В ГДМ открыта «Дошкольная академия», которая, помимо вышеописанной деятельности, включает в себя игровые путеводители, детские этикетки, программы на выставках, экскурсии и праздник.

В конце любого цикла занятий вручается «Диплом маленького академика», где прописывается название цикла и имя ребенка.

Позитивные отзывы и желание посещать нашу «Дошкольную академию» чаще и больше стимулировали дальнейшую работу сотрудников музея в этой области. В 2017 г. были адаптированы уже существующие экологические занятия и объединены в цикл «Юный натуралист» для старшего дошкольного возраста. В 2018 г. готовятся к выпуску новые циклы занятий для малышей.

И. В. ЛУЗИНОВА
I. V. LUZINOVA

**Интерактивные программы
Всероссийского музея А. С. Пушкина
для школьников разного возраста
(мемориальный Музей-Лицей,
мемориальный Музей-дача А. С. Пушкина)**

**Interactive programs for schoolchildren
of different ages in the National Pushkin Museum
(Memorial Museum-Lyceum, Memorial Museum –
Summer Cottage of Alexander Pushkin)**

Аннотация

В статье рассказывается о познавательных-творческих занятиях со школьниками, которые проходят во Всероссийском музее А.С. Пушкина. Назовем некоторые из них: «Первая встреча с Музеем», «Что за прелесть эти сказки!», «Лицейский экзамен». Автор подчеркивает, что все музейные занятия готовятся с учетом возраста детей и позволяют расширить кругозор школьников, развить у них грамотную литературную речь, сформировать навыки общения и культуры поведения, воспитывают любовь к русской литературе и истории.

Abstract

The article tells about the interactive excursions for schoolchildren, which are held in the National Museum of Pushkin. Let's name some of them: «The first meeting with the Museum», «What a beauty are these tales!», «Lyceum exam». The author emphasizes the fact that all museum lessons are prepared with due regard for the age-specific peculiarities of children, allow to expand their horizons, to develop literary speech, to form communication skills and culture of behavior, to cultivate love for Russian literature and history.

Ключевые слова: музейная педагогика, Всероссийский музей А. С. Пушкина, Музей-Лицей, Музей-дача А. С. Пушкина, музейные интерактивные программы, возрастные особенности детей.

Keywords: museum pedagogics, National Pushkin Museum, Museum-Lyceum, Museum – Summer Cottage of Alexander Pushkin, museum interactive programs, age-specific peculiarities of children.

В мемориальном Музее-Лицее и мемориальном Музее-дача А. С. Пушкина на протяжении ряда лет проходят познавательные-творческие занятия со школьниками. Они проводятся с учетом возраста и подготовки детей при предварительном согласовании содержательной стороны программы с учителями. Время проведения занятия 90 минут. Количество участников обычно от 15 до 30 человек в группе. По окончании занятия класс и педагог награждаются памятной грамотой и книгой.

Мемориальный Музей-Лицей приглашает учащихся на интерактивные занятия: «Первая встреча с Музеем-Лицеем» и «Лицейский экзамен».

Занятие «Первая встреча с Музеем-Лицеем» для учеников 1–4 классов проходит в трех частях. Сначала в лекционном зале проводится беседа с детьми на тему: «Что такое музей». Спрашиваем у школьников, в каких музеях они уже бывали, обсуждаем, что видели и запомнили. Затем переходим к классификации музеев: художественные, краеведческие, литературные, музеи-заповедники и т.д. Выделяем особый тип музеев — мемориальные и рассказываем об особенностях этих музеев. Перечисляем названия некоторых мемориальных музеев Санкт-Петербурга (музей-квартира Н. А. Римского-Корсакова, музей-квартира Ф. И. Шаляпина, музей-квартира А. А. Блока и др. Особое внимание уделяем Всероссийскому музею А. С. Пушкина, в составе которого три мемориальных экспозиции: Музей-Лицей, Музей-дача А. С. Пушкина и Музей-квартира на Мойке, 12.

Отдельная часть занятия посвящена правилам поведения в музейном пространстве, дети не просто слушают «правила», а в процессе беседы самостоятельно делают выводы о том, что не позволительно делать в музее и почему.

Затем происходит знакомство с экспозицией. В ходе экскурсии по залам дети читают стихи А. С. Пушкина. Список с названиями произведений и именами чтецов (для органичного включения выступлений детей в том или ином зале) учитель передает музейному сотруднику заранее. Количество чтецов от 3-х до 10 человек, возможно хоровое чтение.

В Большом парадном зале Лицея дети рассматривают убранство и узнают о значении архитектурных символов (венки, орлы, доспехи и др.), особое внимание уделяем фреске «Минерва, обучающая юношей», — разговор о ней уводит во времена античности, когда и был основан Лицей Аристотеля, ставший прообразом императорского Царскосельского Лицея.

От музейного педагога дети узнают о тех важных событиях лицейской жизни, которые были связаны с этим помещением: дне открытия Лицея, 19 октября 1811 г.; переводном экзамене с младшего на старший курс 8 января 1815 г. и о дне выпуска, 9 июня 1817 г.

Наиболее подробно воссоздаем день экзамена — день встречи юного Александра Пушкина с первым поэтом России того времени — Г. Р. Державиным. Тогда здесь впервые прозвучало стихотворения юноши-лицеиста «Воспоминания в Царском Селе». А теперь стихи Пушкина звучат в исполнении современных школьников. К сожалению, текст «Воспоминаний...» слишком сложен для учеников начальной школы, дети обычно выбирают для прочтения фрагменты из пушкинских сказок или стихотворений о природе.

Самым ярким впечатлением в Большом зале становится для детей знакомство с подлинным документом — Уставом Императорского Царскосельского Лицея, представленным в экспозиции.

Затем группа приглашается в библиотеку, где продолжается знакомство с музейными подлинниками — книгами, которые читали лицеисты нескольких поколений. Звучит рассказ о круге чтения воспитанников, многие из детей впервые слышат имена Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, а также европейских авторов Гомера, Дидро, Вольтера и др. Отдельно рассматриваем издания русских и зарубежных сказок, вспоминаем названия тех сказок, которые позже напишет А. С. Пушкин.

В классе дети знакомятся с учебным процессом Лицея и расписанием уроков в первый год обучения; узнают, по какому принципу воспитанников рассаживали за партами и какие уроки особенно любил Александр Пушкин. Дети сами догадываются, на каких уроках он занимал первые места, а когда садился на последний ряд. Основываясь на «Записках» И. И. Пущина, музейный педагог рассказывает о случаях, которые происходили на уроках. Дети с интересом слушают историю сочинения Пушкиным стихотворения «Роза» и читают его. Значение этого момента трудно переоценить. Каждый ребенок в этот момент ощущает себя одноклассником Пушкина, волнуется, радуется и заслуженно гордится!

На четвертом этаже, у комнаты Пушкина дети с удивлением отмечают небольшие размеры спален, их скромное убранство и поражаются тому, что у каждого воспитанника была своя комната. Здесь также появляется возможность почитать и послушать стихи А. С. Пушкина. Встреча завершается рассказом о дружбе Александра Пушкина и Ивана Пущина, о лицейском братстве, которое связывало всех выпускников первого курса.

По итогам экскурсии в лекционном зале проходит игра-беседа: дети проверяют и укрепляют свои знания. В игре может использоваться как фронтальный, так и групповой метод. Дети с удовольствием включаются в игровой процесс, отвечают на вопросы музейного педагога, вспоминают то, что их удивило, доверительно рассказывают о том месте Лицея, куда им хотелось бы вернуться еще раз.

В завершение класс получает Грамоту и книгу на память о первом посещении Музея-Лицея.

Занятие «Лицейский экзамен» для учеников 5–7 классов также состоит из трех частей. Первая часть — это беседа в лекционном зале музея на тему: «Императорский Царскосельский Лицей как особая школа». Школьники узнают о разных учебных заведениях России в начале XIX столетия, об авторе проекта Лицея М. М. Сперанском, о молодом императоре Александре I как инициаторе создания школы нового типа. Музейный педагог рассказывает участникам встречи об уникальности Лицея как высшего учебного заведения для подготовки государственных деятелей; о первом и втором директорах Лицея и его преподавателях; о том, как проходил прием в Лицей и о том, как строился процесс обучения.

Вторая часть занятия — экскурсия по музею с выполнением творческих заданий и чтением стихов. Маленькие группы в ходе экскурсии работают в залах музея с «маршрутными листами», отвечая в каждом зале на определенные вопросы по экспозиции. Например, в классе для внеурочных занятий предлагается найти в шкафу учебники, авторами которых были преподаватели Лицея, и выписать их названия. На конторке среди рукописей дети должны увидеть стихотворение, которое лицеист Пушкин читал на экзамене перед Г. Р. Державиным и выписать его название. На круглом столе, где представлены рукописные журналы, нужно отыскать карикатуры и определить, кто стал их «героями», а также выписать названия этих журналов. В физическом кабинете детям предлагается внимательно прочитать табель успеваемости и запомнить имена самого первого и самого отстающего учеников, посмотреть и записать, под каким номером

значится фамилия Пушкина, выписать те предметы, по которым у него были высшие оценки. В спальном коридоре задание звучит так: выписать имена тех лицеистов, чьи комнаты открыты для обозрения; найти комнату лицеиста Пушкина и зафиксировать ее номер, описать убранство комнаты.

Третья часть — творческая игра «Лицейский экзамен» по теме экскурсии. Игра предполагает индивидуальные ответы по билетам-карточкам с видами музейных помещений. В ходе ответа школьники описывают события, связанные с тем или иным залом. Затем проводится викторина по командам «Знаешь ли ты Лицей?». Вопросы связаны не только с историей учебного заведения, но и с судьбами его воспитанников. Приведем лишь некоторые из них:

- При каком императоре был создан Царскосельский Лицей?
- В каком году был создан Царскосельский Лицей?
- Сколько человек было принято на первый курс Лицея? Сколько его окончило?
- Кто был первым директором Лицея?
- Что собой представлял герб Лицея?
- Каков был девиз Лицея?
- О каких событиях русской истории сказано Иваном Пушковым: «Они сильно отразились на нашем детстве?»
- Какие рукописные журналы делали лицеисты?
- Кому при выпуске была вручена первая золотая Большая медаль и отличный аттестат.
- Он, единственный из первенцев Лицея, стал мореплавателем. Кто это?
- Какое стихотворение было написано Пушкиным для чтения на переводном экзамене в Лицее 8 января 1815 года?
- Какое первое стихотворение Пушкин опубликовал и под каким псевдонимом?
- Под каким произведением поэт впервые поставил свою полную подпись?
- Какие прозвища были у Пушкина в Лицее?

Игра завершается поздравлением победителей, набравших за ответы максимальное число баллов, и вручением Памятной Грамоты.

Мемориальный Музей-дача А. С. Пушкина приглашает учащихся на интерактивные занятия: «Что за прелесть эти сказки!» и «Первая встреча с Музеем-дачей А. С. Пушкина».

Занятие «Что за прелесть эти сказки!» рассчитано на учеников 1–4 классов. В ходе занятия происходит знакомство с экспозицией,

причем «помощниками» музейного педагога выступают куклы — персонажи сказок А. С. Пушкина (Кот ученый, Белка и др.).

В процессе экскурсии дети узнают, когда и почему А. С. Пушкин приехал в Царское Село с молодой женой Натальей Николаевной, кто приходил в гости к Пушкиным, какие произведения были здесь написаны. Особое внимание в рассказе уделяется сочинению «Сказки о царе Салтане».

В некоторых залах дети получают задание найти предметы обстановки, которые описываются в сказках Пушкина: печь, зеркальце и др.

По окончании экскурсии вниманию школьников представляется видеопрезентация «Сказки А. С. Пушкина», затем они участвуют в литературной викторине по сказкам поэта. Среди творческих заданий — игра с «волшебными» предметами, игра «Продолжи строчку», «Загадки нянюшки Арины». Такие игры обычно увлекают не только детей, но и взрослых, присутствующих на занятии родителей и педагогов, а каждый, верно ответивший на вопрос, получает на память символический приз.

По желанию учителей дети могут представить подготовленную заранее инсценировку сказки «О царе Салтане». Возможно также знакомство с выставкой детского рисунка по сказкам поэта, если в данный период она экспонируется в выставочном зале музея.

На занятие «Первая встреча с Музеем-дачей А. С. Пушкина» приглашаются ученики 5–8 классов. Перед экскурсией в лекционном зале со школьниками проводится беседа на тему: «А. С. Пушкин в Царском Селе» (с использованием видеопрезентации). Видеоматериалы помогают перенестись в Царское Село начала XIX века, вспомнить годы обучения Пушкина в Императорском Лицее, увидеть прекрасные царскосельские сады, где «Пушкина родилось вдохновение...».

Во время экскурсии школьники узнают, кто был архитектором и хозяином дома, в котором поселились молодожены в 1831 г., знакомятся с историей дома и историей создания музея; узнают о гостях дома — о родителях поэта, о В. А. Жуковском и Н. В. Гоголе. С интересом дети слушают о том, как Пушкин и Жуковский состязались в сочинении сказок (сказки «О царе Салтане» и «О царе Берендее»).

Особое внимание уделяется теме: «Поэт и царь». Звучит рассказ о взаимоотношениях Пушкина и Николая I — ведь именно в 1831 г. после встречи и беседы с императором в царскосельском парке поэт получает доступ в архивы и начинает работу над «Историей Петра Великого».

В ходе экскурсии участники занятия читают фрагменты пушкинских произведений, написанных на даче летом 1831 г.: «Бородинская

годовщина», «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Письмо Онегина к Татьяне». Стихи могут быть подготовлены заранее или читаются «с листа».

В завершение встречи в лекционном зале музея проходит литературная викторина «Царское Село в жизни и творчестве А. С. Пушкина».

Интерактивные познавательные занятия, которые проводят музейные педагоги Всероссийского музея А. С. Пушкина, пользуются популярностью у представителей учебных заведений не только Санкт-Петербурга, но Москвы и других городов России.

Музейным педагогам, авторам и ведущим интерактивных занятий, очень дорога атмосфера живого общения, которая возникает при работе с детьми, а нравственное и эмоциональное воздействие таких культурно-образовательных программ трудно переоценить. Они позволяют расширить кругозор школьников, развить у детей грамотную литературную речь, формировать навыки общения и культуры поведения, воспитывают любовь к русской литературе и истории.

О. А. МАЙБОРОДА
O. A. MAYBORODA

**Бытовая сторона жизни дворян
на примере тематической экскурсии
по роману И. С. Тургенева «Отцы и дети»**

**The household aspect of life of the nobility on the
example of a thematic tour based on the novel
by Ivan Turgenev *Fathers and Sons***

Аннотация

Статья адресована учителям и сотрудникам музеев. Ее основная идея – показать образовательный потенциал музея. Начинается она с краткого обзора форм музейной работы. Затем автор переходит к проблеме ограниченных возможностей школьного урока. Далее описывается тематическая экскурсия с подробным изложением маршрута. В конце статьи подчеркивается, что тематические экскурсии являются перспективным направлением деятельности современного музея. Кроме того, они повышают качество образования.

Abstract

The article is addressed to teachers and museum staff. Its main idea is to show the educational potential of the museum. The article begins with a short review of the forms of museum work. Then it turns to the problem of limited possibilities of a school lesson. After that the thematic tour is described in detail. In conclusion it is underlined that thematic tours are a promising undertaking. Moreover, they enhance the quality of education.

Ключевые слова: музейная деятельность, тематическая экскурсия, помещицья усадьба, И. С. Тургенев.

Keywords: museum activity, thematic excursion, country estate, Ivan Turgenev.

Музей обладает огромным потенциалом для осуществления образовательных и воспитательных задач школы. Исходя из современных Федеральных Государственных образовательных стандартов

(ФГОС), учитель организует учебную деятельность школьников во взаимосвязи с жизнью, включая в нее занятия в театре, на природе, в городской среде и музее. Череповецкое музейное объединение предлагает разнообразные формы работы с учреждениями образования, начиная с простых обзорных экскурсий и мастер-классов и кончая авторскими музейно-образовательными программами на целый учебный год.

В предлагаемой статье рассматривается тематическая экскурсия по произведению И. С. Тургенева «Отцы и дети», которая проводилась на базе ИЭМ «Усадьба Гальских» для студентов первого курса Череповецкого металлургического колледжа. На занятиях по литературе педагог столкнулась с непониманием современным поколением бытовой стороны повседневной жизни, описанной в романе XIX века. Проведение тематической экскурсии помогло решить образовательные и воспитательные задачи, подкрепив абстрактные сведения конкретным материалом, установилась связь между прочитанным текстом и реальностью того времени. «Проецируя в воображении известные, изученные на уроках литературы произведения в реальный ландшафт, учащиеся могут почувствовать полезный для воспитания и духовного развития эффект сопричастия к художественному миру»¹. Достигается это за счет того, что в экскурсионной деятельности возможен чувственно-эмоциональный подход, а в учебном заведении преобладающей является информационная подача материала. Немаловажную роль играет средовое окружение, которое в школе, колледже — преимущественно стационарно-универсальное, а музей дает возможность для конструируемой, предметно-пространственной среды. Различаются и методы. В экскурсионной деятельности преобладает наглядно-эвристический метод, а в учебном заведении чаще всего ограничиваются вербальным. Ну и конечно, форма занятий оказывает сильное влияние. В рамках средней и высшей школы — это урок, лекция, семинар, а в музее всё гибче: в зависимости от задач и энтузиазма сотрудника могут применяться самые разнообразные формы работы². Таким образом, во время тематической экскурсии можно сформировать у посетителя целостное представление о быте дворян XIX века, что поможет при изучении русской классической литературы.

Тематическая экскурсия начинается в первой комнате (лакейской) барского дома ИЭМ «Усадьба Гальских». Происходит знакомство, ставятся цели и задачи занятия, рассказывается о типичности дома и его обстановки для дворянских усадеб XIX века. В следующей комнате, буфетной, возле манекена экономки, задаются вопросы: «Кто в доме у Кирсановых был экономкой, и чем она занималась?». Делаются выводы об особом положении экономок в иерархии домашних слуг.

В девичьей комнате следует задать вопрос: «Обстановка этой комнаты не напоминает ли вам одну из комнат, описанных в романе?». Необходимо подчеркнуть, что через интерьер автор показал характер Фенечки, ее искренность и чистоту. Также можно рассказать о девичьих комнатах в дворянских домах, занятиях женской прислуги. В столовой познакомить с культурой питания дворян, упомянуть о традициях гостеприимства, привести в пример обеды в семье Базаровых. Затем следует переход в диванную комнату, где экскурсоводом кратко описываются основные увлечения дворянства XIX века и назначение помещения. Далее выдвигается предположение, что спор поколений мог бы произойти именно в диванной комнате, происходит действие романа в доме Гальских. Предлагается одному из учеников рассказать о нигилизме и взглядах молодого поколения. Проходит обсуждение ответа учениками.

Далее группа поднимается на второй этаж, делая небольшую остановку в передней для ознакомления с традицией визитов, существовавшей в дворянской среде. На втором этаже, в малой гостиной, продолжается разговор о визитах, упоминается первое посещение Базаровым имени Одинцовой. Следующий этап экскурсии проходит в библиотеке, где экскурсовод спрашивает о книжных пристрастиях героев романа. Затем переход в кабинет. Зачитывается отрывок из романа: «А Павел Петрович вернулся в свой изящный кабинет, оклеенный по стенам красивыми обоями дикого цвета, с развешанным оружием на пестром персидском ковре, с ореховой мебелью, обитой темно-зеленым трипом, с библиотекой renaissance из старого черного дуба, с бронзовыми статуэтками на великолепном письменном столе, с камином... Он бросился на диван, заложил руки за голову и остался неподвижен, почти с отчаяньем глядя в потолок»³.

Экскурсовод подчеркивает типичность обстановки кабинета и просит пройти в гостиную. Ученикам предлагается представить себя в роли экскурсоводов и описать гостиную, при этом обратить внимание на обстановку, убранство, размеры комнаты. А также рассказать о развлечениях дворян, опираясь на знания, почерпнутые из книги.

Обсудив ответы, группа быстро проходит комнаты, не описанные в романе, останавливаясь лишь в чайной, чтобы поговорить о традиции утреннего чаепития и о распорядке дня в доме Одинцовой. В парадном зале вспоминают бал у губернатора и подводят итоги экскурсии.

Тематическая экскурсия, проводимая в обстановке, максимально приближенной к той, что описана в романе И. С. Тургенева, позволяет школьникам и студентам ощутить атмосферу другого времени, сопоставить свои занятия и распорядок дня с теми, что были в XIX веке. С помощью таких мероприятий можно разнообразить учебный процесс,

сделать его интереснее. Погружение в прошлое, наглядность имеет крайне важное значение для школьников и студентов, особенно для тех, кто ранее не посещал музеи и имеет довольно смутное представление о быте дворян в XIX веке. Авторы статьи «Популяризация литературных экскурсий для школьников» З. И. Притчина и Ю. Ю. Язвинская положительно оценивают подобные опыты и приходят к следующему выводу: «Многочисленные исследования в этой области показывают, что дети при использовании подобных экскурсий гораздо больше проявляют интерес и лучше усваивают школьные предметы»⁴. Конечно, разработка тематических экскурсий — требующий много времени и сил процесс, а спрос на них очень мал. Повышение качества образования и положительная оценка, как со стороны педагога, так и со стороны учеников, делают подобный вид экскурсий не только жизнеспособным, но даже перспективным в дальнейшем.

¹ *Притчина З. И., Язвинская Ю. Ю.* Популяризация литературных экскурсий для школьников // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы: материалы II Междунар. науч.-практ. конференции. Краснодар, 2014. С. 372.

² *Коржанова А. А.* Роль экскурсий с использованием объектов культурно-исторического наследия в образовательной деятельности // Среднее профессиональное образование. 2015. № 5. С. 45–47.

³ *Тургенев И. С.* Отцы и дети. М., 2009. С. 46.

⁴ *Притчина З. И., Язвинская Ю. Ю.* Популяризация литературных экскурсий... С. 375.

Ю. Н. РЕУТОВА, М. В. ШИПУНОВА
YU. N. REUTOVA, M. V. SHIPUNOVA

**Четыре года до школы
в Историческом музее**
**Four preschool years
at the Historical Museum**

Аннотация

Опираясь на опыт занятий с разными категориями посетителей Исторического музея, авторы констатируют, что для более эффективного освоения уникального мира музея нужно начинать общение с детьми с самого раннего возраста, и рассказывают о разработанной в музее программе для родителей с детьми дошкольного возраста 3–7 лет. Освещаются методы приобщения дошкольников к музейной культуре, к отечественной истории, к истории собственной семьи.

Abstract

On the basis of experience of communicating with different categories of the Historical Museum visitors, the authors state that the earlier a kid acquaints with the unique museum world the better he gets the feel of it. The authors tell of a program for parents with children of 3–7 years old, elaborated in the Museum. The methods are described to familiarize preschoolers with museum culture, with domestic history, with the history of their own families.

Ключевые слова: Государственный исторический музей, педагогика, дошкольники, отечественная история, история семьи, сказки, былины, понятие времени, понятие таланта.

Keywords: State Historical Museum, pedagogics, preschoolers, domestic history, family history, fairytales, bylinas, concept of time, concept of talent.

В XXI веке, в эпоху информатизации и активного внедрения компьютерных технологий в нашу жизнь, музей сохраняет свое традиционное значение. Прежде всего, он дает возможность по-

знакомиться с материальными памятниками прошлого, которые позволяют лучше понять жизнь людей в тот или иной исторический период и использовать опыт предшествующих поколений для формирования духовно-нравственных ориентиров, необходимых для современной жизни.

Музей также выполняет важную объединяющую функцию. Поход в музей в составе школьной группы, вместе с родителями или друзьями способствует процессу социализации ребенка, причем он учится общению как в современном обществе, так и в культурно-историческом пространстве. Музейный педагог становится для посетителя своеобразным проводником в мир прошлого. Он не только транслирует знания, что характерно для традиционных форм музейной работы — лекций и экскурсий, но и является учителем, который помогает пользоваться музеем как инструментом для создания своей целостной картины мира. Музейный педагог объясняет посетителям разного возраста язык памятника, знакомит их с особенностями языка экспозиционеров и ученых-исследователей. Педагог помогает посетителям музея увидеть за памятниками людей, их создававших и использовавших, их историческую эпоху, узнать историю самих вещей.

Многолетний опыт занятий с разными категориями посетителей Исторического музея показал, что для более эффективного освоения уникального мира музея нужно начинать общение с детьми с самого раннего возраста. Нами была разработана программа для родителей с детьми дошкольного возраста 3–7 лет, рассчитанная на четыре года.

Материал занятий адаптирован для детей данной возрастной категории, с целью помочь родителям в их образовании и воспитании. Образовательные программы состоят из 18 занятий и рассчитаны на посещение в течение учебного года, с сентября по май. Занятия проводятся двумя педагогами. Их тематика призвана упростить детям усвоение и осмысление таких понятий, как: музей, время, семья, земледелие, ремесло, торговля, ближние и дальние соседи.

В ходе реализации программы дети и родители больше узнают о жизни людей прошлого, сами рассказывают о своей семье, жизни своих предков. Это дает им возможность лучше понять и прочувствовать историю своей семьи как часть исторического процесса.

Программа решает следующие задачи: 1) познакомить с музеем, музейной культурой, музейной лексикой, функциями музея, музейными профессиями; 2) начать изучение отечественной истории и культуры с помощью различных типов исторических источников; 3) помочь ребенку лучше подготовиться к школе, ускорить и облегчить процесс социализации.

На каждом занятии участники программы получают творческое задание. Занятия разделены на три этапа. В ходе первого этапа дети и родители находятся в интерактивном классе. Здесь проводится проверка домашнего задания и происходит знакомство с новой темой. Затем дети и родители идут на экспозицию, где знакомятся с памятниками. Работа с экспозиционными памятниками строится на «проживании» ребенком различных ситуаций, взятых из жизни людей прошлого. На этом этапе проводится игровая физкультурная минутка, цель которой — развитие мышечной памяти ребенка. Третий этап предполагает разделение родителей и детей на две группы, с каждой из которых работает проводящий занятие педагог. Взрослые получают необходимую историческую справку и методические рекомендации по выполнению домашнего задания и работе с ребенком. Детям даются творческие задания: игры, аппликации, загадки.

После завершения каждой годичной программы дети и родители получают имеющий образовательную ценность подарок. В летний период дети и родители выполняют задание, которое приносят в сентябре, когда начинается следующая годичная программа.

Все годичные программы объединены в целостный комплекс, одна плавно переходит в другую.

Для детей 3–4 лет: «Сказочной тропой в мир восточных славян». Цель программы — познакомить детей с бытом и традициями восточных славян в VI–IX веках с помощью памятников устного народного творчества — сказок, загадок, пословиц и поговорок, песен, приговорок и закличек. Устный памятник здесь тесно связан с вещественным, поскольку многие экспонаты музея упоминаются в устном творчестве. Дети узнают о работе археолога, о том, насколько важен его труд в деле познания прошлого. По окончании программы дети вместе с родителями в течение лета составляют «Азбуку природы». Солнце, небо, облака, дождь, река, трава, деревья, цветы, овощи, фрукты, грибы и ягоды помогают выучить буквы русского алфавита и делают природу более близкой и понятной.

Для детей 4–5 лет: «По дорогам былинной Руси». В рамках этой программы дети и родители узнают об образовании и становлении древнерусского государства. В этом на помощь приходит такой бесценный памятник устного народного творчества, как былины. Вместе с древнейшим русским летописным сводом — «Повестью временных лет», вещественными и архитектурными памятниками они помогают сформировать целостную картину восприятия той эпохи, представить образы ключевых персонажей эпохи и былин: «князь — мудрый правитель», «богатырь — храбрый воин», «ремесленник — умелые руки»,

увидеть древнерусский город или село. Главный помощник этого года — ученый-исследователь. По итогам программы дети и родители вместе делают книгу «Добрые качества моих родных и близких».

Возраст 5–6 лет: «На пути к единению». В данной программе задействованы два письменных источника — «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». В центре повествования — победа московского князя Дмитрия Ивановича на Куликовом поле. Здесь письменные источники подкрепляются вещественными — находками с самого Куликова поля и другими памятниками. В рамках этой программы дети и родители больше узнают о работе хранителя музейных памятников. Более понятными и интересными для детей становятся предметы, которые они приносят из дома. На одном из занятий создается уникальный музей, где можно увидеть ржавый гвоздь, найденный на Соловках, старинные часы, подаренные бабушке, книгу с автографом М. Зошенко и множество других реликвий.

Программа развивает навыки, полезные не только при изучении истории, но и в обыденной жизни — умение устанавливать причинно-следственные связи, выстраивать логические цепочки, отвечать на четко поставленные вопросы — что, где, когда, кто, как и почему. В завершении программы дети получают книгу, содержащую оба упомянутых письменных источника.

Возраст 6–7 лет: «В некотором царстве в Московском государстве. XVI–XVII вв.» Рефреном данной программы служит фраза инициаторов создания Исторического музея о его целях и задачах. В письме к цесаревичу Александру Александровичу (будущему императору Александру III) они подчеркивали необходимость создания музея, «куда явился бы историк за справкой, романист, директор театра, артист — за нужными ему красками, куда могли бы принести детей, чтобы навеки запечатлеть в их памяти историческое событие и историческую обстановку, куда мог бы прийти и необразованный человек и вынести желание узнать, что было когда-то и что есть теперь, чтобы узнать, что не со вчерашнего дня началась разумная жизнь в нашей стране».

Изучение истории Московского царства происходит через знакомство с произведениями художников, композиторов, архитекторов и скульпторов XIX века. В конце курса дети вместе с родителями создают свое представление о прошлом, воплощением которого становится мультимедийная презентация, повествующая о восточных славянах, древнерусских богатырях, героях Куликовской битвы и Московском царстве. Рассказывая о своей работе, ребята понимают сложность труда экскурсовода.

Название программы каждого года указывает на неразрывную связь между ними. Тропа превращается в дорогу, затем плавно переходит в путь, который для себя выбирает каждая страна и каждый человек.

Важнейшее место в этой связи занимает понятие времени. В программе «Сказочной тропой в мир восточных славян» к его осознанию дети подводятся через загадки. Например, «что бежит без ног». За отгадкой естественно следует вторая загадка: «Вито и перевито, а если бы не было вито и перевито, до неба бы достало». Здесь речь идет о дороге. В рамках программы два этих слова тесно связаны. «Дорога времени» — это направление из настоящего в прошлое, по которому дети могут пройти с помощью музея и героев сказок. Следующее домашнее задание: детям с помощью родителей предлагается сделать свою «дорогу времени», от рождения до настоящего момента. Про год, месяц, неделю и день все разъясняет другая загадка. «Стоит дуб, на дубу двенадцать гнезд, в каждом гнезде по четыре яйца, в каждом яйце по семи цыплят». Сказки также позволяют подметить особенности времен года и суток, понять, как они сменяют друг друга. На занятиях педагог акцентирует внимание детей на времени встреч, на том, что проводятся занятия в одно и то же время, в один и тот же день недели. В ходе знакомства, в начале первого занятия выясняется, кто из детей самый старший, а кто самый младший. Кто должен стоять на дороге времени в начале, а кто будет идти по ней позади всех.

В рамках реализации программы «По дорогам былинной Руси» мы обращаемся к образу Миклулы Селяниновича. Устный источник донес до нас рассказ о пахаре, который вытащил сошеньку, распахал широкое полюшко, засеял золотым зерном... Его работа спорится: еще заря горит, а у пахаря поле колосом шумит, темная ночь идет — пахарь хлеб жнет; утром вымолотил, к полудню вывезл, к обеду муки намолот, пироги завел; к вечеру созвал народ на почестен пир. Былина показывает, как труден крестьянский труд, как важно крестьянину учитывать характер времени года и суток.

Вопрос времени затрагивает и третья программа — «На пути к единению». Детям и родителям дается задание нарисовать время. Кроме изображений различных часов, можно увидеть неожиданные рисунки: капли медленного дождя и быстрый ливень, ноты, ростки пшеницы, себя в младенческом возрасте и себя подростка. Также в письменных источниках — «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» дети могут встретиться с такими словами и выражениями, как «тотчас», «в мгновение ока». В качестве любимой народной присказки о времени называют фразу: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Последняя программа — «В некотором царстве в Московском государстве. XVI—XVII вв.» — соединяет два временных пласта: саму эпоху Московского царства и период XIX века — время создания Исторического музея и художественных произведений, посвященных истории Русского царства XVI—XVII веков. Так, герои оперы «Жизнь за царя» знакомят с Михаилом Федоровичем — первым царем из династии Романовых, полотно В. В. Верещагина рассказывают об Отечественной войне 1812 года.

Кроме того, повторяются предшествующие исторические периоды. «Снегурочка» А. Н. Островского и П. И. Чайковского напоминает о славянах, «Садко» Н. А. Римского-Корсакова вновь переносит в былинную Русь, звуки «Сечи на Керженце» и образы М. В. Нестерова помогают вспомнить Куликовскую битву и события, которые ей предшествовали.

Чтобы дети лучше узнали собственную семью, ее историю, в рамках программы «Сказочной тропой в мир восточных славян» им поручают сделать и «дорогу времени» их родителей, бабушек и дедушек. На занятиях второй программы детям рассказывают и о таком способе запечатления истории семьи, как родословное древо. Делается это на примере родословного древа Рюриковичей. Познакомив детей с историей родового знака Рюриковичей, педагог предлагает семьям создать свой родовой знак. Больше узнавая о былинных героях, их именах, происхождении и других деталях биографии, дети могут заинтересоваться ответами на вопросы: а что означает мое имя, кем были мои предки, где они родились и чем занимались?

Программа «На пути к единению» знакомит с исторической эпохой Куликовской битвы, с биографиями Дмитрия Донского, Мамая и их современников. Это должно подтолкнуть юных посетителей к тому, чтобы задуматься — а кто является их современником, какие важные события происходят в наши дни?

Другое важное понятие, к которому привлекается внимание детей в ходе занятий, — талант. Как талант, дарованный одному человеку, дает многим людям возможность увидеть картины прошлого, оживающие на страницах книг, на живописных полотнах, в музыке, скульптуре. Это заставляет детей задуматься о том, какие таланты могут проявиться у них, какими способностями наделены их близкие. Возможно, у кого-то из них родители врачи, люди творческих профессий, инженеры или педагоги. Дети очень удивились, узнав, что бабушка одной из участниц занятий помогла появиться на свет 110 000 младенцам.

На протяжении всех программ дети вместе с родителями и музейными педагогами постепенно воссоздают ткань истории нашей страны.

Они учатся видеть за историческим памятником его создателя, эпоху, в которой он жил, проникать в его мотивы, желания и стремления. Знакомство с эпохой способствует критическому восприятию памятников культуры, рассказывающих о прошлом.

Программы не могли бы быть реализованы без труда и усилий родителей, желающих, чтобы их дети выросли эрудированными людьми с развитым чувством прекрасного. Огромную роль играет и желание привить им чувство любви к своей Родине. Изучение истории России и знакомство с образом жизни простых людей как нельзя лучше этому способствует.

Отдельной благодарности заслуживают люди, проводящие занятия. Подготовка материалов и залов довольно трудоемкая работа. Однако она с лихвой окупается удовольствием и радостью от общения с детьми и родителями.

Т. С. КАРАСЕВА
T. S. KARASEVA

**Политические репрессии —
трагедия народа, трагедия семьи
(из опыта организации и проведения
историко-краеведческих конференций
в образовательных учреждениях
г. Тверь и Тверской области)**

**Political repressions — a people's tragedy,
a family's tragedy
(on the experience of organization
and carrying of historico-regional
conferences in the educational
institutions of Tver and Tver's province)**

Аннотация

В данной статье рассмотрены проблемы исследовательской работы с архивными документами, в частности с архивными уголовно-следственными делами репрессированных, а также охарактеризованы особенности работы научного сотрудника музея по организации научно-практических конференций, связанных с темой репрессивной политики советского государства, для обучающихся средних и высших учебных заведений.

Abstract

The article highlights the problems of investigation of archival documents and particularly of the archival dossiers of political prisoners, and characterizes the peculiarities of the work of the museum staff, organizing scientific-practical conferences, dedicated to the repressive politics of the Soviet government, with the middle and high school students.

Ключевые слова: Мемориальный комплекс «Медное», молодежные конференции, краеведение, политические репрессии, архивные документы, семейные архивы, Книги памяти жертв политических репрессий.

Keywords: Memorial Complex «Mednoye», youth conferences, regional research, political repressions, archival documents, family archives, Books of Memory of the victims of political repressions.

Территория Мемориального комплекса «Медное» представляет собой место массовых захоронений жертв политических репрессий — советских и польских граждан. Миссией МК «Медное» является увековечение памяти жертв политических репрессий 1930–1950-х гг., похороненных на Тверской земле. Большое внимание научные сотрудники музейно-информационного центра Мемориального комплекса уделяют работе с подрастающим поколением. Разработаны и ежегодно осуществляются несколько проектов, ориентированных на учащихся общеобразовательных школ, средних специальных учебных учреждений, студентов вузов.

ПРОЕКТ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ — ТРАГЕДИЯ НАРОДА, ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ»

1-е направление проекта: школьные, молодежные научно-практические историко-краеведческие конференции.

Как известно, в школьном курсе истории XX века тема политических репрессий в СССР освещена недостаточно. Для формирования у молодых людей объективного представления об этом периоде истории, самостоятельного и критического отношения к происходившим событиям, сотрудники музейно-информационного центра МК «Медное», совместно с учителями, преподавателями истории, обществознания, краеведения проводят школьные (9–11 классы), молодежные конференции. За последние 10 лет было организовано и проведено более 10 конференций на базе образовательных учреждений г. Твери и области.

Согласно предлагаемой нами примерной программе, подготовительная работа ведется по следующим направлениям: анализ теоретических источников по теме, исследовательская работа, творческая работа обучающихся. Работа над осуществлением проекта состоит из нескольких этапов: мотивационного, этапа анкетирования, исследовательского. Завершающий этап — конференция с участием учащихся образовательного учреждения, их родителей, родственников репрессированных, представителей других образовательных учреждений, сотрудников МК «Медное», общественных организаций, прессы. На конференциях ребята рассказывают и слушают рассказы о своих родственниках, с которыми их разделяют три или четыре поколения, попавших в безжалостный

механизм политических репрессий 1930—1950-х гг. Молодые люди читают записанные ими воспоминания своих родных о том времени, показывают фотографии, документы из семейного архива. Сотрудники МК «Медное» дополняют их рассказ фактами из уже изученных архивно-следственных документов, хранящихся в Тверском центре документации новейшей истории (ТЦДНИ).

Одна из первых конференций состоялась 29 октября 2010 г., накануне Дня памяти жертв политических репрессий, в тверской гимназии № 44 под руководством учителя истории Сербской С. П. В актовом зале гимназии собрались старшеклассники, учителя, родственники некоторых ребят, гости из других школ города, сотрудники МК «Медное». После литературной композиции были зачитаны рефераты о политических репрессиях в 1930—1950-х гг. в СССР. Каждое выступление — это результат кропотливого труда по сбору материалов, их анализу, систематизации. Затем ребята делились сведениями о своих родственниках — прадедушках и прапрадедушках, ставших жертвами тоталитарной политики. Ученик 9 класса Дмитрий В. пришел вместе со своей бабушкой — Ириной Вениаминовной, чей отец, Романов Вениамин Михайлович, в 1933 г. по постановлению тройки при ПП ОГПУ Московской области по ст. 58.10, 11 УК РСФСР приговорен к 5 годам лишения свободы. Научные сотрудники МК «Медное» рассказали о своей работе с хранящимся в ТЦДНИ архивно-следственным делом Романова В. М. Копии некоторых документов дела были переданы присутствующим родственникам.

25 февраля 2011 г. совместно с учителем истории СОШ № 2 г. Лихославля Зверевой С. П. проведена конференция «Политические репрессии Советского государства в 30—50-е гг.». Большинство присутствовавших старшеклассников посещали МК «Медное», однако и они, и родственники репрессированных граждан с интересом слушали сообщения сотрудников об истории создания и работе МК «Медное», сопровождавшиеся презентацией. Рассказывая о судьбах своих репрессированных родственников, ребята демонстрировали уникальные фотографии, документы тех, кто по ложному обвинению получил клеймо «враг народа». Невозможно было без слез слушать воспоминания пожилых женщин — жен репрессированных, живших в неведении о судьбах своих близких. Так же как и на конференции в гимназии, родственники репрессированных получили копии некоторых документов из архивно-следственных дел, для многих — это единственное, что хранит память о близком им человеке.

Еще одна конференция в г. Лихославле была организована нами совместно с учителем истории и краеведения СОШ № 7 Сусловой О. Н.

Свое выступление школьники начали инсценировкой отрывка из произведения А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Затем ребята рассказывали о своих прапрадедах и прапрабабушках, которые по разным причинам оказались в поле зрения НКВД. Информацией о судьбах своих репрессированных родных поделились представители двух поколений семей Николаевых и Сусловых — учащиеся школы Влад и Павел — и их матери, работающие учителями в этой школе.

Звучали стихи, отрывки из сочинений, написанных старшеклассниками по произведениям А. Солженицына, В. Шаламова. Василиса П. и Евгения В. представили свои рисунки, повествующие о жизни, быте лихославльского крестьянства в далекие 1930-е гг. Участники конференции ознакомились с небольшой выставкой «Крестьянские ремесла», подготовленной школьниками.

Подводя итоги конференций, учителя, сотрудники МК «Медное» высказывали мысль о том, что память о прошлом, каким бы страшным оно нам ни казалось, должна жить, чтобы будущие поколения не повторяли ошибок своих предков.

2-е направление проекта: «История политических репрессий в Советской России в судьбах наших земляков» — совместные уроки истории, обществознания в 9–11 классах образовательных учреждений.

Методический замысел урока-расследования заключается в том, что на основе подготовленного учителем-предметником теоретического материала музейный педагог помогает учащимся определить генеральную линию отечественной истории периода 30-х гг. XX века, к которой будут пристраиваться сюжеты истории региональной. Эти сюжеты отыскиваются самими учащимися в процессе групповой работы с музейными документами.

На основе анализа исторических документов учащиеся делают попытку самостоятельно выяснить причины, сущность и последствия политических репрессий 1930–1940-х гг. в СССР, в нашем регионе. Проведенная работа должна подвести учащихся к мысли о необходимости сохранения памяти о жертвах репрессий; способствовать воспитанию гражданственности, политической, нравственной и духовной культуры.

3-е направление проекта: «Урок в музее».

Предметный мир музея с его уникальными коллекциями, использование музейного материала, включение учащихся в музейное пространство, возможность погружения в историческое прошлое позволяет проводить уроки нестандартно. Сотрудники музейно-информационного центра, ставя перед собой цель сделать его частью дополнительного образования, стараются соотносить свои проекты с темами школьной программы.

Проектирование урока дает нашим сотрудникам возможность по-новому взглянуть на экспозицию и музейные фонды, привлечь к партнерству творческих педагогов, создать особое пространство для проектной и исследовательской деятельности школьников. В рамках проекта нашими сотрудниками разработан урок-экскурсия по экспозиции музея «Трудное возвращение» и территории МК «Медное» для старшеклассников.

Рассказ музейного педагога, материалы экспозиции музея помогают молодым людям осмыслить трагизм того времени, пробуждают в них чувство сопереживания, справедливости, неприятия насилия и зла. Документальные свидетельства будут способствовать развитию у них навыков ориентирования в потоке социально-политической информации, формирования на основе приобретенных знаний собственного суждения по заданной проблеме.

Таким образом, путем осуществления вышеописанных проектов наш музей обеспечивает возможность синтеза образования и творчески организованного досуга. Проект расширяет рамки учебного предмета, позволяет участникам прикоснуться к региональной истории, ощутить дыхание истории через музейные предметы и экспозиции.

Сведения об авторах

Абалаева Белла Велихановна, научный сотрудник Российского этнографического музея (Санкт-Петербург).

Алексеева Галина Васильевна, к.ф.н., зав. отделом научно-исследовательской работы Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная поляна» (Тульская обл.).

Алферова Ольга Алексеевна, методист Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская обл.).

Ананьева Элла Николаевна, учитель технологии, педагог дополнительного образования СОШ № 810, член Международной Ассоциации «Союз дизайнеров» (Москва).

Андреева Марина Владимировна, ведущий специалист по работе с посетителями Политехнического музея (Москва).

Анисимов Павел Дмитриевич, студент Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк).

Бойцова Елена Всеволодовна, ст. научный сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

Васильева Е. А., сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Великовская Галина Викторовна, ст. научный сотрудник Государственного музея российской литературы им. В. И. Даля (Москва).

Гельфонд Мария Львовна, д.ф.н., зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Тульского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Тула).

Герасимова Светлана Валентиновна, к.ф.н., доцент Московского политехнического университета (Москва).

Гецелева Екатерина Борисовна, к.иск., ст. научный сотрудник Российского национального музея музыки (Москва).

Давыдова Татьяна Тимофеевна, д.ф.н., профессор Московского политехнического университета (Москва).

Данилов Андрей Николаевич, ст. научный сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

Добровольская Екатерина Борисовна, специалист отдела развивающих программ Всероссийского музея А. С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Донсков Дмитрий Геннадиевич, ст. научный сотрудник Государственного Дарвиновского музея (Москва).

Калугина Наталья Александровна, к.иск., научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи, хранитель музейных предметов (Москва).

Карасева Тамара Сергеевна, ст. научный сотрудник Государственного центрального музея современной истории России (Мемориальный комплекс «Медное». Тверская обл.).

Колосова Светлана Александровна, ст. научный сотрудник Государственного Дарвиновского музея (Москва).

Комарова Татьяна Васильевна, ведущий научный сотрудник Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская обл.).

Кондратьев Александр Степанович, к.ф.н., доцент Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк).

Кузыбаева Мария Павловна, к.и.н, ст. научный сотрудник Московского научного общества историков медицины (Москва).

Курчакова Елизавета Владимировна, методист Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская обл.).

Ланская Ольга Владимировна, к.ф.н., учитель СШ № 14 (Липецк).

Лещёва Виктория Александровна, зав. отделом изобразительных фондов Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

Лисицына Александра Анатольевна, ассистент кафедры социальной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Лузинова Ирина Викторовна, специалист отдела развивающих программ Всероссийского музея А. С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Майборода Ольга Александровна, аспирант Череповецкого государственного университета, научный сотрудник Череповецкого музейного объединения (Череповец).

Мартыненко Инна Вадимовна, научный сотрудник Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская обл.).

Масолова Елена Александровна, к.ф.н., доцент Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск).

Мельников (Давыдов) Павел Иванович, к.ф.н., доцент Филиала Российского государственного социального университета в г. Люберцы.

Милякова Людмила Васильевна, ст. научный сотрудник Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская обл.).

Муромцева Людмила Петровна — к.и.н., доцент МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Николаева Евгения Васильевна, д.ф.н., профессор Московского педагогического государственного университета (Москва).

Николаева Мария Владимировна, к.ф.н., ст. научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва).

Осипова Татьяна Михайловна, ветеран труда (Москва).

Петрова Дарья Александровна, специалист по учету музейных предметов и музейных коллекций Государственной Третьяковской галереи (Москва).

Прокопчук Юрий Владимирович, к.и.н., зав. экскурсионно-методической службой Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

Ремизов Виталий Борисович, к.ф.н., заслуженный учитель России (Москва).

Реутова Юлия Николаевна, методист II категории Государственного исторического музея (Москва).

Романьчева Лариса Юрьевна — ст. научный сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

Салманова Ирина Федоровна, к.ф.н., доцент Белгородского государственного института искусств и культуры (Белгород).

Серафимова Вера Дмитриевна, к.ф.н., доцент Московского педагогического государственного университета (Москва).

Смирнова Елена Викторовна, хранитель музейных предметов I категории Центрального музея Великой Отечественной войны (Москва).

Степанов Даниил Андреевич, зав. отделом экскурсионно-лекционной работы Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

Строганов Михаил Викторович, д.ф.н., профессор кафедры общего и славянского искусствоведения Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Москва).

Чисников Владимир Николаевич, к.ю.н., ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института МВД Украины, доцент (Киев).

Шестакова Елена Георгиевна, гл. хранитель мемориального фонда Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Хамовники» (Москва).

Шипунова Мария Васильевна, методист I категории Государственного исторического музея (Москва).

Шпилевая Галина Александровна, д.ф.н., профессор Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж).

